N 7

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ІЮЛЬ

1908
СПБ

N 7

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ІЮЛЬ

1908

СПБ

N 7

ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

МИНУВШЇЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРЇИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ЇЮЛЬ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

---

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговка, 44.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.

1908.

Изъ семейныхъ воспоминаній объ А. С. Пушкинѣ.

Все, что я лично знаю о жизни великаго русскаго поэта, относится къ 1820—1823 годамъ и пересказано мнѣ моей тетушкой, покойной Екатериной Захарьевной Стамо, родной сестрой моего отца Константина Захарьевича Ралли, который умеръ, когда мнѣ едва минуло 7 лѣтъ, и котораго я очень мало зналъ.

— Твой отецъ, — передавала мнѣ тетушка, — былъ близокъ къ Александру Сергѣевичу, и въ свою бытность въ Кишиневѣ Пушкинъ проводилъ цѣлые дни въ домѣ твоего отца. Тамъ я и познакомилась съ нимъ. Мы съ мужемъ жили въ домѣ генеральши Грабовской, который наняли тотчасъ послѣ свадьбы; въ этомъ же домѣ потомъ, много позже, жилъ и твой отецъ. Домъ Грабовской былъ на спускѣ къ Фонтану, а сзади его, на взгорьѣ стоялъ домъ генерала Инзова, гдѣ жилъ Александръ Сергѣевичъ, такъ что садъ инзовскаго дома приходился смежнымъ съ заднимъ дворомъ нашего дома. Отецъ твой въ молодости былъ чистъ, какъ невинная дѣвушка; онъ много читалъ, и любимыми его писателями были Вольтеръ, Жанъ Жакъ Руссо, Кондильякъ и Байронъ, котораго онъ зналъ наизусть и любилъ декламировать; отецъ твой говорилъ прекрасно по французски и по гречески и всегда очень сожалѣлъ, что не знаетъ по-нѣмецки. Въ домѣ твоего отца никогда не играли въ карты, отецъ этого не выносилъ; за то по вечерамъ гости занимались политикой или музыкой, такъ какъ твой отецъ прекрасно игралъ на мелодіумѣ, и я съ Александромъ Сергѣевичемъ зачастую готовы были слушать его по цѣлымъ часамъ...

— Пушкинъ былъ большой повѣса,—прибавляла послѣ небольшой паузы тетушка,—а я къ тому еще на бѣду считалась въ молодости красавицей. Большого труда мнѣ стоило сдерживать молодого человѣка въ его годы. Я всегда была самыхъ строгихъ правилъ,—такое намъ всѣмъ было дано воспитаніе,—ну, а Александръ Сергѣевичъ имѣлъ взгляды на женщину

довольно-таки легкіе, и потомъ все же, надо принять во вниманіе, что среда наша для него, русскаго, была совершенно чужда. Благодаря, съ одной стороны, моему личному такту, съ другой, благодаря вліянію твоего отца, я сумѣла въ концѣ-концовъ поставить себя съ Александромъ Сергѣевичемъ такъ, что онъ не повторялъ болѣе своей *déclaration*, которую сдѣлалъ разъ мнѣ, замужней женщинѣ. Мы считались пріятелями, и наша дружба длилась даже послѣ отъѣзда его въ Одессу.

Такова въ общихъ чертахъ характеристика отношеній моей семьи къ А. С. Пушкину по словамъ моей тетушки, которая имѣла обыкновеніе въ разговорѣ пересыпать свою рѣчь цѣлыми французскими фразами. Конечно, я передаю здѣсь лишь скелетъ всего слышаннаго мною и за давностью лѣтъ во многомъ перезабытаго.

— Однажды,—разсказывала мнѣ тетушка Катерина Захарьевна,—твой отецъ собрался посѣтить одно изъ отцовскихъ имѣній—Долну. Между этимъ имѣніемъ и другимъ, Юрченами, въ лѣсу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Вотъ, помню, однажды, Александръ Сергѣевичъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ твоимъ отцомъ въ Долну, а оттуда они потомъ проѣхали лѣсомъ въ Юрчены, и, конечно, посѣтили лѣсныхъ цыганъ. Таборъ этотъ имѣлъ старика булибашу (старосту), извѣстнаго своимъ авторитетомъ среди цыганъ; у старика булибаши была красавица дочь. Я прекрасно помню эту дѣвушку, ее звали Земфирой; она была высокаго росту, съ большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одѣвалась Земфира по-мужски, носила цвѣтные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она дѣйствительно настоящая красавица, и богатое ожерелье изъ разныхъ старыхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даромъ не одного изъ ея поклонниковъ. Александръ Сергѣевичъ до того былъ пораженъ красотой цыганки, что упросилъ твоего отца остаться на нѣсколько дней въ Юрченахъ. Они пробыли тамъ болѣе двухъ недѣль, такъ что отецъ мой даже обезпокоился и послалъ узнать, не приключилось ли чего съ молодыми людьми. И вотъ, къ нашему общему удивленію, пришло изъ Долны извѣстіе, что отецъ твой и Александръ Сергѣевичъ ушли въ цыганскій таборъ, который откочевалъ къ Варзарештамъ. По полученіи такого извѣстія отецъ мой послалъ тотчасъ туда другого нарочнаго съ письмомъ къ брату Константину, и мы ждали съ нетерпѣніемъ отвѣта, который, помню, долгонько таки запоздалъ. Наконецъ, пришло письмо отъ брата къ отцу,—оно было писано по-гречески,— и отецъ, прочитавши его, объявилъ намъ, что ничего особеннаго не случилось, но что Александръ Сергѣевичъ просто-на-просто сходитъ съ ума по цыганкѣ Земфирѣ. Недѣли черезъ двѣ наши молодые люди, наконецъ, вер-

нулись. Братъ разсказалъ намъ, что Александръ Сергѣевичъ бросилъ его и настоящимъ таки образомъ поселился въ шатрѣ булибаши. По цѣлымъ днямъ онъ и Земфира бродили въ сторонѣ отъ табора, и братъ видѣлъ ихъ держащимися за руки и молча сидящими среди поля. Цыганка Земфира не знала по-русски, Александръ Сергѣевичъ не зналъ, конечно, ни слова на томъ цыганско-молдавскомъ нарѣчіи, на которомъ говорила она, такъ что они оба, по всему вѣроятію, объяснялись болѣе пантомимами. Если бы не ревность Александра Сергѣевича, который заподозрилъ Земфиру въ нѣкоторой склонности къ одному молодому цыгану,—говорилъ братъ намъ,—то эта идиллія затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конецъ. Въ одно раннее утро Александръ Сергѣевичъ проснулся въ шатрѣ булибаши одинъ-одинешенекъ, Земфира исчезла изъ табора. Оказалось, что она бѣжала въ Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкинъ; однако, ее тамъ не оказалось, благодаря, конечно, цыганамъ, которые предупредили его. Такъ-то окончилась эта шалость Пушкина.

— Потомъ, когда Александръ Сергѣевичъ уѣхалъ отъ насъ,—передавала мнѣ послѣ небольшой паузы тетушка,—онъ прислалъ мнѣ своихъ „Цыганъ"— прекрасно написанную поэму, и мы всѣ много смѣялись надъ пылкой фантазіей поэта, создавшаго изъ нашей Земфиры свою свободолюбивую героиню; что же касается неисправимаго эгоиста Алеко, то, по моему, онъ былъ не правъ; такому эгоисту вовсе не слѣдовало идти въ цыганскій таборъ нашихъ бѣдныхъ юрченскихъ дикарей. Съ Александромъ Сергѣевичемъ я не говорила объ этой его *amourette*, да и онъ по пріѣздѣ изъ деревни не промолвился ни однимъ словомъ про всю свою эскападъ съ цыганкой Земфирой. Отецъ твой писалъ Пушкину въ Одессу про дальнѣйшую судьбу его героини; дѣло въ томъ, что Земфиру зарѣзалъ ея возлюбленный цыганъ, и бѣдная его героиня дѣйствительно трагически покончила свою короткую жизнь.

На мои разспросы о политическомъ образѣ мыслей Пушкина, то тетушка всегда отвѣчала мнѣ на эти мои вопросы французской фразой: „Oh, il était tout-a-fait rouge!" Когда затѣвался какой-либо вопросъ политическаго характера, Александра Сергѣевича просили говорить по-французски. „Pour que les domestiques ne comprennent pas",—прибавляла Катерина Захарьевна, такъ какъ въ нашемъ домѣ была привычка говорить про всѣ эти вещи по-гречески, но при Пушкинѣ, который погречески не зналъ, всѣ изъ вѣжливости говорили по-французски".

— Александръ Сергѣевичъ былъ человѣкъ, скомпрометированный политически; онъ самъ любилъ всегда, говоря о себѣ, цитировать слѣдующую фразу какого-то французскаго поэта, которая a la longue была извѣстна

всѣмъ въ нашемъ обществѣ и всегда повторялась, лишь только зайдетъ рѣчь о Пушкинѣ. Вотъ это двустишіе, запиши его:

Il m'a dit: choisis d'être apperseeur au victime.
J'embrassai le malheur et lui laissai le crime!

-— Тогда это двухстишіе у насъ долго повторялось всѣми. Неблагонамѣренность Пушкина и его дружба съ твоимъ отцомъ,—говорила мнѣ тетушка,—была причиной тому, что твой отецъ былъ не на хорошемъ счету у правительства, и поэтому по службѣ онъ не пошелъ далеко; при губернаторѣ Федоровѣ о немъ даже былъ запросъ офиціальный, въ которомъ указывалось на вредный образъ мыслей бывшаго друга Пушкина [1]). Вслѣдствіе всего этого отецъ твой и уѣхалъ потомъ за границу, гдѣ прожилъ много лѣтъ.

Таковы вкратцѣ всѣ тѣ отрывки воспоминаній, которыя сохранились въ моей памяти изъ разсказовъ моей тетушки о великомъ русскомъ поэтѣ.

Замфиръ Ралли-Арборе.

Въ воспоминаніяхъ З. К. Ралли о М. А. Бакунинѣ, которыя будутъ напечатаны въ ближайшихъ книжкахъ нашего журнала, мы встрѣтили упоминаніе о томъ, что Бакунинъ интересовался разсказами З. К. изъ семейной хроники Ралли. Одна изъ двоюродныхъ сестеръ М. А. Бакунина, Анна Павловна Полторацкая, вышла замужъ за дядю З. К.—Ивана Ралли и съ мужемъ уѣхала въ Кишиневъ, гдѣ въ это время жило все семейство Ралли. Въ двадцатыхъ годахъ жилъ въ этомъ городѣ и А. С. Пушкинъ. Вотъ разсказы о Пушкинѣ, сохранившіеся въ семьѣ Ралли, и интересовали въ высшей степени Бакунина. „Пушкинъ—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о М. А. Бакунинѣ З. К. Ралли—былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, Константиномъ Ралли, и много хлопотъ надѣлалъ моей тетушкѣ, Екатеринѣ Стамо, въ которую вздумалъ влюбиться. Тетушка Екатерина Захарьевна была однако женщиной строгихъ нравовъ и до конца жизни своей не согласилась отдать мнѣ сохранившіяся у ней два письма поэта, въ которыхъ Пушкинъ lui a fait sa déclaration. Моя старая тетушка до своей смерти такъ и не читала иныхъ книгъ, кромѣ старыхъ французскихъ романовъ, рекомендованныхъ ей для прочтенія еще Пушкинымъ. Разсказы мои, даже анекдотическаго характера про Пушкина, сохранившіеся въ семьѣ нашей, утѣшали и Бакунина и Зайцева въ отшельнической жизни

---

[1]) Пав. Ив. Федоровъ (1791—1855) былъ въ 1834 году назначенъ Бессарабскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ 1836 году военнымъ. На этой должности онъ оставался до 1854 года. *Ред.*

въ Локарно". Полагая, что разсказы эти могутъ представлять интересъ и имѣть цѣнность для біографіи поэта, мы обратились къ З. К. Ралли съ просьбой сообщить все, что удержала его память изъ разсказовъ его тетки Е. З. Стамо. З. К. любезно отозвался на нашу просьбу и прислалъ свои семейныя воспоминанія о Пушкинѣ. Не противорѣча достовѣрно извѣстному намъ изъ кишиневской жизни поэта, эти записки сообщаютъ нѣсколько новыхъ подробностей о Пушкинѣ и, между прочимъ, новую версію вопроса о происхожденіи „Цыганъ". Новая версія выгодно отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ, весьма удаленныхъ отъ дѣйствительности и дающихъ просторъ для фантазіи автора. Вотъ фактъ, имѣвшій мѣсто: „однажды Пушкинъ исчезъ и пропадалъ нѣсколько дней. Дни эти онъ прокочевалъ съ цыганскимъ таборомъ, и это породило впослѣдствіи поэму „Цыганы" (Воспоминанія брата Пушкина, Льва Сергѣевича). А въ эпилогѣ къ „Цыганамъ" читаемъ

„За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ часто я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ".

Изъ всѣхъ извѣстныхъ разсказовъ о томъ, какъ Пушкинъ бродилъ среди цыганъ, только отъ разсказа Е. З. Стамо вѣетъ жизненной правдой [1]). Объ авторѣ разсказа Екатеринѣ Захарьевнѣ Стамо сохранились упоминанія и въ пушкинской литературѣ. Если она до самой смерти упоминала о поэтѣ, то и Пушкинъ, много лѣтъ спустя послѣ своего отъѣзда изъ Кишинева, вспоминалъ о ней, какъ о женщинѣ, „близкой его воспоминанію". Именно такой эпитетъ находимъ въ письмѣ Пушкина къ своему кишиневскому пріятелю Н. С. Алексѣеву отъ 26 декабря 1830 года. Въ этомъ письмѣ Пушкинъ настоятельно проситъ Алексѣева сообщить ему о кишиневскихъ событіяхъ и лицахъ и въ томъ числѣ о Стамо. 14 января 1831 года Алексѣевъ отвѣчалъ поэту, что „мадамъ Стамо овдовѣла и, наконецъ, свободна отъ мужа". Память о Е. З. Стамо сохранилась и въ слѣдующихъ современныхъ кишиневскихъ куплетахъ, которые приписывались Пушкину:

Музыка Вареоломея
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй живѣе,
И играй на славу джокъ.

---

[1]) Разсказъ Францевой непозволительно фантастиченъ; версіи, приводимыя Л. Мацѣевичемъ, тоже не внушаютъ довѣрія.

Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой,
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Стамовой женой [1]).

Любопытныя свѣдѣнія о семействѣ Ралли сообщилъ Липранди. „Изъ другихъ семейныхъ домовъ Пушкинъ довольно часто посѣщалъ семейство Ралли. У Ралли, или Земфираки (прозвище, произведенное отъ Земфиръ), кромѣ трехъ сыновей (изъ коихъ въ особенности одинъ былъ очень порядочный молодой человѣкъ), было двѣ дочери: одна Екатерина Захарьевна, лѣтъ 22, была замужемъ за кол. сов. Апостоломъ Константиновичемъ Стамо, имѣвшимъ болѣе 50 лѣтъ. Пушкинъ прозвалъ его „bélier conducteur", и дѣйствительно физіономія у него какъ-то схожа была съ бараньей, но онъ былъ человѣкъ очень образованный, всегда щеголевато одѣтый. Жена его очень малаго роста съ чрезвычайно выразительнымъ смуглымъ лицомъ, прекрасными большими глазами, очень умная и начитанная и рѣзко отличалась отъ всѣхъ своими правилами; была очень любезна, говорлива и преимущественно проповѣдывала нравственность. Сестра ея Марья (Маріола) была дѣвушка лѣтъ 18, пріятельница Пульхерицы (Вареоломей), но гораздо красивѣе и лицомъ, и ростомъ, и формами, и къ тому 2 или 3 годами моложе. Пушкинъ въ особенности любилъ танцовать съ ней. У Ралли танцовали очень рѣдко, но тамъ были чаще музыкальные вечера"

Скажемъ кстати, что самъ авторъ настоящей статьи З. К. Ралли принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ, состоя, между прочимъ, членомъ редакцій, издававшихся за границей русскихъ газетъ „Работникъ" (1875—76 г.г.) и „Община" (1878—1879 г.г.).

Ред.

[1]) Другой варіантъ Скиновой; основанія, приводимыя Липранди въ пользу этого чтенія, незначительны. Если Скино отличалась скромностью, то и скромность Е. З. Стамо тоже засвидѣтельствована.

Владивостокъ въ 1905 году.

(*Окончаніе* [1]).

VIII.

„Погода“ во Владивостокѣ вдругъ рѣзко измѣнилась. Въ половинѣ декабря прошелъ слухъ, что наверху очень недовольны генераломъ Казбекомъ за „бездѣйствіе власти“, и онъ оставляетъ свой постъ.

Вскорѣ это стало фактомъ.

А между тѣмъ историческая правда всецѣло на его сторонѣ. Конечно, прибѣгни онъ 30-го октября сразу къ пулеметамъ, ему удалось бы легко въ тотъ день разогнать безоружную толпу, какъ разогналъ ее впослѣдствіи, 10 января, Селивановъ. Но зато всякому ясно, что солдатская расправа, послѣдовавшая 11-го января (когда были разстрѣляны два коменданта—крѣпости и города) была лишь слабымъ намекомъ на ту бойню, которая неминуемо произошла бы двумя мѣсяцами раньше, когда гарнизонъ наполовину состоялъ изъ запасныхъ, доведенныхъ до отчаянія, готовыхъ на все...

Около 20 декабря прибылъ новый комендантъ ген. Селивановъ. „Стальной человѣкъ“, не имѣющій въ обиходѣ слова „компромиссъ“, не способный понять, что означаетъ „нѣтъ“, когда онъ сказалъ „да“.

По пріѣздѣ Селиванова въ Владивостокъ, къ нему явился съ визитомъ его старый, хорошій знакомый, докторъ Акацатовъ. Заговорили о мѣстномъ революціонномъ движеніи.

— Мнѣ даны инструкціи,—хлопнулъ онъ рукой по папкѣ, — и я отъ нихъ не отступлю.

Акацатовъ указалъ ему на крайнюю возбужденность солдатъ.

— Я знаю, что придется здѣсь голову сложить. Что-жъ, жертвы неминуемы! Безъ жертвъ такія событія нигдѣ не обходятся!

---

[1]) См. Минувшіе Годы. Май—Іюнь.

Интересно бы знать, гдѣ эти кремнеподобные люди находились во время войны, въ моменты нашихъ безчисленныхъ отступленій? Почему имъ не поручали Портъ-Артуровъ, защиты переправы при Ляоянѣ и т. п. пунктовъ, требовавшихъ беззавѣтной стойкости? Полтора года, пока тянулась война, они скромно пребывали въ неизвѣстности. Наши „отечественные герои" начала XX вѣка всплыли наверхъ только послѣ Портъ-Смута.

Нашъ генералъ-лейтенантъ сразу повелъ другую линію. 22 декабря къ нему явился „Исполнительный Комитетъ нижнихъ чиновъ" съ просьбой объяснить, что сдѣлано по поводу постановленій, выработанныхъ на собраніяхъ 7-го, 9-го и 12 декабря, и по другимъ заявленнымъ солдатами нуждамъ. Но Селивановъ даже не принялъ ихъ, выславши адъютанта сказать, что „онъ не признаетъ никакихъ выборныхъ".

„Исполнительный Комитетъ" оповѣстилъ объ этомъ своихъ избирателей особой прокламаціей, въ которой нижнимъ чинамъ предлагалось, въ виду воспослѣдовавшаго отъ новаго коменданта запрещенія устраивать собранія выборныхъ, увѣдомить Комитетъ письменно: какъ быть дальше? что дѣлать?

На другой день по выходѣ прокламаціи по указанному въ ней адресу рано утромъ является генералъ Селивановъ и, обращаясь къ предсѣдателю Комитета Шперу, приказываетъ:

— Одѣвайся и ступай за мною!

На столѣ и окнахъ лежали кучи прокламацій.

— Собери все это въ мѣшокъ и неси за мной! — приказалъ онъ другому солдату.

Въ одну минуту комната наполнилась солдатами, подскакивавшими съ постелей, въ одномъ бѣльѣ.

— Такъ что, Ваше Пр-во, мы нашего предсѣдателя отпустить не согласны. Арестуйте тогда всѣхъ насъ!

Выдать прокламаціи Комитетъ тоже отказался.

— Онѣ не наши! За нихъ общественныя деньги уплачены. Если угодно полюбопытствовать, извольте по парочкѣ экземпляровъ.

Такъ попытка покорить солдатъ потерпѣла на этотъ разъ фіаско.

Но во всякомъ случаѣ генералъ Селивановъ однимъ взмахомъ пера разрубилъ сложный узелъ недоразумѣній, возникшихъ на почвѣ противорѣчій воинскаго устава и манифеста 17 октября.

Конечно, народъ забурлилъ.

— Кому Государь далъ права, которыя значатся въ манифестѣ? Всѣмъ подданнымъ... Справедливо я говорю? Вотъ оно и смекайте, что оно выходитъ! Потому, ежели бы не такъ, обязательно прописано было бы „окромя солдатъ"— значитъ...

— Это какъ есть справедливо,—соглашаются слушатели.

— Теперича опять же взять: развѣ Казбекъ безъ понятія былъ. Стало быть, онъ поступалъ правильно, по манифесту, когда дозволилъ намъ собираться и обсудить все, чтобы безъ бунту, мирно доложить главнокомандующему.

— Справедливо. И выходитъ теперь, что идемъ противъ Государя не мы, а Селивановъ. Онъ и есть первый бунтовщикъ.

— „Манифест"-антъ тоже выискался!—острить кто-то.

— Нѣтъ, братъ, шалишь законы-то писать!.. Чиномъ не вышелъ!

Исправлять „маленькія неточности" въ деталяхъ подобныхъ разсужденій мы не считали нужнымъ.

23-го декабря собраніе гражданъ, созванное инженеромъ В. Петровскимъ, въ числѣ 86 человѣкъ, разсмотрѣвши дѣйствія Селиванова, признало ихъ угрожающими общественной безопасности и постановило требовать отъ вздремнувшаго въ это время „Исполнит. бюро Союза Союзовъ", чтобы оно созвало общегражданскій митингъ въ ближайшіе дни.

Митингъ состоялся 26 декабря подъ открытымъ небомъ, на Мальцевской площади. „Гражданъ", по обыкновенію, пришло только нѣсколько десятковъ. Солдатъ же и матросовъ собралось нѣсколько тысячъ. Посреди площади, у фонарнаго столба, установили бочку, служившую намъ трибуной. Селивановъ и военный губернаторъ генералъ Флугъ находились тутъ же рядомъ, наблюдая съ дороги наше вѣче. „Лихіе верхнеудинцы" въ усиленномъ составѣ кружились вокругъ насъ, не смѣя тронуть кого бы то ни было. Даже пѣсни ихъ умолкли, когда они вступали на площадь. Мы, понятно, цѣнили ихъ джентлменство и съ нашей стороны никто не позволялъ себѣ какой бы то ни было враждебной выходки по ихъ адресу. Словомъ, каждый дѣлалъ свое дѣло: ораторы гремѣли съ бочки, разоблачая и разнося селивановскую политику; публика внимала; начальственное око не дремало; казаки гарцовали... все шло какъ по маслу.

Генералу Флугу захотѣлось что-то сказать намъ. Онъ подошелъ къ толпѣ. Ему закричали:

— Генералъ, на бочку! Иначе не слыхать и не видать! Васъ подсадятъ!.. пожалуйте!..

Флугъ на бочку лѣзть не пожелалъ и уѣхалъ.

Митингъ прошелъ въ образцовомъ порядкѣ, хотя городъ былъ въ смертельномъ страхѣ: всѣ были убѣждены, что разъ толпа соберется на открытомъ воздухѣ,—погромъ неминуемъ. Правда, была попытка произвести безпорядки. Ее произвелъ командиръ одного изъ полковъ, начавшій, было, гнать „своихъ" людей въ казарму. Но на него такъ цыкнули, что онъ быстро ретировался. Между прочимъ, Ремезову удалось здѣсь заинтересовать

публику сообщеніемъ о порядкахъ въ мѣстной городской управѣ, куда люди идутъ на службу только потому, что тамъ „жаренымъ гусемъ“ сильно пахнетъ. Было постановлено: 1) игнорируя распоряженія ген. Селиванова, созвать на 2 января „собраніе выборныхъ нижнихъ чиновъ“, 2) для детальнаго разсмотрѣнія вопроса о мѣстномъ городскомъ самоуправленіи назначить общегражданскій митингъ на 6 января. Власти увидѣли, что одними запрещеніями ничего не добьешься. „Слова“ не дѣйствовали. Нужны были другія мѣры. Практика жизни издавна выработала для такихъ случаевъ одинъ шаблонъ: обострить недовольство, провоцировать столкновеніе, разбить превосходными силами и дезорганизовать противника. Схема эта рѣдко измѣняла. По ней и пошли. 4-го января былъ арестованъ старшій врачъ уссурійской жел. дороги докторъ Ланковскій.

Я ни слова до сихъ поръ не сказалъ о движеніи на уссурійской жел. дорогѣ. Движеніе это было обширно, изобиловало массой интересныхъ эпизодовъ и, должно надѣяться, найдетъ еще своего историка. Для пониманія дальнѣйшаго я разскажу о немъ только существенное, на основаніи имѣющихся у меня документовъ. Присоединившись послѣ 17 октября къ общероссійскому желѣзнодорожному союзу, служащіе и рабочіе усссурійской ж. дороги, вслѣдствіи частной забастовки на восточной китайской дорогѣ, оказались вынужденными также прекратить пассажирское и товарное движеніе (28 ноября). Для согласованности дѣйствій служащихъ, послѣдними былъ избранъ временный комитетъ. Перевозка войскъ при этомъ не только не прекращалась, но даже была усилена. Забастовка длилась всего два дня. 30 ноября, вслѣдствіе неполученія отвѣта отъ „Центральнаго Петербургскаго комитета желѣзнод. союза“ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, частичная забастовка прекратилась, и возобновилась обычная служба на дорогѣ. Но въ это время (въ ночь на 30 ноября) съ двухъ сторонъ дороги, а именно отъ ст. Хабаровскъ — начальникъ военныхъ сообщеній полк. Ельшинъ и отъ ст. Владивостокъ — начальникъ дороги полк. Кремеръ, составивъ экстренные поѣзда и захвативши съ собою казаковъ, саперовъ и нижнихъ чиновъ телеграфной роты, отправились на линію. Они произвели полный погромъ дороги, удаливъ телеграфистовъ, начальниковъ станцій, нач. депо и замѣнивъ ихъ нижними чинами, почти незнакомыми со службой.

Такимъ образомъ движеніе на дорогѣ опять было прекращено, на этотъ разъ насильственными мѣрами военныхъ властей. Для чего же, спрашивается, все это было продѣлано? Кое-кто изъ завоевателей и не находилъ нужнымъ скрывать своихъ намѣреній, открыто заявляя, что желательно вызвать безпорядки среди служащихъ, дабы усмирить ихъ силой оружія.

На общей сходкѣ желѣзнодорожниковъ 2-го декабря во Владивостокѣ

было постановлено требовать удаленія съ дороги Кремера и Ельшина и отдачи перваго подъ судъ.

Требованія эти остались неудовлетворенными, что повлекло за собою непрерывныя, длившіяся весь мѣсяцъ волненія, выражавшіяся въ сходкахъ, посылкѣ по телеграфу во всѣ инстанціи резолюцій, которыя въ свою очередь оставлялись безъ отвѣта... словомъ, обычная канитель.

Какъ я уже упоминалъ, д-ръ Ланковскій по приказанію главнокомандующаго былъ арестованъ комендантомъ. Противъ него было возбуждено обвиненіе: 1) въ превышеніи власти, 2) въ оскорбленіи начальника и 3) въ клеветѣ на него же.

Союзъ служащихъ дороги реагировалъ на этотъ актъ полной негодованія телеграммой на имя ген. Линевича. Онъ требовалъ немедленнаго освобожденія арестованнаго. Срокъ для отвѣта указанъ былъ 8-го января „послѣ чего, говорилось въ телеграммѣ, отвѣтственность за послѣдствія насилія падетъ цѣликомъ на его виновниковъ, а не служащихъ дороги, доведенныхъ до крайности царящимъ на ней безграничнымъ произволомъ и издѣвательствами".

Сдѣлавши это необходимое отступленіе, возвратимся къ изложенію событій.

6-го января собрался въ циркѣ многолюдный митингъ для разсмотрѣнія вопроса о мѣстномъ городскомъ самоуправленіи. Горожане противъ обыкновенія составляли большую часть присутствовавшей публики. Очевидно, пикантная тема „о жареныхъ гусяхъ", на которую ожидался рядъ докладовъ, заинтересовали обывателя. Но вотъ засѣданіе открылось и... общее разочарованіе. Не только докладчиковъ, но даже ораторовъ по этому вопросу не оказалось.

Дѣло въ томъ, что стоявшіе во главѣ движенія, какъ люди пріѣзжіе, были совершенно незнакомы съ городскими дѣлами и, назначая митингъ, надѣялись развязать языки старожиламъ. Аборигены же, въ свою очередь, готовые съ полнымъ удовольствіемъ послушать, какъ станутъ раздѣлывать на всѣ корки Циммермана и К°, увѣрены были, что разъ „союзы" созываютъ публику, то они уже, сдѣлай милость, постараются „залить сала за шкуру" кому слѣдуетъ. Обыватель нашъ слишкомъ трезвъ для того, чтобы ни съ того ни съ сего, во имя какихъ-то тамъ принциповъ не ввязываться въ дрязги съ воротилами, съ которыми пока что приходится „вести коммерцію".

Вотъ когда я отъ души пожалѣлъ, что между нами нѣтъ г. Оржиха. Этотъ человѣкъ съ гипертрофированной общественной жилкой, къ тому же долго въ качествѣ газетнаго сотрудника слѣдившій за городскими дѣлами, досконально зналъ всю подноготную думскихъ воротилъ. Будь тогда онъ во

Владивостокѣ, управцамъ, конечно, пришлось бы распроститься со своими насиженными, тепленькими мѣстечками.

Вмѣсто этого митингу пришлось ограничиться только слѣдующей резолюціей:

„Предложить Городскому Управленію: a) опубликовать отчеты о приходѣ и расходѣ городскихъ суммъ за 1902, 1903, 1904 и 1905 годы (!!) b) опубликовать отчетъ о расходѣ 1,500,000 руб., отпущенныхъ городу въ ссуду на продовольствіе во время осады, c) удешевить цѣны на продукты первой необходимости изданіемъ соотвѣтствующей таксы, d) разсматривать всѣ городскія дѣла въ публичныхъ засѣданіяхъ думы и управы, оповѣщая населеніе о времени каждаго черезъ мѣстныя газеты“.

„Родивши мышь“ по одному вопросу, собраніе перешло къ другому: заговорили о томъ, что всѣхъ глубоко волновало—объ арестѣ д-ра Ланковскаго. Послѣ нѣсколькихъ краткихъ рѣчей была принята и отправлена съ депутаціей коменданту слѣдующая резолюція, предложенная мною:

„Митингъ гражданъ г. Владивостока... постановилъ: потребовать у г. коменданта крѣпости немедленнаго освобожденія д-ра Ланковскаго изъ-подъ ареста... Арестъ Ланковскаго безъ суда и слѣдствія является вопіющимъ актомъ произвола, нарушеніемъ личной неприкосновенности, признанной манифестомъ 17-го октября, которое не можетъ быть терпимо ни въ какомъ случаѣ“.

Депутаты (22) ушли. Митингъ занялся формулировкой условій, на которыхъ возможно возобновить работы въ мѣстной почт.-телегр. конторѣ.

Ровно черезъ столько минутъ, сколько понадобилось, чтобы пройти къ штабу и обратно, наша депутація возвратилась и предводительствовавшій ею студентъ П. „насмѣшилъ“ публику „комическими“ подробностями о томъ, какъ ихъ подъ предлогомъ многолюдства не пустили къ Селиванову.

Безспорно, что для врученія резолюціи за глаза было бы достаточно двухъ-трехъ человѣкъ. Командированный же нами отрядъ въ 22 человѣка былъ бы болѣе цѣлесообразенъ, если бы рѣшили, напр., захватить ген. Селиванова въ плѣнъ со всѣмъ его штабомъ. Однако, такъ же безспорно и то, что многолюдство депутаціи не давало права какому-то адъютанту, насмѣшливо свиснувъ въ лицо депутатамъ, захлопнуть двери, какъ говорится, „передъ самымъ носомъ“.

Да, митингъ посмѣялся!.. Однако, безцеремонность штабныхъ и третированіе ими нашихъ представителей уже тогда настолько ущипнуло собраніе, что многіе изъ насъ говоры были немедленно „итти“... впрочемъ, не давая себѣ отчета, куда и зачѣмъ (говорю такъ потому, что самъ былъ въ ихъ числѣ).

Съ большими усиліями удалось нашимъ „благоразумнымъ политикамъ“

урезонить собраніе отложить рѣшеніе этого вопроса до 10 января,—день, когда имѣлъ собраться созванный по этому же поводу солдатскій митингъ.

Общественная температура повысилась на нѣсколько градусовъ.

Словомъ, все, какъ по маслу, шло по „схемѣ“. Одинъ недостатокъ—медленно. Вотъ и сейчасъ—снесли оплеуху: отложили на 10-е. А тамъ, пожалуй, отложатъ еще. Гарнизонъ съ каждымъ днемъ революціонизируется. Надо подлить масла въ огонь.

На другой день былъ арестованъ г. Шперъ (Предсѣдатель Исполнит. Комит. нижнихъ чиновъ), котораго ген. Селиванову удалось таки подъ какимъ-то предлогомъ заманить въ штабъ [1]).

Годовщина „кроваваго воресенья“ отмѣчена была у насъ двумя митингами: въ актовой залѣ восточнаго института и въ порту. Верхнеудинцы были мобилизованы около этихъ пунктовъ. Вѣроятно, поэтому предполагавшееся демонстративное шествіе по улицамъ было отмѣнено. Съ обоихъ митинговъ публика двинулась въ музей, гдѣ шло совѣщаніе желѣзнодорожниковъ. Въ виду огромнаго скопленія народа митингъ былъ перенесенъ въ полисадникъ. Рѣчи говорились съ крыльца. Съ затаеннымъ дыханіемъ и напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ толпа инженера Піотровича. Выношенное, твердое убѣжденіе, глубокое, выстраданное чувство слышатся въ его простой, лишенной тѣни аффектаціи, производящей неотразимое впечатлѣніе, рѣчи.

Срокъ, поставленный Линевичу для отвѣта, истекъ, конечно, безрезультатно. Отвѣта нѣтъ. Ланковскій сидитъ. Что дѣлать?

— Братцы!..—закричали вдругъ съ тротуара двое запыхавшихся матросовъ,—на насъ нападеніе!.. Идетъ отрядъ обезоружить экипажъ!.. Селивановъ послалъ!.. хотятъ отобрать у насъ винтовки!.. насъ послали созвать всѣхъ!..

— Домой!.. Живо!..

— Всѣ въ казарму!.. Маршъ!..

Какъ сорвавшіеся съ цѣпи, бросились матросы прочь. Прыгая черезъ заборъ... (калитка узенькая)... бѣгомъ по улицѣ... перехватывая по пути извозчиковъ, помчались они къ порту.

Положеніе вдругъ обострилось. Наступилъ кризисъ. Въ воздухѣ явственно запахло кровью. Матросы отстояли себя. Оружіе не было выдано. Ночью былъ разграбленъ оружейный цейхгаузъ. Населеніе матросской слободки оказалось вооруженнымъ ружьями и револьверами.

Назавтра митингъ. Со стороны коменданта ждутъ нападенія. Солдаты

---

[1]) Въ этотъ же день ген. Селивановъ, вызвавъ въ штабъ д-ра Попова и меня, объявилъ намъ, что отдалъ насъ подъ судъ за составленіе и распространеніе брошюры „Памяти Декабристовъ“.

рѣшили защищаться. Митингъ будетъ „вооруженный“. Споръ рѣшится кровью.

IX.

Въ 1 час. дня я отправился къ цирку. Свѣтланка имѣла обычный видъ дѣловой суеты. Въ мѣстности, прилегающей къ цирку, были приготовленія. Около штаба стояло 4 пулемета. Улицы, пересѣкающія Морскую [1]) со стороны Эгершельда, были заперты казачьими патрулями. Около гауптвахты и по Корейской стояли пулеметы.

Морская улица, ведущая къ цирку, была крайне оживлена. Народъ кучами толпился на перекресткахъ, двигался вверхъ къ цирку. Передъ послѣднимъ собралась огромная толпа. Выстроившись въ двѣ шеренги съ ружьями въ рукахъ, стоитъ рота желѣзнодорожнаго баталіона. Люди, какъ на подборъ, интеллигентные, смѣлые...

Зданіе цирка наполняется медленно. Раздаютъ печатныя воззванія Гоголева «объ объединеніи».

По открытіи митинга объявляютъ о цѣли созыва его: обсудить, что предпринять для освобожденія арестованныхъ гг. Ланковскаго и Шпера.

Сильное впечатлѣніе производитъ прочувствованная рѣчь свящ. Введенскаго о необходимости тѣсной солидарности въ общемъ дѣлѣ. Нашъ девизъ: «одинъ за всѣхъ — всѣ за одного» [2]). Первая часть исполнилась. Единицы пострадали. Насталъ моментъ выполнить вторую половину. Нашъ долгъ всѣмъ постоять за пострадавшихъ товарищей.

Изъ дальнѣйшаго обмѣна мнѣніями выяснилось, что собраніе склоняется къ мысли итти мирнымъ путемъ. Хотя ген. Селивановъ рядомъ своихъ дѣйствій и особенно третированіемъ делегатовъ прошлаго митинга явно показалъ, что онъ ставитъ ни во что голосъ общества, но, въ виду серьезности момента и для избѣжанія кровопролитія, рѣшено употребить всѣ усилія уладить конфликтъ мирнымъ путемъ.

Кто-то предлагаетъ испытанное оттяжное средство.

— Послать телеграмму Линевичу!..

— Послать!.. послать!..—поддерживаютъ голоса.

— Какой толкъ въ телеграммѣ? Желѣзнодорожники развѣ не посылали? Чего дождались? То же и вы получите. «Они» считаются только съ силой. Только силу уважаютъ. Наша сила въ солидарности. Забастуемъ всѣмъ гарнизономъ!

— Забастовка!.. Къ чему она приведетъ? Это средство медленное,—

---

[1]) Посьетская и Корейская.

[2]) Подъ этимъ девизомъ издавались всѣ воззванія Исполнительнаго Комитета къ нижнимъ чинамъ.

это разъ. А затѣмъ и не дѣйствительное. Вы забастуете, т.-е. сложите ручки... «Имъ» только того и надо. Сидите себѣ на здоровье, а они въ это время станутъ забирать одного за другимъ. А тѣмъ временемъ подвезутъ сколько имъ нужно изъ Манчжуріи. Нѣтъ, товарищи, такъ не годится. Надо требовать сейчасъ немедленнаго освобожденія, настаивать!..

— Требовать... Да отъ кого потребуешь, если комендантъ вовсе не желаетъ разговаривать съ нашей депутаціей?..

— Послать депутатовъ къ губернатору! Флугъ человѣкъ съ головой! Просить его съѣздить, урезонить этого упрямаго!..

За это предложеніе, сдѣланное инженеромъ Петровскимъ, хватаются, какъ за послѣднюю надежду.

Делегаты ушли.

Легко одѣтый, я сильно промерзъ и поѣхалъ домой переодѣться. Проѣзжая по Алеутской, я увидѣлъ, какъ въ образцовомъ порядкѣ съ музыкой во главѣ, стройно, прямо на пулеметы, двигались къ цирку вооруженные винтовками матросы экипажа, въ числѣ около 1,000 человѣкъ.

Послѣ прохода матросовъ Свѣтланка вымерла. Магазины наглухо закрыты. Рѣдкій прохожій торопливо спѣшитъ во-свояси.

Когда я возвратился назадъ, на митингѣ шелъ разговоръ о томъ, что комендантъ со своей стороны выставляетъ войска на позиціи. Рѣшено послать нѣсколько нижнихъ чиновъ поговорить съ ними, узнать настроеніе ихъ.

Этотъ существенно-важный вопросъ очень интересовалъ меня. Поэтому вслѣдъ за делегатами отправился и я.

Мы спустились по Корейской улицѣ. Внизу на перекресткѣ стояло два пулемета: одинъ на углу, а другой,—спрятанный въ пересѣкающемъ переулкѣ. Около пулеметовъ стояло по нѣскольку человѣкъ офицеровъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сзади—полъ-роты солдатъ. Проходя мимо, я увидѣлъ Селиванова среди офицеровъ, стоявшихъ въ глубинѣ переулка у второго пулемета.

Шедшіе впереди меня делегаты, не останавливаясь, направились вверхъ на площадь, гдѣ виднѣлась какая-то конная часть. Я же, идя отдѣльно, подошелъ къ солдатамъ, стоявшимъ около пулеметовъ.

— Что, господа, стрѣлять въ насъ изготовились? спрашиваю ихъ.

Солдаты угрюмо молчали, косясь въ сторону офицеровъ. Одинъ изъ послѣднихъ, высокій, сѣдой, завидя меня, торопливо подошелъ и съ изысканной вѣжливостью спрашиваетъ:

— Что вамъ здѣсь угодно?

— Спрашиваю у солдатъ, будутъ ли они стрѣлять въ тѣхъ?..

— А вы спросите объ этомъ у господина коменданта!

— Гдѣ же онъ?

— А вотъ здѣсь, пожалуйте.

Я уклонился отъ этой чести и пошелъ вверхъ, гдѣ вокругъ делегатовъ столпилась куча солдатъ. Подхожу къ толпѣ и начинаю вслушиваться:

— Развѣ мы безъ понятія?.. кто же своего-то бить станетъ?.. нешто вы непріятель?..

Галдятъ. А сзади за мной по улицѣ чуть не бѣгомъ пыхтитъ толстякъ офицеръ, бритый, съ полковничьими погонами, изъ тѣхъ, что окружали Селиванова. (Это былъ отличившійся впослѣдствіи Май-Маевскій). Подбѣгаетъ, хватаетъ меня за рукавъ.

— Вонъ отсюда!

— Ну, вы кричите, да не такъ громко!

— Вонъ!.. Бунтовать солдатъ?.. вонъ!..

— Чего вы съ дурной головы, не разобравши, шумите?

— Богъ мой, какъ взбѣленится онъ...

— Взять его!.. Слышишь ты, — обращается онъ къ ближайшему солдату,—ступай сюда! Взять его!

Ни одинъ солдатъ даже не пошевельнулся.

— Вотъ видите,—говорю я толстяку,—они разумнѣе васъ! Видятъ, что брать меня не за что и не слушаютъ васъ!

— Какъ же?—голосъ его принялъ конфузливый тембръ,—вѣдь вы съ ними разговаривали?

— Еще только собирался говорить, да вы какъ разъ тутъ и помѣшали.

— Ну, разъ не разговаривали, то можете итти!..

— Теперь я самъ вижу, что... могу!

Ужасно хотѣлось бы мнѣ послушать, какъ объяснилъ коменданту воротившійся полковникъ, почему онъ не арестовалъ меня.

Мы двинулись дальше. Очень импозантный, съ декоративной точки зрѣнія, видъ представляла Тигровая батарея, всѣ выступы которой, словно четками, усѣяны были фигурами вооруженныхъ матросовъ. Насколько цѣлесообразна съ стратегической точки зрѣнія была эта демонстрація нашей охраны передъ селивановскими пулеметами,—объ этомъ судить не берусь.

Мы спустились внизъ къ бухтѣ Амурскаго залива, гдѣ въ оврагѣ цѣпью былъ расположенъ 32-й полкъ. Обращаемся къ солдатамъ съ тѣми же вопросами. Вездѣ въ отвѣтъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, можете быть спокойны, никто стрѣлять не станетъ! Всѣ понимаютъ, что вы за насъ хлопочете!

Поднимаемся по Θеодоровской улицѣ. Одинъ солдатъ горячо выговариваетъ нѣсколькимъ встрѣчнымъ офицерамъ:

— Вы обѣщали намъ поддержку, писали резолюціи: вмѣстѣ побратски пойдемъ, рука объ руку... а гдѣ же вы теперь? Вы бросили насъ. Мы одни боремся за свой рискъ и страхъ. Ну, потомъ, смотрите, пеняйте на себя!..

Подходимъ къ цирку. Замѣтно какое-то волненіе. Изъ дверей валитъ народъ. Бѣгутъ матросы съ ружьями. Что такое?

— А вотъ онъ! — кричитъ кто-то. Вотъ д-ръ К—ій! Его вовсе не арестовали! Назадъ, господа! Д-ръ здѣсь!

— Идите, пожалуйста, заявитесь скорѣе митингу! Кто-то сбрехнулъ, что васъ арестовали, и всѣ двинулись на выручку!

Я влѣзъ на стулъ, попросилъ слова и разсказалъ о томъ, чего былъ свидѣтелемъ.

Пренія продолжались. Общее настроеніе крайне взвинченное. Лица возбужденныя. Рѣчи короткія, страстныя. Въ залѣ стоитъ шумъ, съ которымъ не можетъ совладать предсѣдатель...

... Сообщаютъ, что губернаторъ ѣздилъ къ коменданту, но, не заставши его дома, уѣхалъ назадъ. Странно. Какъ будто гг. штабные не знали, что Селивановъ находится на ближайшемъ углу, на разстояніи 2-хъ минутъ ходьбы. Они разыгрывали комедію. Очевидно, было рѣшено: прекративъ «разговоры», дать волнующемуся обществу почувствовать, что сила попрежнему въ рукахъ власти, нагнать панику, вырвать съ корнемъ всякія попытки къ протесту.

Послѣдняя надежда на улаженіе спора мирнымъ путемъ переговоровъ рухнула.

Оставалось теперь самому собранію приступить къ активнымъ дѣйствіямъ.

Общее возбужденіе достигло крайней степени. Чувствуется то высшее напряженіе, необычайный подъемъ духа, вѣрнѣе сказать, подъемъ отчаянія,—когда человѣкъ сознаетъ, что черта перейдена, отступленія назадъ быть не можетъ. Теперь или никогда! Настоять сейчасъ на своемъ, чего бы то ни стоило, добиться, наконецъ, того, о чемъ говорилось въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ или... поставить крестъ на всемъ, отказаться отъ всѣхъ этихъ «безсмысленныхъ мечтаній», сложить съ себя званіе «свободнаго гражданина» и возвратиться вспять, въ первобытное состояніе несовершеннолѣтняго обывателя.

— Товарищи!—надрываясь кричитъ какой-то матросъ, и въ голосѣ его слышенъ стонъ отчаянія,—подумайте только объ одномъ, вѣдь у насъ всего только 15 патроновъ на брата. Ну, гдѣ же намъ съ такимъ запа-

сомъ тягаться супротивъ восьми пулеметовъ? Вѣдь это, братцы, только тотъ, кто не знаетъ, что за штука пулеметъ, можетъ говорить, что...

Поднялись крики...

— Молчать!.. Кто трусить, можетъ убираться. Нечего нагонять страхи на другихъ.—Дѣло не въ патронахъ, а въ рѣшимости постоять за правое дѣло...

На трибунѣ появляется фигура Людмилы Александровны Волкенштейнъ. За весь періодъ движенія я видѣлъ ее выступающей первый разъ, къ несчастью, оказавшійся и послѣднимъ.

— Положеніе дѣла требуетъ спокойствія прежде всего. Предстоитъ важный, роковой шагъ. Надо тщательно взвѣсить всѣ шансы, обсудить способъ выступленія. Собраніе слишкомъ взвинчено. Въ такомъ состояніи нельзя предпринимать что бы то ни было. Будутъ, неминуемо будутъ жертвы. Можетъ быть, совершенно напрасныя. Лучшее средство—выждать время, умѣрить пылъ...

Шумъ протеста заглушаетъ ея послѣднюю, предсмертную рѣчь.

Рѣшено: всѣмъ митингомъ итти къ коменданту и потребовать у него немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Вооруженная охрана останется сзади. Пойдутъ только безоружные. Кто осмѣлится стрѣлять въ насъ?

Намъ не было еще извѣстно новое правило, коимъ войскамъ запрещалось стрѣлять по своимъ братьямъ холостыми зарядами и вмѣнялось въ обязанность сразу, безъ предупрежденія, бить ихъ на смерть.

Народъ двинулся къ выходу. Находясь около трибуны, я вышелъ, когда циркъ уже опустѣлъ на двѣ трети. Вышедшая публика топталась на улицѣ предъ циркомъ, какъ бы недоумѣвая, „что же дальше?“ Чувствовалась общая нервная дрожь нерѣшительности. Сказывалось отсутствіе ранѣе обдуманнаго плана. Не было распорядителей шествія. Все происходило стихійно, какъ бы въ полусознаніи... Чувствовался недостатокъ иниціативы тамъ, впереди.

Будь, что будетъ! Я быстро пошелъ внизъ по улицѣ, обгоняя едва двигавшуюся, вѣрнѣе сказать, топтавшуюся на мѣстѣ толпу. На Посьетской улицѣ я вступилъ въ голову шествія. Мы двинулись.

Серьезность момента сознавалась ясно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось всѣмъ существомъ, что иначе нельзя, другого пути нѣтъ.

„Теперь, или никогда!“—гвоздемъ сидѣло въ мозгу.

Передъ глазами вдругъ, какъ на яву, выплыло личико четырехлѣтняго сынишки, оставленнаго тамъ далеко за десять тысячъ верстъ. Но я быстро отогналъ его.

Все равно надо итти! Назадъ дороги нѣтъ!

— Стой! Подожди!—раздалось сзади.

Мы остановились. Насъ догонялъ хоръ матросовъ-трубачей. Вступивши въ первые ряды, онъ заигралъ маршъ. Шествіе опять тронулось. Впереди оркестра шло рядомъ человѣкъ 5-6 публики. Съ боковъ онъ тоже былъ охваченъ толпой. Настроеніе вдругъ окрѣпло, стало увѣреннѣе. Тревога улеглась. Музыка весело гремѣла. Мы бодро шагали въ тактъ, равномѣрно колыхаясь.

Прибавивъ шагу, я очутился во 2-й шеренгѣ, среди учащихся юношей. Они беззаботно смѣялись. Съ нами шла дѣвушка-гимназистка, умное, славное лицо которой я видѣлъ на всѣхъ митингахъ и собраніяхъ. Перекидывались веселыми замѣчаніями:

— Не боишься?

— Ну, вотъ еще выдумалъ!.. Самъ-то слышишь ли подъ ногами землю?

— А какъ салютовать начнутъ?

— Нѣтъ, не посмѣютъ?

— Ого! еще и какъ „посмѣютъ"... Селивановъ-то!..

— А зачѣмъ же самъ пошелъ, коли такъ увѣренъ?

— А такъ ужъ... дай, думаю, составлю пріятную компанію... Куда же ты безъ меня?..

— Да, братцы, земля сегодня какая-то особенная, неслышная.. словно сама несетъ... Трамъ-тамъ-тамъ..., Ахъ, какъ легко!..

— Какъ-то насъ примутъ?

— Смотри, цѣлы ли у тебя подметки?.. не ровенъ часъ... душа-то изъ пятокъ какъ бы не тово!..

Вотъ роковой уголъ Морской и Алеутской.

— Тамъ, направо „онъ" съ пулеметами...

— Ну, что-жъ за бѣда! Мы уже дважды прошли мимо пулеметовъ... Шествіе стало заворачивать вправо къ штабу.

Два человѣка на лѣвомъ флангѣ, при видѣ дулъ направленныхъ на насъ орудій, дрогнули, попятились...

Я бросился туда.

— Смѣлѣй, нечего бояться!.. Стрѣлять не посмѣютъ!

Еще нѣсколько нервныхъ, быстрыхъ шаговъ...

Я не смотрѣлъ „туда", на „нихъ"... на тѣхъ, что скучились тамъ, за зелеными щитами орудій.

Я глядѣлъ на своихъ товарищей, стараясь предупредить замѣшательство, панику, бѣгство...

Я не видѣлъ ни офицера, съ поднятой шашкой, ни трубача, не слыхалъ „сигнала"...

Гремѣла музыка...

И вдругъ... все смѣшалось...

Въ хаосѣ оглушительнаго треска болѣе половины людей повалились на землю...

Остальные, пригнувшись къ землѣ, словно пыль подхваченная ураганомъ, мгновенно были сметены съ улицы... припавши... ползкомъ... вскачь на четвереренькахъ... спотыкаясь... перепрыгивая черезъ упавшихъ товарищей... падая и поднимаясь... Все, что способно было двигаться, ринулось прочь...

Безумный ужасъ охватилъ толпу...

— Стойте!.. Они пугаютъ!.. Разстрѣливать не посмѣютъ!..—не понимая, что произошло, въ изступленіи кричалъ я.

Охваченное паникой, все, что могло двигаться, инстинктивно стремилось дальше отъ этого мѣста, гдѣ слѣпая смерть безпощадно косила жизнь... въ ворота Grand Hotel'я, за уголъ дома... кто-то ринулся прямо головой въ запертое окно квартиры инженера Петровскаго, сломалъ головой стекло и поболтавъ ногами исчезъ... нѣсколько десятковъ людей плотно улеглись на-земь подъ заборъ, прижавшись другъ къ другу въ обезумѣвшую отъ ужаса кучу...

Мгновенья эти я былъ какъ во снѣ, не понимая, что произошло. Я загипнотизиривалъ себя мыслью—„стрѣлять не посмѣютъ" и былъ увѣренъ, что толпа испугалась холостыхъ залповъ.

Недалеко отъ меня лежалъ юноша-гимназистъ изъ нашей компаніи. Онъ лежалъ неподвижно, ничкомъ уткнувшись въ землю, словно прислушиваясь, что происходило на ней. Я подошелъ къ нему. Повернулъ. Окровавленная щека. Стеклянные глаза. На вискѣ черненькая, круглая ранка. Тогда, наконецъ, я понялъ... и безсильно потрясая кулаками по направленію гремѣвшихъ выстрѣловъ, только и нашелся, что выругаться самой отчаянной руганью.

Я отошелъ за уголъ дома. Трескотня, ужасная, оглушительная, трескотня восьми пулеметовъ не умолкала ни на секунду, нагоняя ужасъ. Теперь, въ безопасности отъ пуль, я почувствовалъ безотчетный страхъ. Хотѣлось убѣжать подальше, спрятаться. Со стѣны противоположнаго дома сыпалась штукатурка, отбиваемая пулями.

Передъ нами на улицѣ лежало человѣкъ 40, разбросанные на широкомъ пространствѣ. Много людей лежало въ глубинѣ Морской улицы,— это указывало, что стрѣляли не только отъ штаба, но и отъ вокзала. Многіе изъ лежавшихъ были неподвижны. Другіе же, когда трескотня затихала, подымали головы и при каждомъ новомъ залпѣ припадали къ землѣ, какъ бы силясь втиснуться въ нее.

Дама какая-то кричала: „мой мужъ тамъ убитъ!"

Подымавшіе головы съ мольбой и укоромъ смотрѣли на насъ, стоявшихъ въ безопасности за угломъ дома. Мнѣ становилось стыдно. Но страхъ боролся со стыдомъ. Вдругъ глаза мои встрѣтились со взоромъ почтово-телеграфнаго чиновника Алексѣева, принимавшаго энергичное участіе въ движеніи. Онъ лежалъ ничкомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Щека его лежала на землѣ. Красивые, ясные, какъ небо, голубые глаза его были полны муки и отчаянія... „Хорошъ товарищъ!"—прочелъ я въ нихъ

— Братцы, давайте перетащимъ ихъ сюда! обратился я къ солдатамъ.

Никто не пошевельнулся, словно не слышатъ.

— Что же, давайте! Отозвался одинъ бывшій военный фельдшеръ.

Мы вдвоемъ стали перетаскивать раненыхъ, складывая ихъ за угломъ дома, гдѣ они были въ безопасности отъ выстрѣловъ. Тутъ же, за угломъ, стояло много солдатъ, но ни одинъ не пришелъ намъ на помощь...

Раненые кричали отъ боли. Надо перевязывать. Нечѣмъ. Г-жа Петровская подала изъ окна весь запасъ имѣвшихся у нея чистыхъ салфетокъ. Ихъ хватило, чтобы закрыть раны, предохранить ихъ отъ дальнѣйшаго загрязненія. Тогда уже солдаты помогли внести раненыхъ въ домъ. Ихъ разложили на кроватяхъ, лавкахъ, полу... Весь домъ былъ полонъ криковъ и стона. Много набилось сюда и здоровыхъ, напуганныхъ людей.

Кончивши уборку, я пошелъ въ ближайшій госпиталь. Пришлось проходить мимо штаба. Офицера, стоявшіе у пулеметовъ, пропустили меня.

Позади пулеметовъ на дорогѣ стоялъ возъ съ соломой. Одинъ солдатъ сидѣлъ на возу, другой стоялъ на дорогѣ. Оба ворчали.

— Видно, не кончатъ сегодня... уже смеркаетъ... цѣлый день не ѣмши... да и скотина сдыхаетъ...

— Ваше благородіе, обратился ко мнѣ съ воза — вы идете оттудова. Есть уже тамъ проѣздъ?

— Не знаю, братецъ!.. вотъ распорядители, спросите у нихъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, противъ канцеляріи инспектора госпиталей, встрѣчаю генерала Езерскаго. Докладываю: много раненыхъ. Куда прикажете снести ихъ? Гдѣ взять носилки?

— Обратитесь во 2-й госпиталь! Тамъ все приготовлено!

Это рядомъ. Побѣжалъ. На плацу около госпиталя стоятъ десятка три носилокъ, но прислуга ни за что не хочетъ браться за нихъ. Ни просьбы, ни увѣщанія, ни воззванія къ человѣколюбію, чувству товарищества и святому призванію санитара, ни приказы, ни угрозы, именемъ генерала Езерскаго, ни ругань—ничто не могло заставить ихъ итти туда, за ранеными.

— Вотъ еще чего недоставало. Изъ-за этой сволочи, бунтовщиковъ, да тебя же подстрѣлятъ... Пойдемъ тогда, какъ перестанутъ стрѣлять.

Офицеры, стоявшіе на крыльцѣ въ больничныхъ халатахъ, подсмѣивались, видя безплодность моихъ усилій. Впрочемъ, ихъ больше занимала Тигровая батарея, которую они наблюдали изъ-за угла въ бинокль. Изъ долетѣвшихъ до меня обрывковъ ихняго разговора я понялъ, что оттуда „отвѣчаютъ".

Я былъ близокъ къ тому, чтобы броситься съ кулаками на гоготавшихъ санитаровъ, какъ на счастье показался фельдфебель госпитальной команды. Этотъ разумный, дѣльный человѣкъ понялъ меня и отдалъ приказъ „берись за носилки". Удалось, впрочемъ, снарядить лишь пять паръ. Остальная прислуга разбѣжалась.

Не могу, съ болью сердца, не отмѣтить здѣсь ужаснаго факта, что солдаты не хотѣли брать раненаго почтово-телеграфнаго чиновника (Алексѣева).

— Это не нашъ! „Шпакъ" какой-то!—говорили они.

Пришлось опять кричать, браниться.

А пулеметы все трещали безъ конца и толку. Но ухо привыкло уже къ этой адской музыкѣ, и вообще все казалось безразличнымъ, пустяковымъ.

Подошелъ гимназистъ съ того перекрестка (посьетскаго). Задыхаясь отъ волненія, сталъ разсказывать подробности тамошней бойни. Тамъ безпощадно добивали раненыхъ, пока они не переставали шевелиться. Разстрѣливали всякаго, кто пытался подойти имъ на помощь...

... Я едва слѣдилъ за его разсказомъ... мнѣ казалось, что онъ разсказываетъ что-то до отвращенія знакомое, безконечно долго тянущееся, надоѣвшее...

— Нѣтъ, вы понимаете... это не люди... это звѣри... — (казалось, никогда не кончитъ онъ своего разсказа)—вы понимаете... два солдатика везутъ куда-то возъ соломы... „тѣ" затихли... они тронулись... только что выѣхали на середину... ка-а акъ ша-ра-хнутъ... (глаза у бѣднаго мальчика, казалось, выскочатъ изъ орбитъ отъ ужаса)... тотъ, верхній кубаремъ... грохнулся, какъ снопъ... оба лежатъ тамъ... и лошадь...

Я взглянулъ вверхъ, на Посьетскую. На усѣянномъ людьми перекресткѣ неподвижно, какъ и раньше, стоялъ возъ съ соломой...

Мучительно-неподвижно стояло время... Стоялъ одинъ, безконечный гулъ пулеметовъ...

И все это тонуло въ одномъ неподвижно застывшемъ стонѣ *человѣка*...

Я чувствовалъ, что схожу съ ума...

. . . .

Темнѣло. Пулеметы уже стоятъ на нашемъ углу и гремятъ вдоль Морской...

Кажется, затихли... Или нѣтъ?.. Въ ушахъ шумъ?.. Изъ-за орудій доносится взрывъ хохота... Ихъ смѣшитъ... *священникъ*...

— Батюшка,—хотѣлось сказать ему—здѣсь, въ домѣ полно умирающихъ.—Но слова не пошли съ языка.

Крѣпкіе бѣлые зубы его сверкали.

. . . .

— Много-ль патроновъ осталось?

— Придется, видно, сбѣгать!

— Сходи! Принеси побольше! Потомъ придется еще брать экипажъ!..— Много потѣхи предстоитъ еще сегодня батькѣ-Мухобою.

. . . .

Заглянулъ въ Grand Hôtel, гдѣ, говорили, масса раненыхъ. Какой-то военный врачъ съ двумя сестрами милосердія, имѣя матеріалъ, перевязывалъ по всѣмъ правиламъ искусства. Много раненыхъ лежало на полу, сидѣло на стульяхъ. Коридоръ былъ биткомъ набитъ людьми, боявшимися выйти на улицу.

Отправивши раненыхъ въ госпиталь, я пошелъ домой. По темнымъ улицамъ шла охота. Лихіе верхнеудинцы, словно спущенные борзые, гонялись за разсѣявшимися матросами, безпощадно избивая ихъ...

Дома заперто. Хозяева убѣжали куда-то. Зашелъ къ другу, живущему рядомъ. Большое счастье въ такіе минуты имѣть близкаго человѣка, способнаго выслушать, понять...

Звонокъ.

— Идите скорѣй къ Волкенштейнъ! Людмилла Александровна убита! Сейчасъ привезли!..

X.

Проснувшись утромъ 11-го января, „граждане“ Владивостока почувствовали себя различно. Одни, съ удовольствіемъ потягиваясь на мягкихъ перинахъ, ликовали:

— Наконецъ-то, слава Богу, выспался какъ слѣдуетъ. А то съ самаго этого манифеста жилъ, какъ на вулканѣ.

Другіе—кто, уложивъ чемоданъ, бѣгалъ по пароходнымъ конторамъ, разузнавая о рейсахъ въ Японію; кто ликвидировалъ дѣла, готовясь къ аресту. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Аресты начались. Утромъ былъ взятъ инж. В. Петровскій.

Подъ вечеръ слышу отъ сосѣда: гдѣ-то кто-то взбунтовался, убили Селиванова, казаки убѣжали изъ города... Что за чушь?

Одѣваюсь,—на улицу... На углу около „Петербурга“ (бывшей, печальной памяти, „Одессы“) стоитъ толпа. Прислушиваюсь, о чемъ гуторятъ...

— Неужели правда?..

— Сказываютъ такъ... Мчусь на Свѣтланку. Встрѣчаю юношу, много горячившагося на собраніяхъ... Никакого сомнѣнія. Все подтверждается до-слова.

Вотъ изложеніе событій этого дня, какъ записано у меня со словъ непосредственныхъ свидѣтелей, очевидцевъ или участниковъ.

Разсказъ солдата.

„Девятаго января капитанъ Ильинъ отобралъ у одного солдата листки „Постановленія выборныхъ“ и „О манифестѣ“.—„Отъ кого получилъ?“ — „Отъ Старкова“,—отвѣчаетъ тотъ. Ко мнѣ:—„Гдѣ взялъ?“—„Я, говорю, состою выборнымъ делегатомъ 31-го полка“.—„Какое имѣешь право распространять пропаганду?“ — „Государь Императоръ далъ свободу печати, отвѣчаю я, а митинги разрѣшилъ намъ ген. Казбекъ“.—„Нельзя, говоритъ, ходить по музеямъ; генераломъ Селивановымъ запрещено“. Хотѣлъ арестовать меня, да было много товарищей,—не посмѣлъ видно. Записалъ мое имя, подалъ рапортъ по начальству, черезъ полк. Козловскаго. 11-го января Козловскій увидѣлъ меня на улицѣ, подозвалъ, схватилъ за рукавъ, потащилъ. Взялъ конвой и повели меня на гауптвахту. А товарищи по 15-ой ротѣ, жившіе на Иннокентьевской батареѣ, увидѣли. Стали нѣкоторые шумѣть: „что же это, братцы? вашего товарища повели, а вы не постоите?“—„Выручать, выручать!“—Схватили винтовки, на батарею! Фельдфебель 15-ой роты не пущаетъ. Люди 14-ой роты пригрозили ему, что заколютъ его, если онъ не выведетъ 15-ую роту. Прибѣжалъ офицеръ, сталъ уговаривать. Ему кричатъ: „давай ключи отъ погребовъ!“ Онъ усовѣщевать: „ключи—говоритъ — остались въ дежурной!“ А солдатикъ ему: „не правда, ключи въ карманѣ!..“ Отобрали у него, отперли погреба, зарядили всѣ орудія. Попробовали одно на заливъ.

Въ это время отрядъ иннокентьевцевъ человѣкъ въ 40 бросился съ ружьями въ рукахъ на Куперовскую батарею, завладѣлъ тамъ тремя пулеметами и нѣсколькими ящиками лентъ съ патронами и увезъ къ себѣ на батарею.

Мигомъ слетѣлось начальство. „Никого слушать не желали, окромя ген. Селиванова“.

Пріѣхалъ онъ. Оставилъ всю свиту—адъютантовъ у экипажа, отправился одинъ на батарею.“

Дальше я буквально спишу съ имѣющейся у меня собственноручной записки одного изъ иннокентьевцевъ.

„Когда прибылъ комендантъ, то нижніе чины просили, чтобы освободить арестованныхъ товарищей; онъ отвѣтилъ, что не могу. Просили собранія нижнихъ чиновъ согласно 17 октября, отвѣтилъ, что солдатамъ не полагается, и что этотъ манифестъ только гражданамъ, а на солдатъ не распространяется, то нижіе чины на то ему отвѣтили, почему вы приказали разстрѣлять свободныхъ гражданъ 10-го января, когда шли просить васъ женщины, дѣти съ крестомъ и священникомъ во главѣ [1])... комендантъ сказалъ, я васъ всѣхъ сегодня разстрѣляю и въ это время открыли огонь".

— А... коли такъ—по словамъ другого, крикнули ему въ отвѣтъ,— то чѣмъ насъ всѣхъ разстрѣливать, лучше же мы впередъ тебя одного разстрѣляемъ...—и нѣсколько человѣкъ бросились къ пулемету.

— Я медленно, не оборачиваясь уходилъ—разсказывалъ Селивановъ впослѣдствіи въ Нагасакскомъ госпиталѣ д-ру Акацатову—мнѣ обожгло всю лѣвую сторону груди и шеи, но я собралъ всѣ усилія, чтобы не упасть и не показать имъ, что я раненъ. Обернувшись, я погрозилъ имъ пальцемъ. Послѣ этого стрѣльба прекратилась. Я направился къ экипажу. Кровь хлынула у меня горломъ. Садясь въ экипажъ, я потерялъ сознаніе...

Его увезли во 2-ой госпиталь, въ тотъ самый, гдѣ лежали десятки наканунѣ искалѣченныхъ имъ людей.

Вступившій въ исполненіе комендантскихъ обязанностей генер. Алкалаевъ-Калагеоргій предпринялъ, было, попытку подавить возстаніе оружіемъ. Командиру 32-го В.-С. стр. полка подполковнику Гедеванову немедленно отдано было по телефону приказаніе строить полкъ. Но... увы! Дежурный по полку докладываетъ, что „роты строиться не желаютъ".

Ни увѣщанія подполковника Гедеванова, ни самаго Алкалаева-Калагеоргія не подѣйствовали.

— Довольно и того, что вчерась вонъ сколько народу перебили! Будетъ съ насъ! Больше строиться не желаемъ!

— Артиллеристы съ иннокентьевской грозятся, что ежели сейчасъ арестованные не будутъ выпущены изъ гауптвахты, то они разнесутъ всѣхъ изъ орудій... за что же мы погибать должны?

Алкалаевъ-Калагеоргій поспѣшилъ удалиться.

Полкъ съ оружіемъ въ рукахъ бросился къ гауптвахтѣ, гдѣ въ караулѣ находились товарищи по полку.

Сюда же на шумъ прибѣжалъ и комендантъ города подполк. Сурменьевъ (по общимъ отзывамъ очень симпатичный человѣкъ, рыцарь по характеру, прямой и честный).

---

[1]) Какъ быстро факты украшаются легендами.

Толпа, подкрѣпленная сбѣжавшимися нижними чинами разныхъ другихъ частей (саперы, матросы, желѣзнодорожники), начала требовать отъ него немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Сурменьевъ объявилъ, что пока онъ здѣсь, безъ комендантскаго разрѣшенія никто не выйдетъ изъ гауптвахты. Ему кричатъ:

— Селивановъ убитъ!

— На его мѣсто вступилъ замѣститель! Идите въ штабъ, вотъ я напишу записку. Какъ прикажетъ комендантъ, такъ я и поступлю!

— Чего на него смотрѣть!.. Впередъ, ребята!

Въ гауптвахту полетѣли камни. Загремѣли выстрѣлы. Сурменьевъ упалъ смертельно раненый въ животъ.

Кто-то предложилъ ему позвать на помощь д-ра Ланковскаго.

— Не раньше, чѣмъ получится разрѣшеніе освободить его! — былъ отвѣтъ.

Въ это время изъ штаба прибѣжалъ подполк. Гедевановъ и отъ имени коменданта крѣпости приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ.

Ланковскаго, Шпера и Петровскаго вынесли на рукахъ при громкихъ крикахъ „ура!“.

Подполк. Сурменьева отправили во 2-ой госпиталь.

Лихіе верхнеудинцы, какъ только узнали о событіи на иннокентьевской батареѣ, мигомъ осѣдлали своихъ быстроногихъ коней и маршъ-маршемъ... вонъ изъ города.

Вмѣстѣ съ казаками отправились въ походъ и двѣ роты 32-го полка съ начальникомъ штаба Май-Маевскимъ во главѣ.

Панораму „исхода“ завершалъ редакторъ черносотенной газеты „Дальн. Востокъ“ г. Пановъ, подпрыгивающій въ своей таратайкѣ съ узлами наскоро захваченнаго кой-какого скарба...

Когда печальный кортежъ проходилъ между двухъ расположенныхъ за городомъ батарей, ему дали сигналъ изъ пушки „ни съ мѣста“. Звонятъ въ телефонъ Исполнительному Комитету:

— Казаки въ нашихъ рукахъ! Какъ прикажете съ ними поступить?

Имъ отвѣчаютъ:

— Пусть ихъ убираются, по добру по здорову, ко всѣмъ чертямъ!

Исполненіе комендантскихъ обязанностей перешло къ старшему изъ наличныхъ генераловъ—Модлю.

Этотъ генералъ, производившій душеспасительное впечатлѣніе, только для видимости, заполнялъ положенное по штату мѣсто, санкціонируя въ дѣйствительности все, чего требовалъ Исполнит. Комитетъ.

Въ городѣ началась *анархія,* въ истинномъ смыслѣ этого слова,— анархія духовная, когда каждый сознаетъ себя вполнѣ свободнымъ гражда-

нивомъ, даже безъ намека на принудительное подчиненіе кому бы то ни было. Въ городѣ не существовало и тѣни „начальства". И вмѣстѣ съ тѣмъ (а можетъ быть, и благодаря этому) вездѣ полный, абсолютный порядокъ.

Мѣстная прокуратура недоумѣвала:

— Удивительное время! Ни грабежа, ни воровства, ни дракъ! Даже пьяныхъ нигдѣ не видно.

Текла обычная, торговая жизнь.

Да это были дни, цѣлыхъ двѣ недѣли, когда огромная, первоклассная крѣпость очутилась въ рукахъ революціонеровъ. И будь они хоть сколько-нибудь подготовлены къ этому, они, конечно, не выпустили бы ее изъ рукъ, они использовали бы этотъ неожиданный подарокъ судьбы. Но... впрочемъ, не стану забѣгать впередъ.

Первые дни все вниманіе наше было сосредоточено на нашихъ убитыхъ товарищахъ.

Столь ужасная гибель ихъ вопіяла къ намъ... Кровь обязываетъ... мы чувствовали это всѣмъ существомъ, но не понимали, не могли дать себѣ яснаго отчета—къ чему?

И... рядъ засѣданій посвященъ былъ вопросу: гдѣ и какъ похоронить нашихъ мертвецовъ...

Какъ будто они и погибли только для того, чтобы быть какимъ-нибудь особеннымъ образомъ похороненными.

13-го и 16-го января мы ихъ хоронили.

Сперва предали землѣ тѣла Л. А. Волкенштейнъ и гимназиста Заренсдорфа. Похороны Л. А. были гражданскіе. Развѣвались революціонныя знамена, гремѣли революціонныя пѣсни. Искреннимъ, задушевнымъ словомъ д-ра Кириллова проводили мы въ могилу эту свѣтлую русскую женщину...

16-го января хоронили остальныя 26 жертвъ 10-го января.

Особые плакаты Исполнительнаго Комитета, расклееные по городу, оповѣщали объ этомъ населеніе.

Часовъ въ 10 утра шествіе тронулось съ окраины города, изъ Морского госпиталя. Впереди шли полицейскіе, не знаю, по приглашенію, или добровольно взявшіе на себя роль очистки улицъ для шествія (отъ телѣгъ, извозчиковъ и т. п.). Затѣмъ ѣхали двѣ шеренги конно-охотничьей команды съ шашками наголо. За ними несли огромный, во всю ширину, плакатъ съ надписью:

„Вѣчная память борцамъ за свободу!"

Затѣмъ цѣлый рядъ вѣнковъ съ лентами, транспарантовъ и знаменъ съ революціонными надписями. Оркестръ музыки. Хоръ пѣвчихъ. Священники. И наконецъ, огромная толпа, надъ которой колыхались полтора десятка гробовъ.

Навстрѣчу процессіи, съ другого конца, черезъ весь городъ прошла группа соціалистовъ-революціонеровъ со своими знаменами, среди которыхъ выдѣлялось черное съ лаконическимъ:

„Свобода или смерть!..“

По пути присоединилась процессія изъ костела съ трупами католиковъ. Флаги и плакаты съ польскими надписями. Католическій ксендзъ шелъ рядомъ со священниками.

На боковыхъ улицахъ ожидали гробы съ покойниками изъ частныхъ домовъ.

Лютеранская кирха отозвалась на общій трауръ печальнымъ звономъ колокола.

Толпа росла ежеминутно. Казалось, весь городъ собрался здѣсь. Балконы, крыши домовъ, всякіе выступы, фонарные столбы—все усѣяно народомъ. Сотни фотографовъ спѣшатъ фиксировать это невиданное во Владивостокѣ зрѣлище.

Печально играетъ музыка. „Святый Боже“ смѣняется „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой!“

Когда шествіе дошло до половины города, съ Тигровой батареи, высящейся надъ городомъ, начался орудійный салютъ. Выстрѣлы черезъ каждую минуту гремѣли, пока печальный кортежъ не подошелъ къ братской могилѣ, вырытой на вокзальной площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста бойни.

Сюда подошли еще съ гробами изъ 2-го крѣп. госпиталя. Установили ихъ въ могилу. Начались рѣчи. Говорили солдаты, священникъ Введенскій, офицеръ-морякъ. Выразилъ свои мысли и я.

Но... мертвецы оплаканы. Могила засыпана. Водрузили на ней всѣ плакаты и транспоранты.

Разошлись.

Тяжелый гнетъ давитъ душу.

Пережитыя катастрофы... видъ многотысячной манифестирующей толпы... Огромная яма, въ которую одинъ за другимъ безконечной вереницей проносятъ ящики съ блѣдными, искаженными отъ страданій лицами... все это теребитъ усталую, измученную душу... не даетъ ей покоя ни на минуту... громоздится передъ ней въ одинъ колоссальный, запутанный, какъ кошмаръ, и мучительный, какъ отчаяніе, страшный вопросъ...

XI.

Что же дальше? Куда вести эту огромную, страшную своей физической силой, инервированную массу? Что дѣлать съ властью, неожиданно попавшей въ наши непривычныя руки?

А власть эта была огромна, вполнѣ осязательно выражавшаяся въ суммѣ солиднаго количества пушекъ, штыковъ и всевозможныхъ боевыхъ припасовъ, въ изобиліи заготовленныхъ правительствомъ для отпора внѣшняго врага и по капризу судьбы очутившихся въ рукахъ внутреннихъ его враговъ.

Недостатка въ людяхъ тоже не ощущали.

Сдѣлаемъ обзоръ нашихъ силъ съ качественной и количественной стороны. Владивостокскій гарнизонъ не представлялъ собою цѣльной революціонной арміи. Мы въ свое время подробно прослѣдили причины солдатскаго движенія. Мы видѣли, что вначалѣ оно *было чисто профессіональнымъ*, естественно вытекавшимъ изъ невыносимыхъ условій солдатскаго быта, и вылилось, какъ и слѣдовало ожидать отъ стихійнаго движенія, по линіи наименьшаго сопротивленія, въ формѣ погрома имущества беззащитныхъ жителей города. И только въ концѣ ноября усиліями сознательной части солдатства въ движеніе проносится политическій элементъ въ видѣ борьбы за осуществленіе и для нихъ, солдатъ, правъ, возвѣщенныхъ Государемъ для всѣхъ своихъ подданныхъ.

Уровень политической *сознательности* массъ былъ не высокъ.

Приведу одинъ фактъ, выпукло характеризующій, какъ обстояло дѣло въ отношеніи революціонной зрѣлости массъ.

Во время похоронной демонстраціи 16-го января одинъ изъ членовъ „Союза Союзовъ" выхватилъ изъ подъ полы и выкинулъ флагъ съ надписью „Да здравствуетъ республика". Къ нему со всѣхъ ногъ бросился Предсѣд. Исполнительнаго Комита г. Шперъ.

— Что вы дѣлаете?—шепталъ онъ ему.—Солдаты отшатнутся отъ насъ, увидя эту надпись.

„Республикѣ" пока-что пришлось опять поѣхать подъ полу.

А вѣдь г. Шперъ былъ опытный дѣятель и прекрасно зналъ среду, въ которой онъ жилъ.

Правда, тогдашняя атмосфера (рѣчи на митингахъ, листки и т. п.) быстро расширяла и просвѣтляла умственный кругозоръ... Но все-таки, какъ ни успѣшно шелъ этотъ процессъ, на завершеніе его нужно было время, а между тѣмъ обстоятельства неожиданно вручили намъ молотъ и властно требовали:

— Дерзай, кто смѣлый или... уходи прочь!

Правда, былъ еще одинъ, болѣе короткій и болѣе дѣйствительный путь пріобщенія солдатской массы къ революціонному лагерю. Способъ этотъ на одномъ изъ собраній былъ формулированъ такъ: „спаять солдатскую массу съ нами путемъ преступленія".

Мы видѣли, что тѣ войсковыя части, которыя перешли уже рево-

люціонный рубиконъ, совершеніемъ какого-либо крупнаго правонарушенія, обращались въ ярыхъ революціонеровъ, готовыхъ на все. Примѣровъ было достаточно: Портъ-артурцы, побившіе камнями офицеровъ, иннокентьевскіе артиллеристы, разбившіе замки на Куперовской батареѣ, захватившіе пулеметы, стрѣлявшіе въ коменданта Селиванова; 32-й В.-С. стрѣлк. полкъ, разгромившій гауптвахту и разстрѣлявшій коменданта города полковника Сурменьева, поголовно весь морской экипажъ, разгромившій оружейный цейхгаузъ и явившійся съ оружіемъ на митингъ 10-го января, 1-я рота желѣзнодорож. баталіона, игравшая ту же роль—всѣ эти тысячи [1]) людей ясно понимали, что корабли ихъ сожжены, что пощады отъ правительства имъ не ждать... И они ловили насъ на улицахъ, въ госпиталяхъ, вламывались въ наши квартиры, являлись на засѣданія съ настойчивымъ вопросомъ: что же дальше?

Помню нѣсколькихъ, вѣроятно, наиболѣе скомпрометировавшихъ себя и потому съ особеннымъ ожесточеніемъ набрасывавшихся на насъ. Послѣдній разъ въ день пріѣзда вновь назначеннаго коменданта ген. Артамонова они явились на одно частное совѣщаніе и не то съ руганью, не то съ плачемъ набросились на насъ:

— Мы работали на васъ, мы сдѣлали все, что могли, мы завладѣли крѣпостью... что же вы теперь сидите? Почему не выступаете и словно прячетесь... Идите впередъ. Мы всѣ пойдемъ за вами, куда вы не поведете насъ...

Мы чувствовали, что они дѣйствительно пойдутъ. Потому что имъ было только два пути: или съ нами на дальнѣйшую борьбу... или въ тюрьму, подъ судъ, на каторгу, подъ разстрѣлъ.

И число такихъ сторонниковъ, если бы это было намъ нужно, мы легко могли бы увеличить во много разъ. Событія 11-го января и митингъ 12-го наглядно это показали. Масса далеко оставила позади своихъ „руководителей“ по революціонности настроенія. Въ то время какъ мы готовились къ аресту,—солдаты ломали замки отъ пороховыхъ погребовъ, тащили пулеметы... Когда мы укладывали чемоданы, справлялись о рейсахъ въ Нагасаки—они разстрѣливали комендантовъ, брали штурмомъ гауптвахту, освобождали и выносили на рукахъ тѣхъ, кто черезъ нѣсколько дней на крикъ ихней души „что же дальше“—отвѣчали...

---

[1]) Сюда еще нужно причислить бывшихъ сахалинскихъ дружинниковъ, поселенныхъ въ окрестностяхъ Владивостока. Раньше было упомянуто, что они обращались къ Союзу Союзовъ съ просьбой помочь имъ улучшить правовое положеніе. Тогда же, обращаясь къ митингу, депутаты говорили:

— Насъ тысяча человѣкъ. Если вамъ нужны наши руки на какое нибудь народное дѣло, вотъ они—берите. Мы готовы служить вамъ всѣмъ, что вы отъ насъ потребуете.

Читатель увидитъ вскорѣ, что мы отвѣчали имъ.

Митингъ 12 января ясно показалъ, по какому пути естественно должно было пойти теперь движеніе, всецѣло предоставленное самому себѣ. Сбитое Селивановымъ съ мирнаго пути разсужденій, резолюцій, ходатайствъ, на которомъ оно стояло при Казбекѣ, на путь насилій, оно должно было дойти до своего логическаго конца.

— Товарищи!—гремѣли одинъ за другимъ ораторы въ сѣрыхъ шинеляхъ. Теперь наши враги, душившіе насъ, издѣвавшіеся надъ нами, убійцы, безпощадно разстрѣливавшіе насъ безоружныхъ—въ нашихъ рукахъ.

Больницы переполнены ранеными, покойницкія—трупами нашихъ братьевъ-товарищей. Такія преступленія не должны проходить безъ возмездія. Кровь ихъ требуетъ отмщенія. Не должно быть пощады никому, какъ не щадили они насъ, когда мы шли къ нимъ съ довѣріемъ. Жизнь за жизнь!

„Жертвы неминуемы“,—провозгласилъ Селивановъ, въѣзжая во Владивостокъ. Солдатская мысль продолжала діалектически развивать его тезисъ. Кровь всегда влечетъ за собою новую кровь. Ненависть къ убійцамъ кипѣла въ грудяхъ подъ сѣрыми шинелями. Достаточно было искры, чтобы разразилась новая катастрофа. Моментъ былъ критическій.

Съ рискомъ быть выгнаннымъ, рѣшилъ я выступить противъ этого теченія. Пришлось напречь всѣ силы, чтобы убѣдить массу, что чувство мести есть одно изъ худшихъ въ человѣкѣ. Мстятъ только неправые. „Понять—значитъ простить“. Солдаты, стрѣлявшіе въ товарищей, казаки, убивавшіе ихъ, дѣйствовали по приказу, въ силу дисциплины. „Много ли найдется среди васъ такихъ, которые ослушались бы прямого приказанія начальника. И если среди васъ такіе есть, то это рѣдкіе счастливцы, обязанные часто случаю тѣмъ, что они ясно понимаютъ то, чего даже не подозрѣваютъ ихъ невѣжественные, никогда не слыхавшіе разумнаго человѣческаго слова, товарищи... Можно ли наказывать слѣпого отъ рожденія за то, что онъ не различаетъ бѣлаго отъ чернаго. Можно ли наказывать казака, котораго, какъ—вы помните—здѣсь говорилось, уже съ дѣтства начинаютъ калѣчить, вбивая въ него кровожадность и звѣрскія понятія. А развѣ въ этомъ повинны только казаки, развѣ артиллеристы, матросы не разстрѣливаютъ вездѣ въ Россіи своихъ же товарищей, вставшихъ за народное дѣло, не избиваютъ безоружныхъ рабочихъ, крестьянъ... Не мстить имъ надо, а итти къ нимъ со словомъ убѣжденія, открыть то, что ясно вамъ“...

Меня поддержали другіе. Намъ удалось затронуть лучшія чувства. Грозу пронесло.

А между тѣмъ стоило намъ только „умыть руки“, остаться пассив-

ными, не удерживать массу отъ ея естественнаго влеченія и... многимъ во Владивостокѣ пришлось бы тогда плохо, но за то число „революціонеровъ" быстро возросло бы. А завладѣвши типографіями, наводнивши крѣпость прокламаціями, ведя пропаганду устную, мы могли бы всецѣло подчинить ихъ себѣ...

Но для чего? Во имя какой цѣли?

Мы съ этими людьми, которые уже перешли революціонный рубиконъ, не знали что дѣлать...

Мы, очутившіеся на верху могущества, были безсильны, какъ никогда.

Побѣдители оказались парализованными.

И, бродя растерянный по улицамъ, я машинально повторялъ знакомое съ дѣтства восклицаніе популярнаго героя малороссійскихъ сказокъ: „не вмію я ні читаты, ні писати, й хтять мене за короля обібрати".

Мы очутились въ положеніи такого Ивана. У насъ не было плана дальнѣйшихъ дѣйствій, а выработать его мы оказались не въ силахъ.

Во-первыхъ,—мы растерялись.

Это понятно. Не имѣющій ни гроша дурѣетъ отъ радости, неожиданно заполучивши алтынъ. А у насъ очутился... милліонъ.

Мы со страшными усиліями и огромными жертвами пошли освобождать двухъ арестованныхъ товарищей и вдругъ... вмѣсто ключа отъ гауптвахты въ нашихъ рукахъ очутился ключъ... всего Забайкалья, единственная первоклассная крѣпость края.

Удивительно ли, что мы растерялись.

Впрочемъ, дѣло было не только въ нашей психикѣ. Узелъ оказался болѣе сложнымъ.

Нельзя сказать, чтобы здравыя мысли никому не приходили въ голову.

Уже 13 января на кладбищѣ по окончаніи печальной церемоніи погребенія Л. А. Волкенштейнъ, когда большинство публики разошлось и я стоялъ у могилы съ шапкой, въ которую сыпались пожертвованія на памятникъ, вниманіе мое привлекла небольшая кучка солдатъ, столпившаяся въ сторонкѣ вокругъ кого-то, громко ораторствовавшаго. Я подошелъ. Какой-то чернорабочій горячо убѣждалъ публику.

— Довольно натерпѣлись отъ этихъ живодеровъ. Теперь выберемъ себѣ губернатора, коменданта и всѣхъ чиновниковъ... до сельскаго старосты и заживемъ совсѣмъ по другому, по новому.

Вопросъ объ автономіи края всталъ у всѣхъ передъ глазами.

И удивительное явленіе. Тотъ самый г. П., который въ дни 22—30 октября въ частныхъ бесѣдахъ горой стоялъ за автономію, возбуждая у

собесѣдниковъ гомерическій хохотъ своими воздушными планами, теперь, когда автономія сама лѣзла намъ въ руки, рѣзко ударилъ отбой.

— Какъ мы управимся съ областью? Вѣдь у насъ ни практическихъ свѣдѣній, ни техническаго навыка къ управленію...

И онъ первый изъ насъ, посреди полнаго умственнаго разброда, воцарившагося послѣ 11 января, онъ первый внятно и громко провозгласилъ:

— Самый благоразумный выходъ изъ нашего положенія — подчиняться вновь назначенному коменданту!

Много разговоровъ объ автономіи было тогда какъ во Владивостокѣ, такъ впослѣдствіи и въ Нагасаки, гдѣ д-ръ Руссель напустился на насъ, что мы проворонили такой блестящій случай положить основаніе „Сибирскимъ Соединеннымъ Штатамъ".

Автономія, по моему убѣжденію, могла быть дѣломъ рукъ только мѣстнаго осѣдлаго населенія. Мы же, учинившіе, съ позволенія сказать, „революцію", были почти поголовно люди пріѣзжіе, большею частью военные. Мѣстныхъ аборигеновъ не то что на завоеваніе автономіи, мы не могли подвинуть даже на выступленіе противъ гг. Циммермана и комп.

И это вполнѣ понятно. Окраина эта питалась до сихъ поръ главнымъ образомъ соками, притекавшими изъ метрополіи. Масса городского населенія кормилась около работъ и поставокъ на военное и морское вѣдомства.

Мнѣ возражали:

— Автономія была въ интересахъ всего сельскаго населенія. Оно ухватилась бы за нее, какъ за даръ небесъ, если бы вы ее добыли.

Къ сожалѣнію, взглядовъ крестьянской массы на этотъ предметъ мы не знали, а узнавать теперь было уже поздно.

Допустимъ однако, что это было такъ. Но въ концѣ концовъ это предпріятіе было не въ интересахъ тѣхъ, чьими руками мы могли добыть ее. Надо имѣть мужество видѣть дѣйствительность. А основнымъ фактомъ было то, что солдатъ, какой-нибудь калужецъ, и поднялъ бунтъ главнымъ образомъ изъ-за того, что его не пускали домой. Воображаю, что отвѣтилъ бы онъ, если бы его откровенно посвятить въ подобный планъ, ставившій надолго, если не навсегда, крестъ надъ возвращеніемъ его на родину.

А скрывать отъ него наши намѣренія, строить предпріятіе на безсознательности борцовъ и на обманѣ ихъ—было бы тѣмъ, что на языкѣ юристовъ называется „покушеніемъ съ негодными средствами", т. е. бутафорскимъ предпріятіемъ.

Ко всему этому мы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не имѣли никакихъ

свѣдѣній о томъ, что творится въ Россіи. Доходили, правда, до насъ отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что въ Москвѣ было возстаніе, и что оно подавлено. Когда же въ серединѣ января окончилась почтово-телеграфная забастовка и у насъ были получены свѣжія телеграммы, отовсюду шли печальныя отрывочныя вѣсти, что дѣло революціи окончательно проиграно. И это тоже дѣйствовало на массу подавляющимъ образомъ.

Многіе изъ насъ (въ томъ числѣ и я) были все-таки убѣждены, что основныя гражданскія права, такъ торжественно провозглашенныя, установлены въ Россіи непоколебимо. Мы вѣрили манифесту.

Конечно, борьба за реализацію и расширеніе правъ неизбѣжна. Но это будетъ борьба культурная, мирная. Кровавые призраки отошли въ прошедшее. Такъ заблуждались мы.

Наконецъ, въ довершеніе всего, мы устали. По крайней мѣрѣ, я сужу по себѣ.

Послѣ потрясающихъ впечатлѣній погрома, въ теченіе цѣлыхъ $2^1/_2$ мѣсяцевъ, чуть не ежедневныя засѣданія сперва Распорядительнаго Комитета, а потомъ разныхъ союзовъ, нерѣдко по нѣскольку въ день, митинги, быстрая смѣна волнующихъ событій, катастрофа 10 января, неожиданная перемѣна декорацій 11 января—все это не могло не отразиться на нервной системѣ. Вниманіе ослабѣло. Уменьшилась работоспособность.

Нѣчто подобное переживали и мои товарищи. Всѣ изнервничались. Насъ было немного. Тогда какъ наши противники смѣнялись, мы были все одни и тѣ же. Никто не явился намъ на смѣну.

И вотъ, тогда, какъ у солдатъ подъемъ революціоннаго настроенія наросталъ все выше, ряды ихъ руководителей рѣдѣли съ каждымъ днемъ.

Появленіе на сценѣ пулеметовъ, крови, труповъ, заставило многихъ изъ стоявшихъ раньше въ первыхъ рядахъ уйти со сцены.

Зазвучали новыя, раньше неслыханныя рѣчи. Мы уже слышали что говорилъ инж. П., раньше яростно нападавшій на Союзъ Союзовъ за умѣренность его. На одномъ изъ солдатскихъ собраній въ томъ же духѣ заговорилъ разъ д-ръ П-въ.

— Не дѣло арміи заниматься политикой. Пора бросить эту вредную опасную игру. Нашей крѣпости угрожаетъ опасность. Японцы готовятся возобновить войну. Примемся и мы за ревностное исполненіе нашихъ прямыхъ обязанностей...

Общественная струна вдругъ ослабѣла. Не нашлось никого кто подтянулъ бы ее...

Многіе изъ читателей навѣрное подумаютъ: вотъ жаль, что въ такой моментъ собрались все какіе-то „любители“ революціи и ни одного настоящаго революціонера. Признаюсь, я и самъ такъ долго думалъ, пока

не прочелъ въ IX книжкѣ „Былого“ (за 1906 г.) воспоминаній М. Н. Тригони „Послѣ Шлиссельбурга“. Изъ строкъ, посвященныхъ тамъ Владивостоку, съ изумленіемъ узналъ я, что въ патентованныхъ революціонерахъ Владивостокъ въ описываемую пору недостатка не терпѣлъ. Г. Тригони приводитъ цѣлый списокъ ихъ.

Но больше всего меня поразило то, что, оказывается, я вращался въ ихъ средѣ, даже не подозрѣвая съ кѣмъ имѣю дѣло. Раза два вмѣстѣ съ Волкенштейнъ и Тригони я бывалъ въ этомъ кружкѣ; мы пили чай съ кренделями и чесали языки, по примѣру всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ, перемалывая слухи, которыми, что комарами надъ болотомъ, кишѣлъ тогда городъ. Ни одного смѣлаго сужденія, ни намека на иниціативу или планъ я не подмѣтилъ.

За исключеніемъ г. Перлашкевича, очень живого, энергичнаго, убѣжденнаго дѣятеля, къ несчастью, искупающаго нынѣ свои прегрѣшенія въ ссылкѣ въ Якутской области,—остальные оставались все время въ тѣни, пассивными зрителями происходящаго.

Говорю это отнюдь не въ осужденіе кого бы то ни было, ибо на самомъ себѣ испыталъ справедливость французской пословицы: „La plus belle fille du mond ne peut donner plus ce quelle'a“.

XII.

Итакъ, мы устали, растерялись, ничего не могли придумать. А на насъ между тѣмъ надвигалась уже сила новая, непочатая: четвертый по счету комендантъ ген. Артамоновъ, да на подмогу ему еще ген. Мищенко, облеченный генералъ-губернаторскими полномочіями.

Мы „фактическіе хозяева крѣпости“ не сдѣлали даже попытки запереть передъ ними ворота. „Пушечнаго мяса“ у насъ было достаточно, но не было „нервовъ“—офицерства и, что самое главное, не оказалось того, что въ физіологіи называется „моторнымъ (двигательнымъ) центромъ“.

Они пріѣхали.

Исполнительному Комитету только и оставалось, что, сдѣлавъ bonne mine a manvais jeu, привѣтствовать ихъ такой прокламаціей:

„Нижнимъ чинамъ В-скаго гарнизона.

Товарищи. На мѣсто ген. Селиванова пріѣхали къ намъ... (такіе-то).

Говорятъ, что генералы Артамоновъ и Мищенко боевые генералы и честные люди, а потому мы надѣемся, что они вполнѣ заслужатъ любовь всего гарнизона и гражданъ города, дѣйствуя на основаніи Высочайшаго

манифеста 17 октября, т. е. не препятствуя нашимъ собраніямъ и не заставляя солдата, матроса или казака быть убійцей, Каиномъ своего же брата-солдата или гражданина".

Лассаль заканчиваетъ одну изъ своихъ рѣчей словами, которыя должны бы занять мѣсто первой заповѣди въ катехизисѣ русскаго революціонера: „ваши противники—говорилъ онъ рабочимъ—прежде всего практики, какими отъ души желаю быть и вамъ".

Прибывшіе генералы были именно практики, къ тому же еще и старые.

Ген. Артамоновъ избралъ путь дипломатовъ, которымъ, какъ извѣстно, языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли. Вскорѣ послѣ 20 января хоронили полк. Сурменьева, умершаго отъ воспаленія брюшины, вызваннаго раной. Проходя Алеутской улицей, процессія остановилась около братской могилы, и Артамоновъ произнесъ прочувствованную рѣчь, въ которой именемъ нашихъ пострадавшихъ товарищей заклиналъ всѣхъ забыть вражду, простить другъ друга, по-братски подать другъ другу руки и т. п. Послѣ этого онъ обратился къ присутствующимъ здѣсь солдатамъ, растроганнымъ его рѣчью, и попросилъ ихъ, въ знакъ состоявшагося примиренія, унести съ могилы транспаранты съ такими надписями („позоръ убійцамъ—палачамъ" и т. д.), которыя напоминаютъ о братоубійственной распрѣ.

Генералъ Мищенко, замѣшкавшійся съ мобилизаціей силъ въ с. Раздольномъ, со своей стороны засыпалъ крѣпость воззваніями къ гарнизону, въ которыхъ слова „прощеніе" и „забвеніе" тоже склонялись на всѣ лады.

По данному паролю городская управа тоже поспѣшила расклеить по городу объявленіе, искусно составленное въ такихъ выраженіяхъ, что простой человѣкъ долженъ былъ понять, что всякому, кто броситъ бунтовать и приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей, именемъ Государя объявляется полное прощеніе и забвеніе всѣхъ прегрѣшеній, содѣянныхъ по 15-ое января. Лишь человѣку, привыкшему къ точному мышленію, видно было, что дума только постановила возбудить объ этомъ ходатайство.

Планъ былъ задуманъ искусно, не по-селивановски. Слова „прощеніе", „забвеніе" дѣйствовали на взбудораженную массу, какъ масло на волнующееся море...

Поврежденный правительственный аппаратъ тѣмъ временемъ постепенно налаживался. Механизмъ, его сперва потихонечку, осторожно тронулся.

Пригодилась на колесо артамоновской мельницы и „отчаянная скоропалительность" Май-Маевскаго.

Умному человѣку все впрокъ. Это открытіе, какъ извѣстно, сдѣлалъ хлестаковскій Осипъ: „...что еще тамъ у тебя, милѣйшій, веревочка? давай сюда и веревочку, пригодится"... кого-нибудь вздернуть...

— А гдѣ нашъ Ляпкинъ-Тяпкинъ?... то-бишь Май-Маевскій съ хоругвью запропастился. Не нашли. Ну тѣмъ лучше... и не ищите. Пусть его отдышется. [1])

И въ мозгу новаго коменданта созрѣлъ планъ.

32-ой полкъ получаетъ приказъ: выйти навстрѣчу своей полковой святыни. Вышли честь-честью. Идутъ, да пойдутъ... нѣтъ ни святыни, ни Май-Маевскаго... Глядь, а вмѣсто этого сзади старые знакомые, лихіе Верхнеудинцы съ ружьецами на изготовѣ ихъ уже конвоируютъ...

Такъ 32-ой полкъ и не вернулся больше во Владивостокъ.

23-го янв. вечеромъ въ городъ вступилъ полкъ пластуновъ и занялъ *казармы флотскаго экипажа.*

Затѣмъ прибыли казаки.

Исполнительному Комитету оставалось только привѣтствовать и ихъ.

„Товарищи!—писалъ онъ въ своей *послѣдней* прокламаціи... Прибывающіе къ намъ товарищи казаки и пластуны это не тѣ убійцы, которые убивали беззащитный народъ. Эти до сихъ поръ незапятнали своихъ рукъ кровью борцовъ за свободу и, вѣроятно, никогда не запятнаютъ ихъ. Они ѣдутъ только въ виду неимѣнія въ крѣпости регулярной кавалеріи, и будемъ надѣяться, что они никогда не подымутъ оружія противъ товарищей и народа“.

Надежды эти оправдались. Оружіе поднято не было. Возможно, по той, впрочемъ, причинѣ, что не было противъ кого подымать его. Исполнительный Комитетъ умеръ естественной смертью. „Союзъ Союзовъ“ послѣдовалъ его примѣру. О „собраніи выборныхъ нижнихъ чиновъ“ не было больше и помину.

— Какъ дѣла? спрашиваю разъ запыхавшагося Нетровскаго.

— Сейчасъ только съ батарей. Передали коменданту обратно всѣ орудія, пулеметы... Ученые небось стали: первымъ дѣломъ поснимали замки, увезли.

Постоянный гарнизонъ таялъ.

Недавніе „витіи“ ходили теперь, какъ въ воду опущенные, растерянные...

— Ну, что новаго... слыхали? Разсказывайте.

— Весь сибирскій флотскій экипажъ высланъ въ село Спасское. Это верстъ 300 отсюда.

— Да, да... артиллеристовъ, говорятъ, тоже переводятъ куда-то.

— Первая рота желѣзнодорожнаго баталіона только что получила назначеніе въ какое-то урочище Барабашъ... и т. д.

---

[1]) Май-Маевскаго въ концѣ концовъ, конечно, поймали гдѣ-то чуть ли не подъ Иркутскомъ и водворили... на скамью подсудимыхъ. Неблагодарные!

На мѣсто высылаемыхъ, въ крѣпость ежедневно прибывали изъ глухихъ угловъ свѣжія, невкусившія еще отъ „древа политики“, части.

Размахъ „колеса“ становился все увѣреннѣе, вертѣлось оно все быстрѣе.

26-го янв. отданъ былъ приказъ начальникамъ отдѣльныхъ частей снять предварительныя показанія со всѣхъ лицъ, такъ или иначе участвовавшихъ въ событіяхъ 10-го и 11-го января.

На слѣдующій день (27-го) всѣ, выпущенные 11-го января изъ-подъ ареста, приглашались немедленно явиться на гауптвахту. Въ противномъ случаѣ—говорилось въ приказѣ—они будутъ немедленно арестованы.

Воротился, наконецъ, въ городъ и предтеча Май-Маевскаго, г. Пановъ. Наблюденія этого очевидца минувшихъ событій тоже пошли впрокъ.

Начались аресты, высылки...

Даже мертвыхъ не оставила въ покоѣ рука мстителя. Въ глухую февральскую ночь оцѣплены были однажды улицы, прилегающія къ вокзальной площади. Братская могила была разрыта руками китайскихъ кули... гробы вытащены и увезены... неизвѣстно куда.

На утро площадь была гладко утрамбована.

Тѣмъ изъ оставшихся въ живыхъ, кто не хотѣлъ испытать на себѣ, что означаетъ слово „амнистія“ въ пониманіи ген. Артамонова, осталась одна дорога—въ Японію. Въ числѣ ихъ былъ и я.

„Дни свободъ“ во Владивостокѣ кончились.

М. Кудржинскій.

Къ біографіи Гапона.

(Изъ Женевскаго архива Бунда).

Въ мартѣ 1905 года Гапонъ обратился въ Заграничный Комитетъ Бунда съ просьбой устроить ему свиданіе съ дѣятелями Бунда. Свиданіе состоялось 17 марта (н. ст.) 1905 года въ Женевѣ. Непосредственно послѣ свиданія бесѣда съ Гапономъ была самымъ точнымъ образомъ изложена однимъ изъ участниковъ свиданія — для отчета Центральному Комитету Бунда. Ниже приводится этотъ документъ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ, не относящихся къ личности Гапона, мѣстъ.

„Видѣлись съ Гапономъ [1]). Передамъ Вамъ въ общихъ чертахъ разговоръ съ нимъ и то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня и которое раздѣляется, кажется, и М. Л. Человѣкъ онъ очень неинтеллигентный, невѣжественный, совершенно не разбирающійся въ вопросахъ партійной жизни. Говоритъ съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ и плохо излагаетъ свои мысли, испытываетъ большое затрудненіе при столкновеніи съ иностранными словами (напр.: „*Амстердамъ*“ произноситъ такъ: „Амстедерамъ“, „амстедерамскій конгрессъ“, или: „партія... забылъ, какъ называется эта партія. Знаете, какъ въ „Освобожденіи“: конст... конст...—Конституціоналисты?—„Вотъ-вотъ, оно самое“). Оторвавшись отъ массы и попавъ въ непривычную для него специфически интеллигентскую среду, онъ всталъ на путь несомнѣннаго авантюризма. По всѣмъ своимъ ухваткамъ, наклонностямъ и складу ума, это соціалистъ-революціонеръ, хотя онъ называетъ себя соц.-дем. и увѣряетъ, что былъ такимъ еще во время образованія „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ“. Ни о чемъ другомъ, кромѣ бомбъ, оружейныхъ складовъ и т. п., теперь не думаетъ. Есть въ его фигурѣ что-то такое, что не внушаетъ къ себѣ довѣрія, хотя глаза у него симпатичные, хорошіе. Что въ немъ просыпалось при соприкосновеніи съ

[1]) Т—щи В. К. и М. Л.

Прим. сообщившаго документъ.

массой—мнѣ трудно сказать, но внѣ массовой стихіи онъ жалокъ и мизеренъ, и, бесѣдуя съ нимъ, спрашиваешь себя съ недоумѣніемъ: неужели это тотъ самый, который „торговалъ сердцами" петербургскихъ пролетаріевъ? Человѣкъ онъ несомнѣнно наблюдательный, умѣетъ узнавать людей и знаетъ психологію массы. Кромѣ того, онъ хитеръ, себѣ на умѣ и прошелъ школу дипломатическаго искусства (правда, довольно элементарнаго, поскольку оно нужно было ему въ борьбѣ съ полиціей).

Говоритъ, что чувствуетъ себя плохо: хотѣлъ, молъ, дѣло сдѣлать, а попалъ сразу въ атмосферу дрязгъ и партійныхъ мелочей; ни отдохнуть, ни работать нельзя, нѣтъ настроенія, тянетъ вонъ изъ этой среды; ѣхалъ съ мыслью достигнуть соглашенія между партіями, но натолкнулся на непреодолимыя затрудненія и только измучился; случилось съ нимъ то же, что съ малорусской бабой: „не было хлопоты, купила порося". Отъ „меньшинства", говоритъ, не добьешься никакого опредѣленнаго отвѣта; шлютъ резолюцію, въ которой ничего не поймешь: нѣтъ ни да, ни нѣтъ. П . . . человѣкъ умный, но все равно, что человѣкъ, обмазанный саломъ: кажется, взялъ въ руки, анъ его нѣтъ. „Большинство" прямѣе. Курилъ фиміамъ Бунду: настоящіе, молъ, соціалъ-демократы въ Россіи, дѣйствительные работники—это только бундовцы, они поняли „знаменіе времени". Въ этомъ онъ теперь убѣдился. Вообще его похвалы Бунду, на которыя онъ не скупился, отзывались грубой лестью, очень прозрачной въ устахъ столь примитивнаго „дипломата", какъ Гапонъ.

Проектировалось, разсказывалъ онъ, соглашеніе между искровцами, впередовцами и соц.-рев., предполагалось образованіе общаго боевого комитета. „Большинство" готово было вступить въ соглашеніе съ соц.-рев., но „меньшинство" не хочетъ „большинства" и ставитъ еще какія-то условія, которыхъ не принимаютъ соц.-рев., которые, въ свою очередь, тоже что-то выговариваютъ себѣ, съ чѣмъ не согласны „меньшевики"—такъ боевое соглашеніе не вытанцовывается и почти безнадежно...

Широкое соглашеніе между двадцатью организаціями, — кажется, столько ихъ было въ посланномъ Вамъ приглашеніи [1]), — Гапонъ представляетъ себѣ такъ: конференція выработаетъ общій манифестъ (формулировка общихъ цѣлей и задачъ) и выберетъ общій комитетъ, задача котораго будетъ чисто техническая: собирать деньги, устраивать оружейные склады, мастерскія взрывчатыхъ веществъ, собирать свѣдѣнія о состояніи боевыхъ силъ въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ и пр. Вообще онъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о приглашеніи, разосланномъ Гапономъ, на, такъ называемую, гапоновскую конференцію, которая собралась въ Женевѣ 2-го апрѣля 1905 г.

Примѣчаніе сообщившаго документъ.

практическаго значенія этому соглашенію не придаетъ, значеніе его онъ видитъ въ слѣдующемъ: 1) моральная сила революціи возрастаетъ („всѣ объединились“); 2) сдѣлаются возможными боевыя соглашенія между партіями въ Россіи („бумажка изъ-за границы! А то безъ этого, напр., въ Петербургѣ, соціалъ-демократы и говорить не хотятъ съ соціалистами-революціонерами, подайте намъ бумажку „оттуда“—говорятъ они“. „Поэтому, продолжалъ Гапонъ, бумажка нужна: говоришь съ какимъ-нибудь с.-д. въ Петербургѣ, онъ такъ и этакъ, а услышитъ, что П . . . сказалъ то-то и то-то, и сразу повернулъ. Нѣтъ, безъ бумажки никакъ нельзя!“); 3) хотя каждая партія (изъ блока) будетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, но все будетъ дѣлаться подъ фирмой общаго комитета, такимъ образомъ создаться вѣра въ него, и въ нужный моментъ, когда онъ выйдетъ изъ своего бездѣйствія, всѣ за нимъ пойдутъ. Къ сожалѣнію, продолжалъ Гапонъ, онъ убѣждается, что и широкое соглашеніе встрѣчаетъ большія препятствія, но онъ увѣренъ, что если Бундъ за дѣло возьмется, то все устроится, за Бундомъ и „меньшинство“ пойдетъ, а „большинство“ и сейчасъ согласно (кстати, онъ увѣрялъ, что Латышская Соц.-Дем. Рабочая Партія уже дала согласіе на участіе въ конференціи). Мы ему сказали, что согласіе на участіе въ конференціи можетъ дать только нашъ Центральный Комитетъ, что дѣло осложняется фактомъ образованія соціалъ-демократическаго блока [1]), съ которымъ въ такихъ случаяхъ приходится считаться каждой входящей въ него организаціи, и что, наконецъ, мы не вѣримъ, чтобы два десятка организацій, такъ рѣзко различающихся между собою въ вопросахъ программы и тактики, могли на чемъ-нибудь сойтись, уже не говоря о томъ, что среди этихъ организацій есть и такія, которыя существуютъ только на бумагѣ.

Характерна для Гапона та легкость, съ которой онъ разрѣшаетъ сложные практическіе вопросы, напр., вопросъ о соглашеніяхъ съ либералами. Боязнь соглашеній съ либералами, по его мнѣнію, неосновательна: пусть, молъ, либералы, идя за нами, воображаютъ, что они получатъ львиную долю; бѣды тутъ никакой нѣтъ, вѣдь мы знаемъ, что мы сильнѣе и что при дѣлежѣ имъ достанется развѣ только хвостикъ или ушко. Что касается „соціализма“ Гапона, то онъ довольно таки примитивный: „всѣ люди—братья“—и все.

Разсказывалъ онъ о Питерѣ. Соц.-демократы и с-р-ы, какъ организаціи, не имѣли тамъ никакого значенія до 9 января. Въ „Искрѣ“ дѣло

[1]) „Соціалъ-демократическій блокъ“, въ который вошли Россійская С.-Д. Р. П., Бундъ, Латышская С.-Д. Р. П. и Революц. Укр. Партія, образовался на конференціи, состоявшейся въ январѣ 1905 г. по иниціативѣ Центр. Комитета Бунда.

Прим. сообщившаго документъ.

представлено совершенно невѣрно. Всѣ требованія въ петиціи къ царю читались имъ еще за два мѣсяца до 9 января на одномъ собраніи либераловъ. Это онъ можетъ доказать. Увѣренія „Искры“, будто онъ подвинулся влѣво подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ, — совершенная чепуха. Вѣрно изображено дѣло въ № 218 „Послѣднихъ Извѣстій“ („Нѣкоторые итоги январскихъ событій“). Объ с-р-ахъ онъ разсказывалъ, между прочимъ, такой фактъ: наканунѣ 9 января они обѣщали ему 300 револьверовъ и еще ручныя бомбы, но въ результатѣ не смогли доставить ни одного револьвера, о бомбахъ и говорить нечего.

Исторію „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ“ Гапонъ передаетъ такъ: въ 1903 г. онъ привлекался по политическому дѣлу, за него почему-то старался провокаторъ Михайловъ (зубной врачъ), и онъ вышелъ чистъ. Потомъ его приглашалъ къ себѣ Зубатовъ [1]). Во время бесѣдъ съ Зубатовымъ у него зародилась мысль воспользоваться Зубатовскимъ обществомъ въ Петербургѣ (такъ наз., „Свѣтомъ“) для организаціи петербургской массы, очистивъ это общество отъ полицейско-провокаторскихъ элементовъ. Зубатовъ предложилъ ему написать „докладъ“ (очевидно, о расширеніи правъ этого общества) министру финансовъ. Онъ такъ и сдѣлалъ и представилъ также уставъ, выработанный имъ совмѣстно съ товарищами, которые группировались тогда вокругъ него и были посвящены въ его планы. Уставъ въ министерствѣ окарнали и утвердили. Общество начало функціонировать на новыхъ началахъ, подъ его предсѣдательствомъ (уставъ былъ утвержденъ въ февралѣ или мартѣ прошлаго года). При открытіи отдѣловъ онъ бралъ просто „нахальствомъ“ (уставомъ открытіе отдѣловъ не было предусмотрѣно): нанималъ помѣщеніе, приличное, съ электрическимъ освѣщеніемъ и паркетнымъ поломъ и приглашалъ на освященіе градоначальника, который устава не читалъ и содержанія его не зналъ; затѣмъ посылалась въ полицейскій участокъ бумажка о разрѣшеніи; и тамъ устава не знали, но зато знали, что былъ „самъ“ на освященіи, и этого было достаточно, разрѣшали безъ всякихъ разговоровъ; такимъ простымъ способомъ удалось открыть 11 „отдѣловъ“. Собранія въ каждомъ отдѣлѣ происходили 2 раза въ недѣлю. Полиціи не впускали, за исключеніемъ градоначальника, шпіоны, вѣроятно, присутствовали. Занятія велись по такому методу: прочитывается какая-нибудь статья, напр., Озерова, какъ матеріалъ для дискуссіи. Затѣмъ начинаются дебаты. Одинъ рѣзко ее критикуетъ, а другой, для отвода глазъ, ее защищаетъ; но—увѣряетъ Гапонъ—въ головѣ у рабочихъ оставалась кри-

---

[1]) Въ Питерѣ Гапонъ встрѣчался и съ „независимцами“: Шаевичемъ (отзывъ: „п . . . цъ“) и Маней Вильбушевичъ (отзывъ: „бол . . . ка“).

тика, а не защита. Для отвлеченія вниманія полиціи прибѣгали ко всякимъ уловкамъ: распространяли слухи, что общество—зубатовское, ударялись въ дебатахъ въ „національизмъ“, пѣли „боже, царя храни“ и пр. Кричать „долой самодержавіе“ онъ, Гапонъ, „запретилъ“. Эти уловки плюсъ его священническій санъ спасалъ общество отъ закрытія; благопріятствовали также развитію общества перемѣна курса послѣ убійства Плеве и личныя качества Фуллона (халатность и безхарактерность). За 3 мѣсяца до 9 января прекратили пѣть „боже, царя храни“. Судя по разсказу Гапона, онъ удивительно ловко лавировалъ и съ большимъ искусствомъ усыплялъ бдительность полиціи. Среди членовъ „Общества“ было много женщинъ: Гапонъ старался ихъ привлекать, „чтобы онѣ не мѣшали мужьямъ“. Происходили еще конспиративныя собранія наиболѣе близкихъ, сознательныхъ и надежныхъ рабочихъ (на квартирѣ Гапона); тамъ ужъ не стѣснялись: читали Туна, критиковали самодержавіе и пр. Были приняты мѣры къ тому, чтобы въ легальную печать не попадали свѣдѣнія объ этомъ обществѣ (свѣдѣнія могли бы вызвать подозрительность полиціи); въ нелегальной печати объ „Обществѣ“ не говорилось отчасти потому, что петербургскіе революціонеры не знали того, что происходитъ у нихъ подъ носомъ, отчасти потому, что они считали Гапона и его компанію провокаторами и мало интересовались ихъ дѣятельностью.

Поднять массу онъ давно задумалъ, но все ждалъ удобнаго момента; такимъ моментомъ онъ считалъ паденіе Портъ-Артура. Предлагали ему (въ томъ числѣ и соц.-демократы) просто подать петицію съ политическими требованіями, но онъ отвергъ это предложеніе, указывая на то, что подача петиціи, не подкрѣпленная возстаніемъ массы, окончится только арестомъ его и лучшихъ людей изъ „Общества“ и закрытіемъ всѣхъ отдѣловъ. Популярность „Общества“ увеличивалась съ каждой минутой, и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего функціонированія оно уже насчитывало 5000 чел. Рабочіе постепенно переходили отъ критики экономическихъ порядковъ къ критикѣ государственнаго строя. Къ концу рабочіе ему ужъ говорили: „пора ужъ вамъ снять рясу и стать такимъ, какъ всѣ мы“. Тутъ произошелъ случай увольненія двухъ членовъ „Общества“ съ Путиловскаго завода. Гапонъ рѣшительно заявилъ своимъ, что если „Общество“ не будетъ на это реагировать, значитъ оно ничего не стоитъ, и онъ изъ него выступитъ. Тогда рѣшено было объявить стачку на Путиловскомъ заводѣ и затѣмъ остановить все производство въ Петербургѣ. Такъ и сдѣлали, и имъ удалось это безъ труда, такъ какъ они имѣли связи повсюду (кстати, въ депутацію отъ путиловскаго завода къ начальству онъ „назначилъ“ двухъ еврейскихъ рабочихъ).

То, что онъ избѣжалъ ареста, хотя полиція его искала, онъ объ-

ясняетъ слѣдующими причинами: 1) событія развивались слишкомъ быстро, 2) на собраніяхъ, на которыхъ присутствовали тысячи рабочихъ, не было возможности взять его, 3) онъ не ночевалъ дома, 4) квартира, гдѣ онъ ночевалъ, охранялась патрулями изъ 30 вооруженныхъ рабочихъ.

Передъ 9 января онъ основалъ при „Обществѣ" два товарищества: потребительное и производительное, которыя, по его расчету, давали бы не менѣе 100.000 руб. дохода въ годъ (доходъ, чтобы не дать проникнуть къ рабочимъ „буржуазнаго духа", долженъ былъ итти въ пользу „Общества"). Имѣлъ въ виду основать рабочія общества по примѣру петербургскаго и въ Москвѣ, Кіевѣ и др. городахъ. Въ Москву ѣздилъ позондировать почву и убѣдился, что тамъ можно сдѣлать еще больше, чѣмъ въ Петербургѣ, слѣдуетъ начать съ союза типографщиковъ; зубатовское общество въ Москвѣ насквозь прогнило, но и его можно очистить отъ провокаторскихъ элементовъ. Послѣ посѣщенія имъ Москвы Сергѣй Александровичъ написалъ черезъ Трепова донесеніе Плеве о томъ, что онъ, Гапонъ, опасный человѣкъ и что его слѣдуетъ убрать; спасла его кстати подоспѣвшая смерть Плеве.

На будущее, сказалъ онъ, онъ смотритъ пессимистически: онъ полагаетъ, что ближайшее возстаніе еще будетъ подавлено; внушаетъ ему опасенія политика правительства, натравляющаго босяковъ на интеллигенцію и крестьянъ на помѣщиковъ и интеллигенцію".

Женева, 18 марта 1905 г.

Сообщилъ Z.

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.

(*Продолженіе*[1]).

III.

Положеніе 19 февраля не сразу уничтожало крѣпостное состояніе. До введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, т. е. въ теченіе 2-хъ лѣтъ, крестьяне должны были отбывать помѣщику повинности на прежнемъ основаніи. Были сдѣланы лишь ничтожныя облегченія. Помѣщики не имѣли права переводить крестьянъ съ оброка на смѣшанную повинность, а съ послѣдней на барщину. Были введены нѣкоторыя незначительныя облегченія въ барщинныя повинности, а женская барщина (въ юго-западныхъ губерніяхъ и мужская) уменьшалась на $^1/_3$. Всякіе добавочные сборы съ крестьянъ или дани сельскими продуктами, равно какъ и всѣ добавочные и сгонные работы и наряды, исполнявшіеся сверхъ трехдневной барщины, были отмѣнены. До образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ помѣщики сохранили право разбирать и судить крестьянъ и подвергать ихъ взысканіямъ и наказаніямъ съ тѣмъ, чтобы тѣлеснымъ наказаніямъ они подвергались черезъ полицію. Немедленно прекращались: перекрѣпленіе личныхъ правъ на крестьянъ и дворовыхъ людей другимъ лицамъ, переселенія крестьянъ на другія земли, отдача крестьянъ въ работу и въ услуженіе и отдача крестьянъ въ исправительныя учрежденія. Крестьяне получили право: вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, пріобрѣтать недвижимую собственность; вступать въ договоры и подряды, торговать, записываться въ цехи и вчинять иски и жалобы. Положеніе признавало помѣщика собственникомъ всѣхъ полевыхъ угодій и усадебной осѣдлости крестьянъ, — но это право собственности выражалось въ полученіи вознагражде-

[1]) См. „Минувшіе Годы". Май—Іюнь.

нія за пользованіе землею, причемъ размѣръ его регулировался закономъ. Вознагражденіе могло итти помѣщикамъ въ видѣ барщины, принявшей форму урочнаго положенія, или въ видѣ оброка. Усадебную осѣдлость крестьяне могли выкупать за опредѣленную Положеніемъ сумму безъ согласія помѣщиковъ.

. При опредѣленіи повинностей и надѣловъ Положеніе исходило изъ существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ. Размѣръ надѣла былъ ограниченъ maximum'омъ и minimum'омъ. Maximum былъ низокъ и не могъ вполнѣ обезпечивать существованіе крестьянъ; minimum тѣмъ болѣе не могъ этого сдѣлать.

Помѣщику было предоставлено право оставлять себѣ до $^1/_3$ земель, причемъ въ расчетъ принимались только удобныя полевыя угодья и лѣсъ, находившіеся въ районѣ 12 верстъ отъ селенія (въ степной полосѣ помѣщикъ могъ оставить за собою $^1/_2$ земель). Отрѣзка земель была ограничена только тѣмъ, чтобы размѣръ надѣла никакъ не понижался ниже minimum'a. Положеніемъ была дана широкая возможность заключенію добровольныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками при составленіи уставныхъ грамотъ. При отсутствіи же добровольнаго соглашенія уставная грамота, опредѣлявшая поземельныя и повинностныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, должна была быть составленною черезъ 2 года послѣ обнародованія Положенія мировыми посредниками согласно его правиламъ. Въ отношеніи размѣровъ надѣловъ новороссійскія и великороссійскія губерніи были раздѣлены Положеніемъ на 3 полосы: 1) нечерноземную, раздѣленную на 9 мѣстностей, въ которыхъ maximum колебался отъ 3 до 7 десятинъ; 2) черноземную (8 мѣстностей), въ которой maximum колебался отъ 2 дес. 1800 кв. саж. до 6 дес. и 3) степную (12 мѣстностей), въ которой былъ введенъ указной надѣлъ, опредѣленный закономъ, отъ 3 до 12 дес. на душу. Minimum въ этихъ губерніяхъ (кромѣ губерній степной полосы) назначенъ въ треть низшаго. На всемъ этомъ пространствѣ господствуетъ общинное землевладѣніе и сохранена круговая порука для исправнаго отбыванія платежей. Тамъ, гдѣ было подворное владѣніе,—оно осталось безъ измѣненія. Въ губерніяхъ малороссійскихъ (черниговская, харьковская и полтавская) общинное землевладѣніе и круговая порука отсутствовали. Только повинности за мірскую землю падаютъ на все сельское общество, каждый же отдѣльный домохозяинъ отвѣчаетъ только за себя. При надѣленіи землею принимались въ расчетъ всѣ ревизскія души даннаго крестьянскаго общества, и земля, отведенная такимъ образомъ, называлась громадскою. За крестьянами оставались прежніе участки. Если помѣщики прирѣзали землю, то изъ нея давались участки прежде всего

безземельнымъ, а оставшееся разверстывалось между пѣшими хозяевами по усмотрѣнію общества. Maximum былъ опредѣленъ для каждой губерніи различно: въ полтавской губ. (2 мѣстности) отъ $2^3/_4$—$3^1/_2$ дес.; въ черниговской (3 мѣстности)—отъ $2^3/_4$,—4 и $4^1/_2$ дес. и въ харьковской (4 мѣстности)—3—$3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$ дес. Minimum равнялся половинѣ высшаго надѣла. Въ юго-западныхъ губерніяхъ (подольской, волынской и кіевской) были сохранены надѣлы, опредѣленные инвентарными правилами, и дозволено въ продолженіе 6 лѣтъ (съ 1861 г.) просить о возвращеніи земель, отнятыхъ отъ крестьянъ вопреки инвентарнымъ правиламъ. Надѣлы раздѣлялись на коренные и дополнительные. Коренной надѣлъ соотвѣтствовалъ пѣшему двору, а тяглому давался второй пѣшій надѣлъ. Minimum'а назначено не было. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ крестьянамъ оставлены участки, какими они пользовались по инвентарнымъ правиламъ. У помѣщика должна была остаться треть земель. Повинности опредѣлялись по прежнимъ правиламъ. Въ западныхъ губерніяхъ Положеніе закрѣпило много безземельныхъ крестьянъ. Послѣ польскаго возстанія крестьяне были переведены на обязательный выкупъ съ уменьшеніемъ исчисленной выкупной суммы на 20% и съ возможностью пониженія оброка, кромѣ того, на 15%. Въ тотъ же періодъ времени послѣдовало распоряженіе о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ сѣверо-западнаго края тремя десятинами (безъ усадьбы) на семью и объ устройствѣ быта батраковъ и бобылей западныхъ уѣздовъ витебской губерніи. Результатомъ этихъ мѣропріятій было увеличеніе пространства крестьянскихъ надѣловъ отъ 25—70% и уменьшеніе повинностей отъ 60 до 182% въ юго-западномъ и отъ 2 до 16% въ сѣверо-западномъ краѣ.

При опредѣленіи повинностей было допущено одно условіе, сразу ставившее крестьянъ въ необезпеченное положеніе. При опредѣленіи размѣра ихъ принимались во вниманіе доходность земли и выгоды отъ промысловыхъ заработковъ населенія. Этимъ заранѣе признавалось несоотвѣтствіе платежей съ доходностью земли, и крестьяне вынуждались на посторонніе заработки въ видѣ арендъ, отхожихъ промысловъ и т. п. Это условіе заключаетъ и другую темную сторону крестьянской реформы. Подъ этимъ видомъ былъ проведенъ косвенный выкупъ личности, такъ какъ налагался платежъ на трудоспособность крестьянина. Оброки опредѣлялись различно для каждой мѣстности для высшаго размѣра надѣла и понижались по мѣрѣ уменьшенія его до minimum'а. При этомъ платежи за десятину понижались обратно пропорціонально измѣненію величины надѣла. Чѣмъ меньше былъ надѣлъ, тѣмъ выше была плата за каждую отдѣльную десятину. Происходило это изъ-за, такъ называемой, градаціи пла-

тежей. При составленіи Положенія было принято за основаніе, что въ меньшую единицу земли крестьянинъ можетъ вложить большій капиталъ и больше труда, чѣмъ на большій надѣлъ, а слѣдовательно и получать больше дохода. Поэтому за первую десятину брали половину высшаго оброка, за вторую—четверть, а на остальныя распредѣляли равномѣрно остальную часть высшаго оброка. Напримѣръ, при 8 десятинахъ высшій оброкъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: за 1-ую десятину—4 рубля, за 2-ую—1 р. 60 к., а за остальныя по $56^2/_3$ коп. Такимъ образомъ, крестьянинъ, получая высшій надѣлъ, платилъ по 1 р. $12^1/_2$ коп. за десятину; за низшій же надѣлъ въ $2^2/_3$ десятины приходилось платить 5 р. 79 коп., т. е. по 2 р. 47 к. за десятину, или въ 2 раза больше, чѣмъ за одну десятину высшаго надѣла.

Временно-обязанныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ могли прекращаться путемъ выкупа земель въ собственность. Выкупъ могъ происходить путемъ добровольнаго соглашенія между крестьянами и помѣщиками, или по требованію помѣщика, причемъ выкупъ происходилъ безъ помощи правительства и съ помощью его. Помощь правительства выражалась въ выдачѣ помѣщику $^4/_5$ выкупной суммы съ уплатою остальной суммы самими крестьянами при добровольномъ соглашеніи и безъ уплаты, если выкупъ совершался по требованію помѣщика. Крестьяне дѣлались такимъ образомъ должниками правительства и уплачивали ему 6%, изъ которыхъ 5% шло помѣщику, а 1% шелъ на покрытіе издержекъ по выкупной операціи и на погашеніе крестьянскаго долга. Уплата выкупной суммы растягивалась этимъ путемъ на 49 лѣтъ со дня заключенія выкупного акта. Выкупная сумма опредѣлялась путемъ капитализаціи опредѣленнаго уставною грамотою оброка изъ 6%. Крестьяне могли и безплатно освободиться отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику, получивъ $^1/_4$ высшаго надѣла.

Успѣхъ какого бы то ни было закона въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ его приложенія и введенія въ жизнь, а здѣсь сразу же приходится наталкиваться на отрицательныя явленія. Реакція къ 1861-му году успѣла возрасти. Защитники крестьянской реформы подвергались гоненію, а выдвигали на ихъ мѣста людей, стоявшихъ за дворянскіе интересы. Многіе либеральные губернаторы, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣло проведеніе реформы, постепенно были смѣщены. Салтыковъ слѣдующими словами описывалъ результатъ этой реакціи послѣ 1861 г. „Вліятельными практическими дѣятелями на почвѣ 19 февраля явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванія при малѣйшемъ намекѣ на эту почву. Люди же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго влія-

нія на правильный исходъ его, но даже къ великой потѣхѣ многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами" [1]). „Грозная туча циркуляровъ и разъясненій носилась надъ новорожденнымъ Положеніемъ 19 февраля, поражая то ту, то другую статью его своими молніеносными ударами, исполнители которыхъ не желали склоняться передъ ними и замѣнялись другими" [2]), пишетъ б. мировой посредникъ Обнинскій объ этомъ времени.

Всѣ дѣла, касавшіяся крестьянъ, были сосредоточены съ 1861 г. въ учрежденномъ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Составъ его членовъ былъ тотъ же, что и въ главномъ комитетѣ, предсѣдателемъ былъ назначенъ либеральный великій князь Константинъ Николаевичъ, занимавшій этотъ постъ до самаго закрытія комитета въ 1882 г. Далѣе проведеніе реформы зависѣло отъ состава губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, гдѣ сосредоточивался разборъ недоразумѣній, возникавшихъ при введеніи Положенія. Членами присутствій были частью чиновники, частью дворяне. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были либеральные губернаторы, и до тѣхъ поръ, пока господствовали либералы въ правительственныхъ сферахъ, крестьянскіе интересы и здѣсь защищались. Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ были подчинены мировые съѣзды, состоявшіе изъ мировыхъ посредниковъ и члена отъ правительства по назначенію, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянъ. Кругъ вліянія посредниковъ былъ очень широкъ. Они должны были въ случаѣ добровольнаго соглашенія крестьянъ и помѣщика удостовѣриться въ добровольности, а въ случаѣ отсутствія этого условія составить уставную грамоту по Положенію и привести ее въ исполненіе. Въ случаѣ недоразумѣній посредникъ долженъ былъ обращаться въ мировой съѣздъ. Съѣзды и посредники должны были ввести волостныя правленія, суды, руководить ими; имъ были подчинены непосредственно волостное начальство и крестьяне. Мировые посредники имѣли право наказывать крестьянъ, въ случаѣ неповиновенія призывать даже военную силу. Образовательнаго ценза отъ нихъ не требовалось, если они были потомственными дворянами, мѣстными помѣщиками и имѣли не менѣе 500 десятинъ земли (считая и ту, которая находилась въ пользованіи крестьянъ) или же имѣли право избирательнаго голоса въ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Мировые посредники I призыва назначались на 3 года, а служили $3^1/_2$; мировые

---

[1]) М. Е. Салтыковъ. „Письма о провинціи". Собр. сочиненій.
[2]) Обнинскій. „Воспоминаніе юриста". Русскій Архивъ, 1892 г., № 1, стр. 127.

посредники II призыва оставались впредь до образованія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Увольненіе мировыхъ посредниковъ зависѣло отъ сената, но на практикѣ увольненіе достигалось путемъ постановленія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія упразднить тѣ или другіе участки. Выборъ лицъ въ мировые посредники зависѣлъ отъ губернатора, а потому составъ ихъ былъ очень разнообразенъ и зависѣлъ какъ отъ степени либерализма того или другого губернатора, такъ и отъ вѣяній въ правительственныхъ сферахъ, съ которыми сообразовались губернскія власти. Въ калужской губерніи, напримѣръ, при Арцимовичѣ составъ мировыхъ посредниковъ, а слѣдовательно, и съѣздовъ былъ очень хорошъ. Губернаторъ всячески содѣйствовалъ ихъ усиліямъ склонять вѣсы въ пользу крестьянъ въ дѣлѣ реформы. Повинности, насколько возможно, уменьшались, крестьянамъ растолковывались ихъ права и обязанности по Положенію, чтобы крестьяне съ полнымъ сознаніемъ соглашались на составленіе уставныхъ грамотъ. Обнинскій разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что у нихъ (онъ служилъ мировымъ посредникомъ въ калужской губ. при Арцимовичѣ) происходили періодическіе участковые съѣзды, посѣщавшіеся очень аккуратно, несмотря на громадныя разстоянія, которыя приходилось инымъ дѣлать; изъ 35 мировыхъ посредниковъ не принимали въ нихъ участія человѣка 2—3. На этихъ съѣздахъ разрѣшались спорные и трудные вопросы при введеніи Положенія. Но тотъ же Обнинскій признаетъ, что, благодаря Арцимовичу, калужская губернія имѣла такой составъ мировыхъ посредниковъ, „подобнаго которому не имѣла ни одна губернія“ [1]). Хорошъ былъ составъ мировыхъ посредниковъ и въ тверской губерніи. Въ 1862 г. 13 лицъ изъ состава служащихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ было арестовано и предано суду сената. Причиною было поданное ими официальное заявленіе (отъ 5 февраля 1862 г.) о полной солидарности съ тверскимъ дворянскимъ собраніемъ, которое въ прошеніи государю заявило: 1) о несостоятельности законовъ 19 февраля; 2) о необходимости предоставить крестьянамъ земли въ собственность; 3) о несостоятельности сословныхъ привеллегій и 4) о несостоятельности правительства удовлетворить общественнымъ требованіямъ,— и указало единственный неизбѣжный путь: собраніе представителей народа безъ различія сословій“ [2]). Эти 13 лицъ писали въ заявленіи, что они „считаютъ долгомъ принять это убѣжденіе руководствомъ ихъ дѣятельности и заявляютъ, что всякій образъ дѣйствія, противный этому убѣжденію,

---

[1]) Обнинскій. „В. А. Арцимовичъ въ калужской губ. въ 1861—63 г.“ Русск. Старина, 1897 г., № 4, стр. 111.

[2]) Смотр. также книгу А. А. Корнилова. „Крестьянская реформа въ калужской губ. при Арцимовичѣ“. Спб. 1904 г.

признаютъ враждебнымъ обществу" [1]). Еще раньше--12 декабря 1861 г.—тверскіе мировые посредники заявляли гласно, что „единственный выходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ—обязательный выкупъ и установленіе общественнаго порядка на взаимномъ довѣріи между правящими и управляемыми" [2]). О хорошемъ составѣ мировыхъ посредниковъ тверской губерніи свидѣтельствуетъ Носовичъ, членъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ 3-хъ уѣздовъ новгородской губерніи; такому составу приписываетъ онъ, что „дѣло составленія уставныхъ грамотъ идетъ въ тверской губерніи лучше, чѣмъ гдѣ-либо" [3]). Но такъ было не во всѣхъ губерніяхъ. Корреспондентъ „Колокола" сообщалъ въ 1861 г., что должность мировыхъ посредниковъ почти вездѣ продается (исключеніе, по его словамъ, развѣ калужская губернія). Въ Орловской Сафановичъ назначилъ рѣшительную цѣну въ 1000 р., за что и причисленъ къ министерству внутр. дѣлъ. Въ другихъ губерніяхъ торгуютъ не такъ откровенно, если не на деньги, то по связямъ. „Многіе гвардейцы, пишетъ корреспондентъ, получили мѣста членовъ губернскихъ присутствій и мировыхъ прямо отъ Ланского и К°. Всюду насажали родичей. Саратовская, симбирская и самарская губерніи составляютъ почти сплошную вотчину Кочубея, Щербатовыхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Орловыхъ-Давыдовыхъ, Храповицкихъ. Ими этотъ благословенный край доведенъ до того, что мужикъ, сидя на черноземѣ, разоренъ и обобранъ, какъ бѣлорусъ" [4]). Въ томъ же родѣ было сообщеніе въ „Колоколѣ" изъ Смоленска. „Въ смоленской губ., пишетъ корреспондентъ, большая часть мировыхъ посредниковъ назначена и назначается губернаторомъ по протекціи, просьбамъ и интригамъ, а потому въ средѣ дѣйствительно достойныхъ людей много бездарныхъ молодцовъ" [5]). Демертъ, характеризуя мировыхъ посредниковъ своей губерніи (очевидно, казанской), говоритъ: „въ нашей мѣстности болѣе $^{2}/_{3}$ должностей мировыхъ дѣятелей замѣщенъ былъ людьми военными, преимущественно отставными—отъ генералъ-майора до подпоручика и ротмистра включительно, по всѣмъ частямъ регулярныхъ войскъ" [6]). Рисуя дѣятельность мировыхъ посредниковъ, Демертъ даетъ довольно мрачную картину. Онъ различаетъ между посредниками нѣсколько типовъ: 1) либераловъ, стоявшихъ приблизительно на стражѣ закона и защищавшихъ интересы крестьянъ; 2) посредниковъ-карьеристовъ, стремившихся угодить и помѣщикамъ, и правительству, сообразуясь съ гос-

---

1) „Колоколъ", 1862 г., № 126.
2) „Колоколъ", 1862 г., № 126.
3) Носовичъ. „Записки", стр. 78—79.
4) „Колоколъ", 1861 г., № 103.
5) „Колоколъ", 1862 г., № 127.
6) Демертъ. „Новая Воля". „Отеч. Зап." 1869 г., № 11, стр. 211.

подствовавшимъ теченіемъ въ послѣднемъ; 3) посредниковъ—баръ, добрыхъ по лѣни, служащихъ ради чести и мало работавшихъ; 4) „галантерейныхъ" посредниковъ, много шумящихъ, „путаниковъ", фактически ничего не дѣлающихъ и 5) посредниковъ—„драчуновъ", пускавшихъ руки въ ходъ при разборѣ дѣлъ, т. е. не отказавшихся еще отъ крѣпостныхъ привычекъ. Наилучшими для крестьянскаго дѣла Демертъ считаетъ первую группу и третью. Демертъ указываетъ на невѣжество иныхъ мировыхъ посредниковъ, неумѣнье разобраться въ сложныхъ вопросахъ, выдвигаемыхъ проведеніемъ Положенія въ жизнь: губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію приходилось разъяснять самые мелочные вопросы [1]). Характерно въ этомъ отношеніи распоряженіе одного мирового посредника въ 1862 г. Этотъ мировой посредникъ, мѣсто дѣятельности котораго, къ сожалѣнію, неизвѣстно, принялъ буквально слова манифеста о томъ, чтобы вниманіе земледѣльческаго населенія не отвлекалось бы отъ земледѣлія. Очевидно, въ его мѣстности были распространены отхожіе промыслы. Въ своемъ приказѣ волостнымъ правленіямъ, мировой посредникъ обращаетъ вниманіе, что волостное и сельское начальство увольняетъ крестьянъ на продолжительное время (даже на годъ) въ отдаленныя губерніи („какъ-то въ Керчь"). Ссылаясь на запрещеніе отдавать недоимщиковъ въ наймы дальше сосѣднихъ уѣздовъ (въ данномъ случаѣ совершенно неподходящая ссылка), мировой посредникъ приказываетъ уничтожить всѣ условія и свидѣтельства, если они влекли за собою отлучку въ другія губерніи (дальше сосѣднихъ уѣздовъ); въ противномъ случаѣ онъ грозилъ волостному и сельскому начальству наказаніями. „Требованіе мирового посредника, говорится въ сообщеніи объ этомъ фактѣ, поставило крестьянъ въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что циркуляръ послѣдовалъ въ такое время, когда многіе заключили уже сдѣлки на отхожіе промыслы. Если бы не вмѣшательство одного лица, заставившаго мирового посредника отказаться отъ своего толкованія Положенія, то въ исторіи крестьянской реформы прибавился бы еще одинъ, такъ наз., „бунтъ крестьянъ" [2]). О непониманіи Положенія и своихъ обязанностей мировыми посредниками свидѣтельствуетъ и Носовичъ въ своихъ „Запискахъ". „Меня удивляетъ, пишетъ Носовичъ въ своемъ дневникѣ,.. малое знакомство г.г. старорусскихъ посредниковъ съ надлежащимъ духомъ ихъ призванія; такъ, напримѣръ, посредникъ Карцовъ производитъ слѣдствіе по дѣламъ уголовнымъ, до его круга дѣятельности совершенно неотносящимся; между тѣмъ не выполняетъ своихъ прямыхъ обязанностей—

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля". „Отеч. Зап.", 1869 г., № 10, стр. 393.
[2]) Сообщеніе П. Н. Вереха. „Русск. Старина", 1902 г., № 8, стр. 288.

я насилу могъ убѣдить его въ вопіющей неправильности его образа дѣйствій... Всѣ эти промахи происходятъ отъ того, что онъ считаетъ себя *начальникомъ* своего участка, т. е. лицомъ, совмѣщающимъ въ себѣ всѣ роды властей: административную, полицейскую и судебную; словомъ, онъ видитъ въ себѣ какого-то падишаха, правда, дѣйствующаго съ цѣлью благонамѣренною, но все-таки падишаха... Подобные промахи, хотя и не столь рѣзкіе, встрѣчаются и у другихъ мировыхъ посредниковъ; причина этого одна и та же, а именно та, что господа эти считаютъ себя начальниками участка, а потому вмѣшиваются не въ свое дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ упускаютъ изъ вида дѣйствительное свое назначеніе" [1]). Произвольность толкованій Положенія и всѣхъ распоряженій мировыхъ посредниковъ хорошо характеризуется, между прочимъ, отношеніемъ ихъ къ составленію уставныхъ грамотъ. Одни мировые посредники считали необходимымъ добиваться добровольныхъ соглашеній между крестьянами и помѣщиками, требовали принятія уставныхъ грамотъ и ихъ подписи уполномоченными отъ крестьянъ; при отказѣ послѣднихъ отъ того и другого, подобные мировые посредники прибѣгали нерѣдко къ репрессіямъ вплоть до введенія военныхъ командъ въ селенія, тѣлеснаго наказанія и постоя войскъ. На этой почвѣ извѣстно много волненій въ курской губерніи. Изъ харьковской губерніи сообщали въ „Общее Вѣче", что „мировой посредникъ окруженъ губернаторомъ, жандармскимъ полковникомъ и отрядомъ солдатъ—для подписыванія уставныхъ грамотъ [2]). Нѣкоторые мировые посредники относились къ подписи уставныхъ грамотъ уполномоченными и къ оффиціальному принятію грамоты крестьянами, какъ къ чему-то несущественному, предпочитая составлять уставныя грамоты и вводить ихъ на точномъ основаніи Положенія 19 февраля. Однимъ словомъ, здѣсь каждый молодецъ дѣйствовалъ на свой образецъ. Нечего и говорить, что были и такіе мировые посредники, которые составляли уставные грамоты келейно съ помѣщиками, руководствуясь не Положеніемъ, а исключительно интересами помѣщика.

Помимо невѣжества, произвольности толкованій Положенія, нѣкоторые авторы отмѣчаютъ крайнюю небрежность лицъ, служащихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, по отношенію къ своимъ обязанностямъ. Нѣкоторые мировые посредники, по указанію Демерта, считали особою заслугою составить въ короткое время наибольшее количество уставныхъ гра-

---

[1]) Носовичъ. „Крестьянская реформа въ новгородской губ." 1861—1863 г съ предисловіемъ В И. Семевскаго. Петербургъ 1900 г. Для читателя, желающаго ближе ознакомиться съ крестьянскою реформою въ эпоху 1861—63 г., „Записки" С. И. Носовича дадутъ богатый и цѣнный матеріалъ.

[2]) „Общее Вѣче", 1862 г., № 7.

мотъ и, конечно, составляли ихъ кое-какъ, наспѣхъ. „Ну, и хороши же, говоритъ Демертъ, за то выходили грамоты... Повѣрка грамотъ, для скорости, производилась наобумъ, иногда зимою, когда земельный надѣлъ былъ покрытъ огромными буграми снѣга. Крестьянскій надѣлъ въ этихъ скороспѣлыхъ грамотахъ обыкновенно показывался приблизительно, на вѣру, потому что ни плановъ, ни времени для ихъ составленія, ни достаточнаго количества землемѣровъ не откуда было взять" [1]). Сколько недоразумѣній, какія злоупотребленія могли происходить отъ такого рода дѣятельности, ухудшая и безъ того плохое экономическое положеніе крестьянъ. Иные мировые посредники совершенно игнорировали свои обязанности. Демертъ разсказываетъ объ одномъ мировомъ посредникѣ, который за болѣзнью и собственными дѣлами, не имѣлъ времени исполнять свои посредническія обязанности. За него исполняла ихъ старуха—его жена, а за хозяйскимъ недосугомъ послѣдней — одинъ изъ дежурныхъ по хозяйству малолѣтнихъ ея племянниковъ [2]). „Иной (посредникъ), говоритъ Демертъ, заѣдетъ въ чужой уѣздъ или даже губернію и сидитъ тамъ себѣ въ своемъ помѣстьѣ, даже жалованье съѣздитъ получить за нѣсколько мѣсяцевъ вразъ, а мужикъ ищетъ его понапрасну и иной разъ не отыскиваетъ даже на мировомъ съѣздѣ" [3]).

Такое отношеніе мировыхъ посредниковъ отражалось, конечно, и на мировыхъ съѣздахъ. Демертъ сообщаетъ о своей губерніи, что „мировые съѣзды въ самомъ началѣ своего существованія пріобрѣли чисто домашній, халатный характеръ"... На второмъ году своего существованія съѣзды во многихъ уѣздахъ не собирались вовсе... Перестали, разумѣется, ходить на нихъ и просители-мужики, у которыхъ безплодное хожденіе на мировые съѣзды выражалось фразою „напрасно лапти драть" [4]).

„Всѣ, такъ наз., текущія дѣла, пишетъ Демертъ, обыкновенно разрѣшалъ одинъ изъ членовъ, который поумнѣе, или просто секретарь, а прочіе только подписывали" [5]). Носовичъ свидѣтельствуетъ о томъ же относительно новгородской губерніи. Вернувшись со старорусскаго мирового съѣзда, онъ даетъ въ своемъ дневникѣ такую рѣзкую характеристику его. „Въ нынѣшнее засѣданіе было очень много дѣлъ для разбора и разсмотрѣнія, и такъ какъ всѣ члены съѣзда... принадлежатъ къ категоріи равнодушныхъ и лѣнивыхъ къ дѣлу, то весь матеріальный трудъ, какъ самаго разбора ихъ и составленія постановленій, такъ и направленія

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зак., 1863 г., № 11, стр. 251.
[2]) Ibid., стр. 252.
[3]) Носовичъ. „Записки", стр. 133.
[4]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1863 г., № 11, стр. 251.
[5]) Ibid., стр. 252.

дѣлъ, лежалъ, по несчастью, на мнѣ. Несостоятельность убѣжденій г.г. членовъ съѣзда также поразительна; никто изъ нихъ никогда не думаетъ защищать своего воззрѣнія на предметъ; всякій выжидаетъ, что скажетъ другой; всякій радъ, если кто-нибудь выскажется напередъ, чтобы можно было бы упереться на готовое мнѣніе безъ труда размышленія. Благодаря такому составу членовъ съѣзда не трудно провести въ немъ то или другое воззрѣніе и осуществить желаемое рѣшеніе дѣла" [1]). Помимо всего вышеизложеннаго, многіе мировые посредники сознательно держали сторону помѣщиковъ, совершали прямыя злоупотребленія въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ интересамъ крестьянъ. У Носовича можно почерпнуть не мало фактовъ, подтверждающихъ это положеніе. Такъ послѣ одного изъ мировыхъ съѣздовъ Носовичъ указываетъ въ своемъ дневникѣ, что мировые посредники новгородскаго уѣзда усвоили себѣ по вопросу составленія уставныхъ грамотъ „беззаконный, несправедливый, односторонній взглядъ", а именно: „они не только толкуютъ законоположеніе въ пользу помѣщиковъ, но прямо отступаютъ или не исполняютъ прямыхъ указаній его, руководствуясь личными выгодами владѣльцевъ" [2]). Онъ высказываетъ подозрѣніе, что этихъ принциповъ держатся мировые посредники и въ другихъ дѣлахъ, не выходящихъ до мирового съѣзда. Носовичъ заявилъ даже по этому поводу протестъ на новгородскомъ мировомъ съѣздѣ и подалъ особое мнѣніе въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. „При повѣркѣ грамотъ, говоритъ онъ по поводу другого мирового съѣзда того же уѣзда, законъ совершенно не соблюдается, и грамоты составляются по какимъ-то хозяйственнымъ соображеніямъ, уравновѣшивающимъ будто бы взаимныя хозяйственныя выгоды и пользы какъ помѣщика, такъ и крестьянъ; разумѣется, этого нѣтъ и быть не можетъ на самомъ дѣлѣ; пользы и выгоды помѣщиковъ всегда преобладаютъ" [3]). Приблизительно то же говоритъ Носовичъ и по поводу старорусскаго мирового съѣзда новгородской губерніи. „При обсужденіи уставныхъ грамотъ, неподписанныхъ крестьянами, т. е. составленныхъ не по обоюдному соглашенію, а на основаніи правилъ Положенія, члены мирового съѣзда, стараясь сохранить хозяйственныя выгоды помѣщиковъ, желаютъ отступить отъ статей законоположенія, говоря, что это несоблюденіе такъ незначительно и что тягость его, распадаясь на все число душъ сельскаго общества, дѣлаетъ для крестьянъ совершенно нечувствительнымъ отступленіе

---

[1]) Носовичъ. „Записки", стр. 133.
[2]) Носовичъ. „Записки", стр. 100—101.
[3]) Ibid., стр. 146.

отъ закона" [1]). О мировомъ посредникѣ демянскаго уѣзда, нѣкоемъ Шестаковѣ, Носовичъ разсказываетъ, что „онъ смотритъ, повидимому, на свое призваніе съ точки зрѣнія земской полиціи, онъ относится къ крестьянамъ не иначе, какъ къ сторонѣ отвѣтствующей, онъ видитъ въ совершающемся великомъ дѣлѣ несправедливую борьбу и со своей стороны помогаетъ дворянамъ имѣть въ ней всегда и во всемъ перевѣсъ надъ крестьянами" [2]).

Да и помимо „Записокъ" Носовича можно набрать много фактовъ составленія уставныхъ грамотъ и веденія всего дѣла мировыми посредниками въ пользу помѣщиковъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы дѣло крестьянъ села Конохова, владимирской губерніи, которые въ продолженіе 10 лѣтъ не пользовались своими надѣлами, не платили оброка и дошли до полнаго обнищанія. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе само признало въ 1872 г., что „нѣкоторыя недоимки (крестьянъ) произошли отъ *неблагопріятнаго* устройства экономическаго быта крестьянъ, *тягостныхъ* требованій помѣщика и *неблагоразумныхъ и противозаконныхъ* дѣйствій мировыхъ посредниковъ и полиціи" [3]). Пристрастность дѣйствія мирового посредника явствуетъ хотя бы изъ того, что вся присельная земля, окружающая *избы* конохинскихъ крестьянъ, была признана по уставной грамотѣ собственностью помѣщика (И—ва), такъ что даже кабакъ и общественные хлѣбные магазины оказались выстроенными на землѣ И—ва; объ огородахъ, дворахъ и прочихъ угодьяхъ нечего и говорить. Вмѣсто части присельной земли, отобранной отъ крестьянъ, И—въ далъ дополнительныя земли въ пустошахъ за 5 верстъ отъ деревни, въ костромской губерніи. Слѣдовательно, крестьяне имѣли доступъ къ ней только черезъ прогонъ по помѣщичьей землѣ. Вся земля, кромѣ того, была худого качества. Между тѣмъ оказывается по справкамъ, что при деревнѣ Коноховѣ г. И—въ *никогда не владѣлъ землею*, такъ что вся земля, какъ присельная, такъ и пустошная была въ постоянномъ пользованіи крестьянъ и только послѣ составленія уставной грамоты неожиданно очутилась во владѣніи г-на И—ва". Въ уставной грамотѣ „о надѣлѣ крестьянъ говорится глухо, неясно и вовсе не упоминается о томъ, кто изъ крестьянъ находились въ качествѣ понятыхъ при введеніи уставной грамоты" [4]). Въ курской губерніи мировые посредники большею частью также не только не растолковы-

---

[1]) Ibid., стр. 121.
[2]) Ibid., стр. 81.
[3]) Миропольскій. „Крестьянская реформа въ д. Коноховѣ (владимирской губ.)". Бесѣда, 1872 г., № 2, стр. 15.
[4]) Миропольскій. „Крестьянская реф. въ дер. Коноховѣ". Бесѣда 1872 г., № 2, стр. 15.

вали крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей, но сами защищали помѣщичьи интересы при составленіи уставныхъ грамотъ, уменьшая надѣлы, увеличивая платежи и призывая, въ случаѣ несогласія ихъ принять подобную уставную грамоту, военныя команды для усмиренія.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такія отрицательныя черты дѣятельности многихъ мировыхъ посредниковъ, должно сказать, что въ общемъ мировые посредники I призыва и по составу своему, и по дѣятельности были несравненно выше мировыхъ посредниковъ II призыва. Первые помогли при недоразумѣніяхъ крестьянъ съ помѣщиками, разъясняя имъ законъ и Положеніе и предотвращая такимъ образомъ вмѣшательство суровой военной власти при волненіяхъ. Дѣятельность ихъ вызвала даже такой дифирамбъ у декабриста Бѣляева. „Первыми посредниками, говоритъ онъ, очень счастливо были выбраны люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія. Все лучшее въ Россіи по состоянію, образованію, все отмѣченное общественнымъ голосомъ по нравственнымъ качествамъ, все, что было самаго благороднаго, либеральнаго, отозвалось на зовъ государя и стало въ ряды дѣятелей въ святомъ призваніи. Первыя ихъ дѣйствія уже доказали народу, что его участь очутилась въ рукахъ крѣпкихъ, неподкупныхъ, безпристрастныхъ, справедливыхъ... И вотъ эти *первые* посредники сразу пріобрѣли полное довѣріе народа, его уваженіе и благодарную любовь“ [1]). Конечно, это преувеличенная оцѣнка, которой рѣзко противорѣчатъ вышеприведенные факты. По свидѣтельству Носовича, напримѣръ, посредники новгородскаго уѣзда не только не пріобрѣли довѣрія среди крестьянъ, не имѣли никакого авторитета среди нихъ, но крестьяне попросту не слушали ихъ [2]). Тѣмъ не менѣе этотъ отзывъ любопытенъ, какъ впечатлѣніе, производимое положительными сторонами дѣйствій мировыхъ посредниковъ въ такихъ мѣстахъ, какъ калужская губернія, тверская и мѣстами въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Но по мѣрѣ разгара реакціи составъ мировыхъ посредниковъ ухудшался, проявлялось крѣпостничество многихъ лицъ, а слѣдовательно, ухудшалось проведеніе Положенія 19 февраля въ жизнь.

Изъ самаго бѣглаго обзора главнѣйшихъ пунктовъ Положенія 19 февр. 1861 г. ярко выступаетъ разница между волею, которую далъ крестьянамъ императоръ Александръ II и волею, которую ожидали отъ царя крестьяне. Вмѣсто полной отмѣны всякихъ крѣпостныхъ отношеній съ момента объявленія воли крестьяне должны были оставаться почти на прежнемъ положеніи впредь до составленія уставныхъ грамотъ, которыя могли тянуться 2 года. Та же барщина, тѣ же оброки,

---

[1]) Воспоминанія декабриста Бѣляева. „Рус. Стар.“ 1886 г., № 11, стр. 302.
[2]) Носовичъ. „Записки“, стр. 180.

та же вотчинная власть помѣщика, хотя и съ правомъ примѣнять тѣлесныя наказанія только черезъ полицію. Отмѣна мелкихъ сборовъ припасами, уменьшеніе женской барщины на 1 день въ недѣлю, незначительное уменьшеніе мужскихъ дней зимою, отмѣна карауловъ и другихъ мелкихъ повинностей были такъ ничтожны, не говоря о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ повинностей не было и при крѣпостномъ правѣ, — что не вносило никакой существенной разницы между крѣпостнымъ состояніемъ и тѣмъ, которое создавалось для нихъ съ объявленіемъ Положенія.

Убѣдить же крестьянъ, что вчерашняя крѣпостная барщина и вчерашній крѣпостной оброкъ, сегодня, когда объявлено Положеніе, уже есть плата за землю—было довольно мудрено. Естественно, что въ глазахъ крестьянъ съ объявленіемъ Положенія „воли" не наступило, и они остались попрежнему крѣпостными. Дворовые должны были оставаться въ прежнемъ повиновеніи господамъ 2 года, но за то по истеченіи ихъ получить полную личную свободу. Для крестьянъ же и съ составленіемъ уставныхъ грамотъ „воли" не наступало.

Та же барщина, хотя бы и въ видѣ урочнаго положенія, тѣ же оброки, т. е. обязательныя отношенія къ помѣщику. Правда, съ введеніемъ волостныхъ и мировыхъ учрежденій прекращалась вотчинная власть помѣщиковъ. Но, какъ справедливо замѣтилъ Серно-Соловьевичъ, вмѣсто того „народную жизнь... окружили цѣлымъ амфитеатромъ начальствъ, изъ которыхъ каждое, отъ старосты до губернскаго присутствія, можетъ... мѣшать правильному развитію народныхъ силъ. Исключительно помѣщичье управленіе крѣпостного права замѣнено управленіемъ чиновничье-помѣщичьимъ. Безграничность власти помѣщика-чиновника (мирового посредника), совокупности помѣщиковъ-чиновниковъ (мирового съѣзда), совокупности помѣщиковъ и чиновниковъ (губернскаго присутствія), съ одной стороны, съ другой, неограниченная подчиненность мужиковъ, чиновниковъ, старостъ и волостныхъ старшинъ помѣщикамъ и мировымъ посредникамъ вполнѣ выкупаютъ для помѣщичьяго начала ограниченія, сдѣланныя въ крѣпостномъ правѣ, а чиновничьему началу открываютъ ворота въ единственную среду, куда оно днемъ съ трудомъ проникало съ задняго хода. Всѣ эти власти и по происхожденію и по составу своему въ большинствѣ случаевъ будутъ держать руку помѣщика или исполнять его приказанія, а жалованья на нихъ приходится имъ же самимъ платить? Оцѣнка крестьянъ не могла быть выше, хотя они и не смогли бы, быть можетъ, сформулировать ее. „Какая же это воля? Это

---

[1]) Серно-Соловьевичъ. „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса", стр. 64—65.

не воля, а обманъ одинъ!"—вотъ слова, навертывавшіяся на языкъ каждаго крестьянина, уразумѣвшаго смыслъ Положенія.

Громадное разочарованіе должны были понести крестьяне въ наисущественнѣйшемъ вопросѣ своего благосостоянія—земельномъ. Не только вся помѣщичья земля не отчуждалась въ пользу крестьянъ, но, наоборотъ, вся земля въ имѣніяхъ—и господская, и крестьянская—признавалась неприкосновенною собственностью помѣщиковъ. Мало того, даже въ пользованіе крестьянъ отводилась не вся земля, какою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, а со значительными урѣзками. Вспомнимъ, что изъ 1 милліона 70 т. въ рязанской губ., 722 т. въ воронежской, 1,078,000 д. въ саратовской, 917 т. въ псковской, 1,600,000 въ новгородской и 599 тыс. д. въ симбирской осталось у крестьянъ послѣ введенія Положенія въ первой губ. только 1 милліонъ дес., во второй—570 т., въ третьей—834 т., въ четвертой—805 т., въ пятой 1 милліонъ 45 т. и въ шестой 530 т. десятинъ, т. е. всего только въ этихъ 6 губерн. количество крестьянской земли уменьшилось на 1,200,000 десятинъ (на 70 т. въ рязанской губ., на 152 т. въ воронежской, въ саратовской на 244 т., въ псковской на 112 т., въ новгородской на 555 т. и въ симбирской на 69 т. десятинъ). Можно судить, до какой суммы возрастетъ цифра отрѣзки отъ прежней крестьнской земли, если произвести подсчетъ по всѣмъ губерніямъ.

Душевые надѣлы должны были неизбѣжно уменьшиться, ибо сравненіе maximum'а размѣровъ надѣла по Положенію со средними душевыми надѣлами крестьянъ въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 д., показываетъ, что эти maximum'ы въ лучшемъ случаѣ только равнялись среднимъ крѣпостнымъ надѣламъ, а въ нечерноземныхъ губ. не достигали даже и ихъ. Дѣйствительно, въ нечерноземной полосѣ maximum надѣла по Положенію колебался отъ 3 до 7 десятинъ, средніе крѣпостные надѣлы въ нечерноземныхъ губ. равнялись 3,72 дес. во владимирской губ. и 8,68 дес. въ вологодской губ. (взяты крайнія цифры), т. е. въ этихъ мѣстностяхъ отрѣзки были неизбѣжны у большей части крестьянъ. Въ черноземной полосѣ maximum по Положенію равнялся отъ 2 дес. 1800 кв. саж. до 6 дес.—въ крѣпостное время въ губ. орловской, пензенской, воронежской, тульской, тамбовской, рязанской, курской душевые надѣлы колебались между 2,48 дес. (въ курской губ.) и $3^1/_2$ дес. (въ орловской). Здѣсь отрѣзки врядъ ли были значительны, ибо надѣлы были малы и въ крѣпостное время. Но не забудемъ при этомъ, что minimum во всѣхъ этихъ случаяхъ былъ опредѣленъ въ $^1/_3$ maximum'а, чѣмъ узаконялись завѣдомо недостаточные надѣлы, ибо, какъ извѣстно, въ крѣпостное время помѣщики въ большинствѣ

случаевъ (что и выражается въ среднихъ цифрахъ) давали крестьянамъ лишь столько земли, чтобъ обезпечить minimum средствъ къ существованію. Но и эта земля отводилась не въ собственность крестьянамъ „безданно-безпошлинно" или съ уплатой оброковъ только казнѣ наравнѣ съ казенными крестьянами. Нѣтъ, крестьяне могли только *пользоваться* за опредѣленныя повинности, т. е. отрабатывая барщину или уплачивая оброкъ; съ введеніемъ уст. грамотъ, крестьяне могли по желанію требовать перевода съ барщины на оброкъ, только предупредивъ о томъ помѣщика за годъ впередъ. Оброки же въ общемъ были повышены. Достаточно сравнить средніе оброки крестьянъ въ крѣпостное время (передъ освобожденіемъ) въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 д., съ оброками, назначенными по Положенію. Наименьшій оброкъ по Положенію былъ 8 руб., наибольшій—12 руб. или 30 руб., 25, $22^{1}/_{2}$, 20 руб. съ тягла, если считать въ немъ по $2^{1}/_{2}$ десятины. Средніе же оброки съ тягла въ крѣпостное время въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, при томъ же количествѣ душъ на тягло, колебались между 12 р. 51 коп. (въ олонецкой губ.) и 27 р. 26 к. (въ петербур.), при чемъ преобладающею цифрой въ рядѣ губерній были $18^{1}/_{2}$ до 20 руб. Повышеніе оброковъ ясно безъ всякихъ комментарій. Тотъ же выводъ получается, если сравнить платежи, падавшіе на каждую десятину въ крѣпостное время, съ таковыми же платежами въ пореформенное время. Такъ, по вычисленіямъ Н. Г. Чернышевскаго, въ 18 уѣздахъ различныхъ губерній изъ $419.406^{1}/_{2}$ дес. прежняго крѣпостного надѣла въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, крестьяне должны были получить согласно Положенію только $317.638^{3}/_{4}$ дес., т. е. къ помѣщикамъ должно было отойти $101.767^{3}/_{4}$ дес. При крѣпостномъ надѣлѣ эти крестьяне платили 842.728 р. 50 к. или 2 р. 9 коп. за десятину; по Положенію же за уменьшенный надѣлъ въ этихъ уѣздахъ крестьяне должны были платить 731.346 р. 80 к. или 2 р. $30^{1}/_{2}$ к. за десятину. „Иначе сказать, говоритъ Н. Г. Чернышевскій, по новымъ положеніямъ освобождаемые крестьяне должны платить помѣщику 1 р. 10 к. вмѣсто каждаго рубля, который платили ему при прежнемъ крѣпостномъ правѣ" [1]).

Не забудемъ при этомъ указанную выше градацію платежей, при которой при меньшемъ надѣлѣ за десятину приходилось платить болѣе, чѣмъ за ту же десятину при большемъ размѣрѣ надѣла. Между тѣмъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ черноземныя губерніи, эта градація не имѣла, по справедливому указанію Головачева, ни малѣйшаго основанія, ибо тамъ удобреніе не примѣнялось, а поэтому не было и раз-

---

[1]) Н. Г. Чернышевскій. „Письмо безъ адреса", стр. 316. Собр. сочиненій, т. X, ч. 2-ая. Изд. М. Н. Чернышевскаго, С.-Петербургъ, 1906 г.

ницы между первыми пріусадебными десятинами надѣла и послѣдними.

Правда, крестьянамъ представлялась возможность выкупить усадьбу и полевыя угодья или получить „нищенскій" надѣлъ ($^1/_4$ maximum'а) безплатно въ собственность. Что касается выкупа, то онъ, во 1-хъ, могъ произойти только съ согласія помѣщика (обязательный выкупъ для обѣихъ сторонъ введенъ только въ 1882 г.); во 2-хъ, хотя $^4/_5$ выкупной суммы уплачивались правительствомъ въ видѣ ссуды крестьянамъ, и лишь $^1/_5$ уплачивалась самими крестьянами (при добровольномъ выкупѣ), но такъ какъ выкупная сумма опредѣлялась путемъ капитализаціи оброковъ, а послѣдніе были высоки и большею частью несоразмѣрны со стоимостью надѣловъ, то и выкупные платежи были несоразмѣрно высоки. Нищенскій же надѣлъ, прельщая крестьянъ возможностью немедленной развязки съ крѣпостными отношеніями, заранѣе обрекалъ на полуголодное существованіе, ибо расчеты крестьянъ въ такомъ случаѣ на дешевую аренду не оправдались.

Итакъ, вмѣсто всей помѣщичьей земли „безданно-безпошлинно" или съ уплатою оброковъ только казнѣ, крестьяне получили по Положенію только землю, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, зачастую въ уменьшенномъ количествѣ, и притомъ за высокіе платежи. Вмѣсто ожидаемаго благополучія крестьянамъ съ полученіемъ „царской" воли грозило экономич. разореніе. Возможность послѣдняго станетъ очевиднѣе, если мы вспомнимъ, что съ отмѣною крѣпостного права молчаливо отмѣнялся цѣлый рядъ сервитутовъ, т. е. пользованіе нѣкоторыми помѣщичьими угодьями (пастбище по господскому пару или другимъ мѣстамъ, топливо, пользованіе помѣщичьими лѣсами, водами, зачастую безъ всякой платы и т. п.); крестьяне лишались помощи въ несчастныхъ случаяхъ, что практиковалось разсчетливыми помѣщиками, слѣдившими за исправностью хозяйствъ своей „рабочей скотинки"; они лишались права на продовольствіе отъ помѣщиковъ во время голодовки и т. д. Прибавимъ къ этому, что въ то же время у крестьянъ должны были увеличиться мірскіе платежи: на нихъ падало содержаніе сельскаго управленія, учрежденнаго по крестьянскому дѣлу, не мало обошлось составленіе уставныхъ грамотъ, а тамъ дальше шло введеніе земскихъ учрежденій, тоже прибавившихъ платежей съ крестьянъ и т. д. Не забудьте при этомъ всю ту логику, которою сопровождается переходъ отъ натуральнаго хозяйства, господствовавшаго въ крѣпостное время среди крестьянъ, къ денежному, что вызывалось отчасти указанными увеличившимися денежными повинностями крестьянъ. Не сбылась мечта крестьянъ и на вольное переселеніе, ибо послѣднее было обставлено Положеніемъ 19 февр. такими трудностями, что сдѣлалось доступнымъ только состоятель-

нымъ крестьянамъ. Они оказались пригвожденными Положеніемъ къ мѣсту жительства и обречены на необезпеченное существованіе. Что это не фраза, а фактъ, доказываетъ лучше всего послѣдующее разореніе нашего крестьянства, громадныя недоимки, голодовки, пауперизація, пролетаризація и пр., что стало обнаруживаться въ первые же годы послѣ реформы. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ ознакомиться даже въ краткихъ чертахъ съ этимъ вопросомъ и желающихъ можно лишь отослать къ соотвѣтствующимъ изслѣдованіямъ о пореформенномъ экономическомъ положеніи крестьянства [1]).

Теперь же посмотримъ, какъ отнеслись сами крестьяне къ Положенію 19 февр., въ какой мѣрѣ и какъ оцѣнили они его и съ какой охотой лѣзли въ экономическую петлю, какая приготовлена была имъ излюбленнымъ имъ дворянствомъ.

IV.

Манифестъ былъ подписанъ Александромъ II 19 февраля 1861 года, но объявленіе его народу въ Петербургѣ и Москвѣ произошло лишь 5-го марта, а въ другихъ мѣстахъ значительно позже. Были приняты мѣры къ обезпеченію спокойствія на мѣстахъ, ибо какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ провинціи въ чиновничьихъ и помѣщичьихъ кругахъ господствовали тревожныя ожиданія чуть ли не пугачевщины. Были командированы въ губерніи особыя довѣренныя лица отъ государя—флигель-адъютанты и генер.-маіоры—„для содѣйствія губернскому начальству въ распоряженіе его, какъ по приведенію въ исполненіе новыхъ законоположеній о крестьянахъ по сохраненію въ губерніи тишины и порядка“, гдѣ главною ролью была роль усмирителя крестьянскихъ волненій. Еще 21 февраля особымъ циркуляромъ Мин. Вн. Дѣлъ было сообщено губернаторамъ, что государю угодно, чтобы экземпляры манифеста распорядительнаго указа сената и Положенія 19 февраля сдѣлались бы извѣстны помѣщикамъ и крестьянамъ „безъ малѣйшей задержки, сколь можно быстрѣе и единовременнѣе“ [2]). Положенія 19 февр. должны были быть доставлены въ каждое имѣніе, гдѣ было болѣе 21 души—въ количествѣ 2-хъ экземпляровъ (одинъ изъ нихъ должны были отдать помѣщику, другой

[1]) См. Янсонъ. „Опытъ статистич. изслѣд. о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Изд. 2, 1881 г. Николай—онъ. „Очерки пореформеннаго хозяйства“ 1893 г. Постниковъ. „Южно-русское крестьянское хозяйство“. 1891 г. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкот. стороны рус. народнаго хозяйства“. „Нужды деревни“, т. 1-й и 2-й. „Аграрный вопросъ“ изд. Петрункевича и Долгорукова, т. I и II и др.

[2]) Лѣтопись Сельскаго Благоустройства 1861 г., стр. 45—47. Циркуляръ мин. внутр. дѣлъ за № 5.

крестьянамъ), въ имѣніе съ крестьянскимъ населеніемъ менѣе 21 души—одинъ экземпляръ съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ предъявилъ его крестьянамъ.

Для лучшаго и болѣе быстраго ознакомленія было издано „Краткое изложеніе правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости". Особымъ циркуляромъ министерство рекомендовало: „въ видахъ распространенія между крестьянами яснаго пониманія о настоящихъ и будущихъ ихъ правахъ и обязанностяхъ" перепечатывать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и отдѣльно тѣ части этого изданія, которыя относятся до крестьянъ каждой данной губерніи, а равно переводить ихъ на языки и нарѣчія, употребляемые въ губерніи, если крестьяне не понимаютъ великорусскаго языка. Въ Петербургѣ въ съѣзжихъ домахъ съ 5-го же марта раздавались дворовымъ безплатно экземпляры Положенія объ устройствѣ быта дворовыхъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ въ съѣзжихъ домахъ и книжныхъ магазинахъ продавали экземпляры Положенія, распорядительнаго указа сената и манифеста за 1 руб. серебромъ, не болѣе одного экземляра въ однѣ руки. Нѣкоторые губернаторы сдѣлали и отъ себя распоряженіе печатать манифестъ въ губернскихъ типографіяхъ.

Но всѣ эти мѣры и распоряженія имѣли мало успѣха. Начать съ того, что какъ разъ къ моменту разсылки манифестовъ и Положенія во многихъ мѣстахъ Россіи наступила весенняя распутица, такъ что губернскія и уѣздныя власти при всемъ желаніи не могли аккуратно исполнить возложенную на нихъ обязанность. Во 2-хъ, количество присланныхъ экземпляровъ Положенія было ничтожно, такъ что ихъ первоначально не хватило не только на всѣ имѣнія, но нѣкоторымъ мѣстамъ на весь уѣздъ доставалось лишь 2—3 экземпляра; приходилось досылать позже необходимое количество экземляровъ. Такъ, гр. Бутурлинъ, самъ объявлявшій манифестъ и Положенія 19 февр. 1861 г., свидѣтельствуетъ, что въ калужской губ. книгъ Положенія было очень мало и попали онѣ въ немногія мѣста; на тарусскій уѣздъ, напр., пришлось только 3 книги, да и 3-я была неполной. Въ спасскомъ уѣздѣ казанской губ., напр., крестьяне получили книгу Положенія только въ концѣ марта въ Благовѣщеніе, а до того времени довольствовались слухами и ложными толками. „Въ низовыя приволжскія губерніи, какъ передаетъ Демертъ, книги Положенія были привезены въ большомъ количествѣ лишь на 6-ой недѣлѣ великаго поста" [2]). Разновременная доставка манифеста и Положеній породила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слухи о 3-хъ воляхъ. Получивъ манифестъ, говоритъ

---

[1]) Ibid, стр. 54. Циркуляръ мин. вн. дѣлъ отъ 29-го марта за № 13.
[2]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 16.

Якушкинъ, „стали ждать еще 2-й воли... Ожиданія скоро сбылись: пришла другая воля—прислано высочайшее Положеніе 19 февр. съ царскими послами, какъ звалъ народъ генераловъ св. его вел. и флигель-адъютантовъ [1]), о посылкѣ которыхъ на мѣста говорилось выше. Оправдывалось такимъ образомъ и ожиданіе 3-ей воли. Неизвѣстный авторъ записки о бездинскомъ волненіи [2]) разсказываетъ о такомъ же встрѣченномъ имъ ожиданіи 3-й воли въ одномъ изъ селеній самарской губ.—ставропольскаго уѣзда—Майнѣ. Крестьяне ожидали, что имъ привезутъ 19 апрѣля новую 3-ю волю—такъ поняли они рѣчь полковника, только что (авторъ былъ въ Майнѣ 9-го апрѣля) привезшаго имъ Положеніе. За первую волю они признали, очевидно, манифестъ. Крестьяне доказывали справедливость своихъ ожиданій тѣмъ, что „въ симбирск. и казанск. губ. по 3 воли читали“. Дѣйствительно тамъ сперва читали манифестъ, затѣмъ извлеченіе изъ Положенія и, наконецъ, роздали самое Положеніе.

Неаккуратность разсылки проявилась не только въ недостаточномъ количествѣ и несвоевременной доставкѣ Положеній, по и въ неаккуратной отсылкѣ. Уже было отмѣчено, что изъ 3-хъ экземпляровъ на цѣлый уѣздъ одинъ былъ неполонъ. А. И. Кошелевъ писалъ въ письмѣ къ кн. Черкасскому, что къ нимъ (рязанская губ.) прислали экземпляръ Положенія не переплетенный и въ листахъ. „Крестьяне подѣлили листы по себѣ и теперь вычитываютъ изъ каждаго листа, что имъ нравится“ [3]). Якушкинъ сообщаетъ еще болѣе яркіе факты: „Небрежность въ разсылкѣ экземпляровъ, пишетъ онъ, была невѣроятная: во многія деревни было прислано, вмѣсто полныхъ экземпляровъ Положенія, нѣсколько экземпляровъ нѣкоторыхъ листовъ; напр., въ орловской губ. раздавали въ одной деревнѣ несшитую тетрадь изъ 20 экземпляровъ правилъ о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ бессарабской области; въ другой деревнѣ—дополнительныя правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ. И такихъ экземпляровъ было множество.—„У насъ что за воля! у насъ воля 87 листовъ, а вотъ графскимъ привезли на 193 листахъ, братецъ ты мой! съ завистью говорилъ мнѣ одинъ мужикъ“. Въ такомъ случаѣ крестьяне, конечно, по необходимости должны были полагаться на слухи или изъ чтенія доставленныхъ имъ

[1]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“. Полн. собр. сочин. Изд. Суворина, стр. 15.

[2]) „Страничка изъ исторіи освобожденія крестьянъ“. Русская Старина, 1904 г., № 5.

[3]) „Страничка изъ исторіи освобожд. кр.“ Русская Старина, 1904 г., № 5, стр. 45.

[4]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 15—16.

[5]) Кн. Трубецкая. „Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса“, т. I, ч. 2, стр. 282.

экземпляровъ получать самыя ложныя понятія о Положеніи. Спокойствіе же при объявленіи манифеста и Положенія не могли охранить ни флиг.-адьютанты, ни распространеніе краткихъ извлеченій изъ Положенія о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ и дворовыхъ, ни какія-либо иныя мѣры, принимаемыя центральными и мѣстными властями. Разница между ожиданіями и представленіями крестьянъ о волѣ и содержаніемъ манифеста и Положенія была такъ велика, что крестьяне, конечно, не могли равнодушно воспринять, усвоить и примириться съ содержаніемъ послѣднихъ. Къ этой основной причинѣ прибавьте непонятность слога манифеста и Положенія, запутанное изложеніе послѣдняго, приводившаго къ недоумѣнію и кривотолкамъ даже чиновниковъ и помѣщиковъ, обязанныхъ проводить Положеніе въ жизнь; не забудьте массовое невѣжество и безграмотность крестьянъ, ихъ постоянное недовѣріе къ господамъ и чиновникамъ, которые, по одному мнѣнію, всячески оттягивали объявленіе воли, по другому—сыздавна скрывали указъ о ней отъ крестьянъ. Неудивительно поэтому, что крестьянская мысль, не примиряясь съ содержаніемъ ни манифеста, ни Положеній, усиленно заработала въ разныхъ направленіяхъ. Одни крестьяне сумѣли примирить свою крестьянскую „волю" съ текстомъ манифеста и Положенія, пропуская безъ вниманія сомнительныя и противорѣчащія ей мѣста, и толкуя другія сообразно со своими представленіями о волѣ; здѣсь помогло имъ ихъ невѣжество, непониманіе многихъ словъ и выраженій, которымъ они придавали совершенно иной смыслъ и содержаніе, чѣмъ какое они имѣли въ дѣйствительности. Въ другихъ случаяхъ, уразумѣвъ въ той или другой степени истинное содержаніе Положенія, крестьяне опредѣленно рѣшали, что господа и чиновники ихъ опять обманули, какъ дѣлали много времени уже и много разъ; работая въ этомъ направленіи, крестьянская мысль создавала 2 версіи. Съ одной стороны, толковали, что указъ о волѣ вышелъ уже давно, чуть ли не нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но господа, подкупивъ чиновниковъ и священниковъ, скрыли его, а теперь, когда пришелъ крайній срокъ и дальше скрывать его невозможно, подмѣнили настоящій указъ своимъ „господскимъ" Положеніемъ; по другой версіи, истинная грамота о волѣ вышла дѣйствительно 19 февраля 1861 г., но не дошла до крестьянъ, а по дорогѣ подмѣнена все тѣми же господами „господскимъ" Положеніемъ. Эти толки, переходившіе затѣмъ въ глубокую увѣренность, вызывали крестьянъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Разъ манифестъ и Положеніе есть истинные указы о волѣ, лишь ложно толкуемые господами и чиновниками, то нужно проводить эту царскую волю въ жизнь, не подчиняясь послѣднимъ, дѣйствующимъ, какъ бунтовщики, противъ распоряженій царя.

Это умозаключеніе приводило къ ряду дѣйствій (отказъ отъ всякихъ крѣпостныхъ отношеній, отказъ отъ повиновенія помѣщику, захватъ господской земли и пр., и пр.), въ которыхъ мѣстныя и центральныя власти видѣли бунтъ и примѣняли къ крестьянамъ болѣе или менѣе репрессивныя мѣры. При второмъ развѣтвленіи крестьянской мысли крестьяне или требовали отъ властей объявленія скрываемой отъ нихъ царской грамоты о волѣ или къ тому же требованію присоединяли дѣйствія, которыми они немедленно вводили въ дѣйствіе измышленный ими указъ о волѣ (см. выше). Со стороны властей въ такихъ случаяхъ, конечно, слѣдовали обычныя мѣры усмиренія такихъ крестьянскихъ бунтовъ. Репрессивныя мѣры, выражавшіяся въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, арестахъ, тюремномъ заключеніи, преданіи военнымъ и инымъ судамъ, въ введеніи военныхъ командъ, сопровождавшемся нерѣдко избіеніемъ и убійствами крестьянъ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, въ разорительныхъ для населенія постояхъ войскъ, всѣ эти мѣры заставляли крестьянъ смиряться и исполнять требуемыя съ нихъ по Положенію повинности. Но это не значитъ, чтобы крестьянская мысль отказалась отъ ожидаемой „воли“ и не искала выхода изъ своего положенія. На помощь являлась новая версія. Весьма вѣроятно на почвѣ 2-лѣтняго сокращенія крѣпостной зависимости дворовыхъ съ полнымъ освобожденіемъ ихъ послѣ этого срока возникъ слухъ, опять-таки перешедшій мѣстами въ увѣренность, что крѣпостныя повинности сохраняются 2 года (до 19 февраля 1863 г., которое получило у крестьянъ названіе „случнаго“, „слушнаго“, „срочнаго“ часа), а затѣмъ прекращаются съ выходомъ „новой воли“, „царскаго положенія“, „царской воли“ и т. под., смотря по мѣстности. Въ эту „новую“, „царскую“ волю крестьяне вкладывали свое содержаніе. Среди нихъ во многихъ мѣстахъ создалась увѣренность, что права на новую волю получатъ только тѣ крестьяне, которые не войдутъ ни въ какія, хотя бы самыя льготныя, соглашенія съ помѣщиками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне не желали даже пользоваться крѣпостными надѣлами, боясь потерять право на земельныя льготы при новой волѣ. До составленія уставныхъ грамотъ такое поведеніе крестьянъ не возбуждало сильныхъ недоразумѣній. Изрѣдка были пререканія изъ-за сокращенія барщины и замѣны ея оброкомъ и т. под. Но съ началомъ составленія уставныхъ грамотъ отношеніе къ крестьянамъ измѣнилось. Крестьяне, усмотрѣвъ въ составленіи уставныхъ грамотъ попытку вовлечь ихъ въ тѣ соглашенія, которыя могли лишить ихъ правъ на новыя льготы, во многихъ мѣстахъ наотрѣзъ отказались не только отъ подписи уставныхъ грамотъ, но отъ принятія текста ихъ сельскими властями на храненіе, иногда отъ исполненія повинностей по уставнымъ

грамотамъ. Этотъ отказъ крестьянъ отъ уставныхъ грамотъ принялъ массовой характеръ и сильно затруднялъ введеніе уставныхъ грамотъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мировые посредники составляли въ подобныхъ случаяхъ уставныя грамоты по Положенію и вводили ихъ въ дѣйствіе независимо отъ желанія или нежеланія крестьянъ, настойчиво требуя исполненія повинностей согласно уставнымъ грамотамъ, — тамъ дѣло обходилось сравнительно мирно. Происходили столкновенія лишь изъ-за неисполненія крестьянами урочнаго положенія или другихъ повинностей, нежеланія платить штрафы за „прогулъ" и т. д. Большею же частью крестьяне мирились со своимъ положеніемъ, считая, что самое отсутствіе на уставныхъ грамотахъ подписи ихъ уполномоченныхъ и ихъ официальный отказъ отъ нея достаточны для сохраненія ихъ правъ на „новую волю". Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мировые посредники настаивали на подписи уполномоченныхъ и официальномъ принятіи уставныхъ грамотъ крестьянами (вспомнимъ курскую губернію), тамъ дѣло обострялось и доходило до острыхъ столкновеній крестьянъ съ властями, до примѣненія къ нимъ обычныхъ репрессивныхъ мѣръ для приведенія ихъ, хотя бы силою, къ принятію уставныхъ грамотъ. Лишь съ наступленіемъ „срочнаго" часа, т. е. 19 февраля 1863 г., стали стихать такіе толки среди крестьянъ. Въ иныхъ мѣстахъ они какъ бы исчезли, въ другихъ это ожиданіе измѣнилось изъ опредѣленнаго, направленнаго къ опредѣленному сроку (19 февраля 1863 г.) въ неопредѣленное безъ точнаго обозначенія времени, „слушнаго часа". Но что вѣра въ наступленіе „слушнаго" часа не заглохла окончательно, показываетъ живучесть этого ожиданія, оживаніе его по малѣйшему поводу. На нѣкоторую же часть крестьянъ—и довольно значительную—репрессивныя мѣры оказали свое дѣйствіе, и наружно они примирились съ Положеніемъ, созданнымъ имъ „волею" Александра II. Что это было лишь наружное примиреніе, показываетъ лучше всего воспріимчивость, казалось бы совершенно мирной и покорной, крестьянской массы въ той или другой мѣстности къ слухамъ о новой волѣ, только что объявленной или которую объявятъ черезъ 2 или большее количество лѣтъ. Но во всякомъ случаѣ въ такихъ мѣстностяхъ крестьяне принимали уставныя грамоты, исполняли повинности, требуемыя съ нихъ и т. под.; происходили лишь частныя недоразумѣнія по поводу отдѣльныхъ неудобныхъ сторонъ Положенія, отдѣльныхъ злоупотребленій помѣщиковъ или мировыхъ посредниковъ и т. под. Въ общемъ же жизнь въ такихъ мѣстностяхъ шла мирно. За то среди „примирившихся" съ Положеніемъ нужно отмѣтить попытки выйти изъ ненавистнаго срочно-обязаннаго положенія тѣми путями, какія указывались самимъ закономъ. Таковы были: выкупъ надѣль-

ныхъ земель въ собственность и принятіе дарственныхъ надѣловъ. Первый выкупъ сильно тормозился необходимостью согласія со стороны помѣщика, да кромѣ того крестьянамъ не могла улыбнуться перспектива выплачивать $^1/_5$ часть выкупной суммы наличными деньгами при добровольномъ соглашеніи на выкупъ. И все же по мѣрѣ „успокоенія" крестьянъ, т. е. замиранія среди нихъ слуховъ о волѣ, предстоящей или наступающей, учащались, повидимому, и выкупныя сдѣлки. Принятіе же дарственныхъ надѣловъ было сильно распространено въ южныхъ черноземныхъ и многоземельныхъ губерніяхъ, гдѣ невозможность существовать на четвертномъ надѣлѣ смягчалась для крестьянъ надеждами на дешевую аренду помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель.

Такова приблизительная канва, на которой разыгрывались событія въ крестьянской жизни въ эпоху объявленія Положенія 19 февраля 1861 г., т. е. въ періодъ отъ 1861 до (приблизительно) 1863 г. Намѣтивъ себѣ канву, перейдемъ теперь къ конкретнымъ фактамъ, заполняющимъ ее.

V.

Самый фактъ объявленія манифеста о волѣ и Положенія крестьяне приняли если не всюду восторженно, то во всякомъ случаѣ вполнѣ довѣрчиво и съ глубокою радостью. Первую минуту вся крестьянская масса глубоко вѣрила, что получила, наконецъ, давно жданную, давно желанную волю. Въ этомъ убѣждало ихъ и чтеніе манифеста священниками съ амвона, откуда, какъ они сыздавна привыкли, объявлялись дѣйствительные манифесты и различные правительственные акты, въ этомъ убѣждало ихъ прибытіе самихъ царскихъ пословъ (т. е. фл.-адъютантовъ и генераловъ св. е. вел.). Почти съ благоговѣніемъ принимали крестьяне вѣсть о волѣ и книги Положенія.

Гр. Бутурлинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ такую сцену. Когда онъ разъѣзжалъ по своему участку (въ тарусскомъ уѣздѣ калужской губ.) для объявленія воли (съ манифестомъ и сенатскимъ указомъ) и проѣзжалъ мимо одной помѣщичьей усадьбы, „нѣкоторые изъ дворовыхъ тамошнихъ людей выскочили изъ господскаго двора за околицу и, глядя на его поѣздъ (впереди него ѣхалъ проводникъ), принимались творить крестное знаменіе" [1]).

„Въ деревнѣ, разсказываетъ Демертъ, по пріѣздѣ чиновника (привезшаго книги Положенія), суматоха поднималась страшная. Староста отдѣльной барщины бралъ изъ рукъ чи-

---

[1]) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужск. крестьянства". Русскій Архивъ, 1876 г., № 10. стр. 248.

новника запакованный экземпляръ и бережно, какъ какую-нибудь хрупкую, хрустальную вещь, клалъ книгу въ шкафъ, а самъ отправлялся на барскій дворъ — извѣстить о пріѣздѣ чиновниковъ" [1]). Въ Петербургѣ и Москвѣ крѣпостные устраивали даже манифестаціи, конечно, съ благосклоннаго разрѣшенія начальства, поощрявшаго проявленія такихъ чувствъ населенія. Такъ *12-го марта* 1861 г., по словамъ автора „Историческаго обзора обнародованія манифеста и Положеній" [2]), множество фабричныхъ и ремесленниковъ, бывшихъ крѣпостныхъ, къ которымъ присоединились другіе крестьяне и дворовые, пришли къ Зимнему дворцу поднести Александру II хлѣбъ-соль. Александръ II вышелъ къ нимъ и произнесъ рѣчь, характерную для его настроенія въ то время. Онъ дѣлалъ манифестантамъ отеческія наставленія, чтобы въ новомъ состояніи своемъ они вели себя, какъ христіане и какъ честные люди, и чтобы, пользуясь дарованными имъ правами, они свято исполнили и возложенныя на нихъ обязанности. Подобная же манифестація съ поднесеніемъ хлѣба-соли государю произошла и 19-го марта; здѣсь въ депутаціи были старосты и выборные отъ всѣхъ имѣній шлиссельбургскаго уѣзда. Въ маѣ (21-го) во время пребыванія Александра II въ Москвѣ, къ нему явилась депутація съ хлѣбомъ-солью отъ разныхъ сельскихъ обществъ московскаго уѣзда въ количествѣ 400 депутатовъ и въ сопровожденіи до 10.000 человѣкъ. И здѣсь Александръ II не преминулъ подчеркнуть крестьянамъ необходимость полнаго повиновенія закону. „Благодарю васъ за память, говорилъ онъ, благодарю, благодарю. Помните только, что теперь вашъ первый долгъ повиноваться закону и свято исполнять установленныя обязанности". Когда же одинъ старикъ послѣ такой рѣчи „присовокупилъ слово благодарности помѣщикамъ", то это „было принято его величествомъ со знакомъ видимаго удовольствія" [3]). Обозрѣватель обнародованія Положенія приводитъ цѣлый рядъ донесеній губернаторовъ о томъ, что съ объявленіемъ воли, по крайней мѣрѣ, временно уменьшилось пьянство, и откупы въ 1861 г. потерпѣли убытки. Но тотъ же обозрѣватель, посвящая много мѣста описанію радости населенія, уменьшенію пьянства, изобилію пожертвованій въ память освобожденія, долженъ былъ уже глухо заявить объ отказѣ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ исполненія повинностей помѣщикамъ, о томъ, что мѣстами потребовались даже воинскія команды, хотя въ большинствѣ случаевъ было достаточно простыхъ разъясненій. Александръ II не напрасно боялся за повиновеніе закону и внушалъ крестьянамъ аккуратное исполненіе

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 22.
[2]) Лѣтопись Сельскаго Благоустройства, 1861 г., стр. 165.
[3]) „Сѣверная Пчела", 1861 г. № 117, 26 марта.

повинностей. Насколько была велика радость крестьянъ при первой вѣсти о выходѣ воли, настолько же глубоко было ихъ недоумѣніе и разочарованіе при ознакомленіи съ нею. Объ этомъ говорятъ, напримѣръ, отчеты чиновниковъ, объявлявшихъ волю и развозившихъ Положенія въ калужской губ. „Лишь очень немногія, говоритъ Корниловъ, написанныя условнымъ офиціальнымъ слогомъ, донесенія говорятъ о восторженныхъ взглядахъ, пролитыхъ слезахъ и возносимыхъ горячихъ молитвахъ. Нѣкоторые изъ посланныхъ заявили съ прискорбіемъ, что крестьяне *по темнотѣ своей* ничего не поняли. Но наиболѣе вдумчивые и лучше понявшіе настроеніе народа прямо заявляли, что крестьяне послѣ чтенія манифеста и указа были глубоко разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Объявленная имъ воля совершенно не соотвѣтствовала той волѣ, которую они ожидали“. Для чтенія манифеста крестьяне сходились въ церковь за нѣсколько верстъ изъ окрестныхъ селеній, не расходились, несмотря на поздній часъ вечера, если чиновникъ запаздывалъ, и просили читать немедленно, не дожидаясь утра; во многихъ мѣстахъ церкви были освѣщены свѣчами, какъ въ свѣтлый праздникъ. А расходились эти крестьяне „по большей части молчаливые, нахмуренные, разочарованные, въ какомъ-то недоумѣніи. Многіе молча возвращались къ прерваннымъ работамъ, другіе обмѣнивались недовольными и недоумѣвающими восклицаніями“ [1]). Гр. Бутурлинъ говоритъ, что въ тарусскомъ уѣздѣ калужской губ. чтеніе манифеста возбудило недоумѣніе въ крестьянахъ: разъ они должны оставаться въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, то гдѣ же и въ чемъ состоитъ ихъ воля, спрашивали они графа Бутурлина. Немедленно пошли разнообразные толки, вызвавшіе затѣмъ волненія крестьянъ. 12-го марта развозили манифесты и книги Положенія, а 15-го уже были случаи волненій на почвѣ возникшихъ слуховъ и толкованій воли. Характерна въ этомъ отношеніи сцена, описываемая Демертомъ. Въ сельской церкви (видимо, въ имѣніи самого Демерта), разсказываетъ онъ, сошлась масса народу для выслушанія манифеста. „Батюшка прочиталъ манифестъ громко, внятно, но крестьяне, къ собственному изумленію, и послѣ прочтенія такъ и остались съ разинутыми ртами: очень уже неясно показалось все прочитанное. Начался въ церкви говоръ и шумъ, который привелъ къ тому, что попа заподозрили въ подлогѣ. Появился откуда-то слухъ, что будто бы къ попу прислали 2 указа: одинъ изъ Петербурга—взаправскій, а другой изъ губерніи—поддѣльный; что послѣдній сочинили сами помѣщики и подкупили все духовенство, постоянно получавшее главнѣйшій доходъ отъ помѣщиковъ. Порѣшили итти послѣ обѣдни къ попу — просить прочтенія

[1]) Корниловъ. „Крестьянская реформа въ калужской губ.“, стр. 139.

взаправскаго указа, а если не согласится, то и требовать“ [1]). Увѣренія священника въ ложности такого слуха плохо подѣйствовали; крестьяне разошлись, но остались въ убѣжденіи, что если указъ и не присланъ, то его пришлютъ надняхъ. Когда же священникъ вздумалъ въ одинъ изъ ближайшихъ большихъ праздниковъ прочесть имъ проповѣдь на тему: „всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется“, причемъ высказалъ, что крестьяне должны безпрекословно повиноваться помѣщикамъ, приказчикамъ, нѣмцамъ-управляющимъ, которые тоже поставлены самимъ Богомъ, то среди крестьянъ поднялся усиленный ропотъ, крики и громкіе разговоры, что священника господа окончательно закупили; когда же священникъ въ испугѣ хотѣлъ улизнуть въ алтарь, то его схватили за эпитрахиль, оборвавъ ее.

Благопріятную почву для толкованія манифеста и Положенія въ пользу „истинной воли“ создавали прежде всего непонятность слога и запутанность изложенія какъ манифеста, такъ, главнымъ образомъ, Положеній. Эта сбивчивость и запутанность изложенія были такъ велики, что сами вершители судебъ крестьянъ—мировые посредники, полиція и пр., прямо или косвенно принимавшіе участіе въ проведеніи реформы въ жизнь, раздѣляли въ значительной степени общую участь съ крестьянами. „Въ защиту безграмотныхъ крестьянъ, говоритъ Демертъ, нужно сказать, что „Положенія“ составлены чрезвычайно сбивчиво, до такой степени сбивчиво, что даже у мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ, послѣ 2-лѣтняго ихъ существованія, постоянно встрѣчалось великое множество недоумѣній и недоразумѣній; въ первый же годъ, можно безошибочно сказать, недоразумѣній было у нихъ несравненно больше, чѣмъ статей въ Положеніи, такъ что нерѣдко одна статья возбуждала въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ губерніи по 2 и даже по 3 недоразумѣнія. Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ первое время были буквально завалены отовсюду сыпавшимися на нихъ, какъ снѣгъ, запросами и разспросами, и такъ какъ у присутствій были другія дѣла и, кромѣ чужихъ недоразумѣній, множество своихъ собственныхъ, то большая часть ихъ отвѣтовъ выходила такого рода, что недоразумѣнія и послѣ разъясненія такъ и оставались недоразумѣніями, да еще запутаннѣе, чѣмъ прежде“ [2]).

Танковъ разсказываетъ, что въ курской губ. губернаторъ День принужденъ былъ разъяснять исправникамъ ошибки въ толкованіи Положенія и предписалъ имъ внимательно и добросовѣстно штудировать Положеніе прежде, чѣмъ толковать его крестьянамъ. Такъ, исправники заставляли кре-

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 18.
[2]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 25—26.

стьянъ исполнять повинности, отмѣненныя Положеніемъ: караулы при господскихъ амбарахъ, огородахъ и т. под. [1]). Если въ такомъ положеніи находились чиновники и миров. посредники, болѣе или менѣе образованные или, по крайней мѣрѣ, грамотные люди, въ большей или меньшей степени привыкшіе разбираться въ законахъ и офиціальныхъ бумагахъ съ суконнымъ канцелярскимъ слогомъ, то въ какомъ же положеніи находились безграмотные крестьяне, плохо понимающіе и простую литературную рѣчь, а не только канцелярскій слогъ Положенія и витіеватое изложеніе манифеста. А между тѣмъ при вѣрѣ крестьянъ въ полученіе истинной воли велики были соблазнъ и возможность толковать полученную ими тарабарщину въ сторону своего пониманія воли, ухватившись за 2—3 понятныхъ для нихъ, или даже неясно произнесенныхъ словъ при чтеніи. На этой почвѣ возникали не только любопытные курьезы, разрѣшавшіеся благополучно для крестьянъ, но происходили серьезныя волненія, какъ, напр., Бездниинское, окончившіяся кровавымъ усмиреніемъ крестьянъ. Якушкинъ разсказываетъ, что невнимательно прочитанный высочайшій титулъ создалъ слухъ, что воля пришла отъ 3-хъ царей.

Упоминаніе въ манифестѣ, что освобожденіе крестьянъ было задумано еще Николаемъ I, послужило почвой для толковъ, что воля вышла еще въ то время, „когда еще былъ живъ самъ польскій король въ своемъ польскомъ королевствѣ". Авторъ такого толкованія—отставной солдатъ—объяснилъ, что „въ указѣ сказано, что эту волю еще батюшка царь Н. П. задумалъ, и мы при немъ и Польшу-то прикончили" [2]).

Въ одномъ селѣ старикъ священникъ, плохо разбирая манифестъ, прочиталъ: „о сѣни, о сѣни... нѣтъ, ребята! Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!.." Этого было достаточно, чтобы крестьяне вообразили, что въ манифестѣ сказано что-то о сѣнѣ, но священникъ не хочетъ читать. Такъ какъ и дьяконъ ничего не прочелъ о сѣнѣ, то они принялись читать сами. Очень любопытно приводимое Якушкинымъ толкованіе манифеста крестьянами въ видѣ поправокъ къ его собственному толкованію.

Этотъ діалогъ ярко рисуетъ, какимъ превращеніямъ подвергались выраженія манифеста при наличности сильнаго желанія крестьянъ найти въ немъ „истинную волю".

Однажды въ 1861 г., когда Якушкинъ былъ у П—ва въ Мценскомъ уѣздѣ (орлов. губ.), къ нему явились бывшіе крестьяне этого помѣщика за объясненіями и просили показать имъ то мѣсто въ манифестѣ, по

[1]) Танковъ. „Крестьянскія волненія въ курской губ. въ 1862 г.", Историческій Вѣстникъ, 1890 г., № 8, стр. 345.
[2]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской", стр. 14—15.

которому „всѣ сады, всѣ амбары господскія" имъ слѣдуютъ.

На отрицаніе Якушкинымъ существованія такого мѣста крестьяне заставили его прочитать то мѣсто манифеста, гдѣ сказано: „дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій, пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея". „Ну, что?" спросилъ, торжествуя, мужикъ.—А что?—„Да, что ты прочиталъ?"—Прочиталъ, чтобы вы хорошенько работали землю и собирали тогда плоды.—„Ну да, будешь хорошо пахать, посѣешь рожь, рожь и родится хорошо: вотъ тебѣ и плоды... Нѣтъ, Пав. Ив.! посѣешь рожь, рожь и родится, а плода все-таки не будетъ! Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе: а какъ плоды намъ, стало и сады къ намъ отойдутъ. Вотъ что!"—Пустое, братцы, болтаете, не такъ сказано...—„Читай, читай еще!—„Чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ".—„Ну, а это что?"—А это вотъ что; будете хорошо работать, будутъ у васъ житницы полныя, вы и берите сѣмена...—„Ишь куда!.. не туда, баринъ, прешь! Какія у насъ житницы! Амбаришки!.. А то полныя житницы!" заговорили въ толпѣ... „Читай еще! читай!"...—„На землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность".—„А это что по твоему?"—Это значитъ: засѣвай землю, которою дастъ тебѣ баринъ пользоваться, или ту землю, которую ты купишь, пріобрѣтешь въ собственность.—Про барскую землю тутъ и помину нѣтъ, а говорятъ: „постоянно ты землей пользуйся, а коли хочешь, купи. Только для чего же я покупать стану землю, коли и такъ можно ее пахать? Хочешь пахать—бери землю; а не хочешь—покупай! А намъ не пахать и дѣлать съ землей нечего!.. Читай!.."—„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божье благословеніе на твой свободный трудъ" и т. д.—„Это какъ по твоему, Пав. Ив., обозначаетъ?"—Вы теперь свободные люди; сперва ходили на барщину, а теперь, какъ землю выкупишь, такъ свободно, какъ хочешь, такъ и работай, вотъ тебѣ и свободный трудъ.—„Такъ да не такъ... Сказано: перекрестись и только! тамъ, значитъ, и пошелъ сейчасъ свободный трудъ! какая тутъ купля?"—Ой, братцы, будутъ васъ за эти ваши толки больно наказывать!—„Наказывать долго ли? Было бы за что".—За самые за эти ваши толки.—„За эти слова сѣчь не за что: это царская воля" [1]).

Обнинскій разсказываетъ, что въ одной волости крестьяне потребовали отъ помѣщика мяса. Оказалось, что чтецъ прочелъ „Мѣстное Положеніе" съ удареніемъ мѣстно́е и истолковалъ непонятное слово обязанностью помѣщика отпускать крестьянамъ „мясо по положенію" [2]).

Мировой посредникъ Луцкій наткнулся на такое толкованіе манифеста. Однажды къ нему приходятъ крестьяне, вполнѣ мирно передъ тѣмъ принявшіе уставную грамоту, и говорятъ въ большомъ уныніи, что Луцкій, введя у нихъ грамоту, „пустилъ ихъ по міру". „Такъ нельзя работать",

---

[1]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской", стр. 23—25. Изд. Суворина.
[2]) Обнинскій. „Воспоминанія юриста", Русск. Архивъ, 1892 г., № 1, стр. 136.

жаловались старики, „съ голоду умремъ“. Оказалось, что какой-то солдатъ растолковалъ слова манифеста: „обнимая нашею царскою любовью всѣхъ проводящихъ борозды по полямъ сохою и плугомъ“, въ томъ смыслѣ, что царь велитъ одну борозду проводить плугомъ, другую сохою. „Извѣстно, говорили старики, царь самъ не работаетъ и не знаетъ, какъ надо пахать, онъ такъ это и подписалъ, не знавши, а ты намъ зачѣмъ не сказалъ? Мы бы не взяли грамоту“. Впрочемъ, Луцкому не стоило большого труда разъяснить крестьянамъ ихъ заблужденіе [1]). Въ знаменитомъ Кандеевскомъ волненіи однимъ изъ поводовъ было толкованіе словъ манифеста: „отбывать барщину“, въ смыслѣ „отбивать“, что и заставило крестьянъ упорно отказываться отъ барщины.

Положеніе 19 февраля возбуждало еще большія недоразумѣнія и еще быстрѣе оставалось непонятнымъ или ложно истолковывалось или отрицалось, какъ подложное. Одинъ крестьянинъ жаловался Якушкину, что волю трудно понимать потому, что она „на 4 грани написана: и туда верни и сюда верни, а намъ читай всю волю сразу“ [2]). Въ селѣ Мурасѣ спасскаго уѣзда, казанской губерніи крестьяне, получивъ книгу Положеній, поручили читать ее столяру; тотъ прочиталъ имъ указъ сената, первый по очереди документъ. „Вся толпа, говоритъ авторъ воспоминаній, долго и напряженно слушала длинный указъ, никто не понялъ, какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой же страницы столяръ скажетъ, чья земля, лѣсъ, луга и другія угодья, а столяръ до сумерекъ ихъ держалъ и ничего въ дѣло не опредѣлилъ“. Столяръ самъ признавался, что „всякое слово для него понятно, но куда что прикладывается, не можетъ разобрать, не можетъ и людямъ растолковать“. Не помогла дѣлу и начетчица. Міръ послалъ подводу въ другое село за грамотнымъ мужикомъ, но оказалось, что и онъ, „сколько ни старался, понять ее (книгу Положеній) не могъ и теперь въ селѣ сами чтеца ищутъ“. Посылали за какимъ-то дьячкомъ и также неудачно [3]).

Въ такомъ положеніи находились крестьяне почти повсемѣстно. Ихъ положеніе было тѣмъ безвыходнѣе, что въ ихъ средѣ грамотныхъ было очень мало, къ лицамъ же изъ другихъ сословій они опасались обращаться, полагая, что они могутъ быть подкуплены господами; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда чтецъ былъ изъ ихъ же среды, но вычитывалъ изъ Положенія невыгодныя для крестьянъ правила, то крестьяне немедленно рѣшали, что и этотъ чтецъ подкупленъ.

---

[1]) „Изъ записокъ В. К. Луцкаго“ (сообщила О. В. Червинская). Русская Старина, 1904 г., № 3, стр. 569—70.

[2]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 17. Собр. Соч.

[3]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 96—97.

Въ томъ же селѣ Мурасѣ, когда управляющій пытался читать имъ и толковать Положеніе (по газетамъ, такъ какъ книга Положеній не была прислана еще въ ихъ село), то онъ получалъ такія замѣчанія: „читаете-то вы хорошо, только толкуете въ барскую пользу" [1]).

„Читалъ имъ ключникъ, конторщикъ, тоже съ толкованіями, но ихъ заподозрили, что они барскую руку тянуть" [2]). Садовникъ этого села „выбиралъ статьи, дающія существенныя выгоды крестьянамъ, объяснялъ очень толково, но крестьянъ все-таки не удовлетворилъ, и ему сказали, что пустяки-то онъ вычитываетъ, а про землю, да про лѣсъ скрываетъ. „Ты, братъ, нанятой, тебѣ вѣрить нельзя, газета во весь столъ, всякую всячину находишь, а про главную волю не найдешь. Можетъ ли это быть!" [3]). И газетамъ не вѣрили крестьяне. Они говорили, что „газеты не отъ царя приходятъ, а за деньги у господъ же господами покупаются, слѣдовательно, будутъ ли господа противъ господъ итти" [4]).

Подобное же недовѣріе, говоритъ авторъ этихъ воспоминаній, къ чтецамъ изъ другихъ сословій или же такимъ, которые толковали Положеніе не въ пользу крестьянъ, царило не только въ спасскомъ, но и въ сосѣднихъ уѣздахъ, съ которыми онъ былъ хорошо знакомъ.

Волей-неволей приходилось разыскивать чтецовъ, которымъ можно было бы довѣрять. Мы уже видѣли, съ какимъ упорствомъ разыскивали подобнаго чтеца въ с. Мурасѣ. Крестьяне не жалѣли ни денегъ, ни времени на такіе розыски и на хорошихъ чтецовъ. Въ селѣ Безднѣ, спасскаго уѣзда казанской губ., напримѣръ, былъ устроенъ сборъ по 1 коп. съ души для посылки депутатовъ къ одному богатому татарину Юносову, извѣстному оказаніемъ помощи въ разныхъ случаяхъ сельскимъ татарамъ. Это было сдѣлано по совѣту какого-то сосѣдняго татарина, заявившаго, что Юносовъ объяснитъ все, какъ слѣдуетъ безъ всякаго обмана [5]). Одинъ крестьянинъ разсказывалъ Якушкину, что онъ заплатилъ за чтеніе Положенія 1 рубль и штофъ водки. „Профессія читальщика, говоритъ Демертъ, въ особенности извѣстнаго, давала доходъ порядочный: нѣсколько деревень—иногда въ количествѣ 300-400 и больше душъ — складывались по 10, по 15 коп. Читальщики въ короткій промежутокъ времени, который можно назвать періодомъ анархіи, могли бы составить себѣ порядочные по своему капиталы" [6]). Читальщика привозили иногда верстъ за 50 и больше, собирались въ

---

1) Ibid., стр. 91.
2) Крыловъ. „Воспоминанія". Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 91.
3) Крыловъ. „Воспоминанія". Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 91.
4) Крыловъ. „Воспоминанія". Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 91.
5) Колоколъ, 1862 г., стр. 1032.
6) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 24.

опредѣленную избу попросторнѣе, выставляли водку въ количествѣ, соотвѣтственномъ славѣ читальщика, и начинали чтеніе. Иногда для большаго удобства крестьяне раздѣлялись по жребію на равныя партіи, чтобы слушать не всѣмъ вмѣстѣ, а поочередно. „Посредствомъ этой остроумной системы слушанія закона, говоритъ Демертъ, одна часть населенія познакомилась съ общимъ положеніемъ, другая часть слушала узаконенія о дворовыхъ, третья кое-что узнавала по выкупной части и т. д... Каждый отдѣльный членъ общины слушалъ только лишь ничтожную часть положеній, но вся община выслушивала все вполнѣ, хотя, разумѣется, невозможно было ручаться, что дѣйствительно кто-нибудь изъ ея членовъ разслышалъ все и понялъ, какъ слѣдовало“ [1]). Особенно трудно стало добывать чтецовъ послѣ офиціальнаго запрещенія читать и толковать Положенія крестьянамъ; разрѣшалось дѣлать то и другое только священникамъ и чиновникамъ. Распоряженіе это было сдѣлано послѣ ряда волненій, возникшихъ на почвѣ неправильнаго толкованія манифеста и Положеній полуграмотными чтецами. Крыловъ говоритъ, что въ его мѣстахъ это распоряженіе произвело обратное впечатлѣніе на крестьянъ: оно „возбудило въ нихъ надежду, что въ Положеніи скрывается гдѣ-нибудь „истинная воля“ и во что бы то ни стало надо ее отыскать“ [2]). Результатъ былъ только тотъ, что вмѣсто открытыхъ чтеній устраивали тайныя сборища, приходилось платить чтецамъ большія деньги, щедрѣе угощать въ награду за рискъ и „лучшимъ чтецомъ считался тотъ, кто больше *правовъ* найдетъ въ книгѣ [3]). Но полуграмотные чтецы приносили мало пользы. Сами они при всемъ желаніи или совсѣмъ не разбирались, или рабирались крайне плохо въ Положеніи. Пытаясь толковать мало понятныя мѣста, они вдавались зачастую совершенно невольно въ ошибки, за которыя приходилось жестоко расплачиваться какъ имъ самимъ, такъ и крестьянамъ. Знаменитый Антонъ Петровъ, толкованіе котораго играло большую роль въ бездининскомъ волненіи, самъ былъ введенъ въ заблужденіе непонятнымъ изложеніемъ Положеній, будучи, видимо, убѣжденъ, подобно многимъ крестьянамъ, что въ присланной отъ царя книгѣ обязательно должна быть объявлена гдѣ-либо истинная воля. Когда къ нему принесли, какъ къ грамотному человѣку, книгу Положеній, то онъ добросовѣстно вчитывался въ каждую букву, проводилъ надъ Положеніемъ цѣлые дни. Его старанія, казалось, увѣнчались успѣхомъ. Онъ нашелъ, наконецъ, вполнѣ понятное, желанное слово „воля (любопытно, что это слово встрѣчается во всемъ Положеніи только на злополучной для Антона и

[1]) Ibid., стр. 25.
[2]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русская Старина, 1892 г., № 4, стр. 100
[3]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русская Старина. 1892 г. № 4, стр. 100.

бездиинцевъ страницѣ), при томъ въ такой категорической фразѣ: изъ нихъ отпущено послѣ ревизіи на волю

дворовыхъ 00

крестьянъ 00.

Внизу страницы стояло царское „быть по сему"[1]). Перевернувъ предыдущую страницу, А. Петровъ увидѣлъ, что какъ разъ надъ непонятными знаками въ опредѣленной для него по значенію фразѣ стоитъ непонятный знакъ $10^0/_0$. Антонъ рѣшилъ, что знакъ $10^0/_0$ означаетъ печать св. Анны, приложенную къ грамотѣ о волѣ, подписанной самимъ царемъ („быть по сему"); фраза же „отпущено послѣ ревизіи на волю" была растолкована имъ въ томъ смыслѣ, что воля вышла еще тогда, когда происходила послѣдняя ревизія, а именно въ 1858 г., т. е. господа скрывали волю уже 2 года. Гр. Апраксинъ въ своемъ рапортѣ говоритъ кромѣ того, что ложному толкованію подверглось и то мѣсто Положенія, „гдѣ сказано, что со дня обнародованія Положенія прекращаются, и затѣмъ не читая, что далѣе слѣдовало, онъ (А. Петровъ) объяснилъ эту статью такъ, что слова „прекращаются" значатъ, что все прекращается; чистая воля—выраженіе, подъ которымъ они понимали совершенную свободу отъ всѣхъ повинностей и обязанностей и право на всю землю"[2]). Вотъ и все, что нашелъ о волѣ А. Петровъ, но этого было достаточно для прославленія Антона, какъ чтеца, отыскавшаго въ Положеніи истинную волю; на все остальное содержаніе Положенія крестьяне уже не обращали вниманія, довольствуясь собственными и сторонними толкованіями, въ чемъ состоитъ воля[3]).

Изъ другихъ подобныхъ же толкованій Демертъ приводитъ два. Такъ, крестьяне обратили вниманіе въ образцѣ уставной грамоты, сбившемъ съ толку А. Петрова, на нули и слово воля. „Слово *воля*, говоритъ Демертъ, для каждаго селенія упоминается въ законѣ сряду 12 разъ (число кабалистическое: 12 мѣсяцевъ въ году и 12 апостоловъ), а воля, помноженная на 12, равняется полной свободѣ, т. е. освобожденію отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику: обстоятельство, которое помѣщики всячески стараются скрыть и объ этомъ обстоятельствѣ въ барскихъ книжкахъ умалчивается. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вычитальщиками явились лица, принадлежащія къ старовѣрамъ, нули эти объяснялись еще хитрѣе. Такъ, стоящіе одинъ надъ другимъ нули соединяли вмѣстѣ, ставя одинъ на другой, и такимъ образомъ выходила фигура 8, изображающая собою просфору; а гдѣ уже рѣчь идетъ о просфорѣ, изъ которой вырѣзываются

---

[1]) То была приложенная къ Положенію примѣрная форма уставной грамоты.
[2]) Колоколъ, 1862 г., № 124.
[3]) Крыловъ. „Воспоминанія". Русская Старина, 1892 г., № 6, стр. 616.

части для приготовленія тѣла Христова, тамъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о притѣсненіяхъ и какой-либо зависимости отъ помѣщика, человѣка обыкновенно грѣшнаго, недостойнаго, служащаго антихристу... Впрочемъ, прибавляетъ Демертъ, всѣхъ разнообразныхъ толкованій и не пересчитаешь, ихъ было столько же, сколько вычитывальщиковъ" [1]). Изъ другихъ толкованій упомянемъ еще объ отрицаніи крестьянами смѣшанной повинности (т. е. барщины и оброка одновременно) и желаніи перейти, на основаніи Положенія, или на барщинную повинность или на оброчную. Виною такого толкованія, бывшаго тѣмъ не менѣе причиною многихъ „волненій" крестьянъ, была исключительно запутанность изложенія. Въ одномъ мѣстѣ вполнѣ опредѣленно заявлялось, что крестьяне должны состоять или на барщинѣ или на оброкѣ, а затѣмъ черезъ нѣсколько страницъ въ небольшомъ примѣчаніи къ одной изъ статей подтверждается сохраненіе и смѣшанныхъ повинностей.

Несмотря на обиліе подобныхъ толкованій, сознательныхъ лжетолкователей среди чтецовъ было мало, если они только были. „Эти люди, говоритъ Якушкинъ о чтецахъ, читали волю добросовѣстно; желаніе ли добра крестьянамъ, боязнь ли страшной отвѣтственности за ложное толкованіе, или то и другое вмѣстѣ дѣйствовало на чтецовъ, но я не встрѣчалъ ни одного умышленнаго толкователя изъ этихъ грамотѣевъ-чтецовъ, да изъ чтецовъ вообще было мало толкователей: всѣ боялись ошибиться, а ошибиться было легко!.. Многихъ изъ этихъ чтецовъ ловила полиція, но, кажется, ни одного, кромѣ извѣстнаго А. Петрова, не нашли виновнымъ" [2]). Хотя чтецы, говоритъ со своей стороны Демертъ, „за условленную плату только читали Положеніе, ничего не пропуская и ничего не прибавляя отъ себя, лишь поясняя по собственному разумѣнію особо темныя мѣста, но сами-то крестьяне понимали читаемое по-своему" [3]). Послѣдними словами сказана золотая истина. При непонятности слога, запутанности изложенія не столько чтецы были виноваты въ ложномъ толкованіи манифеста и Положеній, какъ виновата была глубокая разница между ожиданіями крестьянъ и содержаніемъ офиціальныхъ документовъ. Крестьяне сами вкладывали свое содержаніе въ малопонятныя для нихъ фразы и выраженія. Чтецы были постольку виноваты, поскольку сами раздѣляли настроеніе крестьянъ. Выше было приведено, какое толкованіе получили фразы манифеста при разговорѣ крестьянъ съ Якушкинымъ. Эта главнѣйшая причина ложныхъ толкованій ма-

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 23.

[2]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской". Собр. соч. Изд. Суворина, стр. 18—19.

[3]) Демертъ. „Новая Воля„. Отеч. Зап., 1869 г., стр. 27.

нифеста и Положеній не ускользнула и отъ современниковъ. Выше было приведено соотвѣтственное наблюденіе Демерта. Любопытно въ этомъ отношеніи мнѣніе мирового посредника Глѣбова, которое онъ изложилъ въ своемъ донесеніи мологскому мировому съѣзду. Указывая на сложившее у крестьянъ еще до 19 февраля 1861 г. понятіе о свободѣ, какъ о полномъ прекращеніи всякихъ крѣпостныхъ повинностей, связанномъ съ полученіемъ права на всю землю, находившуюся у нихъ въ пользованіи въ крѣпостное время, а по нѣкоторымъ версіямъ—на всѣ помѣщичьи лѣса, Глѣбовъ говоритъ: „вотъ причины, по которымъ крестьяне высочайше изданный манифестъ, читаемый имъ въ приходахъ, дурно поняли и до сихъ поръ мало его понимаютъ“, чему содѣйствуетъ также и безграмотность крестьянъ. „Въ сущности, продолжаетъ Глѣбовъ, во внутреннихъ ихъ убѣжденіяхъ надо искать общаго стремленія къ неповиновенію и неисполненію обязанностей. Если бы такое внутреннее убѣжденіе крестьянъ въ правѣ ихъ на землю, что они высказываютъ съ крайнею осторожностью, не было такъ сильно, то не легко было бы цѣлое населеніе поколебать въ отношеніи исполненія ихъ долга и обязанности, тѣмъ болѣе, что упрекнуть крестьянъ въ отсутствіи здраваго смысла, въ непониманіи своего положенія было бы неосновательно, равно какъ и приписывать такое настроеніе исключительно вліянію небольшого числа неблагонамѣренныхъ изъ среды общества [1]), котораго вовсе не могли бы имѣть, если бы разсужденіями своими и дѣйствіями не выражали бы мнѣнія и желанія народа. Первенствующая же роль, которую крестьяне предоставляютъ такимъ лицамъ, объясняетъ скорѣе не зависимость общества отъ нихъ, а осторожность дѣйствій самихъ крестьянъ“ [2]). Почти то же отмѣчаетъ другой мировой посредникъ, нѣкто Безвѣстный. Онъ не придаетъ значенія недовѣрію крестьянъ къ помѣщикамъ, но считаетъ главною причиною довѣрія ко всякимъ ложнымъ толкованіямъ манифеста и Положенія, къ слухамъ объ истинной волѣ и т. п.—недовѣрія ко всему и ко всѣмъ, кто противорѣчитъ ихъ дикимъ понятіямъ о волѣ“ [3]).

Какъ бы то ни было, но на такой почвѣ свободно выростали толкованія Положенія и манифеста въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ крестьяне представляютъ себѣ волю. А разъ крестьяне были убѣждены въ справедливости своего пониманія, то дальнѣйшимъ шагомъ ихъ было поступать сообразно съ велѣніями этой полученной ими царской воли, хотя бы за это господа и чиновники гро-

---

[1]) Очевидно, авторъ говоритъ о крестьянскомъ обществѣ. И. И.
[2]) Сѣверная Пчела, 1861 г., № 228 за 13-ое октября.
[3]) Безвѣстный. „Изъ дневника мир. посредника 1861 — 1862 г.“ Русскій Вѣстникъ, 1863 г., іюль, стр. 803.

зили имъ наказаніями. Отсюда, такъ наз., „неповиновенія крестьянъ“, отказы отъ повинностей, смѣна сельскихъ властей, захватъ лѣсовъ и пр. и пр., приводившіе крестьянъ къ открытому столкновенію съ правительственными властями. Характернѣе всего то, что во всѣхъ волненіяхъ, возникавшихъ на этой почвѣ, крестьяне искренно считали себя правыми: бунтовщиками, по ихъ мнѣнію, были не они, а господа и чиновники, противившіеся выполненію царской воли. „Наказывать долго ли!—было бы за что“, говорили крестьяне Якушкину въ отвѣтъ на его указаніе на возможность наказанія за вышеприведенное толкованіе манифеста;—„за эти слова сѣчь не за что: это царская воля“ [1]). „Да развѣ противъ царскаго приказа можно?—говорили крестьяне въ с. Безднѣ по поводу требованія станового пристава выдать А. Петрова — тогда царь скажетъ: не хотѣли постоять за мою волю, такъ и работайте опять на господъ“ [2]). На предостереженіе, что при упорствѣ дѣло можетъ кончиться кровавымъ усмиреніемъ, бездницы возражали: „слыхали мы все это отъ станового. Ну, какъ же это возможно, чтобы въ народъ стрѣляли! Что мы развѣ бунтовщики какіе?“ [3]). Сходясь съ разныхъ сторонъ въ Бездну на защиту А. Петрова, крестьяне были увѣрены, что „кто не придетъ, такъ тѣмъ царь и воли не дастъ“. „Мы сюда по царскому повелѣнію пришли“, говорили крестьяне въ Безднѣ автору воспоминаній о бездинскомъ волненіи. Ямщикъ, привезшій автора въ Бездну, указывая на обиліе сошедшагося народа для защиты А. Петрова, говорилъ: „Какъ же это господа противятся царскому приказу! посмотрите, сколько за царя стоитъ, а за нихъ кто? Пустое они затѣяли, ужъ если открыли истинную волю, такъ надо бы и имъ покориться царю“. Когда при дѣлежѣ барскихъ земель и лѣсовъ въ с. Кокряти во время бездинскаго волненія крестьяне хотѣли лишить этого ямщика права на его долю за то, что онъ водился съ господами, ямщикъ собирался жаловаться „самому исправнику“ на такое самоуправство односельчанъ. Такъ велика была увѣренность крестьянъ въ своей правотѣ“! [4])

---

[1]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 25.

[2]) Крыловъ. „Воспоминанія.“ Р. Старина, 1892 г., № 6, стр. 623.

[3]) Ibid., стр. 622.

[4]) Въ этомъ отношеніи любопытно волненіе крестьянъ въ с. Александровскомъ или Бѣломъ Островѣ (въ 35 верстахъ отъ Петербурга), какъ оно изложено въ „Колоколѣ“ за 1861 г. (№ 100, стр. 838 и № 105, стр. 884). Крестьяне, не понимая воли съ сохраненіемъ барщины и рѣшивъ, что разъ воля, т. е. манифестъ и Положенія объявлены, то и барщина уничтожена,—отказались работать на помѣщика. Вслѣдъ за крестьянами села Александровскаго стали отказываться отъ барщины крестьяне другихъ помѣщиковъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Введеніе воинской команды, экзекуція, возложеніе расходовъ по усмиренію на крестьянъ не убѣдили крестьянъ въ неправильности ихъ пониманія объявленной воли. Они послали, какъ сообщали въ „Колоколѣ“, депутацію изъ 12 че-

Благодаря именно такой увѣренности въ справедливости своихъ дѣйствій, крестьяне большею частью съ полнымъ довѣріемъ встрѣчали „царскихъ пословъ“, т. е. фл.-адъютантовъ и генераловъ св. его величества, являвшихся къ нимъ для усмиренія; спокойно встрѣчали войска, увѣренные, что въ нихъ, исполняющихъ царскую волю, не могутъ стрѣлять царскія войска.

Въ одномъ волненіи, связанномъ съ непризнаніемъ Положенія 19 февраля и ожиданіемъ „взаправскаго“ указа, крестьяне говорили, что „вреды имъ отъ солдатъ никакой не будетъ“. „Солдаты, говорилъ одинъ крестьянинъ Демерту по этому поводу, и точно придутъ, но пальцемъ никого не тронутъ, а набольшій ихній прочтетъ взаправскій указъ, вотъ тотъ самый, что изъ Петербурху присланъ“.—„Худого, баютъ, продолжалъ тотъ же парень, не выйдетъ ничего, потому что идутъ они (крестьяне) не супротивъ закона, а за царское положеніе“ [1]). Тотъ же Демертъ свидѣтельствуетъ, что въ Безднѣ крестьяне приняли гр. Апраксина, извѣстнаго усмирителя безднинскаго волненія, „за настоящаго царскаго посланника, явившагося объявить взаправскую волю, тщательно будто бы скрываемую отъ нихъ мѣстными помѣщиками“ [2]). Его пріѣзда ожидали безъ всякаго страха, съ большимъ нетерпѣніемъ и выслали для встрѣчи стариковъ съ хлѣбомъ-солью.

VI.

Волненія, возникшія на почвѣ неправильнаго толкованія и пониманія манифеста и Положеній, относятся, повидимому, главнымъ образомъ къ 1861 г. и происходили почти повсемѣстно въ различныхъ губерніяхъ, захватывая иногда большіе районы, но чаще ограничиваясь отдѣльными имѣніями и селеніями. Въ Сѣверной Пчелѣ за 1861 г. есть свѣдѣнія о подобныхъ волненіяхъ въ 19 губерніяхъ [3]). О волненіяхъ въ

ловѣкъ къ самому Александру II. Кончилось дѣло тѣмъ, что депутатамъ дали по 100 розогъ—такъ передаетъ „Колоколъ“. Авторъ другой корреспонденціи о томъ же волненіи, внесшій въ первую корреспонденцію существенныя поправки, видимо, близко знакомый съ дѣломъ, подтверждаетъ фактъ, что депутацію приказали высѣчь. „Больно писать дальше, пишетъ корреспондентъ, но надо: только подъ розгами крестьяне повѣрили, что ихъ не обманывали и что дѣйствительно, т. е. ихъ дѣйствительно обмануло правительство: барщина оставлена на 2 года“. Итакъ крестьяне не повѣрили самому царю, и только порка заставила повѣрить ихъ въ истинность слышанныхъ ими словъ.

1) Демертъ. „Новая Воля“ Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 32—33.

2) Ibid., стр. 40.

3) Въ губерніяхъ: казанской, самарской, пензенской, владимирской, подольской, черниговской, с.-петербургской, ярославской, калужской, витебской, костромской, псковской, тамбовской, смоленской, виленской, харьковской, рязанской, гродненской и орловской.

10 губерніяхъ изъ этихъ 19-ти [1]) въ Сѣверной Пчелѣ было сказано въ общей формѣ, что здѣсь повсемѣстно были однѣ и тѣ же причины, а именно: „неясное пониманіе крестьянами новыхъ положеній и невѣрное толкованіе закона людьми невѣжественными, а иногда и злонамѣренными“ [2]). И послѣ того продолжали поступать въ газеты свѣдѣнія о безпорядкахъ въ различныхъ губерніяхъ [3]), но о причинахъ ихъ ничего не говорится [4]). Изъ этихъ волненій волненіе, напримѣръ, въ подольской губ. захватило 141 селеніе болѣе, чѣмъ въ 6 уѣздахъ; въ этихъ селеніяхъ числилось до 71 тысячи душъ. Полуофиціальное сообщеніе Сѣверной Пчелы говоритъ, что „всѣ случаи безпорядковъ были вызваны неправильнымъ пониманіемъ крестьянами новыхъ ихъ отношеній къ прежнимъ владѣльцамъ. Крестьяне, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе свободы, представляли ее себѣ въ совершенно превратномъ видѣ, а потому всякій слухъ, оправдывавшій ихъ ожиданія, былъ принимаемъ ими легковѣрно. Правилъ новаго положенія они въ точности не знали и при чтеніи никогда не дослушивали до конца, если то, что имъ читали, было не согласно съ ихъ понятіями“ [5]). Въ чемъ проявились безпорядки—неизвѣстно, но сообщалось, что въ одномъ имѣніи (с. Тимановка, бывшее гр. Протасова-Бахметева) крестьяне оказали сопротивленіе войскамъ. Обычными средствами усмиреніями во всѣхъ этихъ волненіяхъ были убѣжденія и „полицейскія мѣры“, а если они не помогали, то въ волнующіяся селенія вводились военныя команды, оставляемыя иногда на постой, производилась порка крестьянъ, аресты ихъ вплоть до преданія суду зачинщиковъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ было пущено въ ходъ огнестрѣльное оружіе, что сопровождалось большимъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ.

Перечень губерній, въ которыхъ происходили подобныя волненія, очевидно, не полонъ. А. Танковъ, напримѣръ, описывая волненія въ курской губерніи, главнымъ образомъ, за 1862 г., волненія, возникшія на почвѣ ожиданія „случнаго“ часа, говоритъ также и о волненіи въ курской губерніи въ 1861 г., причемъ, по свѣдѣніямъ курской губернской администраціи, многія изъ нихъ „произошли *почти исключительно*

---

[1]) Въ губерніяхъ: витебской, костромской, псковской, тамбовской, смоленской, виленской, харьковской, рязанской, гродненской и орловской.

[2]) Сѣверная Пчела, 1861 г, № 143.

[3]) Въ губерніяхъ: ковенской, екатеринославской, тульской, московской, могилевской, пермской, вологодской, витебской, кіевской, новгородской, гродненской, владимирской и тамбовской.

[4]) С. Соловьевичъ. „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“, стр. 53. Сѣверная Пчела за 1861 г.—различные №№, стр. 44.

[5]) Сѣв. Пчела, 1861 г., № 126. Цитирую по С. Соловьевичу.

отъ неправильнаго истолкованія имъ мѣстными причетниками правилъ и условій, изложенныхъ въ „Положеніи“ [1]).

Между тѣмъ курская губернія не отмѣчена Сѣв. Пчелой въ числѣ губерній, гдѣ были волненія въ 1861 г.

Среди волненій, возникавшихъ отъ неправильнаго пониманія „Положенія“, нужно различать волненія, гдѣ неправильному толкованію подвергались лишь нѣкоторыя отдѣльныя статьи „Положенія“ и въ которыхъ, слѣдовательно, выразилось такимъ образомъ недовольство только нѣкоторыми условіями освобожденія. Примѣромъ такихъ волненій могутъ служить хотя бы волненія, происшедшія на почвѣ отрицанія смѣшанной повинности. Въ другихъ же волненіяхъ крестьяне, исходя изъ своего представленія о „волѣ“, иногда основываясь лишь на неправильномъ пониманіи нѣкоторыхъ словъ и выраженій манифеста и „Положеній“, вкладывали въ содержаніе послѣднихъ свое пониманіе воли, шедшее большею частью въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ того и другого. Проведеніе этой „истинной воли“ въ жизнь, выражаясь въ поступкахъ, противорѣчащихъ вновь изданнымъ законамъ, называлось на офиціальномъ языкѣ „неповиновеніемъ“, „безпорядками“ и т. д. Помѣщики заваливали правительственныя учрежденія жалобами, а власти примѣняли различныя репрессіи для приведенія крестьянъ въ должное повиновеніе закону. Изъ подобныхъ волненій наиболѣе рѣзкимъ, яркимъ какъ по размѣру, такъ и по силѣ, глубинѣ движенія, является бездинское волненіе въ казанской губ. Изъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній о волненіяхъ, которыя попали въ офиціальный органъ „Сѣверную Пчелу“, нельзя судить о большинствѣ изъ нихъ,—было ли причиною ихъ частичное недовольство Положеніемъ или причиною была подмѣна содержанія „Положенія“ и манифеста содержаніемъ крестьянской „воли“.

Мы познакомимся съ тѣми и другими волненіями на частныхъ примѣрахъ, свѣдѣнія о которыхъ разсыпаны въ различныхъ періодическихъ журналахъ. Ознакомимся сначала съ I группою волненій.

Наиболѣе общимъ явленіемъ было непризнаніе крестьянами срочно-обязаннаго періода. Но это такъ тѣсно соединялось у нихъ съ уничтоженіемъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику и съ наступленіемъ вмѣсто срочно-обязаннаго періода „полной“, „истинной“ воли, что волненія, возникавшія на почвѣ отрицанія срочно-обязаннаго періода, приходится относить къ волненіямъ, гдѣ крестьяне или отрицали Положеніе совсѣмъ или замѣняли его дѣйствительное содержаніе содержаніемъ своей „крестьян-

---

[1]) Танковъ. „Крестьянскія волненія въ курской губ. въ 1862 г.“ Истор. Вѣстникъ, 1890 г., № 8, стр. 345.

ской“ воли. Изъ частныхъ же статей Положенія наибольшее возмущеніе вызывало у нихъ сохраненіе барщины. Въ этомъ они видѣли прямое нарушеніе царской воли, зачастую толкуя и манифестъ, и Положеніе въ смыслѣ немедленнаго прекращенія барщины, въ которой, главнымъ образомъ, и видѣли прекращеніе крѣпостной зависимости.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, констатируя въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, что крестьяне смотрятъ на издѣльную повинность, какъ на „исключительную принадлежность крѣпостного состоянія“, счелъ нужнымъ даже подтвердить, чтобы власти объясняли крестьянамъ, что барщина по Положенію есть та же плата за землю, уплачиваемая лишь не деньгами, а работою [1]). Отрицаніе барщины выражалось или въ неаккуратномъ и небрежномъ исполненіи ея, на что жалобы отъ помѣщиковъ сыпались во всѣ правительственныя учрежденія, которымъ сіе вѣдать надлежало, — или въ категорическомъ отказѣ отъ нея. Въ первомъ случаѣ дѣло улаживалось наложеніемъ штрафовъ на „нерадивыхъ“, изрѣдка тѣлесными наказаніями черезъ полицію. Въ другихъ—происходило, т. наз., „волненіе“ съ обычными пріемами усмиренія.

Уже приходилось говорить, что въ калужской губерніи въ тарусскомъ уѣздѣ крестьяне поняли прочитанный имъ гр. Бутурлинымъ манифестъ въ томъ смыслѣ, что теперь они могутъ работать на помѣщиковъ только за деньги. На этомъ основаніи во многихъ мѣстахъ произошелъ отказъ отъ работъ. Въ селѣ Кольцовѣ дѣло приняло серьезный оборотъ и завершилось экзекуціей. Въ этомъ селѣ часть крестьянъ была на оброкѣ, часть на барщинѣ. Въ изложеніи этого волненія гр. Бутурлинымъ замѣчается нѣкоторая сбивчивость или, вѣрнѣе, сами крестьяне путались въ своихъ заявленіяхъ. Въ разговорѣ съ исправникомъ и уѣзднымъ предводителемъ дворянства крестьяне говорили, что они желаютъ сравняться въ своемъ положеніи: или всѣмъ быть на оброкѣ, или на барщинѣ. Въ разговорѣ же съ гр. Бутурлинымъ, а затѣмъ съ ген.-майоромъ св. е. в. Казнаковымъ, прибывшимъ съ ротою солдатъ, барщинные отказывались лишь отъ работъ, соглашаясь платить оброкъ, хотя и пониженный сравнительно съ Положеніемъ: новый душевой окладъ они считали очень высокимъ.

Такъ какъ и потомъ при усмиреніи дѣло шло лишь о принужденіи барщинныхъ крестьянъ къ работамъ, то слѣдуетъ считать, что главною причиною волненія была увѣренность, что съ волею барщина отмѣнена. Никакія убѣжденія съѣхавшагося начальства не помогли: крестьяне твердо

---

[1]) Сѣв. Пчела, 1861 г., № 108 за 16 мая.

стояли на своемъ отказѣ отъ барщины. Тогда (3-го апрѣля) ген. Казнаковъ пустилъ въ ходъ военную силу. На площадь, гдѣ столпились кольцовцы — барщинные и оброчные — была выведена рота солдатъ. Указаніе Казнакова на себя, какъ на царскаго посланца, и угроза примѣнить тѣлесное наказаніе— впечатлѣнія не произвели: крестьяне, между прочимъ, были увѣрены, что съ волею отмѣнено и тѣлесное наказаніе. Казнаковъ вызвалъ по списку всѣхъ барщинныхъ крестьянъ на правую сторону площади. Какъ только генералъ приказалъ солдатамъ оцѣпить ихъ, барщинные и оброчные сдѣлали попытку соединиться, но солдаты предупредили ихъ: первые были окружены. Началось сѣченье: давали по 9—14 ударовъ, причемъ, по указанію Бутурлина, „удары были полновѣсные, со всего солдатскаго размаха и какими не умѣютъ наказывать въ земскихъ судахъ и градскихъ полиціяхъ“ [1]). При этомъ онъ передаетъ такую любопытную сцену. „Жена одного наказываемаго крестьянина, приблизившись, насколько могла, къ мѣсту экзекуціи, начала кланяться въ ноги наказываемому мужу и кричать ему во всю глотку: „Потерпи, батюшка, потерпи, вѣдь самъ Христосъ терпѣлъ“. Однако же мужъ не вытерпѣлъ и послѣ 9 го или 10-го удара сдался“ [2]).

Крестьяне выказали въ этомъ волненіи мало стойкости Послѣ 9 или 10 наказанныхъ—остальные повинились. Всѣмъ было приказано немедленно явиться съ сохами и итти на барщину. Это было исполнено. На другой день рота уже удалилась изъ села Кольцова.

Къ той же категоріи волненій нужно отнести и описанное ранѣе Ольхинское дѣло [3]). Въ волновавшемся селеніи (с. Александровскомъ или Бѣломъ Островѣ) барщина была легкая (2 дня въ недѣлю), и причиною отказа отъ нея послужило именно „ложное пониманіе воли“. По примѣру бѣлоостровцевъ стали отказываться отъ барщины крестьяне и другихъ помѣщиковъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Была, какъ сказано, введена воинская команда; человѣкъ 6 арестовано и на крестьянъ же были возложены расходы на экзекуцію. Крестьяне смирились окончательно, кажется, послѣ порки депутаціи къ Александру II, о чемъ говорилось выше. Тотъ же отказъ отъ работъ или отъ барщины наблюдался въ цѣломъ рядѣ волненій. Упомянемъ с. Святцы, Владимирской губ. судогодскаго уѣзда, гдѣ крестьяне не дали становому приставу арестовать нѣкоторыхъ крестьянъ, угрожали предводителю дворянства и исправнику и куда была

---

1) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужскаго крестьянства“. Русск. Архивъ, 1876 г., № 10, стр. 253.
2) Ibid., стр. 253—254.
3) „Колоколъ“, 1861 г., №№ 100 и 105.

введена въ концѣ концовъ воинская команда [1]); въ имѣніи Дурасова, самарской губерніи бугурусланскаго уѣзда [2]), с. Шиганы, симбирской губ. сенигілевскаго уѣзда [3]), имѣніе Корвовской, калужской губерніи жиздринскаго уѣзда, гдѣ крестьяне, отказавшись отъ барщины, разошлись на заработки [4]).

Одною изъ причинъ волненій, какъ сказано выше, было сохраненіе смѣшанной повинности. Основываясь отчасти на самомъ Положеніи, крестьяне во многихъ мѣстахъ рѣшительно отказывались исполнять барщину и оброкъ. Какъ сказано, отчасти здѣсь была виновата запутанность статей Положенія.

Въ отдѣлѣ о приведеніи Положенія въ дѣйствіе говорится лишь о 2-хъ родахъ повинностей, барщинной и оброчной; лишь въ 170 ст. Мѣстнаго Положенія въ примѣчаніи оговаривается сохраненіе смѣшанной повинности до введенія уставныхъ грамотъ. Крестьяне, считаясь съ опредѣленнымъ указаніемъ закона на барщину и оброкъ, данное примѣчаніе совершенно игнорировали или не знали и считали себя освобожденными отъ работъ сверхъ оброка. На этой почвѣ происходили волненія главнымъ образомъ въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, гдѣ была довольно сильно развита смѣшанная повинность. Ген.-лейтенантъ Дубельтъ, командированный для введенія Положенія въ ярославскую губернію, говоритъ, что волненія въ этой губерніи происходили почти исключительно въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне состояли на смѣшанной повинности; оброчные сидѣли смирно. Смѣшанные крестьяне большею частью упорно отказывались отъ работъ сверхъ оброка и даже отъ повышенія послѣдняго до размѣровъ, обычныхъ въ чисто оброчныхъ имѣніяхъ. Конечно, въ этомъ нежеланіи исполнять барщинную часть смѣшанной повинности можно видѣть и отраженіе взгляда крестьянъ, что съ наступленіемъ воли должна прекратиться и барщина. Волненія эти, очевидно, были не сильны и кончались довольно благополучно для крестьянъ, отчасти благодаря тактичности самого Дубельта—противника сѣченія и разстрѣла крестьянъ, но сторонника постоя солдатъ, хотя и послѣднее примѣнялось имъ довольно рѣдко. Дубельтъ говоритъ, что изъ 14 волненій, происшедшихъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ въ ярославской губ., въ 11-ти ему удалось подѣйствовать на крестьянъ убѣжденіемъ и лишь въ трехъ случаяхъ ему пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію военной силы, причемъ онъ не ранилъ и не убилъ ни одного человѣка; сѣченье бы-

[1]) „Сѣв. Пчела", 1861 г., № 117.
[2]) Ibid., № 114.
[3]) Ibid., № 118.
[4]) Ibid., № 118.

ло примѣнено въ 2-омъ случаѣ къ 1-му человѣку въ количествѣ 1-ой розги. Изъ наиболѣе крупныхъ волненій на почвѣ нежеланія исполнять смѣшанную повинность извѣстны 2 въ ярославской губерніи: въ имѣніи Мусина-Пушкина (по рѣкѣ Мологѣ) и въ имѣніи Арнаутова, угличскаго уѣзда. Въ первомъ волненіи, гдѣ на сходъ явилось до 800 человѣкъ, Дубельтъ грозилъ постоемъ солдатъ съ возложеніемъ на крестьянъ всѣхъ расходовъ по содержанію и доставкѣ военной команды изъ города, причемъ подробно исчислилъ крупную сумму, которую взыскали бы въ этомъ случаѣ съ крестьянъ. Угроза подѣйствовала, и крестьяне смирились. 2-ое волненіе было крупнѣе по размѣрамъ и формамъ. На сходъ, куда явился Дубельтъ для убѣжденій и разъясненій, сошлось до 1200 человѣкъ. Когда Дубельтъ попытался арестовать 5 человѣкъ крестьянъ, характеризованныхъ ему, какъ зачинщики, крестьяне бросились къ Дубельту, окружили его, осыпали бранью и готовы были избить. Дубельту удалось благополучно выбраться изъ толпы и уѣхать въ Ярославль. Онъ выслалъ немедленно войска въ имѣніе Арнаутова и послалъ донесеніе о происшедшемъ самому Александру II въ Москву. Александръ, крестьянахъ, послалъ суровое повелѣніе: арестовать зачинщиковъ, судить ихъ военнымъ судомъ и по законамъ военнаго времени и приговоры, конфирмовавъ, немедленно привести въ исполненіе. Дѣло принимало такимъ образомъ тяжелый оборотъ. Къ счастью, Дубельтъ оказался ни Апраксинымъ, ни Древякинымъ, ни даже императоромъ Александромъ II въ своихъ отношеніяхъ къ волнующимся крестьянамъ. Когда Дубельтъ вторично явился въ имѣніе Арнаутова, крестьяне уже были окружены драгунами съ заряженными ружьями. Крестьяне, выдавъ безпрекословно 5 зачинщиковъ, отказались отъ повиновенія. Дубельтъ вмѣсто разстрѣла или порки, оставилъ солдатъ постоемъ въ селѣ на полномъ иждивеніи крестьянъ. Черезъ день крестьяне уже смирились: такъ тяжело было содержать солдатъ. Зачинщиковъ Дубельтъ простилъ. Подобныя же волненія на почвѣ нежеланія исполнять смѣшанную повинность извѣстны въ петербургской (въ лужскомъ уѣздѣ — имѣніи Тирана, — въ петергофскомъ уѣздѣ—имѣніи Веймарна) и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ [1]).

Во многихъ мѣстахъ крестьяне выказывали явное недовольство Положеніемъ въ виду того, что они лучше, чѣмъ кто-либо другой на собственной шкурѣ чувствовали во многихъ отношеніяхъ ухудшеніе своего экономическаго положенія при устройствѣ его согласно данной имъ „казенной

---

[1]) См. объ этомъ также корреспонденцію въ „Колоколѣ“ за 1861 г.“, №№ 98—99, стр. 822.

волѣ“. Демертъ указываетъ, что тяжелыя условія и невыгодныя для крестьянъ правила Положенія были главною причиною недовѣрія къ нему [1]); если это указаніе невѣрно для всѣхъ крестьянъ, то для многихъ мѣстъ, вѣроятно, справедливо. Нѣкоторые мировые посредники ставятъ трудность введенія Положенія и уставныхъ грамотъ въ зависимости именно отъ измѣненій въ положеніи крестьянъ, которыя наступали для нихъ съ освобожденіемъ. Такъ, Безвѣстный говоритъ, что если крестьяне пользовались въ крѣпостное время количествомъ земли, далеко превышающимъ высшій надѣлъ, то крестьяне не шли на добровольное соглашеніе при составленіи уставной грамоты [2]). Мировой посредникъ Луцкій указываетъ также относительно самарской губерніи, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ „владѣльцы предоставляли крестьянамъ разныя льготы, въ такихъ имѣніяхъ вводъ (уставныхъ) грамотъ представлялъ страшное затрудненіе. Крестьяне ни за что не хотѣли принимать ихъ; оно и понятно: отъ уставныхъ грамотъ ихъ бытъ не только не улучшался, напротивъ, они теряли многое изъ своихъ прежнихъ правъ“ [3]). Не забудемъ, что это ухудшеніе происходило нетолько въ отношеніи размѣра надѣловъ и платежей, но уничтожались, кромѣ того, сервитуты, т. е. безплатное пользованіе выгонами, паромъ, зачастую лѣсомъ, водами и т. д., уничтожалось право на помощь въ несчастныхъ случаяхъ, во время неурожаевъ и т. под. Крестьяне, конечно, быстро оцѣнили эту сторону Положенія. Въ этомъ отношеніи любопытно небольшое волненіе въ крупномъ селѣ Никольскомъ гр. Соллогуба въ ставропольскомъ уѣздѣ самарской губерніи, гдѣ крестьяне отказались принять уставную грамоту. Губернаторъ, безуспѣшно убѣждавшій крестьянъ около часу, готовъ уже былъ послать за военной командой, и лишь тактичное и умѣлое разъясненіе мирового посредника спасло крестьянъ отъ губернаторской расправы. Крестьяне подъ вліяніемъ мирового посредника приняли уставную грамоту. Причиною же ихъ упорства, по указанію Луцкаго, было именно чувствительное ухудшеніе экономическаго положенія по уставной грамотѣ сравнительно съ положеніемъ при крѣпостномъ правѣ. Никольскіе крестьяне при крѣпостномъ правѣ свободно рубили помѣщичій лѣсъ, косили траву, гдѣ хотѣли, запахивали земли въ свою пользу, сколько угодно, при ничтожной барской запашкѣ. „Теперь посмотрите, говорилъ Луцкій губернатору въ объясненіе упорства крестьянъ, изъ пашни у нихъ отрѣзали больше половины, луга и рыб-

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9.

[2]) Безвѣстный. „Изъ дневника мир. посредника“. Русск. Вѣстникъ, 1863 г., № 6, стр. 794—795.

[3]) „Изъ записокъ В. К. Луцкаго“. Русская Старина, 1904 г., № 3 стр. 563—564.

ныя ловли, по теперешнему Положенію, отходятъ (помѣщику), лѣса болѣе не имѣютъ права взять, слѣдовательно, Положеніе 19-го февраля ухудшаетъ ихъ настоящій бытъ; въ будущее они не смотрятъ. Вотъ теперь и рѣшите сами, могутъ ли они не говорю съ удовольствіемъ, а безропотно подчиняться новому Положенію?" [1]).

Признаніе за помѣщиками права собственности и отдача крестьянамъ части земли лишь въ пользованіе возбуждала въ крестьянахъ — по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ — глубокое чувство недоумѣнія и недовольства. Они сыздавна не могли представить себѣ воли безъ земли и, какъ мы знаемъ, многіе считали даже, что при волѣ вся господская земля должна перейти къ нимъ. Драгомановъ говоритъ относительно Малороссіи, что крестьяне не хотѣли вѣрить, чтобы имъ была дана воля безъ земли и лѣса. Онъ приводитъ цѣлый рядъ отзывовъ крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ по этому поводу. „Де жъ таіа волья, іака та переміна? Што жъ тутъ липшаго? То і лісъ застаіетьсья паньскиі", говорили крестьяне въ Подоліи.—„Што жъ отъ се за волья безъ землі?", спрашивали на Волыни. Въ Полтавщинѣ такъ выразили недовольство: „Землье — іака вона паньска? Вона така же казенна, іакъ козача, або та, што нід казенними крестьанамі, ночо за неіі платитсья подать-царскиі оброкъ" [2]).

Среди крестьянъ замѣчалось также недовольство условіями выкупа. Демертъ говоритъ относительно казанской губерніи, гдѣ ему пришлось быть, что непривлекательная перспектива платить въ теченіе почти полустолѣтія одинаковую сумму выкупа, да еще одновременно внести 30 р. (при добровольномъ выкупѣ И. И.) — все это, въ связи съ несообразно высокой оцѣнкой земли, возбудило недовѣріе къ закону даже со стороны тѣхъ крестьянъ, которые не смотрѣли на книгу (Положенія), какъ на бомбу" [3]). Тяжело отражалось на крестьянахъ также признаніе Положеніемъ за владѣльцами правъ собственности на земли, купленныя крестьянами въ крѣпостное время на имя помѣщика. Какъ извѣстно, въ крѣпостное время крестьяне не имѣли права пріобрѣтать земли на свое имя до указа 1848 г., когда крестьяне получили это право при непремѣнномъ условіи согласія со стороны помѣщика. Положеніе признало за крестьянами право давности владѣнія только на земли, купленныя на имя помѣщика съ 1848 г. Такимъ путемъ помѣщики могли захватить земли крестьянъ, купленныя послѣдними на свои деньги до этого года. И такіе случаи происходили,

---

[1]) „Изъ записокъ В. К. Луцкаго". Русск. Старина, 1904 г., № 3, стр. 566.

[2]) „Основе" 1862 г. Вісті—цитируются по Драгоманову „Нови украиньскі пісніи".

[3]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., стр. 28—29.

видимо, въ большомъ количествѣ. Обнинскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ одномъ только засѣданіи калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія разсматривалось 24 подобныхъ дѣла о присвоеніи помѣщиками крестьянскихъ земель, купленныхъ послѣдними на имя помѣщика [1]). „Въ любомъ архивѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, говоритъ Обнинскій въ другой статьѣ, будущій историкъ эпохи освобожденія найдетъ цѣлые вороха дѣлъ по искамъ крестьянъ о „правѣ собственности" на земли, купленныя ими при крѣпостномъ правѣ на имена своихъ владѣльцевъ, которыми они *свободно* владѣли *до воли*, и которыя *по* объявленіи ея отъ нихъ отбирались ради того только, что въ то безправное время они не могли пріобрѣтать, а помѣщикъ не пожелалъ теперь признать совершившуюся продажу!" [2]). Носовичъ упоминаетъ объ обжалованіи крестьянами уставной грамоты на этомъ основаніи [3]). На этой почвѣ происходили даже волненія. Такъ, въ „Колоколѣ" [4]) помѣщено было извѣстіе о волненіяхъ крестьянъ въ черниговской губерніи въ имѣніи Галагана, Пичнѣ, причемъ сообщалось, хотя и подъ сомнѣніемъ, что причиною волненія было желаніе Галагана присвоить себѣ землю, купленную крестьянами на имя помѣщика. Крестьяне, конечно, были усмирены.

Изъ другихъ сторонъ Положенія, съ которыми расходились крестьяне, отмѣтимъ увѣренность крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что при волѣ тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено. На это указываетъ гр. Бутурлинъ при описаніи приведеннаго уже волненія въ с. Кольцовѣ тарусскаго уѣзда калужской губерніи. Не только сами кольцовцы были въ этомъ увѣрены, но и „въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, говоритъ Бутурлинъ, вкоренилась мысль, что теперь, съ новою дарованною имъ волею, никто уже болѣе наказывать ихъ тѣлесно не смѣетъ" [5]). Когда происходила порка кольцовцевъ, „вся гора, изгибаясь амфитеатромъ надъ низменной береговой площадкой, гдѣ шла экзекуція, была унизана женскимъ населеніемъ сельца Кольцова и крестьянами обоего пола изъ сосѣднихъ деревень, приходившихъ удостовѣриться, дѣйствительно ли будутъ наказывать крестьянъ" [6]). Садовникъ въ имѣніи графа Бутурлина, при разсказѣ кучеренка объ экзекуціи, „скептически отвѣчалъ: „врешь, не

---

[1]) Обнинскій. „Калужское губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе". Русская Мысль, 1896 г., № 5, стр. 7.

[2]) Обнинскій. „Воспоминанія юриста". Русскій Архивъ, 1892 г., № 1, стр. 134.

[3]) Носовичъ. „Записки", стр. 64, 74-75.

[4]) „Колоколъ", 1861 г., № 100.

[5]) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужскаго крестьянства". Русскій Архивъ, 1876 г., № 10, стр. 251.

[6]) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужскаго крестьянства". Русскій Архивъ, 1876 г., № 10, стр. 253.

можетъ быть" [1]). Конечно, это было, вѣроятно, лишь въ немногихъ мѣстахъ. Демертъ отмѣчаетъ даже якобы обратное явленіе: обиліе приговоровъ волостныхъ судовъ, присуждавшихъ крестьянъ къ тѣлесному наказанію. Но это происходило, по объясненію самихъ же крестьянъ, отъ другихъ причинъ. Другіе роды наказаній были слишкомъ тяжелы для крестьянъ: штрафы непосильны, аресты во время полевыхъ и иныхъ работъ также чувствительно били по карману, порка же происходила быстро и ничего не стоила, а крѣпостное время достаточно пріучило крестьянъ къ перенесенію этого рода наказанія въ нравственномъ отношеніи. Получивъ „волю", крестьяне считали, что они вмѣстѣ съ тѣмъ получали немедленно право самоуправленія и независимость отъ прежнихъ крѣпостныхъ вотчинныхъ властей. Поэтому во многихъ мѣстахъ крестьяне отказывались повиноваться послѣднимъ, требовали смѣны прежнихъ сельскихъ властей, а иногда и самовольно смѣняли ихъ, выбравъ взамѣнъ изъ своей среды новыхъ. Конечно, такіе поступки назывались на офиціальномъ языкѣ „волненіями", „неповиновеніемъ закону" и вызывали вмѣшательство властей съ обычными пріемами усмиренія. Самовольнымъ введеніемъ сельскаго самоуправленія сопровождались наиболѣе крупныя волненія, гдѣ крестьяне вели себя во всѣхъ отношеніяхъ „вольными". Изъ болѣе мелкихъ волненій отмѣтимъ хотя бы волненіе въ с. Шиганахъ (г-жи Кротковой) симбирской губерніи сенгилевскаго уѣзда, гдѣ крестьяне, наряду съ отказомъ отъ работъ, не хотѣли подчиняться прежнимъ сельскимъ властямъ, желая выбрать старшинъ сами. Введена была военная команда, главные зачинщики наказаны, а одинъ изъ нихъ приговоренъ военно-судной комиссіей къ шпицрутенамъ [2]). Хотя по офиціальнымъ донесеніямъ и нѣкоторымъ частнымъ свѣдѣніямъ введеніе волостного и сельскаго самоуправленія наряду съ мировыми учрежденіями сильно способствовало замиренію волновавшихся крестьянъ, но есть и другія указанія, что введеніе казеннаго самоуправленія не вполнѣ удовлетворяло крестьянъ. Открытіе сельскихъ обществъ, видимо, не всюду было мирнымъ. Такъ, во владимирской губерніи въ имѣніи Кокошкина крестьяне при открытіи сельскаго общества желали смѣнить бурмиста, а послѣ отказа въ этомъ, грозили выкинуть бурмистра изъ правленія. При попыткѣ предводителя дворянства арестовать одного крестьянина, сынъ послѣдняго бросился на предводителя. Крестьяне смирились послѣ введенія воинской команды [3]). Въ имѣніи Александровкѣ (г-жи Шишковой) и Средней Бѣсовкѣ (имѣніе Дадьяна) кре-

---

[1]) Ibid., стр. 254.
[2]) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 118.
[3]) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 117.

стьяне при отказѣ отъ работъ не желали также выбирать должностныхъ лицъ при открытіи сельскихъ обществъ и волостей. Это волненіе находилось, видимо, въ связи или подъ вліяніемъ бездннинскаго движенія, ибо для усмиренія крестьянъ оказалось достаточнымъ убѣжденій предводителя дворянства и извѣстія объ усмиреніи бездннинцевъ [1]). Демертъ указываетъ, что крестьяне отнеслись съ самаго начала очень индифферентно къ вводимому самоуправленію и смотрѣли на выборы волостныхъ старшинъ и судей, какъ на тяжелую повинность; лучшіе крестьяне уклонялись отъ выборовъ, попалъ на эти должности наихудшій элементъ или ставленники мировыхъ посредниковъ. „Слышалъ я послѣ, пишетъ Демертъ, что выборы старшинъ, старостъ, волостныхъ судей почти вездѣ были произведены подъ самымъ строгимъ вліяніемъ и надзоромъ мировыхъ посредниковъ. Слыхалъ я, что крестьянскій міръ рѣдко гдѣ остался довольнымъ насильно навязанными имъ начальниками" [2]). Сильная зависимость отъ мировыхъ посредниковъ, незнаніе законовъ и неумѣніе разобраться въ нихъ дѣлало выборныя сельскія власти пѣшками въ рукахъ первыхъ, а также писарей. Волостные судьи получили отъ крестьянъ ироническое названіе „коптильщиковъ печатей", ибо зачастую ихъ роль изъ-за указанныхъ причинъ ограничивалась лишь прикладываніемъ печатей. „Поди-ка, больно-то мнѣ нужно въ коптильщики эти итти, говорилъ, зажиточный крестьянинъ. — Сиди себѣ болваномъ, прикладывай, куда тебѣ велятъ, печать, а потомъ тебя же посредственникъ раскоститъ, и то не такъ, и это не такъ, а поди-ка мы много въ бумагахъ-то вашихъ понимаемъ" [3]).

И. Игнатовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 114.
[2]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., № 11, стр. 216.
[3]) Ibid., стр. 222.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

II.

Въ Петровской Академіи у меня былъ пріятель, нѣкто Селивановъ—славный, милый и разбитной паренекъ. Въ Москву тогда пріѣхало нѣсколько барышень изъ Архангельска учиться. Называли ихъ Архангелки. Познакомился съ ними мой пріятель, захотѣлъ и меня ввести туда, съ цѣлью отесать, сдѣлать болѣе общительнымъ. Однако, объ этомъ не сказалъ мнѣ, желая сдѣлать это, какъ бы, случайно. Я тогда жилъ въ Москвѣ. Приходитъ онъ ко мнѣ и зоветъ пройтись съ нимъ. Идемъ. По дорогѣ подходимъ къ домамъ Кокарева; онъ и говоритъ: «а мнѣ надобно на минутку забѣжать тутъ къ однимъ знакомымъ». —Что-жъ, заходи! Я подожду, говорю ему.—«На улицѣ неудобно ждать! Лучше пойдемъ въ домъ, тамъ въ коридорѣ стоятъ диваны, тамъ и посидишь!»—Ладно! идемъ. Взбираемся на 3-ій или 4-ый этажъ. Коридоръ, дѣйствительно, чистый, широкій, свѣтлый и скамьи есть. Я сажусь, онъ уходитъ, но черезъ минуту выходитъ и зоветъ въ номеръ на минутку.—Съ неохотой иду, не подозрѣвая еще, однако, западни. Входимъ и сразу попадаемъ въ цѣлый рой барышень. Я смущенъ, начинаю корчиться, порываюсь бѣжать и удерживаюсь, чтобъ не оказаться совсѣмъ ужъ грубымъ. Вся эта борьба отражается у меня въ лицѣ, въ ерзаньи на стулѣ, а тутъ слышу вдругъ еще, къ своему ужасу, тихій, но внятный шепотъ: «чего онъ гримасничаетъ!» О, милыя, недогадливыя пташки! Вы, думали, что это у меня шла оцѣнка вашихъ не особенно красивыхъ личекъ, а на самомъ дѣлѣ это были муки человѣка, котораго поджариваютъ на медленномъ огнѣ. Этой пытки я не вынесъ, всталъ и со срамомъ удалился съ поля битвы опять въ коридоръ.

Мнѣ кажется, что Селивановъ въ этомъ случаѣ переконспирировалъ. Дѣло въ томъ, что я не настолько былъ ужъ нелюдимъ, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ бѣгать людей. И скажи онъ мнѣ заранѣе, что хочетъ познакомить меня съ ними, я или отказался, или, если-бъ согласился, то ужъ не сталъ торопиться такъ съ уходомъ, а смотрѣлъ бы на себя, какъ на гостя, а не спутника, случайно, по дорогѣ, зашедшаго, что собственно и смущало меня.

Итакъ, первый шагъ въ свѣтъ не удался, второй былъ удачнѣй.

Осенью 1873 г., проѣздомъ въ Питеръ, въ Москвѣ остановился на время Войнаральскій. Онъ былъ знакомъ съ Селивановымъ еще по Пензѣ и захотѣлъ съ нимъ повидаться теперь. Отъ Селиванова онъ впервые узналъ о начинающемся броженіи и попросилъ познакомить его съ кѣмъ-нибудь. Селивановъ потащилъ меня, но уже объяснилъ мнѣ, кто такой Войнаральскій, и зачѣмъ ведетъ меня къ нему. Войнаральскій послѣ окончанія административной ссылки былъ выбранъ мировымъ судьей, но его, кажется, не утвердили, женился и ѣхалъ теперь въ Питерскій Университетъ доучиваться. У насъ на литературныхъ вечерахъ вопросъ о дальнѣйшемъ образованіи поднимался много разъ и въ общемъ всѣ склонялись, что знаній у насъ достаточно, что дѣло не въ томъ, чтобъ ихъ увеличивать, а въ томъ, чтобы передать народу тѣ, которыми мы уже обладаемъ, *поднять народъ до насъ*, какъ тогда выражались. Это было время, когда еще шли занятія съ рабочими и о хожденіи въ народъ въ Москвѣ вопросъ еще не поднимался. И мы, придя къ Войнаральскому, сразу напустились на него за желанье продолжать ученье. Поднялся споръ; съ вопроса объ ученіи перескочили на роль земства, частныхъ реформъ, частныхъ мѣропріятій, ихъ значеній; могутъ ли они помочь бѣдѣ народной—и т. д. Войнаральскій стоялъ за легальные пути, мы—за революцію. «Гдѣ же для этого люди?! Вѣдь не смогутъ же этого сдѣлать два, три человѣка?!», съ видимымъ колебаніемъ спрашивалъ онъ.

— «Ну, за людьми дѣло не станетъ! люди есть!», выкрикивали мы съ жаромъ. «Денегъ только мало!», добавлялъ къ этому Селивановъ. Это было больное мѣсто у него. Онъ полагалъ, что на немъ лежитъ какъ бы обязанность добыть эти деньги и ради этого хотѣлъ кончить курсъ и заняться сельско-хозяйственной технологіей.—Бѣдный! онъ скоро умеръ, не осуществивъ своей задачи,—даже не приступивъ къ началу [1]).

Наши доводы, а скорѣй горячность въ концѣ концовъ такъ проняли Войнаральскаго, что онъ мало-по-малу сталъ сдаваться (т. е. просто помалкивалъ) и предъ разставаніемъ пошелъ на уступку. „Ладно, молъ! Вотъ поѣду въ Питеръ, посмотрю людей, сколько ихъ тамъ, а тогда ужъ и рѣшу окончательно, кто изъ насъ правъ,—вы или я, а пока на всякій случай достаньте-ка мнѣ адресъ въ Питеръ“.

Уѣхалъ онъ. Въ Питерѣ живо сошелся съ чайковцами, и я вскорѣ узналъ, что объ университетѣ онъ уже бросилъ и помышлять. Когда же въ Москвѣ устроилась мастерская, для обученія столярству петровцевъ, пришло вдругъ и отъ него письмо

[1]) Въ 74 г. Онъ вмѣстѣ съ женой и одной изъ Архангелокъ принялъ участіе въ типографіи Мышкина и былъ арестованъ. Изъ-за него стали усиленно тогда же искать и меня. Уходя на Уралъ, я прописался живущимъ на его квартирѣ. Онъ въ Петровкахъ снималъ цѣлую избу.

съ просьбой, чтобъ я нанялъ для него квартиру и тоже подъ мастерскую. Съ этимъ письмомъ вышелъ казусъ. Изъ-за него намъ пришлось бросить квартиру.

Послалъ онъ это письмо чрезъ брата своей жены—15-16-ти лѣтняго мальчугана, по фамилiи Кулябко. Этотъ Кулябко отправился въ Петровки и, узнавъ тамъ адресъ нашей мастерской, вмѣсто того, чтобъ войти къ намъ въ квартиру съ улицы, гдѣ была дверь къ намъ, явился во дворъ и взбудоражилъ дворника, жильцовъ и хозяйку, отыскивая студента П. А. Фроленко. Малецъ онъ былъ смѣлый, разбитной, поэтому, когда дворникъ сталъ его увѣрять, что никакого тутъ студента у нихъ не живетъ, онъ полѣзъ къ жильцамъ, въ квартиры; не найдя тамъ, отправился къ хозяйкѣ. Мы же еще не были прописаны и были извѣстны за мастеровыхъ. Поэтому объ насъ дворникъ послѣ всѣхъ вспомнилъ. А въ это время у насъ въ одной комнаткѣ на окнѣ стояла ванночка для гальванопластики печатей; въ другой—сидѣли двое или трое нелегальныхъ, бѣжавшихъ изъ Питера, въ третьей—шла столярная работа. Раздался стукъ со двора. Всѣ всполошились, послали кухарку. Чрезъ минуту выглянуло ея испуганное лицо: знакомъ она подзывала меня къ двери. Иду; въ полуотворенной двери стоитъ дворникъ съ растеряннымъ видомъ.

«Что такое?», спрашиваю. —«Да вотъ какой-то тутъ малецъ ходитъ по квартирамъ и спрашиваетъ студентовъ. Барыню встревожилъ. Она послала къ вамъ узнать, не знаете ли?»

Все это съ запинками и разными вставками объяснилъ дворникъ.

Квартира нанята была на мое мѣщанское имя, держались мы все время, какъ мастеровые, а тутъ вдругъ студенты,—и толки на весь дворъ, а дворъ былъ большой,—хозяйка полковница и у ней репетиторомъ, какъ нарочно, мой товарищъ по гимназiи—студентъ-медикъ. Словомъ, скандалъ. Впустили все-таки къ себѣ Кулябку; дворникъ ушелъ. Напустились мы на Кулябку. Онъ оправдывается, что ему будто такъ сказали въ Петровкѣ. Въ это время опять стукъ въ дверь. Отворяю, стоитъ дворникъ. «Ну, что столковались?», спрашиваетъ онъ уже болѣе спокойнымъ, добродушнымъ тономъ. —«Столковались!», говорю. —«Вотъ и слава Богу!.. а то ходитъ онъ тутъ по двору!“, и началъ, было, мой дворникъ опять подробно разсказывать о смутѣ, произведенной Кулябкой во дворѣ. Какъ видно, задалъ же ему Кулябко хлопотъ!

Этотъ Кулябко потомъ, когда его арестовали, и выдалъ всѣхъ насъ, представивши, кромѣ того, нашу мастерскую такъ, что на нее посмотрѣли, какъ на нѣчто очень важное.

Теперь, послѣ обнаруженiя настоящаго званiя, оставаться намъ на этой квартирѣ не было удобно, и наша мастерская, только что начавшая цвѣсти, черезъ мѣсяцъ уже завяла. Этому, кромѣ Кулябки, помогло еще маленькое обстоятельство. Вскорѣ послѣ Кулябки зашелъ въ мастерскую квартальный надзиратель, но уви-

давши обычныхъ рабочихъ въ рубахахъ—это были петровцы,—принялъ ихъ за настоящихъ и, спросивъ что-то, ушелъ, не выказавъ никакого подозрѣнія.

Мы, однако, перетрусили и, ища квартиру Войнаральскому, подыскали кстати и себѣ. Но наша квартира уже не стала больше столярничать. Станокъ перешелъ къ Войнаральскому, и у него устроилось два отдѣленія: столярное и сапожное. Къ Войнаральскому, впрочемъ, больше ходили москвичи да нелегальные. Столярствомъ у него мало занимались. Петровцамъ къ нему далеко было ходить, а москвичи занялись теперь сапожнымъ и башмачнымъ мастерствомъ. Наша же новая квартира превратилась въ этапный домъ. Дѣло шло къ веснѣ. Туда приходили, уходили, ночевали, временно проживали, уѣзжали, но кто былъ хозяиномъ,—кажется, и мы сами хорошо не знали.—Одна, впрочемъ, кухарка оставалась постоянно, да и та не была уже кухаркой, а жила у насъ на кухнѣ въ ожиданіи себѣ мѣста.

***

Въ Питерѣ занятія съ рабочими прекратились раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Но, бросивъ это дѣло, тамъ не сразу перешли къ чему-либо новому. Былъ переходный моментъ, моментъ тоски и исканій. Въ такое-то время Чайковскій подъ гнетомъ сомнѣній, недоумѣній, съ болью въ сердцѣ поѣхалъ въ Орелъ. Тамъ онъ сошелся съ Маликовымъ, услыхалъ его горячую проповѣдь о возрожденіи людей путемъ вѣры въ то, что люди—боги, что стоитъ людямъ повѣрить въ это (найти въ себѣ бога, какъ выражались тогда) и съ нихъ спадетъ кора всѣхъ порочныхъ страстей и чувствъ, и они превратятся въ непорочныхъ агнцевъ, неспособныхъ ни на что злое, дурное. Міръ быстро обновится и на землѣ водворится земной рай.

Чайковскому въ томъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, эта проповѣдь показалась откровеніемъ свыше. Она разомъ рѣшала всѣ вопросы, томившіе его, она давала ему все, къ чему онъ стремился, она вполнѣ соотвѣтствовала запросамъ его души—честной, мягкой и прямой. Тутъ не требовалось ни заговоровъ, ни скрытности, ни революціи, никакихъ бунтовъ. Все дѣло только въ томъ, чтобъ отказаться отъ налипшихъ недостатковъ, почувствовать себя бого-человѣкомъ, увѣровать въ это. Понять и увѣровать ему казалось одно и то же, и онъ причислилъ себя къ богочеловѣкамъ. Причислилъ искренне, съ полной вѣрой и у него разомъ свалилась съ плечъ вся тяжесть мучившихъ его вопросовъ, колебаній. Наступила тишь и душевное спокойствіе. Это спокойствіе и полная удовлетворенность даже отразились и на его физическомъ здоровьѣ: онъ быстро изъ сухопараго обыкновеннаго студента превратился въ рослаго виднаго мужчину.

И вотъ, однажды, придя на свой этапъ, я вдругъ вижу—сидитъ видный плотный человѣкъ съ сіяющимъ лицомъ, одѣтъ

былъ онъ въ длинный балахонъ, подпоясанъ шарфомъ по-крестьянски. Видъ его мнѣ напомнилъ, какъ рисуютъ апостола Петра и др. Вслушался,—говорятъ о вѣрѣ, о бого-человѣкѣ. Сначала я не узналъ его, и только вслушавшись въ голосъ и всмотрѣвшись въ черты лица, призналъ въ немъ Чайковскаго.

Въ Москву въ то время перекочевали изъ Питера почти всѣ главные Чайковцы, и онъ пріѣхалъ обращать ихъ въ вѣру Маликова. Повѣря быстро, онъ полагалъ, что и его товарищи сдѣлаютъ то же. Но товарищи нашли къ этому времени уже другой выходъ: они успѣли уже натолкнуться и придумать новый способъ дѣйствія. У нихъ не тосковала душа отъ незнанія, куда бы направить свои молодыя силы; этотъ вопросъ былъ порѣшенъ, ждали лишь весны. Поэтому проповѣдь Чайковскаго не могла воздѣйствовать, поднялись споры. Этапъ для этого оказался не подходящимъ и для споровъ раза два или три собирались на другой квартирѣ [1]). Тамъ Чайковскій разсказалъ, какъ онъ принялъ вѣру, какъ онъ сразу почувствовалъ облегченіе, спокойствіе души, какъ отразилось это на его здоровьи, какъ все это возможно для насъ, и что еще важнѣе, для всѣхъ людей, какъ быстро можетъ перестроиться и весь міръ: люди, общество.

У него потребовали доказательствъ, говоря, что его обращеніе еще не можетъ быть достаточнымъ ручательствомъ, что и другіе также легко и быстро могутъ принять эту вѣру и смогутъ переродиться.

«Мы съ Маликовымъ хотимъ доказать эту возможность и истинность нашей вѣры путемъ историческимъ. Маликовъ даже и засѣлъ за этотъ трудъ. Я же не хотѣлъ ждать окончанія и поспѣшилъ подѣлиться съ вами, зная, въ какомъ состояніи оставилъ васъ», защищался Чайковскій.

«Да, то было когда-то, а теперь у насъ есть новый путь, и онъ скорѣй, по нашему, приведетъ къ цѣли», возражали ему. Чайковскій не соглашался, конечно, признавая свой путь лучшимъ.

Такъ эти споры ни къ чему пока не привели, возбудивъ лишь интересъ къ тому историческому труду, который задумалъ Маликовъ. Ему, кажется, не суждено было появиться на свѣтъ, ибо больше я уже никогда объ немъ не слыхалъ. Дѣйствіе же проповѣди Чайковскаго вскорѣ сказалось. Партія молодыхъ парней (5-ть военныхъ и одинъ штатскій) ранней весной двинулась въ народъ, имѣя въ виду изучить какую-то мѣстность, съ цѣлью заранѣе опредѣлить мѣста, пригодныя для дѣйствія артиллеріи и другихъ частей войскъ на случай возстанія, какъ намъ говорили тогда на этапѣ.

Прошла недѣля, другая, и на этапъ совершенно неожиданно являются двое или трое изъ нихъ обратно и заявляютъ, что они—боги, что революцію они не признаютъ, фальшивыми паспортами пользоваться не намѣрены (они были нелегальными); го-

[1]) У Армфельдъ.

товы они бы сбросить даже одежду, добытую не собственнымъ трудомъ и т. д.

На этапѣ большая часть жильцовъ и ночью, и днемъ спали или просто лежали на полу, на полушубкахъ, и вотъ лежа тутъ въ ожиданіи отъѣзда (они—въ Орелъ, мы—въ народъ), вели мы съ ними дебаты, перебирая одни и тѣ же доводы сотни разъ. Одному изъ нихъ, наконецъ, это надоѣло, и онъ, чтобъ поразить въ конецъ меня, который на этотъ разъ подвернулся здѣсь, приподнялся, принялъ какой-то восторженный видъ и запророчествовалъ: «вотъ я вамъ предсказываю: не пройдетъ мѣсяца, другого, какъ вы будете арестованы и всѣ ваши начинанія, планы рухнутъ. Мнѣ жалко васъ! Одумайтесь!.. иначе погибнете очень скоро», закончилъ онъ.

— «Ну, знаете ли что?! ужъ если кто будетъ арестованъ изъ насъ, то, конечно, вы раньше меня!», отвѣчаю ему.

Своимъ предсказаніемъ онъ мнѣ напомнилъ ночь наканунѣ. Послѣ споровъ мнѣ долго не спалось тогда. Я думалъ и о нашихъ богахъ, и о ихъ ученіи, и особенно о положеніи нелегальныхъ боговъ, когда у нихъ потребуютъ паспорта, о томъ, что такіе случаи бываютъ на каждомъ шагу, и у меня до того ясно представилась въ головѣ картина ихъ быстраго ареста, что это меня даже удивило и, когда онъ сталъ мнѣ предсказывать мой арестъ, я, вспомнивъ то, что у меня промелькнуло наканунѣ въ головѣ, не утерпѣлъ, чтобъ не предсказать и ему отъ себя.

Мое предсказаніе, къ несчастію, скоро сбылось и именно изъ-за паспорта, какъ передавали тогда. Мой бого-человѣкъ отправился сначала въ Орелъ къ Маликову, а оттуда въ другой городъ и тамъ вмѣстѣ съ другими сталъ часто посѣщать городской садъ, гдѣ, лежа на травѣ, они любили почитывать цѣлыми днями книги, газеты.

Случился праздничный день. Въ саду устраивалось гулянье съ фейерверкомъ. Передъ вечеромъ публику, бывшую въ саду, пригласили удалиться. Съ тѣмъ же обратились и къ богамъ, но тѣ не послушались и чѣмъ-то еще обратили на себя вниманіе. У нихъ спросили паспорта, таковыхъ не оказалось и, хотя богамъ они и ненужны, но полиція не обратила на это вниманія, забрала ихъ, а узнавъ, кто они, т. е. ихъ фамиліи—моего товарища отправили въ Питеръ, такъ какъ онъ былъ уже нелегальнымъ и его разыскивали.

Изъ Москвы въ Орелъ къ Маликову ѣздило еще нѣсколько лицъ, всѣ они съ большой похвалой относились къ рѣчамъ Маликова, умилялись даже до слезъ, какъ объ нихъ передавали, но обращеній больше не было. Я говорю это, конечно, только про своихъ москвичей. Разсказывали, между прочимъ, въ доказательство силы проповѣди Маликова такой случай: Маликовъ съ учениками и слушателями катались на лодкѣ. Маликовъ по обыкновенію говорилъ; что именно—не знаю, но только, когда прогулка кончилась, вышли изъ лодки и стали давать лодочнику

деньги, онъ будто бы ихъ не взялъ. Въ этомъ-то не взятіи и видѣли дѣйствіе рѣчи. Чтобы покончить съ Маликовымъ, скажу еще, что осенью 1874 г. мнѣ пришлось жить въ Рославлѣ, и тутъ я снова натолкнулся на одного очень симпатичнаго бого-человѣка, но онъ уже не проповѣдывалъ и не приглашалъ въ свою вѣру, а только, побывавши разъ въ Орлѣ, привезъ оттуда обыкновенную лубочную картину: «Нагорная проповѣдь Спасителя», показалъ намъ и, указывая на нее, замѣтилъ: «вотъ въ чемъ вся суть!» Дальше, однако, не развилъ своей мысли, и что собственно онъ хотѣлъ сказать, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Ясно было только, что Маликовцы придавали картинѣ какой-то иносказательный смыслъ.

Вотъ и все, что пришлось мнѣ узнать о вѣрѣ и ученикахъ Маликова. Его я видѣлъ разъ, когда онъ еще только ѣхалъ въ Орелъ изъ ссылки и на время останавливался въ Москвѣ. Тогда онъ еще не былъ богомъ и сидѣлъ молча. Про дѣтей же его говорили, что они всякаго гостя встрѣчали возгласомъ: «а папка—богъ, папка—богъ!»

Въ Москвѣ, кромѣ мастерской, бывшей подъ моей фирмой, и мастерской Войнаральскаго, чайковцами же была еще устроена башмачная мастерская, имѣвшая свой небольшой кругъ участниковъ. Затѣмъ въ эту зиму стали заводить столярные станки и лица изъ другихъ кружковъ. Одна изъ этихъ мастерскихъ пережила всѣ наши, но служила больше, какъ квартира, а не какъ школа, гдѣ обучались мастерству.

М. Фроленко.

Переписка Новороссійскаго Генералъ-Губернатора гр. А. Г. Строганова съ Начальникомъ III Отдѣленія кн. В. А. Долгоруковымъ.

1.

ОСОБ. ЧАСТЬ.
22 февраля 1859 г.
№ 235.
ОДЕССА.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ
Князь Василій Андреевичъ.

Долгомъ моимъ поставляю сообщить Вашему Сіятельству мнѣніе въ родѣ урока или наставленія Престолу, которое читается и переходитъ изъ рукъ въ руки по Имперіи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Гр. **Строгановъ.**

Его Сія-ву
Князю Долгорукову [1]).

N. B. Это мнѣніе генералъ-маіора Мальцева, бывшаго адъютантомъ у Принца Ольденбургскаго, въ которомъ Мальцевъ указываетъ на признаки революціи.

Копія мнѣнія есть у графа Александра Григорьевича [2]).

---

[1]) Эта бумага—черновикъ.

[2]) Рѣчь идетъ, очевидно, объ уснащенной ссылками на Токвиля запискѣ извѣстнаго заводчика С. И. Мальцева. Записка эта была распространена имъ на Орловскомъ дворянскомъ собраніи.

2.

III-е ОТДѢЛЕНІЕ
собственной
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
Канцеляріи.
Экспедиція 1.
5 марта 1859 г.
№ 482.

Секретно.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ
Графъ Александръ Григорьевичъ!

Въ дополненіе къ отношенію Вашего Сіятельства за № 235, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, почтить меня увѣдомленіемъ, не извѣстно ли Вамъ,—откуда и какъ именно доставили въ Одессу рукопись, которую Вы изволили препроводить ко мнѣ при помянутомъ отношеніи?

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и искренней преданности.

Князь Василій Долгоруковъ.

Его Сіятельству
Графу А. Г. Строганову.

3.

УПРАВЛЕНІЕ
Новороссійск. и Бессараб.
Генералъ-Губернатора.
16 Марта 1859 г.
№ 317.
ОДЕССА.

Секретно.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ,
Князь Василій Андреевичъ.

Въ письмѣ отъ 5 Марта № 482, Ваше Сіятельство изволите требовать отъ меня свѣдѣнія, откуда и кѣмъ именно доставлена въ Одессу рукопись, которую я препроводилъ къ Вамъ при отношеніи отъ 22 минувшаго февраля № 235.

Имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что я не могу указать источника, откуда получена сказанная рукопись, и я вполнѣ надѣюсь, что никто болѣе Васъ не можетъ оцѣнить моего въ семъ случаѣ молчанія и признать его такимъ образомъ законнымъ.—Компрометировать же тѣхъ, коихъ довѣріе столь рѣдко теперь и можетъ быть полезно Правительству, было бы съ моей стороны хуже преступленія,—это было бы ошибкою и притомъ непростительною.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Графъ **Строгановъ** [1]).

Его Сіятельству
Князю В. А. Долгорукову.

---

[1]) Бумага эта—черновикъ.

Приведенныя бумаги извлечены изъ одесскаго архива упраздненнаго новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Отношеніе Строганова отъ 16 марта 1859 г. прекрасно обрисовываетъ этого гордаго, независимаго человѣка. Вспомнимъ, что передъ Долгоруковымъ тогда трепетали. Въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянъ Долгоруковъ явился сторонникомъ крѣпостниковъ и всячески старался вредить великому дѣлу. Онъ былъ тогда значительной силой и не привыкъ получать на свои требованія отвѣты въ родѣ строгановскаго, а наоборотъ—привыкъ встрѣчать всеобщее подобострастіе. Какъ разсказываетъ Джаншіевъ („Эпоха великихъ реформъ", изд. 7-е, стр. 36), „М. Н. Муравьевъ не осмѣливался сидѣть передъ княземъ Долгоруковымъ на стулѣ иначе, какъ „en trois quarts" или, по-польски, „w pot-dupka". Только графъ А. Г. Строгановъ, при своемъ высокомъ положеніи и вліятельныхъ связяхъ (сынъ его былъ женатъ на великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ), могъ позволить себѣ „почтить" властнаго шефа жандармовъ столь недвусмысленнымъ посланіемъ. Онъ понималъ, что значитъ выдать шефу жандармовъ имена людей, оказавшихъ ему свое довѣріе, и поступилъ, какъ истинный джентльменъ. Слова его: „никто болѣе васъ не можетъ оцѣнить моего молчанія" звучатъ несомнѣнной ироніей. Долгорукову пришлось проглотить горькую пилюлю безропотно, и онъ больше не обращался къ Строганову съ этой шпіонской просьбою.

Сообщилъ Н. Лернеръ.

Въ Иркутской тюрьмѣ двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Въ то время, къ которому относится мой разсказъ (1881—1882 г.г.), жизнь Сибири находилась въ еще большей зависимости отъ стихійныхъ силъ природы, нежели теперь. Между прочимъ, тогда никто и не заговаривалъ еще о желѣзнодорожномъ пути, и возможность передвиженія находилась въ зависимости отъ времени вскрытія и замерзанія рѣкъ и оз. Байкала. Съ прочими „путешественниками" раздѣляли общую судьбу и арестанты.

Партія „централистовъ", т. е. отбывшихъ часть срока каторжныхъ работъ въ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ около Харькова (Новобѣлгородской и Новоборисоглѣбской), прибыла въ Иркутскъ осенью 1881 г.[1]). Дороги начали скоро портиться, и намъ объявили, что двинемся мы дальше не ранѣе начала слѣдующаго 1882 года. Пришлось располагаться на „зимнія квартиры".

Въ Иркутскѣ въ наше распоряженіе отвели цѣлый коридоръ. Съ одной его стороны тянулся рядъ нашихъ камеръ, человѣка на 2—4 каждая, а другая сторона была почти глухая—всего съ однимъ, кажется, окномъ въ тюремный дворъ. Размѣстились мы по камерамъ, кто съ кѣмъ хотѣлъ. Конечно, мы носили собственную одежду, намъ позволяли тратить собственныя деньги,—въ теченіе всего дня камеры не запирались, прогулки было достаточно. Переписываться черезъ начальство можно было, съ кѣмъ угодно,—а кромѣ того мы немедленно же организовали и переписку при посредствѣ нелегальныхъ путей. Вообще, держали насъ, что называется, не строго.

---

[1]) См. „Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ"—„Былое" 1906 г., кн. II; —„Въ централкѣ"—„Былое" 1906 г., кн. VII;—„Въ мценской „гостиницѣ"—„Былое" 1907 г, кн. IV;—и „По Владимиркѣ"—„Наша Страна", 1907 г., кн. I.—Продолженіемъ названныхъ статей является предлагаемая статья „Въ Иркутской тюрьмѣ".

Свиданія мы имѣли, но не часто. Да, собственно не съ кѣмъ было и видѣться. Приходили съ воли 2—3 старыхъ ссыльныхъ [1]), разрѣшили видѣться кое съ кѣмъ изъ женской тюрьмы, да бывали на свиданіяхъ съ братьями сестра Александра Сыцянко, Марія, и сестра Дмоховскаго, Адель (съ М. Сыцянко разрѣшались свиданія и мнѣ, а съ Дмоховской—Ковалику). Обѣ онѣ уѣхали обратно въ Россію незадолго до отправки нашей партіи на Кару.

Въ общемъ жизнь въ Иркутской тюрьмѣ прошла для насъ мертвенно спокойно. Послѣ полнаго жизни пути по этапу, въ продолженіе котораго, несмотря на физическое утомленіе, мы набирались силъ [2]), намъ пришлось въ Иркутскѣ зажить тюремною жизнью. Возбужденіе, которое испытывалъ каждый изъ насъ въ Мценскѣ и въ пути отъ Мценска до Иркутска, смѣнилось реакціей. Каждый, за отсутствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, сталъ уходить въ себя, копаться тамъ, разрѣшать личные вопросы примѣнительно къ условіямъ сибирской каторжной и ссыльной жизни.

Рѣзко запечатлѣлось у меня въ памяти послѣднее свиданіе съ Марусей Ковалевской. Это было не только въ Иркутскѣ послѣднее свиданіе съ нею, потому что послѣ Иркутска до самой ея трагической смерти [3]) я уже ея не видѣлъ.

— Вѣдь подумайте!—взывала она.—*Десять тысячъ верстъ* отъ Россіи...

Да, мы были уже въ десяти тысячахъ верстахъ отъ „Россіи",—отъ всего, что только дорого для насъ въ личномъ и общественномъ отношеніи. И я полагаю, что именно слова Маруси вызвали во мнѣ въ первый разъ то ощущеніе полной оторванности отъ „Россіи", которое впослѣдствіи,—и на Карѣ, и въ Якутской области,—столько разъ и въ такихъ жгучихъ формахъ давало о себѣ знать.

По вечерамъ попрежнему нерѣдко выступалъ нашъ хоръ. Но въ его исполненіи было мало прежняго одушевленія, а о залихватскости, съ которой мы когда-то „откалывали" *Посѣю лебеду на берегу*, помина не осталось... Почему-то именно въ связи съ этимъ періодомъ тюремнаго музицированія у меня особенно рѣзко выступаетъ воспоминаніе объ исполненіи хоромъ *Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи*,—*Боже, что Польшу* и тому подобныхъ душу надрывающихъ пѣсенъ.

---

[1]) Бывалъ, между прочимъ, Стахевичъ, сообщившій намъ кое-что о Чернышевскомъ.

[2]) См. мою статью „По Владимиркѣ".

[3]) Отравилась вмѣстѣ съ Калюжной и Смирницкой на Карѣ въ 1886 г. послѣ того, какъ Сигида была подвергнута тамъ тѣлесному наказанію.—Исторія эта была описана много разъ,—въ ближайшее время Г. Ф. Осмоловскимъ („Карійская трагедія"—„Былое" 1906 года, кн. 6).

Надо сюда добавить, что къ этому же времени начали ликвидироваться личныя „недоразумѣнія“ нѣкоторыхъ изъ насъ. Какъ это часто случалось въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, связи, которыя еще вчера представлялись святыми и ненарушимыми, вдругъ оказывались построенными лишь въ воображеніи заинтересованныхъ лицъ. Но подробно говорить объ этомъ еще не наступило время, да врядъ ли представило бы интересъ для читателя.

Были и нарушенія мертвой тюремной жизни.

В. С. Илличъ-Свитычъ прочелъ намъ законченное имъ здѣсь свое „Надгробное слово Александру II“. На не-централистовъ его описаніе ужасовъ централки произвело сильное впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе производило оно и на волѣ,—какъ я потомъ узналъ. Но, признаюсь, на меня и на моихъ товарищей по централкѣ произведеніе это не имѣло такого дѣйствія. Въ немъ, казалось намъ, передается наше страданіе съ нѣкоторою долею искусственности,—это страданіе захвачено не достаточно глубоко, съ ненадлежащею тонкостью и чуткостью обращается авторъ къ психологическому анализу, и на всемъ произведеніи лежитъ печать сознательнаго желанія—произвести напередъ намѣченное впечатлѣніе. Авторъ не столько производитъ, сколько подсказываетъ впечатлѣніе, на которое разсчитывалъ, когда писалъ свое произведеніе.

И, перечитавши теперь[1]), черезъ 25 лѣтъ, „Надгробное слово Александру II“, я могу только сказать, что мое тогдашнее впечатлѣніе было вѣрно. А секретъ впечатлѣнія, которое производило это произведеніе на лицъ, которыя не испытывали сами ужасовъ централки, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что, во-первыхъ, слишкомъ ярки описанные въ немъ факты сами по себѣ, и во-вторыхъ—оно отвѣчало настроенію читателей, сильно приподнятому и односторонне направленному. Довольно замѣтные недостатки автора, какъ психолога и художника, не останавливали на себѣ вниманія читателей, видѣвшихъ въ немъ агитатора и памфлетиста.

Ужъ лучше сдѣлать свой разсказъ менѣе яркимъ съ внѣшней стороны, но дать ему богатство внутренняго содержанія, чѣмъ въ погонѣ за красочностью упустить изъ виду безыскусственную дѣйствительность. Конечно, можно удивляться тому хладнокровію, съ которымъ тов. Стефановичъ описываетъ карійскую трагедію съ ея шестью жертвами; но изъ книги Стефановича каждый почерпнетъ болѣе, чѣмъ достаточно *матеріала* для

---

[1]) Въ первоначальной редакціи—въ „Вѣстникѣ Народной Воли“.

того, чтобы представить себѣ въ истинномъ свѣтѣ весь трагизмъ положенія враговъ нынѣшняго порядка въ отдаленной сибирской каторжной тюрьмѣ...

За то безъ исключенія всѣхъ сильно заинтересовало Короленковское „Въ подслѣдственномъ отдѣленіи", прочитанное авторомъ просто, но очень выразительно. Конечно, никто изъ насъ не могъ бы тогда предсказывать блестящую будущность Владиміру Галактіоновичу, какъ беллетристу,—никто изъ насъ не замѣтилъ, что передъ нами—первоклассный талантъ; но съ другой стороны, никто не могъ и не видѣть руки мастера въ изображеніи тюремнаго сторожа, никто не могъ пройти мимо „дѣйствительности, которая глядѣла" на разсказчика „изъ сѣрыхъ глазъ смотрителя",—и еще двухъ—трехъ художественныхъ деталей.

Кстати упомяну о слѣдующемъ:

Какъ извѣстно, В. Г. Короленко пошелъ въ Якутскую область въ административную ссылку за отказъ въ принятіи присяги (Александру III) Когда ему указывали, что едва ли стоило отказываться отъ присяги, рискуя итти въ такія болѣе чѣмъ отдаленныя мѣста, какъ Якутская область (есть дѣла поважнѣе!), то В. Г. пояснилъ, что онъ и самъ такъ думаетъ, но что это необходимо было, такъ какъ такое поведеніе воспитывающимъ образомъ должно было повліять на молодежь, съ которою онъ велъ знакомство.

В. Г. Короленко былъ привезенъ въ Иркутскую тюрьму, когда мы уже находились тамъ, и скоро былъ отправленъ въ Якутскую область.

Читалъ еще намъ Мышкинъ свое частное письмо къ женщинѣ, которая просила у него совѣта, какъ ей устроить свою жизнь. Единственно, что сохранилось у меня въ памяти изъ содержанія этого письма, это—предостереженіе, которое дѣлалъ Мышкинъ противъ увлеченія „махровыми цвѣтами знанія",—наприм., дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, и тому подобными вещами. Возможно, что эта мысль Мышкина сохранилась у меня въ памяти именно потому, что пріобрѣтеніемъ положительныхъ знаній усиленно былъ занятъ въ то время я самъ.

Наконецъ, не будетъ, можетъ быть, нескромностью съ моей стороны, если я въ заключеніе скажу, что „обнародованіе" законченнаго мною въ Иркутскѣ разсказа (началъ я его писать на этапахъ между Красноярскомъ и Иркутскомъ) произвело въ публикѣ нѣкоторую сенсацію. Женская тюрьма была шокирована моимъ грубымъ, какъ ей казалось, отношеніемъ къ женской натурѣ и написала мнѣ коллективное посланіе. Я отвѣчалъ кратко: „Юпитеръ! ты сердишься,—значитъ, ты виноватъ". Но Войнаральскій очень подробно возражалъ дамамъ, гдѣ защищалъ мою точку зрѣнія [1]).

---

[1]) Разсказъ этотъ нигдѣ не былъ напечатанъ, и я его гдѣ-то потерялъ.

Но наиболѣе сильно взволновавшимъ насъ событіемъ, во время пребыванія въ Иркутской тюрьмѣ, была, конечно, смерть всѣми любимаго товарища, Льва Адольфовича Диоховскаго, сподвижника А. В. Долгушина.

Какимъ образомъ онъ одинъ изъ насъ всѣхъ могъ заразиться оспою,— это одна изъ тѣхъ загадокъ, которая время отъ времени жизнь ставитъ этіологіи заразныхъ болѣзней [1]). Но фактъ тотъ, что онъ, пріѣхавши въ Иркутскъ по виду здоровякомъ, умеръ тамъ именно отъ зараженія оспою.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ заболѣлъ, его перевели въ больницу. Такъ какъ, вообще, насъ въ Иркутскѣ держали „не строго", то къ ухаживанію за нимъ допустили не только одного изъ товарищей, Ковалика, но и сестру больного, Адель Адольфовну. Они ему и закрыли очи...

Я не могу сказать, что Диоховскій обладалъ какими-нибудь выдающимися талантами. Ни особенно тонкаго ума, ни діалектическаго таланта, ни обширной эрудиціи (по спеціальности онъ былъ химикъ) за Диоховскимъ не было. Во время теоретическихъ разговоровъ онъ большею частью хранилъ молчаніе. Но въ немъ было нѣчто въ высокой степени располагающее къ нему всякаго, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Это былъ очень веселый и вѣчно оживленный парень, остроумный, чрезвычайно добрый и отзывчивый и, главное, превосходный товарищъ. Кажется, со всѣми поголовно въ партіи онъ былъ на „ты". Надо при этомъ замѣтить, что онъ происходилъ изъ богатой и немного аристократической семьи. Помню, насъ сильно заинтересовало появленіе во Мценскѣ его матери, почтенной старухи, съ старинными буклями и съ ежеминутнымъ обращеніемъ къ французскимъ „mots" и фразамъ... Но и эта особенность Диоховскаго не вредила ему. Мало сказать, что онъ старался не показывать передъ товарищами своего матеріальнаго достатка или своего аристократическаго происхожденія; дѣло заключается въ томъ, что ему въ себѣ нечего было и скрывать отъ товарищей. Онъ, конечно, всегда состоялъ членомъ артели и не пользовался ничѣмъ сепаратно. А что касается „аристократизма", то онъ въ Диоховскомъ проявлялся съ самой-лучшей стороны—въ его „джентльмэнствѣ". Дѣйствительно, Диоховскій обладалъ въ высокой степени мягкостью характера, необычайно осторожно относился къ личности и къ чувству товарища, съ недоступною для многихъ бережностью подходилъ къ страданію ближняго.

Вотъ эти-то качества,—мягкость, открытость характера и жизнера-

---

[1]) Другая загадка: за *четырнадцать* лѣтъ моего пребыванія въ Якутской области, гдѣ сифилисъ гуляетъ, какъ у себя дома, *изъ нѣсколькихъ сотъ* перебывавшихъ тамъ ссыльныхъ, заразился этою болѣзнью (да и то—въ слабой формѣ) *только одинъ*.

достность,—и дѣлали Диоховскаго всеобщимъ любимцемъ. Его потеря для каждаго изъ насъ въ отдѣльности была страшно чувствительна...

Тутъ примѣшивалось еще одно обстоятельство. Это была первая смерть товарища на виду у всѣхъ. Двѣ-три недѣли тому назадъ еще былъ среди насъ Левъ, смѣялся, ѣлъ и пилъ съ нами изъ одной миски, болталъ, разливалъ вокругъ себя теплоту и привѣтливость,—и вотъ его не стало!..

И безъ того расшатанная, наша нервная система не выдержала. Тоска водворилась въ нашихъ камерахъ, нервы были напряжены... И вотъ, когда я замѣтилъ, что въ концѣ коридора два солдата несутъ кровать, то вдругъ не своимъ голосомъ закричалъ:

— Льва несутъ къ намъ!

Я не могъ бы объяснить тогда, по какому случаю тѣло Диоховскаго могли бы принести изъ мертвецкой къ намъ въ коридоръ; но мысль и чувство цѣликомъ находились у гроба Диоховскаго,—я, можетъ быть, рисовалъ себѣ картину, какъ его куда-нибудь переносятъ. И достаточно было мнѣ увидѣть, что несутъ нѣчто такое, на чемъ *можно* было бы положить тѣло покойника, чтобы я вообразилъ, что несутъ къ намъ именно тѣло Диоховскаго.

Товарищи выскочили изъ камеръ. Очевидно, и у нихъ настолько были разстроены нервы, что они хотя на мгновеніе допустили, что мое совершенно невозможное предположеніе основательно.

Черезъ минуту все разъяснилось. Солдаты несли собственную кровать доктора Пласковицкаго, который былъ въ тотъ день арестованъ. При этомъ еще солдатъ направили къ намъ по ошибкѣ: какъ подслѣдственнаго, д-ра Пласковицкаго посадили въ другое отдѣленіе, и съ нами онъ не сообщался.

Тѣло Диоховскаго лежало въ мертвецкой очень долго. Я не могу припомнить, отчего это произошло. Но хорошо помню, что арестантъ, приставленный къ мертвецкой,—гнусавый, безносый немолодой парень,—докладывалъ намъ, что трупъ Диоховскаго начинаютъ портить... крысы, но что, конечно, онъ всѣ мѣры принимаетъ противъ этого: онъ ждалъ отъ насъ усиленнаго вознагражденія.

Къ похоронамъ мы стали готовить хоромъ отпѣванье. На спѣвкахъ у насъ кое-какъ выходило. Но въ церкви всѣ были разстроены, и больше всѣхъ, кажется, я, который долженъ былъ по обыкновенію управлять хоромъ. И изъ нашего пѣнія вышло Богъ знаетъ что.

— Ну, и отличились же Вы сегодня, Николай,—сказалъ мнѣ басъ Іоновъ.

Дѣйствительно, я „отличился“...

Но еще разъ повторяю, я былъ на похоронахъ самъ-не-свой.

Въ церковь на отпѣванье пустили насъ всѣхъ. Были тутъ также сестра Дмоховскаго, Адель, и М. О. Сыцянко.

Когда отпѣваніе было окончено, къ гробу подошелъ Мышкинъ и началъ говорить...

Мышкинъ былъ не такой человѣкъ, чтобы не воспользоваться для агитаціи смертью политическаго мученика въ тюрьмѣ и нашимъ прощаніемъ съ усопшимъ товарищемъ.

Начальство не знало, какъ отнестись къ этому факту, и ничего не предпринимало. Но попъ,—жирный, отвратительный попъ,—старался не проронить ни слова, вслушиваясь въ рѣчь Мышкина и пристально на него глядя, хотя при этомъ уже снималъ съ себя церковныя одежды, и, казалось, ежеминутно готовъ былъ прервать оратора.

И вотъ, когда Мышкинъ, заканчивая рѣчь, повысивъ голосъ, произносилъ: „и на почвѣ, орошенной кровью такихъ, какъ ты, дорогой товарищъ, мучениковъ, выростетъ дерево народной свободы!“ [1]),—то попа, что называется, прорвало. Онъ сдѣлалъ движеніе по направленію къ Мышкину и не своимъ голосомъ закричалъ на всю церковь: „нѣтъ, нѣтъ!.. неправда! не выростетъ!“ [2]).

Произошла, конечно, суматоха; но мы спокойно прощались поцѣлуемъ съ дорогимъ покойникомъ. Трупъ Дмоховскаго былъ не только мертвенно-холоденъ: онъ... замерзъ въ мертвецкой, и я до сихъ поръ помню ощущеніе отъ прикосновенія губами къ холодному и твердому, какъ мраморъ, лицу покойника.

М. О. Сыцянко, стоявшая въ сторонѣ, плакала навзрыдъ...

Мы направились группами въ свой коридоръ, а тѣло Дмоховскаго стали выносить.

И вотъ, въ тотъ моментъ, когда трогался отъ тюремныхъ воротъ траурный кортежъ съ тѣломъ Дмоховскаго,—въ этотъ самый моментъ къ тюрьмѣ подвозили въ саняхъ лучшаго друга покойнаго,—А. В. Долгушина... Долгушинъ оставался въ Красноярскѣ по болѣзни жены и не зналъ о смерти Дмоховскаго.

Я предоставляю читателю представить себѣ, какъ потрясенъ былъ Долгушинъ.

О смерти и похоронахъ Дмоховскаго тогда же была составлена корреспонденція въ нелегальную прессу самимъ Мышкинымъ, гдѣ онъ, скромно упомянувъ о своей рѣчи, прибавилъ, что не нужно обладать выдающимся ораторскимъ талантомъ, чтобы при описанной обстановкѣ произвести своею

---

[1]) Цитирую по памяти.
[2]) Слова „врешь!“ (*М. Р. Поповъ*. Къ біографіи И. Н. Мышкина—„Былое“, 1906 года, кн. II, стр. 255) я не припоминаю.

рѣчью впечатлѣніе на слушателей (замѣчу въ скобкахъ, что рѣчь Мышкина была хороша,—какъ и всѣ его рѣчи,—и что Мышкинъ писалъ корреспонденцію не отъ своего лица). Свою корреспонденцію Мышкинъ прочелъ намъ на сходкѣ,—для внесенія поправокъ.

Насколько мнѣ извѣстно, корреспонденція эта нигдѣ не была напечатана. Это тѣмъ страннѣе, что одновременно, по всей вѣроятности, съ ней отправленное Свитычевское „Надгробное слово“ (гдѣ въ заключеніи также говорится о смерти Диоховскаго) появилось въ № 3 „Вѣстника Народной Воли“, а извѣстіе о послѣдствіяхъ, которыя имѣло для Мышкина его выступленіе съ рѣчью надъ гробомъ Диоховскаго, было дано даже въ № 1 того же изданія.

Одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ, какую я когда-либо наблюдалъ,—это, когда Коваликъ подробно разсказывалъ собравшимся на сходку его выслушать товарищамъ о послѣднихъ дняхъ Диоховскаго. Но въ памяти у меня запечатлѣлись лишь два момента изъ переданныхъ Коваликомъ.

Когда наступила агонія, и Диоховскій былъ уже въ безсознательномъ состояніи, то съ его устъ нѣсколько разъ слетали слова: „адъ... рай... адъ... рай...“

Другой моментъ. Также въ безсознательномъ состояніи Диоховскій вдругъ выговорилъ совершенно отчетливо: „уйди прочь, злая, коварная кокетка...“

Были ли послѣднія слова пробужденіемъ въ Диоховскомъ его обычнаго шутливаго тона въ отношеніяхъ къ товарищамъ и товаркамъ, или же они имѣли значеніе воспоминанія о чемъ-нибудь серіозномъ,—на этотъ счетъ можно было лишь строить болѣе или менѣе произвольныя предположенія.

Но если эти слова являлись отраженіемъ дѣйствительнаго отношенія Диоховскаго къ женщинѣ, то читатель пойметъ, какъ много трагизма заключали они въ себѣ...

Тѣло Диоховскаго было подвергнуто вскрытію. Результаты насъ поразили. Всѣ считали Диоховскаго здоровякомъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ оказалось, что въ его организмѣ не было *ни одного* органа, который не носилъ бы слѣдовъ болѣзненнаго состоянія. Въ сердцѣ были констатированы эндокардитъ и перикордитъ, печень и селезенка были тронуты. Зараженіе оспою именно потому и имѣло для покойнаго роковой исходъ, что упало на почву, хорошо подготовленную продолжительнымъ пребываніемъ въ централкѣ и въ другихъ тюрьмахъ.

Извѣстенъ еще одинъ фактъ того же рода: закончившаяся смертью же кратковременная болѣзнь феноменально крѣпкаго человѣка, Дмитрія Рогачева, на Карѣ.

Вообще, какъ кажется, можно утверждать, что серіозная болѣзнь въ тюрьмѣ товарищей, пробывшихъ долгое время передъ тѣмъ при тюремномъ режимѣ, неизбѣжно вела къ роковому концу. Правда, при всѣхъ ужасахъ тюремной жизни выживали и довольно слабые организмы. Но это—потому, что *случайно* имъ удавалось избѣгнуть серіознаго заболѣванія. Наоборотъ: *случайно* же схваченная болѣзнь сводила въ могилу и желѣзные организмы.

На пятидесятомъ году я, человѣкъ слабаго здоровья, вынесъ *въ Женевѣ* болѣе острое, повидимому, заболѣваніе воспаленіемъ легкихъ, чѣмъ то, отъ котораго умеръ на *Карѣ* тридцатилѣтній гигантъ Рогачевъ.

За выступленіе съ рѣчью надъ гробомъ Дзюховскаго и за содержаніе этой рѣчи Мышкина „судили", т. е. заочно разсматривали это дѣло о немъ, какъ о каторжникѣ, въ „полицейской расправѣ", и приговорили его къ продленію срока каторжныхъ работъ на большой промежутокъ времени (чуть ли не на пятнадцать лѣтъ). Вотъ объясненіе, почему Мышкинъ, только что появившись на Карѣ, тотчасъ же примкнулъ къ кружку долгосрочныхъ, подготовлявшихъ побѣгъ изъ тюрьмы. Если бы этого не было, то Мышкину не имѣло бы смысла бѣжать съ Кары, когда легче было бы бѣжать съ поселенія, до котораго ему оставалось, безъ надбавки, полученной въ Иркутскѣ, уже не очень долго. Одновременно съ нимъ и на одинъ и тотъ же срокъ осужденные и не менѣе его „опасные", съ точки зрѣнія правительства, Коваликъ и Войнаральскій вышли на поселеніе не позже 1885 г.

Впрочемъ, я не увѣренъ, что такого рода соображенія могли имѣть значеніе въ глазахъ Мышкина. Это была натура порывистая и склонная всегда итти, если можно такъ выразиться, въ направленіи наибольшаго сопротивленія. Весьма возможно, что Мышкинъ, даже если бы ему за Иркутскую исторію и не надбавили полтора десятка лѣтъ каторги и онъ разсчитывалъ черезъ 3 года выйти на поселеніе,—все-таки предпочелъ бы и въ этомъ случаѣ попытаться бѣжать съ Кары. Правда, онъ много читалъ, еще больше старался выяснить для себя въ разговорахъ съ товарищами, но главнымъ образомъ—созерцалъ, наблюдалъ, копался въ своей душѣ, со страстностью сектанта разбирался въ мельчайшихъ деталяхъ „программы" и „тактики". Но, во-первыхъ, онъ не проявлялъ въ этихъ дѣйствіяхъ той доли спокойствія, при которой человѣкъ, намѣтившій себѣ опредѣленную цѣль, хладнокровно относится къ окружающему и, не взирая ни на что, стремится достигнуть намѣченной цѣли. Во-вторыхъ, безнадежность,—какъ это мнѣ подсказываетъ мое многолѣтнее знакомство съ Мышкинымъ,—съ которою онъ самъ относился къ своимъ „исканіямъ

истины", побуждали его всегда бросать эти „исканія" ради „дѣйствій". Въ данномъ случаѣ кто бы ни разсуждалъ такъ: „воспользуюсь пребываніемъ на Карѣ, запасусь знаніями, разовью то, что для меня неясно,— а бѣжать успѣю и съ поселенія, откуда бѣжать легче, чѣмъ съ Кары",— кто бы, говорю, ни разсуждалъ такъ, но Мышкинъ разсуждать такъ не могъ. Ходъ его разсужденія былъ таковъ: „есть возможность бѣжать сегодня?... Ну, такъ—бѣгу, какъ бѣжалъ бы вчера, если бы была къ тому возможность, и какъ убѣгу завтра, если это окажется возможнымъ!.. На Карѣ не высижу ничего, какъ не высидѣлъ въ централкѣ, какъ не высижу и на поселеніи".

Рѣзко запечатлѣлся у меня въ воспоминаніяхъ одинъ разговоръ съ Мышкинымъ на Карѣ. Подробностей разговора я теперь уже не помню; но совершенно отчетливо припоминаю, что онъ касался основъ... соціализма. На прогулкѣ Мышкинъ подошелъ ко мнѣ, и мы стали ходить съ нимъ вдоль тюремной ограды. Разговаривали мы довольно долго. Но я скоро замѣтилъ, что не для выясненія какихъ-нибудь спорныхъ или сомнительныхъ положеній проблемы соціализма завелъ со мной разговоръ Мышкинъ. Его занималъ вопросъ объ этой проблемѣ въ ея цѣломъ, объ ея основоположныхъ элементахъ. Я видѣлъ передъ собой человѣка, который ставитъ себя въ положеніе мыслителя, принужденнаго начать съ начала,— отыскать исходную точку. Это поставило меня въ неловкое положеніе. Мы были съ нимъ въ обыкновенныхъ дружескихъ и товарищескихъ отношеніяхъ; но не такія отношенія уполномачиваютъ одну сторону сказать: „поддержи мою вѣру!" а другую — „вѣруй, — вѣра твоя спасетъ тебя!" Замѣтивши безрезультатность разговора, Мышкинъ первый сказалъ: „разойдемся теперь". И мы продолжали гулять каждый отдѣльно.

Лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ при настроеніи Мышкина, это—дѣйствовать, активными дѣйствіями убивать въ себѣ рефлексъ. Съ тѣмъ большимъ правомъ могъ всегда такъ поступать Мышкинъ, что это былъ человѣкъ въ высокой степени талантливый и съ кристально-чистыми побужденіями.

Пусть не претендуетъ на меня читатель за это длинное отступленіе. Слишкомъ лучезарна личность Мышкина, чтобы бояться нарушить стройность разсказа, отвлекаясь въ сторону характеристики этой личности.

На женскомъ отдѣленіи сидѣла въ это время осужденная въ Якутскую область за побѣгъ Елизавета Николаевна Южакова, моя знакомая по Одессѣ [1]). Мужемъ ея былъ дѣятель „Сѣвернаго союза

[1]) См. о ней же въ моей статьѣ въ „Быломъ", 1906 г., кн. II, стр. 226 и 244 (съ примѣчаніемъ).

русскихъ рабочихъ“—Бачинъ. Ему, кромѣ ссылки въ Якутскую область, грозили розги.

Южакова, по старому знакомству со мной, написала мнѣ объ этомъ дѣлѣ и просила возбудить товарищей—поддержать Бачина. Она говорила, что Бачинъ, хотя и простой рабочій,—человѣкъ съ достоинствомъ развитого интеллигента и наказанія розгами не перенесетъ.

Конечно, порученіе Южаковой я выполнилъ; но, къ сожалѣнію, не могу припомнить, было ли нашею партіею что-нибудь предпринято въ желательномъ для Южаковой направленіи. Знаю только, что къ Бачину тѣлесное наказаніе не было примѣнено.

Я видѣлъ Бачина всего одинъ разъ. Онъ сидѣлъ въ другомъ коридорѣ, и только случайно я съ нимъ встрѣтился, возвращаясь съ прогулки. Онъ преувеличенно вѣжливо, съ оттѣнкомъ ироніи, раскланялся. Вообще, въ то время Бачинъ уже окончательно свихнулся въ сторону непримиримой ненависти къ интеллигенціи,—къ „бѣлой кости“ [1]).

Въ угоду ему,—а, можетъ быть, и подъ вліяніемъ различнаго рода обстоятельствъ,—Лиза „опростилась“ до неузнаваемости.

Какъ-то Діоховскій шелъ въ женскую тюрьму на свиданіе (не помню, съ кѣмъ; вѣроятнѣе всего—со своею родственницею, Маріею Легкою). Я его просилъ передать мой привѣтъ Южаковой, сказавши, вѣроятно, кто она и что она. Діоховскій, возвратившись, встрѣтилъ меня словами:

— Ну, что это ты наговорилъ мнѣ о Южаковой? Какая она генеральская дочка?.. Это—какая-то кухарка...

Исторія сближенія Южаковой (дѣйствительно, генеральской дочки и вполнѣ интеллигентной женщины) съ рабочимъ Бачинымъ такова.

Жили они въ Балаганскѣ. Бачинъ долженъ былъ самъ бѣжать и помочь бѣжать Южаковой. Планъ былъ таковъ: они, подъ видомъ и по паспорту мужа и жены, поступятъ въ какую-то артель рабочихъ и пробудутъ на такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока администрація забудетъ о нихъ; послѣ чего направятся въ Россію. Такъ они и сдѣлали. Разыгрывая роль супруговъ, Бачинъ и Южакова на артельной квартирѣ не только ѣли и пили изъ одной посуды, но и спали за однимъ пологомъ. Дальнѣйшая психологія ихъ поведенія, конечно, составляетъ ихъ душевную тайну. Я долженъ сказать, что письмо Южаковой, полученное мною въ Иркутской тюрьмѣ (о которомъ я только что говорилъ), не произвело на меня впечатлѣнія безусловной правдивости и искренности. Между строкъ я читалъ въ этомъ письмѣ желаніе съ одной стороны—исполнить свой долгъ передъ

---

[1]) Такое впечатлѣніе производили письма, которыя получала отъ него наша артель въ Иркутскѣ.

человѣкомъ, съ которымъ,—какъ-никакъ,—автора связала судьба, съ другой, изъ гордости представить свое положеніе лучшимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Но это было только началомъ трагедіи. Извѣстно, чѣмъ кончилась исторія Южаковой и Бачина.

Жили они въ Якутской области рабочими. У Бачина была кузница. Онъ заставлялъ Южакову черезъ силу работать мѣхами,—и не столько изъ матеріальной необходимости пользоваться ея силою, сколько изъ желанія заставить „интеллигентку", „генеральскую дочку" работать такъ, какъ работаетъ простой рабочій. Южакова страдала и физически, и морально. Наконецъ, разразилась катастрофа (январь 1883 года [1]).

Что именно въ роковой вечеръ происходило между супругами,—въ точности никто не знаетъ. Но задушенная Бачинымъ Южакова была найдена на полу юрты-кузницы въ одной изодранной въ клочья рубахѣ. Очевидно, трагедія начала разыгрываться, когда Южакова уже раздѣлась, чтобы ложиться спать,—очевидно, между нею и Бачинымъ происходила борьба,—очевидно, Южакова отчаянно защищалась,—защищалась, между прочимъ, можетъ быть, помня, что послѣ нея должна остаться маленькая дочь...

Будучи арестованъ и сидя въ Якутской тюрьмѣ, Бачинъ двумя пріемами настоя фосфорныхъ спичекъ убилъ себя. Въ страшныхъ мученіяхъ онъ умеръ что-то черезъ мѣсяцъ послѣ убійства жены.

Ихъ дочь была взята сначала на воспитаніе супругами Чернявскими (по первому мужу—Афанасьева, Александра Владимировна, судившаяся со мною по одному процессу; была близка и хорошо знакома съ Южаковой по революціонной работѣ въ Одессѣ до 1878 года). Впослѣдствіи Чернявскими дѣвочка была передана ея бабушкѣ, матери Южаковой [2]).

Можетъ быть потому, что Южакова была близка мнѣ,—въ особенности послѣ моихъ заочныхъ сношеній съ нею въ Иркутской тюрьмѣ,—трагедія этой несчастной женщины преслѣдуетъ меня въ теченіе всей моей жизни. Но можетъ быть также, что по глубинѣ трагическаго элемента судьба Южаковой дѣйствительно не имѣетъ себѣ равной въ исторіи нашего движенія. И хотя съ момента ея смерти прошло теперь какъ разъ 25 лѣтъ (пишу эти строки въ февралѣ 1908 года), но я скажу и теперь: „миръ праху страдалицѣ съ глубокимъ чувствомъ, со свѣтлымъ умомъ, безконечно преданной идеѣ служенія обществу!"

---

[1]) Именно послѣ того какъ передъ вечеромъ долго бесѣдовалъ съ Южаковой наединѣ ея знакомый по Одессѣ интеллигентъ, А. Ф. Говорюхинъ.

[2]) Кстати замѣчу, что крестили эту дѣвочку въ Иркутской тюрьмѣ, когда я тамъ содержался, и Южакова попросила меня быть заочно крестнымъ отцомъ ребенка. Я, конечно, ничего противъ этого не имѣлъ и былъ записанъ крестнымъ отцомъ маленькой Наташи.

Я, конечно, далекъ отъ мысли, чтобы представлять Бачина бездушнымъ злодѣемъ. Онъ также переживалъ душевную драму и, конечно, страдалъ жестоко каждый разъ при своихъ столкновеніяхъ съ Южаковой, а впослѣдствіи его нравственнымъ мукамъ отъ сознанія, что онъ—убійца товарища-жены, конечно, не было предѣла. Иначе онъ и не прибѣгъ бы къ самоубійству. Нельзя упускать также изъ виду, что по своему настроенію Бачинъ—жертва особенныхъ условій развитія жизни русскаго общества. Но несомнѣнно также, что это была необузданная натура. Его можно глубоко и по самымъ разнообразнымъ мотивамъ жалѣть; но фигура его не вызываетъ къ себѣ такого трогательнаго отношенія, какъ мученическій образъ Южаковой.

Въ Иркутскѣ мы сидѣли долго. Конечно, это само по себѣ не могло представлять собою чего-нибудь пріятнаго. Но тягость нашего положенія усугублялась тѣмъ, что для очень многихъ изъ насъ не была выяснена дальнѣйшая судьба. Въ виду того, что мы часть срока каторжныхъ работъ уже отбыли въ централкѣ (осужденные по процессу „шестнадцати"—въ Петропавловской крѣпости), возникалъ вопросъ, засчитывается ли нахожденіе въ пути въ срокъ отбыванія каторжныхъ работъ. Если бы этотъ вопросъ тогда же былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, то я, Кравченко, Студзинскій, Кленовъ, Сиряковъ, Рыбицкій и еще кое-кто должны были бы изъ Иркутска быть отправлены не на Кару, а прямо на поселеніе. Впослѣдствіи вопросъ о времени нахожденія въ пути былъ рѣшенъ именно въ этомъ смыслѣ. Но это случилось уже на Карѣ, и притомъ—послѣ знаменитаго побѣга „восьми" изъ Карійской тюрьмы, когда мы всѣ, вся карійская политическая каторга, находились подъ слѣдствіемъ по дѣлу о побѣгѣ.

Пока мы были въ Иркутскѣ, нѣсколько разъ нами возбуждался объ этомъ вопросъ; но мѣстная администрація не знала, какъ ей поступить, изъ Петербурга медлили съ отвѣтомъ. Бывали моменты, когда по какимъ-то соображеніямъ мѣстная администрація разсчитывала, что насъ выпустятъ на поселеніе.

— Въ Минусу [1]) васъ всѣхъ!—говорилъ какъ-то своимъ ужаснымъ басомъ съ виду добродушный смотритель тюрьмы, необычайныхъ размѣровъ нѣмецъ.—Въ Минусу,—въ Сибирскую Италію!

Надо замѣтить, что на „Минусу" въ тайникахъ души разсчитывали даже и тѣ изъ централистовъ, которымъ оставалось еще нѣсколько лѣтъ

[1]) Минусинскій край (округъ Енисейской губерніи).

до окончанія срока каторги. Легенда о переводѣ всѣхъ централистовъ на поселеніе ходила среди насъ съ момента выхода изъ централки. Многіе думали,—или, скорѣе, можетъ быть, хотѣли думать,—что по отношенію къ нѣкоторымъ изъ неокончившихъ срокъ будетъ продолжена „милость", благодаря которой насъ всѣхъ вывезли изъ централки, несмотря на то, что намъ не одновременно кончался срокъ пребыванія въ каторжныхъ работахъ. Думалось, что никого изъ насъ въ Сибири не запрутъ уже въ каторжную тюрьму и выпустятъ всѣхъ на поселеніе. Поэтому, когда,—неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ,—намъ начинали говорить о „Минусѣ", то рождалось предположеніе, что это относится не только къ тѣмъ, у кого кончился срокъ каторги (если имъ зачесть время, проведенное въ пути), но и къ тѣмъ, кому до окончанія срока каторжныхъ работъ оставалось еще два-три года.

Но время шло, ничего офиціально намъ не объявляли. Мы начинали все болѣе и болѣе нервничать, утомленные неопредѣленностью положенія и тягостью продолжительнаго, но временнаго пребыванія въ стѣнахъ непривѣтливой Иркутской тюрьмы.

И мы начали наступать на начальство, требуя, чтобы насъ, по крайней мѣрѣ, поскорѣе отправили на Кару.

Помню, одинъ разъ мы съ особенною энергіею насѣдали на полицмейстера Тягунова. Это былъ представительный мужчина, съ изысканными манерами,—типъ сибирскаго „градоправителя" тѣхъ временъ, когда главною функціею полицейскихъ была борьба не съ политическими противниками правительства (это всецѣло лежало на обязанности жандармовъ), а съ ворами, бродягами и разбойниками,—поддержаніе не внутренняго спокойствія государства, а внѣшняго порядка города. Полицмейстеръ однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ долженъ былъ уже свидѣтельствовать о „благополучіи" ввѣреннаго ему града. Это послѣднее сводилось, главнымъ образомъ, къ поддержанію въ чистотѣ улицъ, по которымъ прогуливаются „ихъ превосходительства", къ устройству частныхъ дѣлъ сихъ послѣднихъ и къ приведенію, путемъ поборовъ, въ страхъ и трепетъ содержательницъ домовъ терпимости.

Пребываніе въ тюрьмѣ многочисленной партіи государственныхъ преступниковъ въ теченіе такого продолжительнаго промежутка времени, какъ 5-6 мѣсяцевъ, вносило страшную пертурбацію въ обиходъ полковника Тягунова. Уже одно то было для него непріятно, что ему приходилось ежедневно бывать у насъ въ коридорѣ, выслушивать наши жалобы, служить посредникомъ между нами и губернаторомъ. И вотъ, когда мы одинъ разъ на него насѣли, чтобы насъ отправили поскорѣе изъ Иркутской тюрьмы „хоть на каторгу", то онъ имѣлъ неосторожность проговориться.

— Я бы и самъ радъ, и самъ радъ,—лепеталъ онъ, дѣлая „изящные“ жесты рукою;—вѣдь и для меня-то ваше пребываніе здѣсь—сущая каторга...

Едва онъ проговорилъ эти слова,— несомнѣнно, вышедшія изъ глубины его души,—какъ насъ будто что взорвало. Мы стали на него наступать уже не словесно только, а собственными тѣлами, громко протестуя при этомъ противъ его рѣзкаго выраженія. Особенную энергію здѣсь проявилъ Войнаральскій, стоявшій впереди и ведшій переговоры, какъ староста. Тягуновъ сталъ извиняться и оправдываться,—а тѣмъ временемъ пятился спиною къ выходной двери...

Насколько припоминаю, однако, именно скоро послѣ этого нашего объясненія съ Тягуновымъ намъ назначенъ былъ день вывоза изъ Иркутской тюрьмы на Кару.

Собрались да—уѣхали. Только не всѣ.

Я далъ уже понять выше, что у меня особенно были разстроены нервы. Между тѣмъ, я довольно много работалъ, — читалъ и занимался литературными опытами. И вотъ, однажды, у меня перо вывалилось изъ рукъ... Кое-какъ Рогачевъ, мой личный закадычный другъ, съ которымъ мы жили въ одной камерѣ, уложилъ меня на кровать. Мнѣ вдругъ сдѣлалось очень худо...

Къ сожалѣнію, кромѣ общихъ причинъ и потрясенія, пережитаго по случаю смерти Дмоховскаго, обстоятельства моей личной жизни могли лишь ухудшить состояніе моего здоровья.

Нерѣдко товарищи,—и, конечно, Рогачевъ — первый, — уговаривали меня не заниматься такъ усиленно. И теперь, сидя около меня на кровати, Рогачевъ меня ругательски-ругалъ:

— Доигрался! досидѣлся!.. Говорено тебѣ было много разъ: „полегче!“...—не слушалъ; а теперь вотъ что выходитъ...

Явившійся на другой день докторъ, конечно, ничего не могъ подѣлать,—какъ это случается при нервныхъ заболѣваніяхъ не только въ тюрьмѣ. Но, изслѣдовавши меня тщательно, онъ утѣшилъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что порока сердца у меня не нашелъ и сердечныя страданія отнесъ на счетъ нервнаго разстройства.

Бѣда моя заключалась въ томъ, что я сталъ страдать мучительной безсонницей. А эта бѣда повела за собой другую: мнѣ стали давать chloral,—что, помогая мнѣ уснуть, вредно отражалось на моей психикѣ во время бодрствованія. Черезъ 3—4 мѣсяца, на Карѣ, я силою воли заставилъ себя отвыкнуть отъ этого яда.

Но фактъ тотъ, что я не могъ ѣхать на Кару съ товарищами въ партіи, и она ушла безъ меня. Я былъ оставленъ на нѣкоторое время въ

Иркутскѣ, чтобы дать мнѣ оправиться и повезти меня послѣ на Кару не въ партіи.

И вотъ, я временно распрощался со своими друзьями-товарищами и остался въ Иркутской тюрьмѣ одинъ.

Но—„свято мѣсто пусто не бываетъ". Пока я въ состояніи былъ выѣхать, передо мной прошла цѣлая галлерея лицъ,—Ромась (изъ Минусинска) и Яковъ Тихоновъ,—Доллеръ и Щедринъ (по дѣлу Ковальской),—Трощанскій и Адріанъ Михайловъ (по дѣлу д-ра Веймара),—и др.

Меня увезли изъ Иркутска на Кару одного, съ двумя жандармами, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ изъ тюрьмы бѣжали Богомолецъ и Ковальская. Исторія Щедринъ—Соловьевъ разыгралась безъ меня.

Сильно разстроенный за дорогу, я пріѣхалъ на Кару, кажется, въ мартѣ 1882 г. Тамъ меня ожидала теплая встрѣча друзей, заботами которыхъ я и раньше постоянно пользовался,—Рогачева, Войнаральскаго, Долгушина. И на Карѣ я скоро совершенно оправился отъ болѣзни, которая заставила меня въ Иркутскѣ отстать отъ партіи.

Н. Виташевскій.

КАРІЙЦЫ.

(Матеріалы для статистики русскаго революціоннаго движенія).

I.

Многіе политическіе ссыльные занимались собираніемъ свѣдѣній о ссылкѣ: вели списки проходившихъ этапами партій, проставляя противъ каждой фамиліи свѣдѣнія о происхожденіи, возрастѣ, занятіяхъ, образовательномъ цензѣ, семейномъ положеніи и т. п. Помню, и въ Карійской тюрьмѣ кое-кто велъ такія же записи. Собираясь писать воспоминанія о своемъ пребываніи въ Карійской тюрьмѣ, я, живя въ 90-хъ годахъ въ Якутскомъ улусѣ, по памяти составилъ списокъ карійцевъ, распредѣливъ ихъ по времени прибытія на каторгу. По разнымъ причинамъ работу эту я прервалъ и возобновилъ лишь въ концѣ минувшаго года, когда ознакомился съ приложеннымъ къ книгѣ Л. Г. Дейча—„16 лѣтъ въ Сибири“—спискомъ политическихъ каторжанъ, бывшихъ на Карѣ. Сперва я хотѣлъ ограничиться исправленіемъ грубыхъ ошибокъ, допущенныхъ составителемъ этого списка, но потомъ рѣшилъ, пользуясь собственными записями и появившимися въ печати воспоминаніями и отчетами о прежнихъ политическихъ процессахъ, тщательно провѣрить, исправить и дополнить списокъ Дейча. Имѣя затѣмъ въ своемъ распоряженіи исправленный списокъ карійцевъ, я принялся подводить итоги, распредѣляя заключенныхъ по процессамъ, срокамъ каторги, возрасту при арестѣ, происхожденію, образовательному цензу, занятіямъ и т. д. Само собою разумѣется, свѣдѣнія моего списка я не могу считать безусловно правильными и полными и всякія указанія приму съ благодарностью.

Нѣсколько словъ о главныхъ источникахъ настоящей работы.

Л. Г. Дейчъ. „16 лѣтъ въ Сибири“. 2-е изд. Н. Глаголева. Спб. 1906 г. Приложенія: 1) Политическіе каторжане, бывшіе на Карѣ, 2) Добровольно послѣдовавшіе родственники каторжанъ. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, списки эти составлены не авторомъ книги, а

лицомъ, прибывшимъ на Кару, когда уже политической тюрьмы не существовало, и политическіе каторжане (около 30 чел.) находились въ вольной командѣ. Это обстоятельство отразилось на спискахъ въ смыслѣ правильности и полноты свѣдѣній, особенно во всемъ, что касалось каторжанъ, отбывшихъ на поселеніе въ 80-хъ годахъ. Въ спискѣ пропущенъ, напр., каракозовецъ Н. А. Ишутинъ, и неправильно внесенъ каракозовецъ П. Ф. Николаевъ. Ишутинъ, вмѣстѣ съ нечаевцемъ П. Г. Успенскимъ, въ 1875 г. переведенъ на Кару изъ Александровскаго завода; П. Ф. Николаевъ отбывалъ срокъ каторги въ Александровскомъ заводѣ съ 1867 по ноябрь 1871 г., когда отправленъ на поселеніе въ Вилюйскій округъ Якутской области. Свѣдѣнія о А. И. Кривошеинѣ невѣрны отъ начала до конца, и все, что о немъ говорится, должно быть отнесено къ Крыжановскому. Не произошло ли здѣсь простой ошибки переписчика? Въ числѣ родственниковъ пропущена А. Д. Долгушина. Имѣются ошибки въ именахъ и др. свѣдѣніяхъ. При всемъ этомъ, списокъ, какъ первый, появляющійся въ печати, имѣетъ большую цѣнность. Безъ него врядъ ли могла появиться моя работа.

В. Богучарскій. „Госуд. преступленія въ Россіи въ XIX в.“ т.т. I, II и III, Его же матеріалы для исторіи revол. движенія въ Россіи въ 60-хъ г.г. Весьма цѣнныя работы, заключающія въ себѣ расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ оффиціальныя свѣдѣнія о политическихъ процессахъ. Для изслѣдованія о карійцахъ важны свѣдѣнія о процессахъ Каракозова, Нечаева и Долгушина, Южно-Русскаго рабочаго союза („процесъ Заславскаго“), Казанской демонстраціи и Іонова, такъ какъ, кромѣ отчетовъ, помѣщенныхъ въ свое время въ Прав. Вѣстникѣ, другихъ свѣдѣній объ этихъ процессахъ пока не имѣется.

П. Ф. Николаевъ. „Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ“. Приведены свѣдѣнія о пребываніи политическихъ каторжанъ, осужденныхъ въ 60-хъ годахъ, въ Александровскомъ заводѣ, между прочимъ, и объ Ишутинѣ.

В. Кокосовъ. „Къ воспоминаніямъ о Чернышевскомъ“ („Рус. Богатство“ 1905 г., 11—12).

Е. Брешковская. „Изъ моихъ воспоминаній“. Спб. 1906 г. Свѣдѣнія о пребываніи и смерти Ишутина на Карѣ.

С. С. Синегубъ. „Воспоминанія чайковца“. Р. М. 1907, 9.

Былое, 1906, 1—12. Спб. Воспоминанія и оффиціальные отчеты о многихъ политическихъ процессахъ, дающіе много цѣннаго статистическаго матеріала.

Былое, 1906, в.в. 1 и 2. Р. Д. (Перепечатка загр. изданія). В. Бурцовъ. *„Матеріалы для словаря политическихъ ссыльныхъ въ*

Россіи"—въ 1 вып. и *„Ссылка и каторга въ 60-хъ г.г."* во 2 вып. Въ послѣдней статьѣ подтверждается свѣдѣніе о переводѣ Ишутина на Кару, но годъ перевода не вѣренъ.

Л. А. Волкенштейнъ. „13 л. въ Шлиссельб. крѣп." („Всеміри. Вѣстн." 1905, № 11). О пребываніи карійцевъ въ Шлиссельб. кр.

Хроника соціалист. движен. въ Россіи 1878—1887. Офиціальный отчетъ. М. 1907, изд. В. М. Саблина. Боевая реляція департамента полиціи, имѣющая цѣлью превознести подвиги жандармовъ и прокуроровъ и доказать, что революціонное движеніе въ Россіи не имѣло подъ собою почвы и поэтому подавлено. Составлена безпорядочно и небрежно по далеко неполнымъ даннымъ. Кромѣ многихъ фактическихъ ошибокъ, имѣется и несомнѣнно тенденціозная ложь. Напр., съ цѣлью подчеркнуть мягкость русскихъ военныхъ судовъ, говорится (стр. 32), что по дѣлу попытки освобожденія изъ Харьковской тюрьмы Фомина (Медвѣдева) Харьковскій военный судъ „приговорилъ Ефремова къ каторжнымъ работамъ; остальные обвиняемые понесли менѣе тяжкія наказанія". Въ дѣйствительности: Ефремовъ присужденъ къ смертной казни, которая замѣнена безсрочными каторжными работами, Родинъ, Березнюкъ и Рашко—къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, Яцевичъ—къ 15-лѣтней каторгѣ и только Савенкова—къ поселенію въ отдаленныя мѣста Сибири.

II.

Нерчинскій округъ Забайкальской области издавна былъ русскимъ каторжнымъ райономъ; время отъ времени перемѣщался только центръ управленія каторгой. Въ началѣ XIX столѣтія такимъ центромъ былъ Нерчинскій заводъ, извѣстный также подъ именемъ Большого завода. Первая партія декабристовъ была заключена на этомъ и другихъ близлежащихъ рудникахъ. Послѣ заранѣе предупрежденной попытки въ 1828 г. возстанія каторжанъ и послѣ самоубійства приговореннаго къ смерти декабриста Сухинова, всѣ декабристы помѣщены были въ Читѣ. Комендантъ тюрьмы декабристовъ генералъ Лепарскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантомъ всѣхъ нерчинскихъ рудниковъ. Если не ошибаюсь, это званіе сохранилъ Лепарскій и послѣ перевода декабристовъ въ Петровскій заводъ, находящійся въ Верхнеудинскомъ округѣ.

Въ 20-хъ годахъ по горной рѣчкѣ Карѣ, впадающей въ р. Шилку, въ 80 верст. ниже станицы Срѣтенской, инженеромъ Павлуцкимъ впервые были найдены богатыя золотыя розсыпи. Въ 50-хъ годахъ во время походовъ Муравьева-Амурскаго на Карѣ уже были тысячи каторжныхъ, добывавшихъ для кабинета золото, подъ суровымъ управленіемъ знаменитаго

своимъ жестокосердіемъ изверга-маіора Разгильдѣева. Въ 15 в. отъ Кары, вверхъ по Шилкѣ, дѣйствовалъ тогда казенный Шилкинскій заводъ, гдѣ также работали каторжники. Въ воспоминаніяхъ одного изъ сотрудниковъ Муравьева я читалъ (кажется, въ „Рус. Архивѣ“), что въ то время въ Шилкинской каторжной тюрьмѣ содержался петрашевецъ Ив. Ястржембскій.

Не знаемъ, всѣхъ ли политическихъ каторжанъ царствованія Николая I освободилъ коронаціонный манифестъ Александра II. Если всѣхъ, то нерчинскія каторжныя тюрьмы были свободны отъ политическихъ заключенныхъ всего шесть лѣтъ, такъ какъ уже съ 1862 г. въ нерчинскихъ рудникахъ стали появляться политическіе узники новаго царствованія (Красовскій, Обручевъ, Васильевъ, Крушевскій, Стахевичъ, Муравскій, Чернышевскій, Валлодъ и др., а затѣмъ каракозовцы и нечаевцы). Центромъ каторги въ то время былъ Александровскій заводъ и комендантомъ генералъ Кноблохъ. Политическіе заключенные помѣщались въ особой тюрьмѣ въ Александровскомъ заводѣ и при тюрьмахъ другихъ окрестныхъ рудниковъ. Осужденные въ 66 г. по каракозовскому дѣлу, кромѣ Ишутина, были доставлены въ 67 году въ тюрьму Александровскаго завода, Ишутинъ же былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда, больной психически, въ 1871 г. перевезенъ въ Алгачинскую тюрьму (недалеко отъ Александровскаго завода). Изъ осужденныхъ въ каторгу по Нечаевскому дѣлу отправлены были въ 1872 г.: Успенскій въ Александровскій заводъ, а Кузнецовъ и Н. Н. Николаевъ—на Кару. Послѣднихъ двухъ,—прибывшихъ на Кару 4 іюля 1873 г.,—слѣдуетъ считать первыми „карійцами“. Насколько могу вспомнить изъ разсказовъ А. К. Кузнецова, оба они вскорости по прибытію на Кару были выпущены въ вольную команду. До настоящаго времени я не нашелъ указаній, гдѣ отбывалъ срокъ присужденный къ 12 годамъ каторги по Нечаевскому же дѣлу Ив. Гаврил. Прыжовъ, отст. кол. секретарь, 42 лѣтъ. Про пребываніе его на Карѣ я не слыхалъ. Въ 80-хъ годахъ онъ жилъ на поселеніи въ Петровскомъ заводѣ Верхнеудинскаго округа Забайкальской обл. и тамъ умеръ.

Въ началѣ 70-хъ г.г. центръ Забайкальской каторги былъ перенесенъ на Кару. Вмѣсто коменданта учреждена была должность завѣдывающаго нерчинскими ссыльно-каторжными, назначаемаго Восточно-Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Завѣдывающій, большею частью штабъ-офицеръ изъ генералъ-губернаторской свиты, жилъ на Нижнекарійскомъ промыслѣ, гдѣ также находилось тюремное управленіе. Каторжныя тюрьмы были расположены вдоль по Карѣ; всѣхъ ихъ было семь: усть-карійская, новая, политическая („отрядъ“), нижняя, средняя, верхняя и амурская. Подлѣ тюремъ—общія помѣщенія для вольнокомандцевъ (зимовья) и частныя из-

бушки. Каторжники на Карѣ были заняты добываніемъ золота въ разрѣзахъ вдоль Кары, подъ руководствомъ горной администраціи.

Лѣтомъ 1875 г. на Кару перевели изъ рудниковъ 200 долгосрочныхъ поляковъ, осужденныхъ вторично за Кругобайкальское возстаніе, и, вмѣстѣ съ ними, Ишутина и нечаевца П. Г. Успенскаго. Они были помѣщены сперва въ тюремномъ лазаретѣ, а затѣмъ Ишутинъ былъ выпущенъ въ вольную команду, а Успенскій водворенъ на гауптвахтѣ при Нижне-карійской тюрьмѣ. Въ 1877 г. привезли на Кару осужденныхъ сенатомъ: Семяновскаго, Богданова, С., Богданова, З., Терентьева и Тевтула. Всѣ они были помѣщены въ той же гауптвахтѣ, гдѣ и Успенскій. Въ концѣ 1877 г. привезли осужденнаго по дѣлу 50-ти Агапова и помѣстили при Амурской тюрьмѣ. Въ январѣ 78 г., по приказанію изъ Иркутска, политическихъ заключенныхъ разсадили по разнымъ тюрьмамъ. Весной 78 г. привезли осужденнаго по дѣлу Казанской демонстраціи Бибергаля; осенью того же года по процессу 193-хъ—сперва: Шишко и Союзова, затѣмъ Синегуба, Квятковскаго и Брешковскую (выпущенную въ день пріѣзда въ вольную команду) и, наконецъ, Чарушина. Передъ Пасхой 1879 г. всѣхъ заключенныхъ, кромѣ Бибергаля, выпустили въ вольную команду. Лѣтомъ 1879 г. привезли и помѣстили вмѣстѣ съ Бибергалемъ Бобохова, осужденнаго въ Архангельскѣ. Въ вольной командѣ жили прибывшія съ мужьями: А. И. Успенская, А. А. Бибергаль, А. Г. Квятковская, А. В. Синегубъ и А. Д. Чарушина.

Въ началѣ 80 г. привезли: Армфельдъ, Ковалевскую, Кутитонскую, Лешернъ и Сарандовичъ. Ихъ помѣстили въ отдѣльную небольшую тюрьму на Нижнемъ промыслѣ. Въ то же время Средне-Карійскую тюрьму освободили отъ уголовныхъ и стали готовить для политическихъ. Въ мартѣ 80 г. прибыла первая партія: 28 каторжанъ и одновременно мать Стеблина-Каменскаго. Къ нимъ были присоединены Бобоховъ и Бибергаль. Съ этого момента Карійская политическая тюрьма стала существовать какъ отдѣльное учрежденіе. Вслѣдъ за первой партіей прибыли отдѣльно: Атанедесъ (текинецъ), Мозговой и Тарховъ. Съ Мозговымъ пріѣхала жена съ сыномъ. 16 октября прибыла вторая партія: 23 осужденныхъ (въ томъ числѣ Е. И. Россикова) и жены: Э. М. Геллисъ и Л. К. Ястремская. 1 января 1881 г., по распоряженію графа Лорисъ-Меликова, безъ всякаго повода, всѣ бывшіе въ вольной командѣ политическіе каторжане вновь заключены въ тюрьму. Это распоряженіе вызвало самоубійство Е. С. Семяновскаго. Въ концѣ февраля 1881 г. прибыла третья партія: 25 каторжанъ (въ томъ числѣ М. А Колѣнкина, Е. Д. Левенсонъ и С. Н. Шехтеръ) и невѣста Петрова—Барбашева. 1 ноября 1881 г. всѣ заключенные мужчины были переведены въ новую, нарочно для политическихъ построенную, тюрьму,

въ 2 в. ниже Нижнекарійскаго промысла. Въ январѣ 82 г. привезенъ Долгушинъ съ женой, а въ февралѣ четвертая партія: 35 мужчинъ и 2 женщины (С. А. Иванова и Ю. О. Круковская) а также—В. П. Рогачева. Вслѣдъ за четвертой партіей были привезены въ мужскую тюрьму: Веймаръ, Трощанскій, Михайловъ, Цыпловъ и Щедринъ и въ женскую: Богомолецъ и Ковальская.

Въ началѣ мая 82 г. изъ мужской тюрьмы бѣжали 8 заключенныхъ. 11 мая произошелъ знаменитый разгромъ мужской тюрьмы. Съ этого времени порядокъ отправки политическихъ ссыльныхъ мѣняется. Вмѣсто особыхъ партій изъ политическихъ, послѣднихъ отправляютъ небольшими группами при уголовныхъ партіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, убѣдившись въ ненадежности Кары, какъ мѣста заключенія политическихъ, придумываетъ новыя мѣры. Взамѣнъ упраздненныхъ харьковскихъ централокъ сперва въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости вводится „каторжное положеніе“, затѣмъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и, наконецъ, въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ. На Кару изъ процессовъ террористовъ попадаютъ только отдѣльныя лица. Въ 1882 году послѣ 11 мая прибылъ всего одинъ—Малавскій, въ 83 г. 20 чел., въ 84—23, въ 85—6, въ 86—6, въ 88—7, въ 89—3.

Въ сентябрѣ 1890 г. изъ находившихся въ мужской политической тюрьмѣ 33 заключенныхъ 20 были выпущены въ вольную команду, а 13 отправлены въ Акатуевскую тюрьму. Въ карійскихъ тюрьмахъ послѣ этого остались только политическія женщины: Богомолецъ, Россикова, Ананьина, Салова и Якимова. Изъ нихъ Россикова, заболѣвшая психически, была увезена въ Иркутскую больницу, гдѣ вскорѣ умерла, Богомолецъ въ январѣ 92 г. была выпущена въ вольную команду и на другой день умерла, остальныя трое были выпущены осенью 92 г. въ вольную команду. Затѣмъ, одну зиму содержались въ Усть-Карійской уголовной тюрьмѣ осужденныя по дѣлу, такъ называемаго, Якутскаго „вооруженнаго сопротивленія:“ Болотина, Гасохъ, Гуревичъ и Перли. Въ 1892 г., въ числѣ другихъ отбывшихъ срокъ тюремнаго заключенія въ Акатуевской тюрьмѣ, былъ привезенъ въ вольную команду на Кару Бычковъ, который раньше на Карѣ не былъ.

Такимъ образомъ съ 1873 по 1892 г. на Карѣ перебывало 217 осужденныхъ въ каторгу по политическимъ дѣламъ, въ томъ числѣ 185 мужчинъ и 32 женщины. Кромѣ осужденныхъ въ теченіе того же времени проживали на Карѣ 25 родственниковъ (не считая дѣтей) политическихъ каторжанъ, въ томъ числѣ: двѣ матери, одна сестра, 1 братъ, 1 мужъ и 20 женъ.

III.

Біографическія свѣдѣнія.

Мужская Карійская тюрьма.

Агаповъ Семенъ Ивановичъ, московск. мѣщ., род. въ 1852 г. въ Москвѣ, раб. ткацкой фабрики, обуч. въ фабр. школѣ, арест. впервые 4 апр. 1875 г., 23 лѣтъ, осужденъ на 25 лѣтъ особ. прис. сен. 21 февр.— 5 апр. 77 г. по процессу „50 ти“ 3 г. 4 м. каторги, прибылъ на Кару въ концѣ 77 г., за попытку къ побѣгу съ каторги—1 г.; вышелъ на поселен. въ г. Баргузинъ, Забайк. обл., въ 80 г.; примѣненъ манифестъ 83 г., въ 85 г. переселенъ въ Западную Сибирь.

Александровъ Діомидъ Александровичъ, петерб. мѣщ., род. въ 49 г. въ Спб., раб. ткацк. фабр., въ Спб. воспит. домѣ, арест. впервые въ янв. 75 г., 26 лѣтъ, особ. прис. сен. 17 іюля 1875 г. по процессу Дьякова и Сирякова, 9 л. каторги. До 13 окт. 80 г. содержался въ Борисоглѣбск. и Новобѣлгор. центр. каторжн. тюрьмахъ, приб. на Кару въ февр. 82 г., маниф. 83 г. не примѣненъ, въ 83 г. отправл. въ Якутскій окр. той же области.

Алексѣевъ Петръ Алексѣевичъ, крест. Смол. губ. Сычев. у., дер. Новинской, род. 49 г. въ Смол. губ., раб. тк. фабр., ар. вперв. 4 апр. 75 г., 26 лѣтъ, осужденъ 28 лѣтъ, особ. прис. сен. 5 апр. 77 г. по процессу „50-ти“ 10 л. каторги, до 13 окт. 80 г. содер. въ Новобѣлгор. центр. каторж. тюрьмѣ, прибылъ на Кару въ февр. 82 г., маниф. 83 г. не примѣненъ, въ 84 г. на посел. въ Якут. окр. той же обл., въ авг. 91 г. *убитъ* якутами съ цѣл. ограбл.

Андрузскій Андрей Ѳедотовичъ, двор. Полт. губ., род. въ 57 г. въ Полтавск. губ., вольноопр. Лифляндск. пѣх. полка, оконч. Полт. гимн., 1 г. былъ въ Кіевск. унив-тѣ, сдалъ экз. на геометратаксатора, пост. въ юнк. училище, откуда исключенъ и посланъ въ полкъ, арест. впервые въ апр. 79 г., 22 лѣтъ, осужденъ 23-хъ л. Кіевск. военн.-окр. судомъ 25 февр.—3 марта 80 года „за дерзкія рѣчи въ Кіевск. военномъ госпиталѣ (по словамъ офиц. „Хроники соціал. движенія“, „совершенно исключительный политическій процессъ“) 4 г. каторги, прибылъ на Кару 16 окт. 80 г., ман. 83 г. не примѣненъ, въ 83 г. отпр. на поселеніе въ Петровскій зав. Забайк. обл.

Атанедесъ Ханъ Магометъ, *туркменъ*, родовой старш., родил. въ 50 г.; осужд. въ Туркестанѣ въ 79 г. воен. судомъ за агитацію противъ русскаго владычества на 12 л. каторги, прибылъ на Кару въ 80 г.; въ началѣ 81 г. по болѣзни переведенъ изъ полит. тюрьмы въ Нижне-Кар. тюр. лазаретъ, гдѣ вскорости *умеръ*.

Багряновскій Корнелій, *полякъ*, двор. Волын. губ., род. въ 60 г. въ Житомирѣ, почт. чин., не оконч. гимн. въ Житомирѣ, ар. впервые 24 апр 79 г., осужденъ 19 лѣтъ Кіевск. воен.-окр. судомъ 7—14 іюля 79 г. по д.

Бильчанскаго, Горскаго и др., 6 л. 8 м. каторги, приб. на Кару въ мартѣ 80 г., въ 84 г. на посел. въ Якутск. окр. той же обл., въ 90 г. лѣтомъ пытался бѣжать изъ Якут. окр., вмѣстѣ съ адм. сс. Ф. Цобелемъ, въ лодкѣ внизъ по р. Ленѣ, задерж. въ устьяхъ Лены, переселенъ въ г. Верхоянскъ, гдѣ въ 97 г. *застрѣлился.*

Баламезъ Андрей Михайл., *болгаринъ*, сынъ Кишин. купца, род. въ 60 г. въ г. Кишиневѣ; безъ опр. зан., не оконч. реальн. уч., арест. впервые 4 авг. 78 г., 18 лѣтъ одесск. воен.-окр. судомъ 22 іюля—5 авг. 79 г., проц. 28-ми (Чубаровъ, Лизогубъ и др.), 20 л. каторги, приб. на Кару въ мартѣ 80 г., въ маѣ 82 г. бѣжалъ изъ тюрьмы вмѣстѣ съ 7 другихъ, но вскорости б. пойманъ, за побѣгъ по суду прибавлено 10 л. каторги, ман. 83 г. не примѣненъ, въ 88 г. подалъ прош. о помилов., перевед. на посел., уѣхалъ затѣмъ въ Болгарію и, по слухамъ, тамъ *умеръ.*

Батаговъ Галактіонъ Емельяновичъ, Кременч. мѣщ., род. 52 г. въ Кременчугѣ, стол., ар. вперв. въ окт. 81 г., 29 л., осуж. Одесск. воен.-окружн. судомъ 3 апр. 83 г. по процессу 27 („Стрѣльниковскій процессъ") на 15 л. каторги, приб. на Кару въ 84 г., ман. 83 г. примѣненъ, въ янв. 90 г. выпущ. въ вол. команду, въ 92 г. поселенъ въ г. Читѣ Забайк. обл.

Бердниковъ Леонтій Федор., мѣщ. Невьянск. зав. Перм. губ., род. въ 52 г. въ Пермской губ., инж.-техн. 1-го разр.; оконч. Спб. технол. инст., былъ заграницей для практ. усоверш. въ мыловареніи, ар. впервые въ окт. 78 г. Спб. воен.-окр. судомъ 6—14 мая 80 г. по д. Мезенцева (Веймаръ, Адр. Михайловъ и др.), по пригов. 15 л. каторги, по конфирм.— 8 л., приб. на Кару въ концѣ февр. 81 г., долго былъ старостой тюремн. артели, ман. 83 не примѣненъ, въ янв. 85 г. выпущ. въ вольн. команду, въ 86 г. поселенъ въ Читинскомъ окр. Заб. обл.

Бибегралъ Александръ Никол., *еврей*, мѣщ., род. въ 54 г. въ Керчи, студ. мед.-хир. академіи, ар. впервые 6 дек. 76 г., 22 лѣтъ, особ. прис. сен. 18-25 янв. 77 г., д. Казанской демонстр., 15 л. каторги, приб. на Кару весной 78 г., ман. 83 г. примѣненъ: каторга замѣнена поселеніемъ; въ 84 г. посел. въ г. Читѣ, потомъ переѣхалъ на службу на Амурскіе пріиска.

Бобоховъ Серг. Ник., двор., отецъ управл. акц. сборами въ Сарат. г.; род. въ 59 г.; ст. мед.-хир. акад.; ар. впервые въ 77 г., 18-ти л. по д. Сарат. кружка, сосланъ въ Пинегу Арханг. губ., откуда бѣжалъ 14 дек 78 г., при поимкѣ въ д. Родіоново Холмогор. у. стрѣлялъ въ полиц. урядника; Спб. воен.-окр. суд. въ Архангельскѣ 12 мар. 79 г., „дерзко держалъ себя на судѣ"; смертн. казнь замѣнена 20 г. каторги; прибылъ на Кару лѣтомъ 79 г.; послѣ сѣченія Сигиды отравился и *умеръ* 16 ноября 89 г.

Богдановичъ Флоріанъ Григ., *полякъ* австр. поддан., р. въ 49 г.; въ Варш. гимн., потомъ въ Политехн. шк. въ Цюрихѣ, прив.-доцентъ Львовск. ун-та по химіи; будучи гимназистомъ, принималъ участіе въ возстаніи 63 г.; живя затѣмъ въ Швейцаріи поддерживалъ близкія связи съ русской и польской эмиграціей; участв. въ окт. 72 г. въ попыткѣ освобожд. С. Г. Нечаева на Цюрихскомъ вокзалѣ при его отправкѣ въ Россію; въ 76 г. организовалъ доставку въ огромн. количествѣ запрещ. изданій изъ-за границы въ Россію; ар. впервые 31 авг. 76 г.; 28-ми л.;

въ 77 г. освобожденъ подъ денеж. залогъ и остался жить въ Кіевѣ, въ 79 г. въ его кварт., въ Кіевѣ, произошелъ взрывъ, вслѣдствіе чего былъ вновь арест.; Кіевск. воен.-окр. суд. 10 іюля 79 г. по приговору—6 л., по конфирм. 4 г. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; маниф. 83 г. примѣненъ; въ 83 г. поселенъ въ Якутск. окр.; спустя нѣсколько лѣтъ отпущенъ въ Австрію, занялъ прежн. каѳедру въ Львовск. ун-тѣ; *умеръ* въ 90-хъ годахъ. О жизни на Карѣ напечаталъ за границей воспоминанія на польскомъ языкѣ.

Богдановъ Захаръ, крест. Новг. г., р. въ 46 г. въ Новг. г., ряд. пѣхотн. полка; выуч. грамотѣ на службѣ; ар. впервые въ 75 г., 29 л., особ. прис. сената въ окт. 75 г.; д. Семяновскаго и др., 6 л. каторги; приб. на Кару въ 77 г., выпущ. въ вольн. ком. въ 79 г. и 1 янв. 81 г. вновь закл. въ тюрьму; въ 81 г. поселенъ въ Нерчинск. окр., гдѣ вскорѣ *умеръ*.

Богдановъ Степанъ Богдановичъ, крест. Новгор. губ. Корховскаго у., род. въ 52 г. въ Новг. губ., писарь главнаго штаба; сельск. прих. училище; ар. впервые въ авг. 75 г., 23-хъ л.; особ. прис. сен. въ окт. 75 г., дѣло Семяновскаго и др., 11 л. каторги; приб. на Кару 27 сент. 77 г.; передъ Пасхой 79 г. выпущенъ въ вольн. команду; 1 янв. 81 г., по расп. гр. Лорисъ-Меликова, вновь заключенъ въ тюрьму; въ 83 г. поселенъ въ г. Читѣ, гдѣ работалъ въ артельной столярной мастерской; переѣх. въ Амурск. обл. (соб. восп. „Б" 906, 11).

Бойченко (онъ же *Филатовъ*) Филиппъ Михайловичъ, крест. Яросл. г. Пошехонск. у., род. въ 52 г. въ Яросл. губ., слесарь; ар. впервые 11 окт. 79 г., Кіевск. воен.-окр. суд. 15—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др., 15 л. каторги; приб. на Кару въ концѣ февр. 81 г.; въ сент. 90 г. выпущ. въ вольн. ком.; маниф. 91 г. примѣненъ; въ 91 г. посел. въ Якутск. окр.

Бубновскій (нелег. *Предтеченскій*) Никол. Никол., крест. Подольск. г., р. въ 53 г.; слесарь; ар. впервые въ 79 г., 26-ти л. въ Кіевѣ; Кіевск. воен.-окр. судомъ 15 іюля 79 г., по д. изгот. разрывн. снарядовъ; 12 л. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; маниф. 83 г. не примѣненъ; въ 88 г. выпущ. въ вол. ком.; въ авг. 90 г. поселенъ въ Читѣ.

Бухъ Никол. Констант., двор., сынъ тайн. сов., род. въ 53 г. въ Уфѣ; въ мед.-хир. ак.; розыскивался по д. покуш. на Гориновича; ар. впервые 17 янв. 80 г., 27-ми л.; Спб. воен.-окр. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. „16-ти"; 15 л. каторги; приб. на Кару въ февр. 82 г.; въ 90 г. подалъ. прош. о помилованіи; поселенъ сперва въ Зап. Сибири, потомъ разрѣшено выѣх. въ Евр. Россію.

Буцинскій Дмитрій, сынъ священ., род. въ 52 г. въ Курск. г., ст. Хар. ун-та, медикъ; ар. впервые въ 79 г., 27 л., Кіевск. воен.-окр. суд., 12—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др., 20 л. каторги; приб. на Кару въ концѣ февр. 82 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., оттуда въ 83 г. въ Шлиссельбургъ, гдѣ *умеръ* въ 91 или 92 г.

Быдаринъ Алексѣй, сынъ чиновн., род. въ 54 г. въ Пермск. г., сельскій учитель, выдерж. экз. на сельск. уч.; ар. впервые въ 74 г., 20-ти лѣтъ; особ. прис. сен. въ сент. 76 г., 11 л. каторги, до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлг. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на Кару въ концѣ февр.

82 г., въ 83 г. посел. въ Забайк. обл.; под. прош. о помилованіи и возвращенъ въ Евр. Россію.

Бычковъ Александръ Иван., сынъ инжен., род. въ 62 г.; въ Кіевск. гимн.; ар. впервые въ маѣ 81 г.; Кіевск. воен.-окр. суд. въ 83 г.; ссылка на посел., поселенъ въ Верхоленскѣ Иркут. губ.; въ 87 г. бѣжалъ изъ Верхоленска; въ 88 г. вновь арест. въ Москвѣ, снова бѣжалъ и арест. тамъ же; въ 91 г. Спб. окр. суд. пригов. къ 3 г. каторги и 40 плет.; тѣл. нак. было отмѣнено; сосланъ въ Акатуев. тюрьму, откуда приб. на Кару въ вольн. ком. въ февр. 92 г.; въ дек. того же года отпр. на посел. въ Якутск. окр.; маниф. не примѣненъ; вернулся въ Евр. Россію.

Бѣлоцвѣтовъ Гавр. Васил., сынъ свящ. Владим. г., р. въ 52 г., ст. Яросл. Демид. лицея; ар. впервые въ мартѣ 77 г.; Моск. воен.-окр. суд. 9—10 апр. 80 г., проц. Козырева, Антушева и Бѣлоцв., 4 г. катор.: приб. на Кару 16 окт. 80 г.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр., въ 91 г. переѣхалъ въ Минусинскъ Енис. губ., жилъ затѣмъ въ Томскѣ и вернулся на родину.

Валуевъ Петръ Прокоп., одес. мѣщ., унт.-оф. запаса, р. въ 55 г. въ Одессѣ; маляръ; уѣздн. учил.; ар. впервые въ янв. 83 г., 28-ми л.; Одес. воен.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по проц. 27 („Стрѣльн. проц."); 4 г. каторги; приб. въ Кару въ 83 г.; маниф. 83 не примѣненъ; въ 84 г. поселился въ г. Читѣ.

Веймаръ Орестъ Эдуард., сынъ Спб. купца, род. въ 45 г. въ Спб.; мед. акад.; врачъ; учредитель и директ. частной ортопед. клиники въ Спб.; по офиц. рекомендаціи,—„оказалъ несомнѣнныя услуги вѣдомству Краснаго Креста во время рус.-тур. войны"; за участіе въ лет. санит. отр. во время этой войны получилъ чины и ордена; ар. впервые 2 апр. 79 г., 34-хъ л.; Спб. воен.-окр. суд. 6—14 мая 80 г., конф. 16 мая по д. Мезенцева, 10 л. каторги; приб. на Кару въ апр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ янв. 85 г. вып. въ вол. ком., гдѣ *умеръ* 31 окт. 85 г.

Виташевскій Никол. Алексѣев., двор. Херс. г., род. въ 57 г. въ Одессѣ; оконч. реал. уч.; ар. впервые 30 янв. 78 г., 21 г.; раненъ при арестѣ; Од. воен.-окр. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ковальскаго и др.; до 11 ноября 80 г. содерж. въ Бѣлгор. центр. кат. тюрьмѣ; 4 г. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 82 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; въ концѣ 90-хъ гг. вернулся въ Евр. Россію; въ 906 г. ар. въ Спб., содерж. нѣск. мѣсяцевъ въ „Крестахъ" и, вмѣсто адм. высылки въ Тобол. губ., уѣхалъ за границу. (соб. восп.: „Б"—906, 2, 7; 907, 4).

Власовъ Семенъ Герасим., сынъ донск. каз., р. въ 65 г., восп. въ Новочерк. юнкер. уч.; ар. впервые въ 83 г., 18 л.; 6 л. 8 м. каторги; приб. на Кару въ 85 г.; въ 86 г. вып. въ вол. ком.; въ 88 г. посел. въ Як. ок.; за протестъ по поводу якутск. бойни пересел. въ Колымскій окр.; затѣмъ жилъ въ Якутскѣ и переѣхалъ въ Тобольскъ.

Властопуло Никол. Лукичъ, сынъ купца, род. въ 58 г. въ Одессѣ; въ од. греч. ком. уч., потомъ въ од. юнк. уч.; прапор. 53 пѣх. Волынск. полка; по оконч. юнк. уч. портупей-юнк. участвов. въ рус.-тур. войнѣ; за храбр. нагр. солд. георг. крестомъ и произв. въ прапорщ.; ар. впервые въ маѣ 79 г., 21 г.; Од. в.-окр. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по проц. 19-ти (Геллисъ и др.); 15 л. каторги; по дорогѣ въ кат. 2 авг. 80 г. бѣж.

изъ Ключинск. этапа (Канскаго окр. Енис. г.), 9 авг. пойманъ; пригов. суда 15 лѣтняя кат. замѣнена безсрочной; приб. на Кару въ февр. 81 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 88 г. под. прош. о помил. и выпущ. на посел.; въ нач. 900-хъ гг. жилъ въ Николаевскѣ на Амурѣ, сост. управл. вин. заводч. Пьянкова. Въ 1907 г. верн. въ Евр. Россію.

Волошенко Иннокент. Федор., сынъ чин., р. въ 48 г.; студ. Одес. ун-та; ар. впервые 24 янв. 79 г., 31 года; Кіевск. воен.-окр. суд. 1 мая 79 г., проц. Осинскаго; 10 л. каторги; бѣж. въ янв. 80 г. изъ Ирк. тюрьмы, ар. вскорости въ Тункѣ Ирк. окр.; за побѣгъ приб. судомъ 11 л. кат.; приб. на Кару въ нояб. 80 г.; въ 82 г. увез. въ Петроп. кр.; въ 84 г. возвр. на Кару; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. выш. въ вол. ком.; по ман. 91 г. срокъ кат. сокращ. на $^1/_3$; посел. въ Селенгинскѣ, Забайк. обл.; въ 905 г. верн. въ Евр. Россію.

Войнаральскій Порфирій Иванов., пензен. мѣщ., р. въ 44 г., въ Пенз. губ.; мир. судья и предсѣд. мир. съѣзда, оконч. Моск. ун-тъ; ар. впервые въ 74 г., 30 л.; въ предв. закл. проб. около 3-хъ л.; въ апр. 76 г. пытался бѣж. изъ Д. Пр. Закл. въ Спб.; особ. приг. сен. 15 сент. 77 г.— 23 янв. 78 г., по проц. 193-хъ; 10 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж въ Борисогл. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на Кару въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 84 г. посел. въ Верхоянскѣ Як. обл.; въ 90 г. переѣх. въ г. Якутскъ; въ 97 г. верн. въ Европ. Россію; *умеръ* въ 98 г. въ Хар. губ. (Восп. о немъ „Б" 906, 11—„Движ. 70-хъ гг. по больш. процессу" портр.—„Б". 906, 11).

Геккеръ Наумъ Леонт., *еврей*, мѣщ., р. въ 61 г. въ Екатерин. губ.; оконч. Бердянск. гимн.; ар. впервые въ апр. 81 г., 20 л.; Од. воен.-окр. суд. въ нояб. 82 г; 10 л. каторги; приб. на Кару въ 84 г.; выпущ. въ вол. ком. въ ноябрѣ 88 г.; въ нояб. 89 г. покуш. застрѣлиться подъ впечатл. извѣстія о тѣл. нак. Сигиды; въ 91 г. посел. въ Як. окр.; приним. участіе въ Сибиряк. этногр. экспедиціи и получилъ Уваровскую премію отъ Моск. О-ва любит. естествозн. за антропометр. работы; въ 90-хъ гг. верн. въ Евр. Россію. (Соб. восп. ок. к. „Б" 906, 9).

Геллисъ Мейеръ Яковл., *еврей*, од. мѣщ., р. въ 52 г. въ Одессѣ; наборщикъ; гимн. и одес. ком. уч.; ар. впервые въ маѣ 79 г., 27 л.; Одес. воен.-окр. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по д. 19-ти (Властопуло, Минаковъ и др.); безроч. кат. работы; приб. на Кару 16 окт. 80 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., а въ сент. 84 г.—въ Шлиссельб. кр., гдѣ и *умеръ*.

Герасимовъ Василій Герасим., Спб. мѣщ., род. въ 52 г., пит. Спб. восп. дома; раб. ткац. фабр.; ар. впервые въ янв. 75 г., 23 л.; особ. приг. сен. 17 іюля 75 г., по д. Дьякова, Сирякова; 9 л. катор.; до 13 окт. 80 г. сод. въ Борисогл. и Новобѣлгор. центр. кат. тюр.; приб. на Кару въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 83 г. поселенъ въ Якутск. окр., гдѣ *умеръ* въ 90-хъ гг. (Соб. восп. „Былое" 906, 6).

Голиковъ Василій Тимоф., мѣщ., р. въ 42 г., въ Смол. губ.; Рославл. уѣздн. учил.; подрядчикъ ремонта ж. д.; ар. впервые въ іюлѣ 81 г.; Од. воен.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣльн. проц."); 4 г. каторги; приб. на Кару въ 84 г.; по ман. 83 поселенъ въ 84 г. въ Читѣ, Забайк. обл.; въ 90-хъ гг. вернулся въ Евр. Россію.

Гориновичъ Васил. Елисѣевичъ, сынъ чин., род. въ 58 г. въ Кіевск.

губ.; Глуховск. учительскій ин-тъ; ар. впервые въ 82 г., 24-хъ л.; Кіевск. воен.-окр. суд. 18 авг. 83 г., по д. 7-ми (Саранчовъ, Гориновичъ и др.) 8 л. каторги; приб. на Кару въ 85 г., вмѣстѣ съ добров. послѣдов. женой Надеждой Николаевной; вып. въ вол. ком. въ 86 г.; въ 88 г. посел. въ Як. окр.

Давиденко Филип. Яковл., сынъ канд. на клас. чинъ, р. въ 60 г, въ Кіевѣ; Кіевск. воен.-фельдш. шк. (не окончилъ); ар. впервые въ апр. 79 г., 19 л.; Кіевск. воен.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г. по д. Вильчанскаго, Горскаго и др.; 12 л. каторги; за составл. паспорта для одного изъ бѣжавшихъ въ янв. 80 г. изъ Ирк. тюрьмы прибавл. 3 г. каторги и 10 плетей; тѣл. наказ. отмѣнено; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; ман. 83 г. не примѣн.; въ ноябрѣ 88 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 93 г. поселенъ въ Як. окр.; въ 99 г. переѣхалъ въ Читу, затѣмъ въ Иркутскъ.

Даниловъ Викторъ Александр., двор., р. въ 51 г.; земл. инст. и Цюрихс. политехникумъ; фармацевтъ; ар. впервые въ апр. 74 г., въ Кутаисѣ; ос. прис. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г. по д. 193-хъ вмѣненъ въ наказ. предв. ар.; ар. вновь въ 79 г. и Хар. воен.-окр. суд. по д. Сыцянко и др. оправданъ; ар. въ 81 г. и въ 82 г. Хар. воен.-окр. суд. приговор. къ 10 г. кат.; приб. на К. въ 83 г., ман. 83 г. не примѣн; въ 85 г. отпр. на посел. въ Як. об.; за оскорбл. часового въ Ирк. т. пригов. къ 8 м. кат.; отправл. въ Александр. (Ирк. г.) центр. т.; 13 авг. 86 г. съ дор. бѣж.; ар. въ Москвѣ въ ноябрѣ 86 г.; въ 88 г. отпр. въ Колым. окр.; завѣд. метеорол. станціей въ Верхнеколымскѣ; въ 904 г. верн. въ Ев. Р.; ар. въ 905 г. въ Харьковѣ и высл. изъ Хар. губ. (Соб. восп. „Б“ 907, 10).

Дейчъ Левъ Григор., *еврей*, сынъ купца, р. въ 55 г. въ Кіевск. губ. Кіевск. гимн. и Базельск. ун-тъ; вольноопредѣляющійся; ар. впервые въ 76 г., бѣжалъ; ар. въ 77 г. въ Полт. г. по Чигиринск. д.; бѣжалъ изъ Кіевск. тюрьмы въ маѣ 78 г., ар. въ 84 г. въ Фрейбургѣ Баденскомъ и выданъ рус. правительству; Од. воен.-окр. суд. 84 г. по д. покуш. на убійство Гориновича; 13 л. 4 м. каторги; приб. на Кару 12 дек. 85 г.; въ сент. 90 г. вышелъ въ вол. ком.; въ 97 посел. въ Срѣтенскѣ Забайк. обл., въ апр. 901 г. бѣжалъ чрезъ Владивостокъ въ Америку и затѣмъ въ Швейцарію; въ окт. 905 г. пріѣхалъ въ Россію, въ янв. 906 г. ар. въ Спб. и высылался въ Туруханскъ, но съ дороги бѣжалъ за границу.

Джабодари Ив. Спирид., *грузинъ*, двор. Тифл. г., р. въ 52 г.; студ. мед.-хир. академіи; ар. впервые 4 апр. 75 г., 23 лѣтъ; особ. прис. сен. 5 апр. 77 г., по проц. 50-ти; 5 л. каторги; до 13 окт. 80 г. сод. въ Новобѣлгор. центр. каторжн. тюрьмѣ; приб. на Кару въ февр. 82 г.; въ 83 г. поселенъ въ Забайкальской обл.; вернулся въ Евр. Россію (Соб. восп. о. проц. 50-ти „Был.“ 907, 8, 9, 10; портр. въ „Б“. 907, 9; „Въ неволѣ“ „В“. 906, 5).

Дзвонкевичъ Никол. Никол., двор., род. въ 42 г. въ Полт. г., Кіевск. ун-тъ (не окончилъ); суд. прист. въ Севастополѣ; участ. волонтеромъ въ черногорск. отрядѣ въ сербск. войнѣ, раненъ и нагр. орденомъ; ар. впервые въ 81 г., 39 лѣтъ; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г. по д. 27 („Стрѣльник. проц.“) къ безсрочной каторгѣ; пытался бѣжать въ пути, раненъ и пойманъ; приб. на Кару въ 84 г.; маниф. 83 г. не примѣн.; въ 90 г. пе-

ревед. въ Акатуевск. тюрьму, потомъ—въ Зерентуйскую; въ 92 г. поселенъ въ Минусинскѣ Енис. губ.; въ 95 вернулся въ Евр. Россію.

Диковскій Моис. Андр., сынъ свящ., р. въ 57 г., въ Одес. уѣз.; Одес. духовн. семин. (не оконч.); сельск. учит.; ар. впервые въ 79 г., 22 лѣтъ; Кіевск. воен.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др.; 15 л. каторги; приб. на Кару въ 81 г.; въ маѣ 82 г. бѣжалъ изъ Карійск. тюрьмы, пойманъ; за побѣгъ прибавл. 10 л. каторги; ман. 83 г. не примѣн.; въ сент. 90 г. переведенъ въ Акат. тюрьму; въ ноябрѣ 91 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 99 г. поселенъ въ Читѣ.

Диковскій Сер. Дороф., сынъ свящ., р. въ 57 г. въ Симферополѣ; ст. Новорос. ун-та; ар. впервые въ 80 г., 23 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др.; 20 л. каторги; приб. на Кару въ февр. 81 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ 92 г. посел. въ Як. окр.; въ 98 г. переѣх. въ Иркутск. губ.

Долгушинъ Александръ Васил., двор. Тобол. губ.; р. въ 48 г. въ Тоб. губ.; ст. СПБ. технол. инст.; ар. впервые въ янв. 69 г., 21 года; по нечаевскому дѣлу, причемъ 27 авг. 71 г. СПБ. суд. палатой („пятая катег. нечаевцевъ") оправданъ; одновременно привлек. къ дознанію какъ организаторъ кружка сибиряковъ-автономистовъ; по этимъ двумъ дѣламъ просид. 1 г. 8 м. въ Петроп. кр.; ар. затѣмъ 16 сент. 73 г.; особ. пр. сен. 9—15 іюля 74 г., по „Долгушинскому" процессу; 10 л. каторги; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Ново-Бѣлгородск. центр. кат. тюрьмѣ (с. Печенѣги); въ концѣ 81 г. далъ пощечину смотрителю Краснояр. тюрьмы, за что прибавл. 15 л. каторги; приб. на Кару въ янв. 82 г. съ добровольно послѣдов. женой Агрип. Дмитр.; въ 83 г. увезенъ въ Петроп. кр., откуда перевед. въ Шлиссельб. тюрьму, гдѣ *умеръ*.

Дрей Мих. Иван., *еврей*; сынъ врача; р. въ 60 г. въ Одессѣ; ст. Одес. ун-та; ар. впервые въ 81 г., 21 года; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г. по д. 27 („Стрѣльн. проц."); 15 л. каторги; приб. на Кару въ 84 г.; маниф. 83 г. примѣн.; въ 86 г. вышелъ въ вол. ком.; въ 88 г. поселенъ въ Читѣ; въ 95 г. уѣх. за границу; жив. въ Мюнхенѣ.

Дубровинъ Андр. Иван., сынъ дьякона; р. въ 41 г. въ Сарат. губ.; дух. семин.; волостн. писарь и сельск. уч.; ар. впервые въ 76 г., 35 л.; Отд. Харьк. суд. пал. 20 апр. 79 г., по д. Зубрилова и др.; 4 г. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Селенгинскѣ Забайк. обл.; ман. примѣненъ; верн. въ Евр. Россію.

Дубровинъ Евген. Александр., мѣщ. г. Саратова; род. въ 56 г. въ Сар. губ.; ст. 5 курса мед. ак.; ар. впервые въ 82 г., 26 л.; петерб. воен. суд. въ 82 г., по д. сношеній съ Алексѣев. равелиномъ; приб. на Кару въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. посел. въ Баргузинѣ Забайк. обл., выѣхалъ въ Евр. Россію; выдерж. экз. на врача при Казанск. ун-тѣ.

Дулембо Генрихъ, *полякъ*; двор., род. въ 48 г. въ Варшавѣ; раб. мыловар. завода; не оконч. Варш. гимн.; ар. впервые въ 79 г., 31 г. и выпущ. въ 81 г.; ар. затѣмъ въ 84 г.; Варш. в.-окр. суд. 8—16 дек. 85 г., по д. „пролетаріата"; 13 л. каторги; приб. на Кару въ ноябрѣ 86 г.; въ сент. 90 г. перевед. въ Акатуй; въ 91 г. вып. въ вол. ком.; въ 93 г. посел. въ Вилюйскѣ Як. обл.; въ 94 г. переѣх. въ Якутскъ; въ 900-хъ г.г. жилъ

въ Читѣ Забайк. обл.; былъ ар. въ 906 г. карат. экспед. Ренненкампфа, освобожд. и верн. въ Евр. Россію.

Евсѣевъ Николай, мѣщ., р. въ 57 г. въ СПБ.; токарь по металлу; ар. впервые въ 81 г., 24 л.; Пб. в.-окр. суд. 13—14 сент. 82 г., по д. убійства Прейма; безср. каторга; приб. на Кару въ 83 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прошен. о помил. и поселенъ въ Благовѣщ.

Емельяновъ Ив. Пантелейм., сынъ псаломщ., р. въ 60 г. въ Одесск. у.; СПБ. Никол. ремесл. уч.; ар. впервые въ мартѣ 81 г., 21 года; особ. пр. сената въ февр. 82 г. по д. 20 (Александръ Михайловъ и др.) смертная казнь замѣн. безср. каторгой; до конца 83 г. содерж. въ Петроп. кр.; приб. на Кару въ 84 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прошеніе о помил., поселенъ въ Благовѣщенскѣ; въ 901 г. жилъ въ Хабаровскѣ. (Портр. въ „Б." 906, 3).

Ефремовъ Васил. Степ., сынъ дьякона; р. въ 54 г. въ Курскѣ; Харьк. ветер. инст.; ар. впервые въ 78 г., 24 лѣтъ; Хар. воен.-окр. суд. 6 іюля 79 г., по дѣлу попытки освоб. Фомина; смер. каз. замѣн. безсроч. каторгой; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. ср. каторги сокращ. на 12 л.; въ ноябрѣ 88 г. выш. въ вол. ком.; въ 89 г. посел. въ Як. окр.; въ 99 г. переѣх. въ Иркутскъ, гдѣ редактировалъ „Вост. Обозр." (Соб. восп. „В." 907, 5—„Маленькое дѣло.")

Жуковъ Влад. Ив., двор. Полт. губ., р. въ 59 г. въ Полт. губ.; Харьк. ветер. инст.; ар. впервые въ 80 г., 21 года; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова, Игн. Иванова и др.; 7 л. кат.; приб. на Кару въ февр. 81 г.; въ 84 г. *умеръ* въ Карійск. тюрьмѣ отъ бугорчатки.

Зайднеръ Ал-ръ Никол. *еврей*; внукъ купца, р. въ 59 г. въ Мелитополѣ Тавр. губ.; реальн. уч. въ Николаевѣ (Херс. губ.); ар. впервые въ 78 г., 18 лѣтъ; Од. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубаровъ, Лизогубъ и др.); 10 л. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. сбавлена $^1/_3$ срока; въ янв. 85 г. выш. въ вол. ком.; въ томъ же году посел. въ Баргузинѣ Забайк. обл., гдѣ *умеръ* въ 91 г.

Здановичъ Георг. Феликс., *осетинъ*; сынъ шт. кап., р. 55 г. въ Кутаис. губ., ст. Моск. ун-та; ар. впервые 19 сент. 75 г. 20-и лѣтъ; особ. прис. сената 14 марта—5 апр. 77 г., по д. 50-и; 6 л. 8 м. каторги; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Ново-Бѣлог. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на Кару въ февр. 82 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$ срока; въ 83 г. поселенъ въ Верхоленскѣ Ирк. губ.; вернулся на Кавказъ.

Златопольскій Левъ Солом., *еврей*; мѣщ., р. въ 48 г. въ Елизаветгр. Херс. губ.; ст. СПБ. технол. инст.; ар. впервые въ 81 г., 33 лѣтъ; особ. пр. сената въ февр. 82 г., по д. 20-и; 20 л. каторги; до 83 г. содерж. въ Петроп. кр. на каторж. положеніи; приб. на Кару въ 84 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. выпущ. въ вол. ком.; ман. 91 г. не прим.; поселенъ въ Читѣ, гдѣ *умеръ* въ февр. 907 г.

Зубковскій Афанас. Андр., сынъ протоіерея, р. 55 г. въ г. Миргородѣ Полт. г.; ст. Кіевск. ун-та; ар. впервые въ 79 г., 24 л.; СПБ. в.-окр. суд. въ окт. 80 г., по д. 16-и; 15 л. каторги; содерж. въ Петроп. кр. на катор. полож.; приб. на Кару въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; подалъ прош. о помилов. и въ 86 г. посел. въ Тобольскѣ.

Зубржицкій Янъ, *жмудинъ*, крест. Сувалк. губ., р. въ 61 г.; слесарь.

ар. впервые въ 79 г. 18-и л.; Кіевск. воен.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г., по д. Бильчанскаго, Горскаго и др.; 20 л. каторги; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ нояб. 88 г. выпущ. въ вол. ком.; по ман. 91 г. сбавлена $^1/_3$; въ 92 г. посел. въ Якут. окр.

Зубриловъ Васил. Петр., двор. обл. Войска Донского, р. 52 г., ст. Петр.-Раз. ак.; ар. впервые въ 76 г. 24 л.; Отд. Хар. суд. пал. въ Урюпинск. станицѣ 20 апр. 79 г. по д. Зубриловыхъ и др.; 4 г. каторги; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; въ 97 г. вернулся въ Евр. Россію.

Зунделевичъ Аронъ Исак., *еврей*, мѣщ., р. 54 г. въ Вильно; Виленск. раввинск. инст.; ар. впервые въ 79 г., 25-и л.; СПБ. воен.-окр. суд. въ окт. 80 г., по д. 16-и; безсрочн. кат.; содерж. въ Петроп. кр. на кат. полож.; приб. на К. въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перевед. въ Акат. тюрьму; въ янв. 91 г. выпущ. въ вол. ком. на Карѣ; ман. 91 г. не прим.; по ман. 94 г. срокъ кат.—20 л.; въ 98 г. посел. въ Читѣ Забайк. обл.; въ 906 г. верн. въ Евр. Рос.

Ивановъ Игнат. Кирил., сынъ офицера, р. въ 59 г. въ г. Пирятинѣ Полт. г.; ст. Кіевск. ун-та; ар. впервые 25 февр. 80 г. 21 года; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др.; смертн. каз. замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; лѣтомъ 82 г. увезенъ въ Петроп. кр. (Алексѣевск. равел.), откуда 6 іюля 83 г. въ Казанск. лечебницу, а въ октябрѣ 84 г. въ Шлиссельб., гдѣ *умеръ*. (Письмо П. С. Поливанова, „Былое" 906 г.).

Ивановъ Павелъ Осип., двор., р. 54 г. въ Кіевск. губ.; ст. Кіевск. ун-та; ар. впервые въ 81 г., 27 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 26—29 мая 81 г., по д. Южн.-Рус. Раб. Союза (Ковальская, Щедринъ и др.). 20 л. каторги; бѣж. изъ Краснояр. тюрьмы и пойманъ вскорѣ въ Тобол. губ., вторично пыт. бѣж. изъ той же тюр.; бѣж. съ почт. ст. подлѣ Читы, но на др. день пойманъ; за побѣги срокъ кат. увелич. до 55 лѣтъ; приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$ (7 лѣтъ) съ первонач. срока; въ сент. 90 г. перевед; въ Акат. тюрьму; по ман. 91 г. сбавл. 1 годъ; *умеръ* въ вол. ком. въ с. Алгачи.

Иванайнъ Карлъ Иван., *финляндецъ*, мѣщ., род. 54 г.; приход. учил., слесарь; ар. впервые въ 74 г. по д. 193, освобож. и бѣж. за границу, возврат. въ 76 г., ар. и сосланъ въ Пудожъ (Олон. губ.); за столкн. съ полиц. въ 80 г. высылался въ Вост. Сибирь; возвращ. изъ Томска; ар. въ 81 г. въ Харьковѣ, бѣж. изъ-подъ ар., черезъ $1^1/_2$ мѣс. ар. въ Москвѣ Одес. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г. по д. 27 („Стрѣл. проп.") 15 л. каторги; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; лѣтомъ 87 г. *утопился* въ озерѣ на Нижней Карѣ.

Иванченко Григорій, мѣщ., р. 56 г. Херс. г.; столяръ-модельщикъ; ар. впервые въ февр. 79 г., 23 л.; Кіевск. в.-окр. суд. въ маѣ 79 г. подъ имен. „Неизвѣстн., ранен. въ голову", по д. Брандтнера, Ст.-Каменск. и др.; 14 л. 10 м. каторги; бѣж. изъ Ирк. тюрьмы въ янв. 80 г. и вскорѣ ар. подлѣ Ирк.; за поб. прибавл. 15 л. 2 м.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прош. о помил. и посел. въ Забайк. область.

Ильяшенко Севаст. Емельян., крест. Полт. г., р. 49 г. въ Пирят. у.

Полт. г.; кочегаръ на пароходахъ Р. О. п. и т. дальняго плаванія, потомъ машинистъ на ж. д.; ар. впервые въ 76 г., 27 лѣтъ, въ Одессѣ за ввозъ запрещ. изд. изъ Лондона, админ. присуж. къ 1 г. тюрем. закл., съ воспрещ. служ. на парох., плавающ. загран.; арестов. затѣмъ въ 80 г.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др.; 15 л. каторги; приб. на К. въ февр. 81 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 87 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 89 г. закл. въ тюрьму; *умеръ* въ Кар. тюр. лазар. 18 авг. 90 г. Передъ ар. въ 80 г. жилъ по подлож. паспорту на имя Куценко, вслѣд. чего админ. привыкла именовать его двойной фамиліей.

Ишутинъ Ник. Андр., пот. поч. гр., р. 40 г. въ Пензен. г.; по оконч. Пенз. гимн. собирался пост. въ Моск. ун-тъ; ар. въ апр. 66 г., 26 лѣтъ; верх. угол. суд. 24 сент. 66 г., по д. Каракозовцевъ; смерт. казнь замѣн. безсрочн. каторгой; съ окт. 66 г. по май 68 г. содер. въ Шлиссельб. кр., откуда помѣшанный отвезенъ въ пол. тюр. Александр. зав. (Нерч. окр.), гдѣ пробылъ 3 дня и увез. въ Алгачинскую тюр.; въ 71 г. привез. въ тюр. больн. Алекс. зав.; въ 75 г., вмѣстѣ съ нечаевцемъ Успенскимъ, перев. на К. и помѣщ. въ тюр. лазар., откуда могъ свободно выходить; *умеръ* въ концѣ дек. 78 г. въ томъ же лазаретѣ.

Іоновъ Всевол. Мих., сынъ чин., р. въ 55 г. въ Астрахани; ст. Спб. технол. инст.; ар. впервые въ 75 г., 20 л.; особ. пр. сената въ 77 г., д. Іонова и раб. Павлова; 5 л. каторги; до 13 окт. 80 г. сод. въ Новобѣлгор. центр. кат. тюр.; приб. на Кару въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр.; въ соверш. изучилъ якут. языкъ, заним. обуч. якут. дѣтей; прин. уч. въ Сибиряк. этногр. экспедиціи; въ 98 г. переѣх. въ Якутскъ, гдѣ въ 1907 г. привлеченъ къ слѣдств. за имѣніе „нелегальныхъ изданій".

Казачковскій Евстафій Осипов., сынъ свящ., р. 53 г. въ Подольск. г.; не оконч. дух. сем.; чин. Подол. губ. правл.; ар. въ 79 г., 26 л.; Кіевск. в.-окр. суд. въ 79 г. по д. Крыжановск. и др.; 10 л. каторги; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 84 г. посел. въ Якут. окр.; въ 90-хъ г.г. поѣх. изъ Якут. на Витимс. зол. пріиски и безслѣдно исчезъ; существ. предпол., что въ пути убитъ съ цѣлью ограбленія. Въ списк. департ. числился нѣкот. время, какъ бѣжавш. и разыскив.

Калюжный Александръ Андр., двор., род. 57 г. въ г. Николаевѣ (Херс. г.); Николаевск. (Херс. г.) морепл. юнкер. классы и морск. ак.; мичманъ флота; ар. въ 78 г. въ Спб., 21 г.; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубар., Лизогубъ и др.) 10 л. каторги; въ январѣ 80 г. бѣж. изъ Ирк. тюр. и вскорѣ пойманъ подлѣ Ирк.; за побѣгъ прибавл. 10 л. каторги; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 сбавл. $^1/_3$; въ 88 г. под. прош. о помил.; состоитъ на службѣ начал. судоходн. дист. въ Амур. обл.

Калюжный Александръ Мефод., сынъ офиц., р. 53 г. въ Полт. г., ст. Хар. ун-та; ар. впервые въ 76 г., 23 л.; въ 79 г. высланъ админ. въ Архан. губ.; Хар. в.-окр. суд. 3 марта 80 г. по д. Ястремск. и др. 4 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. каторга замѣн. ссылкой на житье въ Зап. Сиб.; въ 84 г. посел. въ Томскѣ; въ 90-хъ г.г. вернулся въ Евр. Рос.

Калюжный Ив. Вас., Лебединскій мѣщ., р. 58 г. въ Хар. г.; ст. Хар. у-та; ар. вперв. въ 78 г., 20 л., какъ участн. студ. волн. и высл. въ Соль-

вычегодскъ, откуда бѣж. 20 мар. 80 г.; ар. 23 мар. 82 г. въ Москвѣ; особ. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17 (Ю. Богдановичъ, Грачевскій и др.) 15 л. каторги; приб. на К. въ 84 г.; отравился послѣ сѣчен. Сигиды, *умеръ* 15 ноября 89 г.

Кардашевъ Степ. Март., *армянинъ;* двор., отст. кол. рег., р. 53 г.; ст. Древд. политехн. шк.; ар. вперв. въ авг. 75 г., 22 л.; особ. пр. сен. 5 апр. 77 г., по д. „50-ти"; 5 л. катор.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. тюр.; приб. на К. въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Селенгинскѣ Заб. обл.

Кашинцевъ Ив. Никол., двор., р. 60 г. въ г. Купянскѣ Хар. г.; ст. Хар. у-та; ар. вперв. въ 80 г., 20 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 26 - 29 мая 81 г., по д. Щедрина, Ковальской и др., 10 л. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ янв. 85 г. выпущ. въ вол. ком.; въ томъ же году посел. въ Якут. окр.; въ 88 г. бѣж. за гран.; жив. въ Болгаріи.

Квятковскій Тимоф. Александр., двор., р. 52 г. въ Томскѣ; ст. Спб. техн. инст.; ар. впервые въ 75 г., 23-хъ л., выпущ. на поруки и вновь ар. въ 77 г.; особ. пр. сен. 18 окт. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 9 л. кат.; приб. на К. осенью 78 г.; въ апр. 79 г. выпущ. въ вол. ком.: 1 янв. 81 г. вновь закл. въ тюр.; въ 83 г. посел. въ Забайк. обл.

Кленовъ Вас. Дмитр., мѣщ., р. 55 г. въ Одессѣ; наборщ. тип.; ар. вперв. 30 янв. 78 г., 23-хъ л.; Одес. в.-окр. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ковальскаго и др.; 4 г. каторги; до 11 ноября 80 г. содерж. въ Бѣлгор. цент. кат. тюр.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр., въ 95 г. переѣх. въ Ирк., а затѣмъ верн. въ Евр. Россію. (Воспом. Виташевскаго о воор. сопрот. и судѣ „Б." 906, 2).

Кобылянскій Людв. Александр., *полякъ*, двор. Волын. г., род. 59 г., слесарь; ар. вперв. въ 79 г., 20-ти л.; Спб. воен.-окр. суд. въ окт. 80 г.; по д. 16-ти 20 л. кат.: до 81 г. сод. въ Петроп. кр. на катор. полож.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; лѣтомъ того же года увезенъ въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. перевез. въ Шлис., гдѣ скоро *умеръ*.

Коваликъ Серг. Филип., двор., р. 46 г. въ Черниг. г.; Спб. ст. со степ. канд. правъ; предсѣд. съѣзда мир. судей Мглинск. у. Черниг. г.; ар. впервые въ 74 г., 28 л.; въ апр. 76 г. пыт. бѣж. изъ Д. П. З. въ Спб.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 10 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Борисогл. центр. кат. тюр.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 84 г. посел. въ Верхоянскѣ Якут. обл., въ 90-хъ г.г. переѣх. сперва въ Ирк., а потомъ въ Евр. Рос. („Былое" 906, 10, 11, 12—„Движ. 70-хъ г.г. по больш. процессу" Старика; портр. въ „Быломъ" 906, 10).

Ковалевъ Пав. Архип., сынъ купца, р. 57 г. въ Херс. г.; не оконч. реал. уч.; ар. вперв. въ 78 г., 21 года; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубар., Лизог. и др.) 10 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; выпущ. въ вол. ком. въ нач. 85 г.; по ман. 83 г. сбавл. 3 г.; въ 85 г. посел. въ г. Баргузинѣ Заб. об., потомъ переѣх. въ Ирк. и въ 90-хъ г.г. вернулся въ Евр. Россію.

Козакевичъ Конст. Филип., двор., р. 39 г.; Кіев. юнк. уч.; отст. поруч.; б. въ сост. дѣйств. ар. въ р.-тур. войну; ар. 79 г., 40 л.; Кіев. в.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г. по д. Бильчанск., Горск. и др. 6 л. кат.; приб. на

К. въ мар. 80 г.; лѣт. 81 г. б. вып. въ вол. ком.; въ маѣ 82 г., послѣ поб. изъ тюр. 8 заключенныхъ, снова закл. въ тюр.; ман. 83 г. не прим.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр.; въ 90-хъ г.г. добров. переѣх. въ Охотскъ Примор. об.; въ 99 г. посел. въ Якутскѣ; въ 901 г. верн. въ Ев. Рос..

Козыревъ Алексѣй Никол., дьяконъ, р. 46 г. въ Костр. г.; ст. Яросл. лицея; ар. вперв. въ 77 г., 31 г.; Моск. в. окр. суд. 9—10 апр. 80 г., по д. Козыр., Антушева и Бѣлоцвѣтова; 10 л. каторги; по дор. въ кат. 2 авг. 80 г. бѣж. изъ Ключинск. этапа (Канск. окр. Енис. г.), 9 авг. пойманъ; новымъ пригов. кат. увелич. на 7 л.; приб. на К. въ февр. 81 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. выпущ. въ вольн. ком.; въ 92 г. посел. въ Якут. окр.; въ 98 г. переѣх. въ Ирк., гдѣ въ 900 г. б. ар. за храненіе шрифта; выпущ. изъ тюр. вскорѣ, *умеръ* въ Ирк.

Колтановскій Алексѣй Полик., сынъ свящ., р. 55 г. въ Кіевск. г.; ст. Одес. у-та; ар. вперв. въ 78 г., 23-хъ л.; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-ми (Чубар., Лизог. и др.); безсрочная каторга; приб. на К. въ мар. 80 г.; по ман. 83 г. назнач. срокъ въ 20 л.; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 90 г. подалъ прош. о помил. и посел. въ Читѣ Забайк. обл.; въ 900-хъ г.г. переѣх. въ Ирк.

Комовъ Алексѣй Ив., кр. Владим. г., р. 53 г. въ Влад. г.; писарь Шуйск. мѣстн. команды, конторщ. на заводѣ; ар. вперв. въ 74 г., 21 г., выпущ., снова ар. въ 77 г.; особ. пр. сен. по д. 193-хъ оправданъ; ар. въ 78 г. въ Одессѣ; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г. по д. 28-ми (Чубар., Лизогуб. и др.); 15 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. ср. уменьш. на 4 г.; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 89 г. посел. въ Як. окр.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Благовѣщенскъ.

Конъ Феликсъ Яковл., *еврей*, сынъ купца, р. 64 г. въ Варшавѣ; ст. Варш. у-та; ар. вперв. въ 84 г., 20 л.; Варш. в.-окр. суд. 8—16 дек. 85 г. по д. „Пролетаріата"; 8 л. кат.; приб. на К. въ ноябрѣ 86 г.; въ сентябрѣ 90 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 91 г. посел. въ Як. окр.; откуда выѣх. въ 95 г.; жилъ затѣмъ въ Ирк., Балаганскѣ и Минусинскѣ, въ 905 г. верн. въ Евр. Рос.; въ 907 г. вновь ар. въ Варш.; привлеч. къ д. и выпущенъ подъ залогъ, уѣх. за границу.

Костецкій Вреслав. Иван., *полякъ*, сынъ купца, австр. под., р. 56 г. въ Кіевѣ; ст. Кіевск. у-та; ар. въ 79 г., 23-хъ л.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова и др.; 4 г. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ 83 г. посел. въ Як. ок.; въ концѣ 80-хъ г.г. выѣх. въ Австрію.

Костюринъ Викт. Федор., двор., р. 58 г. въ г. Дубоссарахъ Херс. г.; ст. Одес. у-та, вольноопр. артилл.; ар. вперв. въ 77 г., бѣж. въ томъ же г. изъ-подъ стражи; вскорѣ вновь ар. въ Херсонѣ; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г. по д. 193-хъ, присужд. къ посел. въ Тоб. г.; Одесск. в.-окр. суд. 3 дек. 79 г., по д. Малинко, Дробязгина и др.; 10 лѣтъ кат.; приб. на К. 16 октября 80 г.; въ 85 г. посел. въ Якут. окр.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Тобольскъ; въ 906 г. админ. высл. изъ Тобол. въ Сургутъ Томск. г. (О побѣгѣ изъ Одес. жандармскаго управл. восп. М. Фроленко. „Б." 906, 5).

Кравцовъ Вас. Христоф., крест. Волын. г., род. 48 г. въ Вол. г.; ст. Кіевск. у-та; служилъ въ Од. гор. упр.; ар. въ 78 г., 30 л.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-ми (Чубар., Лизог. и др.); безсрочн. кат.;

приб. на К. въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. срокъ назн. въ 10 л.; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 88 г. посел. въ Якут. окр.; въ 901 г. верн. въ Европ. Россію.

Кравченко Федор. Иван., од. мѣщ., р. 55 г. въ Одессѣ; рабочій кузнецъ; ар. въ 75 г., 20-ти л.; особ. пр. сен. 23—29 мая 77 г., по д. „Южн.-Рус. Раб. Союза" (Заславск. и др.); 9 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на К. въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Селенгинскѣ Забайк. обл.

Красовскій Владисл. Владисл., *полякъ*, мѣщ., р. 49 г. въ Варш.; не ок. воен. гимн.; слесарь; ар. въ 79 г., 30-ти л.; Кіев. в.-ок. суд. въ іюлѣ 79 г., по д. Гобста, Предтеченскаго (пригот. бомбъ); смерт. казнь зам. безср. кат.: приб. на К. въ мар. 80 г.; по ман. 83 г. ср. кат. назн. въ 20 л.; въ 86 г. выпущ. въ вольн. ком.; по ман. 91 г. ср. сокращ. на 1 г.; посел. въ Забайк. обл.

Station *Кречетовичъ* Илья, двор., р. 47 г. въ Житомирѣ; Кіев. юнк. уч.; вольноопр., потомъ почт. чин.; ар. въ 79 г., 32 л.; Кіев. в.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г., по д. Вильчанск., Горск, и др.; 4 г. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Верхоленскѣ Ирк. г.; переѣх. въ Краснояр.

Кривошеинъ Александръ Иван., двор. Херс. г., р. 59 г. въ Херс. у.; частн. реал. уч.; экз. при Од. юнк. уч.; прапорщ. 54 пѣх. Минск. полка; готов. въ Никол. мореплав. юнк. классы, служ. волонт. на парох. Р. О. п. и т., плававш. въ Александрію и др. порты Средиземн. моря; въ 77 г. въ Кишиневѣ поступ. вольноопр. въ Минск. пѣх. п. 14-й див.; перепр. черезъ Дунай въ перв. эшелонѣ; прин. уч. во мног. сраж.; по собствен. жел. участв. съ пластунами въ развѣдкахъ; по пригов. роты награжденъ солд. Георгіемъ; произв. за храбр. въ прапорщ. и награж. орден. Анны 4-й ст.; ар. въ дек. 79 г., 20-ти л.; Од. в.-ок. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по д. 19-ти (Геллисъ, Властопуло и др.); 4 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; лѣтомъ 81 г. выпущ. въ вол. ком. и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ *умеръ* въ с. Усть-Кара.

Крыжановскій Никандръ, с. свящ., р. 56 г. въ Подол. г., восп. Кам.-Подол. дух. сем., ар. 26 іюня 79 г., 23-хъ л.; Кіев. в.-окр. суд. 16—20 окт. 79 г., по д. ограбл. почты и пр. (Козачковск., Шпиркан. и др.); смертн. казнь замѣн. 20 г. кат.; по дор. въ кат. 2 авг. 80 г. бѣж. изъ Ключинск. этапа (Канск. окр. Енис. г.), пойманъ 9 авг., приговоромъ суда 20-ти лѣтн. срокъ замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ 81 г.; въ маѣ 82 г. бѣж. изъ Карійской тюр. и черезъ нѣск. дней пойманъ; въ 83 г. увезенъ въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. въ Шлиссельбургъ, откуда отпр. на Сахалинъ.

Кузнецовъ Алексѣй Кирил., с. купца, р. 48 г. въ Херсонѣ; ст. Петр.-Разум. ак.; ар. вперв. въ 69 г., 21 года; Спб. суд. пал. 1—15 іюля 71 г., по д. „нечаевцевъ" (Успенскій, Прыжовъ и др.); 10 л. кат.; приб. на К. 4 іюля 73 г.; въ 76 г. посел. въ Нерчинскѣ; въ 90-хъ г.г. переѣхалъ въ Читу; основывалъ музеи и библіот.; извѣст. въ Забайк. обл. какъ знатокъ края и видный культ. дѣятель; въ 906 г., во время карат. экспед. Ренненкампфа, ар., пред. воен. суду, кот. приговорилъ его къ смертной казни, замѣн. безср. каторгой.

Кузюмкинъ Михаилъ, мѣщ., р. 58 г. въ Спб.; токарь по метал., ар. въ 81 г., 23-хъ л.; Спб. в.-окр. суд. 13—14 сент. 82 г., по дѣлу убійства

Преима (Нагорный, Хохловъ); 4 г. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 84 г. посел. въ Забайк. обл.

Куртѣевъ Конст. Конст., с. чин., р. 53 г. въ Тавр. губ.; не оконч. гимн.; домашн. уч.; ар. въ 81 г., 28-ми л.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣл. пр."); 10 л. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 85 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 87 году поселенъ въ Читѣ; переѣх. въ Благовѣщенскъ.

Левенталь Левъ Григ., *еврей*, мѣщ., р. 56 г. въ Сувалк. г.; ст. Моск. у-та; ар. въ 78 г., 22-хъ л.; Спб. в.-окр. суд. 6—14 мая 80 г., по д. уб Мезенцева (Веймаръ, Адр. Михайловъ и др.); 6 л. каторги; приб. на К. въ февр. 81 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 84 г. посел. въ Як. окр.; въ 90-хъ г.г. верн. въ Евр. Рос. и раб. въ земск. стат. бюро.

Левченко Никита Васильевичъ, мѣщ., р. 58 г. въ г. Севастополѣ; наборщикъ; ар. въ 79 г., Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др., 15 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ маѣ 82 г. бѣжалъ изъ К. тюрьмы и вскорости пойманъ; за поб. прибавл. по суду 10 л. кат.; въ сент. 90 г. переведенъ въ Акат. тюрьму; въ ноябрѣ 91 г. выпущ. въ вол. ком. на К.; по ман. 91 г. сбавл. 1/3.; въ 95 г. поселенъ въ Як. окр.; въ 900 г. переѣхалъ въ Ирк.; въ 905 г. вернулся въ Евр. Россію.

Лобановъ-Лобанчукъ Петръ Фед., мѣщ., р. 53 г. въ Кіевск. г., рабочій жестяникъ; ар. 80 г., 27 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 25 авг. 81 г. 6 л. кат.; въ 85 г. посел. въ Баргуз. Забайк. обл.

Лозяновъ Пав. Тимоф., сынъ свящ., р. 57 г. въ Днѣпр. у. Тавр. г.; не оконч. дух. семин; ар. въ 79 г., 22 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля, по д. Мих. Попова и др.; 13 л. 4 м. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г., ман. 83 г. не прим., въ 87 г. вып. въ вол. ком., въ 92 г. поселенъ въ Якут. окр.; въ 903 г. *умеръ* въ г. Якутскѣ.

Лукашевичъ Александръ Осип., австр. подд., р. 55 г. въ Херсонѣ; ст. Спб. технол. института, ар. въ 74 г., 19 л.; особ. пр. сен. 5 апр. 77 г., по д. 50-ти, присуж. къ посел. въ отдал. мѣста Сибири; особ. прис. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193 къ тому же наказ.; въ 78 г. посел. въ с. Тунка Ирк. г.; въ 80 г. ар. за укрыв. бѣжавш. изъ Иркутской тюрьмы Волошенко и Ирк. уѣзд. суд. присуж. къ 7 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г., ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. посел. въ г. Минусинскѣ Енис. губ., въ 90-хъ гг. вернулся въ Европейскую Россію. (Соб. восп.—„Былое" 1907, 3).

Лурій Александръ Григ., *еврей*, мѣщ., р. 57 г. въ Николаевѣ Херс. г.; реал. уч.; ар. въ 78 г.; Одес. в.-окр. с. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-ми (Чубаровъ и др.), 6 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г., въ 83 г. поселенъ въ Як. ок.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Ирк.

Люри Ник. Адольф., сынъ купца, р. 57 г. въ Москвѣ; военно-инж. акад., инжен.-кап.; ар. въ 84 г., 27 л., Варш. в.-окр. с. 8—16 дек. 85 г. по д. „Пролетаріата", смер. казнь замѣнена 20 г. кат., приб. на К. въ ноябрѣ 86 г., въ сент. 90 г. вып. въ вол. ком., по ман. 91 г. сбавл. 1/3, посел. въ Читѣ, въ 900-хъ г.г. переѣх. въ Ирк.

Люстигъ Фердин. Осип., сынъ колониста Тавр. г., р. 54 г. въ Симферополѣ, ст. Спб. технол. инст., отст. прапор. кроншт. крѣп. артиллеріи, ар. въ 81 г., 27 л.; ос. прис. сен. въ февр. 82 г., по д. 20-ти (Ал-ръ Ми-

айловъ и др.), 4 г. кат.; до 83 г. содерж. въ Петроп. кр. на кат. пол.; приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 85 г. посел. въ Ирк. г.; вернулся въ Евр. Россію.

Малавскій Влад. Евген., двор., р. 53 г. въ Волынск. г., студ. Кіев. ун-та, ар. въ 77 г., 24 л. Кіевск. суд. пал. 7—9 іюня 79 г., сенат. 6 мая 80 г., по „Чигиринскому дѣлу", 20 л. кат.; въ 81 г. бѣж. изъ Краснояр. тюрьмы и пойм. вскорѣ; за поб. приб. 15 л.; приб. на К. осенью 82 г.; лѣтомъ 83 г. увезенъ въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. перевезенъ въ Шлиссельб., гдѣ вскорости *умеръ*.

Маньковскій Мечиславъ, *полякъ*, австр. подд., р. 62 г. въ Галиціи; столяръ; привл. къ суду въ Галиціи по соціал. дѣламъ въ 79 и 83 г.г.; ар. 10 ноября 83 г. въ Варш., 21 г.; Варш. в.-окр. суд. 8—16 дек. 85 г., по д. „Пролетаріата", 16 л. кат.; приб. на К. въ ноябрѣ 86 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. тюр.; за оскорбл. нач. тюрьмы приб. 1 г. кат.; по ман. 91 г. сбавл. 1/3; въ 92 г. перев. въ Зерент. рудникъ; посел. въ Заб. обл.; въ 906 г. уѣх. за границу.

Мартыновскій Серг. Ив., двор., р. 59 г. въ Москвѣ; Конст. межев. учил. (не оконч.), ар. въ 79 г., 20 л.; Спб, в.-окр. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16-ти, 15 л. кат.; содерж. на кат. пол. въ Петроп. кр.; бѣж. 28 авг. 81 г. съ этапа подлѣ Нижнеуд., пойм. 5 окт. 81 г.; за поб. приб. 6 л. кат.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. вып. въ вол. ком.; по ман. 91 г. сбавл. 1/3; посел. въ Забайк. обл.; въ 903 г. верн. въ Евр. Россію.

Матвіевичъ Никандръ Харламп., сынъ свящ., р. 58 г. въ Бес. губ., ст. Од. ун-та, ар. 81 г., 23 л.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣльник. проц.") 15 л. кат., приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. 6 л.; вып. въ вол. ком. въ 85 г.; въ 88 г. посел. въ Ср.-Колымскѣ, въ 94 г. переѣх. въ Якутскъ.

Майеръ Сам. Владим., *еврей*, мѣщ., р. 57 г. въ Одессѣ, Одес. ком. учил. (не оконч.); ар. въ 80 г., 23 л.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣльник. проц."), безсрочн. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. назн. ср. въ 20 л.; вып. въ вол. ком. въ сент. 90 г.; по ман. 91 г. сбавл. 1 г.; перев. въ Акат. въ 98 г.; въ 99 посел. въ Баргуз. Заб. обл.; въ 906 г. верн. въ Евр. Россію.

Медвѣдевъ Алексѣй Федор., мѣщ., род. 52 г., уѣздн. учил., почтал., конторщ., ар. 2 іюля 78 г., 26 л.; Хар. в.-окр. суд. 21 февр. 79 г., по д. попытки освоб. Войнаральскаго, препровождавшагося въ центр. каторж. тюрьму; см. казнь замѣн. безср. кат.; содер. „подъ больш. секретомъ" въ Тоб. кат. тюрьмѣ, потомъ въ Омской и въ Петроп. кр. до 85 г.; приб. на К. въ 85 г.; въ 88 г. вып. въ вол. ком.; по ман. 91 г. выш. на поселеніе въ Читу.

Медвѣдевъ Эман. Бор., *еврей*, мѣщ., р. 58 г. въ Николаевѣ Херс. г., раб.-маляръ, ар. въ 78 г., 20 л.; Од. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубаровъ, Лизогубъ и др.); 20 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г., по ман. 83 г. кат. замѣн. поселеніемъ; посел. въ 84 г. въ Забайк. обл.

Мельниковъ Павелъ, мѣщ., р. 58 г. въ Спб.; Спб. комм. учил. (не оконч.), ар. 13 ноябр. 81 г., 25 л. Спб. в.-ок. суд. 8 янв. 82 г., по д. по-

куш. на Черевина 20 л. кат.; приб. на К. въ 83 г., под. прош. о помил. въ 88 г. и въ 89 г. посел. въ Амурск. обл.

Минаковъ Егоръ Ив., сынъ чиновн., р. 10 апр. 54 г. въ Одессѣ; ст. Од. ун-та; ар. впервые 9 февр. 79 г., 25 л.; Од. в.-окр. суд. 26 іюня 79 г. по д. покуш. на убійство Гоштовта пригов. къ 12 г. кат.; Од. в.-окр. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по д. 19-ти срокъ кат. увеличенъ до 20 л.; по дор. въ кат. бѣж. изъ Ключинскаго этапа (Канск. окр. Енисейск. г) 2 авг. 80 г., пойманъ 9 авг. того же года; срокъ кат. увелич. до безсрочнаго, приб. на К. въ февр. 81 г.; въ ночь на 11-е мая 82 г. бѣж. изъ Кар. тюрьмы, пойманъ на друг. день; лѣтомъ 83 г. перев. въ Петроп. кр., а 1 авг. 84 г. въ Шлиссел., гдѣ *разстрѣлянъ* 21 сент. 84 г. за оскорб. тюр. врача.

Мирскій Леонъ Филип., *полякъ*, двор., р. 58 г. въ Кіевск. губ., ст. мед.-хир. акад.; ар. впервые въ 78 г., 20 л., и заключ. въ Кіевск. т., перевед. въ Петроп. кр., откуда въ янв. 79 г. освобожденъ; ар. 6 іюня 79 г. въ Таганрогѣ. Спб. в.-окр. суд. 15—17 ноября 79 г., по д. покуш. на убійство ген. Дрентельна и вооруж. сопрот. при арестѣ; см. казнь замѣнена безср. как.; до 84 г. содерж. въ Алекс. равелинѣ Петроп. кр.; приб. на К. въ 84 г., ман. 83 не примѣн.; выпущ. въ вол. к. въ сент. 90 г.; ман. 91 г. не примѣн.; по ман. 94 г. поселен. въ Забайк. обл.; въ 906 г. карат. эксп. Ренненкампфа, какъ редакторъ газ. въ Верхнеуд., былъ пригов. къ см. казни, кот. замѣн. безср. каторгой.

Михайловъ Адріанъ Фед., сынъ чин., р. 53 г. въ Ставр. г., ст. Моск. ун-та; ар. вперв. въ 78 г., 25 л., Спб. в.-окр. суд. 14 мая 80 г., по д. убійства шефа жанд. Мезенцева; см. казнь замѣн. 20 г. кат.; содержался въ Петроп. кр. на кат. пол.; приб. на К. въ апр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; вып. въ в. к. въ сент. 90 г.; ман. 91 г. не прим.; по ман. 94 г. посел. въ Заб. обл.; въ 906 г. карат. эксп. Ренненкампфа въ Читѣ приг. къ 1 г. тюр. закл., какъ сотр. газеты; въ 907 г. верн. въ Евр. Р.

Мозговой Петръ Ив., сынъ чин., р. 51 г. въ Донск. об., ст. Хар. вет. ин-та; сельс. писарь; ар. въ 76 г., 25 л., Отд. Хар. суд. пал. въ Урюп. станицѣ 20 апр. 79 г., по д. Зубриловыхъ; 4 г. кат.; приб. на К. въ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Ирк. г., переѣх. въ Томскъ.

Мышкинъ Ипполитъ Ник., солд. сынъ, р. въ 48 г. въ Новгор. г.; школа воен. топогр., экзам. на дом. учителя; правит. стенографъ; ар. вперв. въ 76 г., 28-и л., близъ Вилюйска Як. обл., при попыткѣ освоб. Чернышевскаго. Ос. прис. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 10 л. к.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Бѣлгор. и Борисоглѣб. центр. кат. тюр.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ маѣ 82 г. бѣж. изъ Кар. т. и ар. во Владивостокѣ; за произн. рѣчи въ Ирк. тюр. церкви при погреб. Дмоховскаго и за побѣги приб. 21 г. кат.; лѣт. 83 г. перев. въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. въ Шлис., 15 янв. 85 г. воен. суд. въ Шлис. присужд. къ разстрѣлянію за „насиліе, учиненное надъ мѣстн. жанд. начальникомъ"; *казненъ* 26 янв. 85 г. (О преб. на К. и въ Шлис.—восп. М. Р. Попова—„Былое" 906. 2; тамъ же портретъ И. Н. Мышкина. „Былое" 1906 г. 11—„Движ. 70-хъ гг. по Больш. пр." Старика).

Нагорный Осипъ Ив., каз. Полт. г., р. 57 г.; вольносл. Спб. ун-та ар. 81 г. 24-хъ л.; Спб. в.-окр. суд. 13—14 сент. 82 г., по д. уб. Прейма;

см. казнь замѣн. безср. кат.; сод. въ Петроп. кр. на кат. пол.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; въ янв. 91 г.—въ Зерент. т.; по ман. 91 г. безсрочн. кат. замѣн. 20-ти лѣтней; въ 99 г. поселенъ въ Забайк. обл.; переѣх. въ Ирк.

Надѣевъ Никол. Александ., мѣщ., р. 60 г. въ Одессѣ; уѣздн. учил.; ар. впервые въ 79 г., 19 л., Од. в.-окр. суд. 26 мар.—1 апр. 80 г., по д. 19-ти къ 6 м. тюр. закл., ар. въ 81 г.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27 („Стрѣльник. проц.") 8 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; вып. въ в. к. въ 85 г.; въ 86 г. посел. въ Як. окр., переѣх. въ Ирк. губерн.

Никитинъ Петръ, сынъ псаломщ., р. 48 г. въ Сарат. г.; не оконч. дух. учил.; матр. Черном. фл., ар. въ 78 г., 30 л., Од. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубар., Лизог. и др.) 8 л. кат.; приб. на К. въ мар. 80 г.; по ман. 83 г. въ 84 г. посел. въ Забайк. обл.

Николаевъ Никол. Никол., мѣщ., р. 52 г. въ Москвѣ; ар. вперв. въ 69 г., 17 л., Спб. суд. пал. 1—15 іюля 71 г., по д. Нечаевцевъ (Успенскій, Прыжовъ и др.) 7 л. 4 м. кат.; приб. на К. 4 іюля 73 г.; въ 77 г. посел. въ Верхоянскѣ Як. об.; въ 80-хъ гг. переѣх. въ Амур. обл.

Новицкій Митроф. Эдуард., двор., р. въ 54 г. въ Харьк. г.; Хар. вет. ин-тъ (не оконч.); ар. вперв. въ 75 г., 21 г. и вып. подъ надзоръ; ар. въ 82 г. въ Москвѣ; пыт. бѣж. изъ Сарат. т., В.-окр. суд. въ Сарат. покуш. на поб. изъ т. и убійство тюр. надзир. (д. Новицк. и Поливанова), см. казнь замѣн. 12 г. кат.; приб. на К. 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ янв. 85 г. вып. въ в. к.; въ 88 г. за столкнов. съ карауломъ закл. на 1 г. въ т.; въ 89 г. посел. въ Як. окр.; по ман. 91 г. возврат. въ 95 г. въ Евр. Р.

Обнорскій Викторъ, мѣщ., р. 52 г. въ Волог. г.; уѣздн. учил.; слесарь; разыскив. по д. 193; ар. въ началѣ 79 г., 27 л., Спб. в.-ок. суд. 11 іюня 80 г.; обв. въ принадл. къ Сѣв. рус. раб. союзу; 10 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 84 г. посел. въ Забайк. об.

Овчинниковъ Александръ Семен., куп. внукъ, р. 61 г. въ Кіевѣ; ар. въ 79 г., 18 л.; Кіевск. в.-ок. суд. 7—14 іюля 79 г., по д. Вильчанскаго, Горскаго и др.; см. казнь замѣн. 20 л. кат.; за содѣйств. побѣгу заключ. изъ Ирк. т. прибав. 1 г.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ 86 г. выдалъ администраціи остатки подкопа 82 г. изъ тюрьмы, перев. въ Алекс. центр. т.; въ 88 г. посел. въ Як. об.

Опришко Григор., крест., р. 48 г. въ Хер. г., отст. унт.-офиц., штундистъ; ар. въ 78 г., 30 л. въ Николаевѣ Хер. г.; Од. в.-окр. суд. въ 78 г. за распростр. революц. изд.; 10 л. кат.; до 79 г. содерж. въ Андр. центр. кат. т.; приб. на К. въ 80 г.; *умеръ* въ Кар. т. лаз. въ 82 г.

Орловъ Пав. Александр., сынъ чин., р. 56 г.; уч. въ Оренб. гимн.; ар. въ 74 г., 18 л., особ. прис. сен. по д. 193, 23 янв. 78 г. оправданъ; ар. въ томъ же году въ Спб. за пропаг. среди раб. на Новой бумагопряд., высл. въ Архан. губ., откуда вскорѣ бѣж.; ар. въ февр. 79 г. въ Кіевѣ, при воор. сопр. на Жилянск. ул., Кіевск. в.-ок. суд. 7 мая 79 г. 8 л. кат. Въ Ирк. г. на этапѣ обмѣн. именемъ съ уголовн. и вышн. на посел.; вскорѣ вновь ар. и за обмѣнъ именемъ приб. 5 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., откуда въ 84 г. возвр. на К.

ман. 83 г. не прим.; въ 87 г. посел. въ Як. окр.; въ ночь подъ 1 янв. 90 г. *убитъ* съ цѣлью ограбл. подлѣ г. Якутска.

Осиповъ Александръ Осип., крест. Спб. г., р. 51 г., раб. ткацк. фабр.; ар. въ 75 г., 24 л., въ Спб. особ. прис. сен. въ 76 г. 9 л. кат.; до окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. централкѣ; приб. К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.

Осмоловскій (*Савченко*) Григор. Фед., сынъ почтов. чин., р. 58 г. въ Херс.; гимн. и Херс. учит. семин.; почт. чин., суфл. въ провинц. труппахъ; сельск. учитель въ Кишин. и Бендерск. уѣздахъ; ар. 25 апр. 79 г., 21 г., въ мѣст. Каушаны Бенд. у. Бесс. г. Од. в.-окр. суд. 26 мар.— 1 апр. 80 г., по проц. 19-ти (Геллисъ, Минаковъ и др.) 15 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. ср. кат. сокр. до 12 л.; 27 дек. 87 г. вып. въ в. к.; въ янв. 90 г. посел. въ Як. окр.; въ сент. 900 г. верн. въ Евр. Р. (Соб. восп. о К.—„Вылое“ 906, 6: „Карійская трагедія“).

Оссовскій Степанъ, крест. Бес. г., р. 60 г., уч. въ уѣздн. учил.; кузнецъ; ар. въ 83 г. въ Кіевѣ, 23 л.; сосл. на житье въ Томск. г., гдѣ ар. вновь и осужд. на 6 л. кат.; за поб. изъ Ирк. т. приб. 1 г. кат.; приб. на К. въ 88 г.; въ сент. 89 г. под. прош. о помил.; выдалъ адм. способы переписки т. съ волей. Посел. въ Томскѣ, гдѣ сталъ нищимъ.

Пашковскій Титъ Ильичъ, двор., р. 57 г., апт. учен.; ар. въ 87 г., 30 л., въ Вильнѣ; особ. прис. сен. 19 апр. 87 г., по д. приготовл. къ покуш. на жизнь Ал. III; 10 л. кат.; приб. на К. въ 88 г.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к., ман. 91 г. не прим.; въ 93 г. посел. въ Як. окр., гдѣ въ 94 г. *застрѣлился*.

Петровъ Никол. Никол., двор., р. 51 г., учил. въ Кіевск. гимн., оперн. хористъ; ар. въ 80 г., 29 л., въ Харьковѣ; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. (по д. Мих. Попова, Игн. Ив. и др.) 4 г. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ 84 г. поселенъ въ г. Троицкосавскѣ Забайк. обл.

Позенъ Веніам. Павл., сынъ харьк. купца, р. 60 г.; хар. гимн., ар. въ 79 г., 19 л., въ Кіевѣ; Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г. (по д. Мих. Попова, Игн. Ив. и др.) 7 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; по ман. 83 г. возвращ. права, въ 84 г. уѣх. въ Евр. Р.

Позенъ Никол. Павл., сынъ хар. купца, р. 50 г.; ст. ун-та, сельск. учитель; ар. въ февр. 79 г., 29-и л., въ Кіевѣ, при вооруж. сопрот. на Жилянск. ул.; Кіевск. в.-окр. суд. 7 мая 79 г. 14 л. 10 м. каторги; въ янв. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т.; за поб. приб. 14 л. 2 м.; приб. на К. въ ноябрѣ, 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ маѣ 90 г. под. прош. о помил. и посел. въ Забайк. обл.; въ 900-хъ гг. вернулся въ Евр. Р.

Поповъ Мих. Родіон., сынъ свящ., р. 14 ноября 51 г. въ Донск. обл.; ст. мед.-хир. ак.; ар. въ Кіевѣ 22 февр. 80 г., 29 л.; Кіевск. в.-ок. суд 12—26 іюля 80 г., по д. Игн. Ив. и др. см. казнь замѣн. безср. кат.; приб на К. въ февр. 81 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр. (Алексѣев. равелинъ), откуда 1 авг. 84 г. въ Шлисс., выпущ. въ окт. 1905 г. и поселенъ въ Рост.-на-Дону. (Соб. восп.—„Вылое“ 907, 5, 7).

Поповъ Моисей, тур. подд., р. 55 г.; рѣзчикъ по дереву; ар. въ 81 г., 26 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27 („Стрѣльн. проц.“) безсрочн. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 91 г. срокъ сокр. до 10 л.; въ сент. 90 г. выпущ. въ вол. к.; посел. въ Читѣ Забайк. об.

Попко Григор. Анфимов., сынъ свящ., р. 12 апр. 52 г. въ Куб. обл., Ставроп. дух. сем., Петр.-Разум. акад., Одес. ун-тъ; ар. въ авг. 78 г., 26 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубаровъ, Лизогубъ и др.) безсрочн. кат.; въ февр. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и скоро б. пойм. въ Ирк. окр.; за поб. пригов. къ приков. къ тачкѣ на 3 г. и къ содерж. въ разр. испытуемыхъ въ теченіе 20 л.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; *умеръ* въ Кар. т. 20 мар. 85 г. (Біографія, сост. Р. А. Стеблинъ-Каменскимъ—„Былое" 907, 5; тамъ же портретъ Г. А.).

Преображенскій Алексѣй Ив., сынъ свящ., род. 52 г. въ Курск. г., ст. Хар. ун-та; ар. въ 81 г., 29 л., въ Кіевѣ; Кіев. в.-ок. суд. 26—29 мая 81 г., по д. Щедрина, Ковальской и др.; см. казнь замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; по ман. 83 г. срокъ кат. сокращ. до 20 л., по ман. 91 г. еще на 1 г.; въ сент. 90 г. вып. въ в к.; въ 96 г. посел. въ Читѣ, въ 900 переѣх. въ Ирк., гдѣ *умеръ* въ 902 г.

Прибылевъ Александръ Васил., сынъ протоіерея, р. 57 г. въ г. Камышловѣ Перм. г.; Екатеринб. и Пермск. гимназіи; мед.-хир. акад. по ветер. отдѣлу; вет. врачъ; ар. 5 іюня 82 г., 25 л., въ Спб.; ос. прис. сен.; 25 апр. 83 г., по д. 17 террористовъ; 15 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. срокъ сокр. до 10 л.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; въ янв. 92 г. посел. въ Читѣ, переѣх. въ Благовѣщенскъ; въ 900-хъ гг. верн. въ Евр. Р. (Соб. восп. о проц. 17-ти—„Былое" 906, 11).

Режневскій Ѳаддей Юльев., *полякъ*, двор. р. 62 г.; конч. юрид. фак. Спб. ун-та; ар. въ 84 г., 22 л., въ Кіевѣ; Варш. в.-ок. суд. 8 — 16 дек. 85 г. по д. „Пролетаріата"; 14 л. кат.; приб. на К. въ н. 86 г.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. срок. сокр. на 1/3; посел. въ Заб. обл., переѣх. въ Ирк., гдѣ въ 906 г. б. ар. за участ. въ митингахъ; верн. въ Евр. Р.

Ровенскій Пав. Владим., *еврей*, Вердян. мѣщ., р. 50 г., ст. Хар. вет. ин-та; ар. въ 78 г., 28 л., за участ. въ ст. безпор. и высл. на родину; вновь ар. въ 81 г. въ Харьковѣ. Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27 („Стрѣльник. проц.") 10 кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3 срока; въ 86 г. вып. въ в. к.; въ 87 г. посел. въ Як. окр.; въ 93 г. переѣх. въ Томск. губ., потомъ въ Харбинъ, гдѣ въ 906 г. за уч. въ освоб. движ. Рененкампфомъ осужд. на безср. кат.

Рогачевъ Дмитр. Мих., пот. двор. Орл. г., р. 51 г., поруч. артил. въ отст.; артил. учил. въ Спб.; ар. въ 73 г., 22 л., въ Твер. губ., бѣжалъ отъ конвоя, ар. вновь въ 76 г., ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г. по д. 193-хъ, 10 л. кат.; до окт. 80 г. содерж. въ Новоборисогл. центр. т.; на Кару приб. въ концѣ февр. 82 г.; *умеръ* въ Кар. т. 13 янв. 84 г. (О немъ—„Былое" 906 г., 11—„Движ. 70-хъ гг. по Больш. проц." Старика, портр. въ „Быломъ"—906, 11).

Родинъ Петръ Алексѣев., крест. Самар. г., р. 59 г., уч. въ Сам. гимн.; ар. въ 76 г., 17 л., въ Казани и отд. подъ надз. родителей; вновь ар. въ 78 г. въ Рост.-на-Д.; Хар. в.-ок. суд. 6 іюля 79 г. по д. попытки освоб. Фомина (А. Медвѣдева) изъ Хар. т., безср. кат.; по пути въ кат., въ Ирк. т., параліз. правая стор. тѣла; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ янв. 81 г. *отравился* фосфорн. спичками.

Родіоновъ Иванъ, сынъ жанд. унт.-офиц., р. 61 г.; уч. въ Кіевск.

гимн.; ар. въ маѣ 79 г., 18 л.; Кіевск. в.-ок. суд. 23 февр. 80 по д. расклейки проклам. на ст. ж. д.; 6 л. кат., приб. на К. въ февр. 81 г.; въ 86 г. посел. въ Якутскомъ окр., въ 94 г. возвращ. въ Евр. Р.

Рыбицкій Ив., неизв. происхожд., р. 42 г., ар. въ 75 г., 33 л., въ Одессѣ; особ. прис. сен. 29 мая 76 г., по д. Юж.-рус. раб. союза въ Одессѣ („Кружокъ Заславскаго") 5 л. кат.; до окт. 80 г. содерж. въ Борисогл. центр. тюрьмѣ; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр., откуда скрылся въ 99 г.

Санковскій Никол., Бр.-Лит. мѣщ., р. 51 г.; уч. въ Бѣльск. прогимн.; б. вол.-опр. въ пѣх. полку и „за важн. прост. пр. дисциплины" осужд. на 1 г. т. закл.; б. волонт. въ Черногоріи въ 76 г.; ар. 13 нояб. 81 г., 30 л. Спб. в.-ок. суд. 8 янв. 82 г.,—пок. на жизнь Черевина; см. каз. замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т., гдѣ *отравился* 17 ноября 90 г.

Сарычевъ Гордѣй, крест., р. 51 г., пѣх. солд., городовой; ар. вперв. въ 77 г., 26 л., суд. в.-ок. суд., по д. воен. револ. кружка (проц. Фомичева и др.), оправданъ; вновь ар. въ 83 г. Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-и („Стрѣльник. проц."), 6 л. кат.; приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 85 г. посел. въ Як. окр., гдѣ *умеръ* въ 80 гг.

Свитычъ Владим. Стан., *полякъ*, двор., р. 52 г.; уч. Могил. гимн.; в.-опред. пѣх. полка; ар. въ 77 г., 26 л., въ Очаковѣ; бѣж. изъ Херс. т.; ар. 30 янв. 78 г. въ Одессѣ, при воор. сопрот., во время ар. раненъ; Од. в.-ок. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ив. Ковальскаго и др.; 8 л. кат.; до 11 ноября 80 г. содерж. въ Бѣлгор. центр. кат. т.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 не прим.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; въ 90-хъ гг. переѣхалъ въ Иркутскъ, потомъ во Владивостокъ; въ 900-хъ г.г. верн. въ Евр. Р. (Восп. Виташ-скаго о вооруж. сопрот. и судѣ—„Былое" 906, 2).

Семяновскій Евг. Степ., двор., сынъ врача, р. 50 г., канд. прав. Спб. ун-та; ар. въ 75 г., 25 л.; особ. пр. сен. въ окт. 75 г., д. о револ. пропаг. въ войскахъ; 12 л. кат.; приб. на К. въ 77 г., въ 79 г. выпущ. въ вол. к.; въ концѣ 80 г. послѣд. распор. Лорисъ-Меликова всѣхъ наход. въ в. к. заключ. въ т.; по объявл. этого распоряж. Семяновскій въ ночь на 1 янв. 81 г. *застрѣлился*. (Портр. въ „Былое" 906, 11; восп. о немъ С. Богданова—„Былое" 906 г. 11 и „Рус. Мысль" 907, 9—С. Синегуб. „Восп. чайковца").

Синегубъ Серг. Сил., двор. Екатериносл. г., р. 51 г., ст. Спб. у-та, ар. въ 74 г., 23 л., въ Спб.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ 8 л. кат.; приб. на К. осенью 78 г.; въ 79 г. выпущ. въ в. к.; въ 80 г. посел. въ Читѣ; переѣх. въ Благовѣщ., потомъ въ Томскъ; въ окт. 907 г. *умеръ* отъ разр. сердца въ Томскѣ. (Соб. восп. „Былое" 906, 8, 9 10 и „Рус. Мысль" 907, 9—„Восп. чайковца"; портр. въ „Былое" 906, 9).

Сиряковъ Алексѣй Ив., сын. свящ., р. 54 г. въ Волог. губ.; ст. Спб. у-та; ар. въ 75 г., 21 г., въ Спб.; ос. пр. сен. 17 іюля 75 г., д. Дьякова и др., пропаг. среди фабр. раб.; 6 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. т.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 82 г. отправл. на посел., обысканъ и задерж. въ Верхнеуд., нанесъ оскорбл. полиц. чин., за что содерж. въ т.; въ 83 г. поселен. въ Як. ок.; въ 91 заболѣлъ психически, выздоровѣлъ и въ 93 г. верн. въ Ев. Р.

Союзовъ Ив. Осип., крест. Моск. г. Дмитр. у., Мороз. в., д. Шелковой, р. 52 г., столяръ; ар. въ 76 г., 24 л., въ Харьковѣ; ос. пр. сен. 15 сен. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 9 л. кат.; приб. на К. въ 78 г., вып. въ в. к. въ 79 г.; 1 янв. 81 г. по распор. Лорисъ-Меликова вновь закл. въ Кар. т.; въ 82 г. посел. въ Читѣ; въ 904 г. *убитъ* въ Читѣ, на улицѣ ночью съ цѣлью ограбленія.

Спандони Басманджи Афан. Афан., сынъ купца, р. 53 г. въ Одессѣ; частн. Од. гимн.; ар. вперв. въ 78 г., 25 л., въ Одес. и высл. въ Волог..губ.; скоро верн. въ Одессу, б. ар. и высл. въ Верхоленскъ Ирк. г.; въ 81 г. вернул. сперва въ Кіевъ, потомъ въ Одессу, гдѣ въ дек. 83 г. б. ар. по д. тайной (Дегаевской) типографіи; Спб. в.-ок. суд. 28 сент. 84 г., по д. В. Фигнеръ и др.; 15 л. кат.; приб. на К. въ маѣ 86 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; выпущ. въ в. к. въ ноябрѣ 91 г.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 94 г. посел. съ Селенгинскѣ Заб. обл.; въ 96 г. переѣх. въ Верхнеуд. той же обл., потомъ въ Читу; въ 902 переѣх. въ Кишиневъ, затѣмъ въ Одессу; въ іюлѣ 905 г. высл. изъ Од. въ Вологду, откуда верн. въ Од. въ окт. того же года; въ ночь съ 14 на 15 окт. 906 г. *умеръ* скоропост. отъ парал. сердца (Портр. въ „Былое“ 906, 11, тамъ же некрологъ, сост. Н. Л. Геккеромъ; соб. восп.—„Былое“ 906, 5).

Старынкевичъ Ив. Юльев., сынъ ген.-маіора, р. 62 г.; студ. Моск. ун-та; ар. въ 81 г., 19 л.; Моск. в.-ок. суд. 30 іюня 81 г., churед. проклам. брату-гимназисту; 20 л. кат.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 94 г. посел. въ Заб. об., гдѣ служ. при постр. ж. д.; въ 902 г. верн. въ Евр. Р., въ Сарат., гдѣ скоро б. ар. и прос. въ т. 8 м.; переѣх. въ Кіевъ, гдѣ тоже б. ар.; въ 906 г. уѣх. за гран.

Стеблинъ-Каменскій Ростисл. Андр., двор., р. 58 г. въ Полт. г.; Полт. гимн., Хар. вет. ин-тъ; будучи гимн. привлек. къ дознан. по полит. д. въ 75—76 гг. и потомъ по д. 193-хъ; б. подвергн. 5 м. тюр. закл. и 1 м. по пригов. суда; ар. въ февр. 79 г. въ Кіевѣ, при вооруж. сопрот. на Жилянск. ул.; Кіевск. воен.-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера, Ивилевичей и др.; 10 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ 93 г. переѣх. въ Ирк., гдѣ *застрѣлился* лѣтомъ 94 г.

Стефановичъ Яков. Вас., сынъ свящ., р. 53 г. въ Черниг. губ.; ст. Кіевск. у-та; 75 г. искл. изъ у-та за участ. въ безпор.; разыск. по д. 193-хъ и по „Чигиринск. д.“; ар. вперв. въ 77 г. въ Полт. г.; въ 78 г. бѣж. изъ Кіев. т. вмѣстѣ въ Дейчемъ и Бохановскимъ; жилъ за гран.; ар. въ 82 г. въ Москвѣ; ос. прис. сен. 28 мар.—25 апр. 83 г., по д. 17 террор. 8 л. кат.; приб. на Кару въ 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 91 посел. въ Як. ок.; въ 95 г. переѣх. въ Ирк.; въ 903 верн. въ Евр. Р.

Студзинскій Эдмундъ Ив., *полякъ*, двор., р. 53 г.; Житомир. гимн.; суфлеръ въ провинц. драм. труппахъ; ар. въ 78 г., 25 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ив. Ковальскаго и др.; 4 г. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. т.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 84 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 г. переѣх. въ Ирк.; верн. въ Евр. Р. (Восп. Виташ-го о вооруж. сопр. и судѣ—„Былое“ 906, 2).

Сухомлинъ Вас. Ив., двор. Полт. г., р. 60 г. въ Одессѣ; гимназ.;

ар. въ 84 г., 24 л., въ Полт. г.; Спб. в.-ок. суд. 4 іюня 87 г., д. Г. Лопатина и др.; 15 л. кат.; приб. на К. въ 89 г.; вып. въ в. к. въ сент. 90 г.; по ман. 91 г. сбавл. 1/3; въ 95 г. посел. въ Забайк. об.; переѣх. въ Ирк.; въ 900-хъ гг. верн. въ Ев. Р.; въ 906 г. б. ар. въ Спб.

Тарховъ Юрій Александр., двор. Нижегор. г., р. 53 г.; Нижег. воен. гимн. и Конст. в. училище; прапор. артилл.; ар. 6 іюня 79 г., 26 л., въ Таганр.; Спб. в.-ок. суд. 15 — 17 ноября 79 г., д. Мирскаго (покуш. на Дрентельна) 10 л. кат.; приб. на К. въ 80 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 84 г. посел. въ Заб. об.; верн. въ Ев. Р.

Тевтулъ Ив. Ильичъ, Од. мѣщ., р. 51 г.; зол. д. мастеръ; ар. въ 76 г., 25 л., въ Одессѣ; ос. прис. сен. въ 76 г., д. Терентьева и Тевтула, револ. пропаг.; 10 л. кат.; приб. на К. 27 сент. 77 г.; вып. въ в. к. въ 79 г. и вновь заключ., по расп. Лор.-Меликова, 1 янв. 81 г.; въ 83 г. посел. въ Як. ок.; въ 93 г. *умеръ* въ Як. гор. больницѣ.

Терентьевъ Мих. Демент., сынъ чин., р. 53 г.; нар. уч. въ Одес.; ар. въ 75 г., 22 л., въ Одессѣ; ос. прис. сен. въ 76 г., д. Терен., Тевтула, рев. проп.; 9 л. кат.; приб. на К. осенью 77 г.; вып. въ в. к. въ 79 г. и вновь закл., по расп. Лор.-Меликова, 1 янв. 81 г.; въ 81 г. лѣтомъ посел. въ Заб. об.; верн. въ 80-хъ г.г. въ Ев. Р.

Тихоновъ Як. Тихон., крест. Смол. г., р. 51 г.; ткачъ; ар. въ 79 г., 28 л.; Спб. в.-ок. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16 террор.; смерт. казнь замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ 82 г., въ 83 г. *умеръ* въ Кар. тюрьмѣ.

Тищенко (*Березнюкъ*) Ив. Ив., кр. Днѣпр. у. Тавр. г., р. 45 г., матр. Черном. воен. фл.; ар. въ 78 г., 33 л., въ Харьк.; Хар. в.-ок. суд. 6 іюня 79 г., д. попытки освоб. Фомина изъ Хар. т. (Ефремовъ и др.); безср. кат.; въ февр. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ б. пойм. въ Ирк. окр.; за поб. пригов. къ приков. къ тачкѣ на 3 г. и прибавл. 2 г. къ сроку испытанія; приб. на К. 16 окт. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перевед. въ Акат. т.; въ 95 г. посел. въ Читѣ.

Трощанскій Вас. Филип., сынъ чин., р. 7 марта 46 г. въ г. Оргѣевѣ Бес. г.; Кишин. гимн., техн. и-тъ, ар. впер. въ 67 г. и Спб. суд. пал. къ 1 г. т. закл. за составл. прокл.; по отб. ср. закл. въ 68 г. вскорѣ высл. въ Вятку, перев. подъ надз. сперва въ Курскъ, потомъ въ Орелъ, за „вредное вліяніе" на учащуюся молодежь высл. въ Пинегу, потомъ въ Холмогоры, откуда бѣж. въ 78 г.; ар. въ 78 г. въ Спб.; Спб. в.-ок. суд. 6—14 мая 80 г., по д. убійства Мезенцева 10 л. кат.; приб. на К. въ апр. 82 г.: вып. въ в. к. въ янв. 85 г.; въ 86 г. посел. въ Як. ок., гдѣ *умеръ* 25 янв. 98 г.

Туровичъ Ив. Васил., сынъ псал., р. 58 г. въ Подол. губ.; Подол. дух. сем.; ар. въ 79 г., 21 г., въ Кам.-Подольскѣ; Кіев. в.-ок. суд. 16—20 окт. 79 г., по д. Крыжановск. и др. 6 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 83 г. посел. въ Забайк. об.; переѣх. въ Зап. Сибирь.

Успенскій Пет. Гавр., двор. Нижег. г., р. 43 г., служ. въ книжн. маг.; ар. въ 69 г., 26 л., въ Москвѣ; Спб. суд. пал. 1—15 іюня 71 г., по д. „нечаевцевъ" (Прыжовъ, Кузнецовъ и др.) 15 л. кат.; съ 72 по 75 г. содерж. въ Александр. зав., лѣтомъ 75 г. перев. на К.; вып. въ в. к. въ 79 г.; 1 янв. 81 г., по расп. Лор.-Меликова, вновь закл. въ К. т.; 27 дек. 81 года *повѣсился* въ Кар. т.

Феохари Степ. Ильичъ, тур. подд., р. 57 г. въ Од. у.; скульпторъ; ар. въ февр. 79 г., 22 л., въ Кіевѣ, при воор. сопр. на Жил. ул. Кіевск. в.-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др., 5 л. 4 м. кат.: приб. на К. въ мар. 80 г.: въ 84 г. посел. въ Як. ок.: въ 90 г. высл. въ Константинополь, откуда верн. въ Одессу.

Филиппов Александръ Андр., сын. чин., р. 58 г.; Псковск. воен. прогимн., воен. пиротехн. учил.; оберъ-фейерверкеръ; ар. въ 82 г., 24 л.; Спб. в.-ок. суд. въ 82 г., по д. снош. съ закл. Алексѣев. равелина, 5 л. кат.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 86 г. поселенъ въ Як. ок.; переѣх. въ 90-хъ г.г. въ Ирк. г.

Фоминъ Алексѣй Александр., двор. Костр. г., р. 59 г.; Кіевск. юнк. учил.; подпор. 28 пѣх. Дерптск. полка; ар. въ 79 г., 20 л., за проп. въ войскахъ; бѣж. изъ Виленск. гауптвахты въ 80 г.; ар. въ 82 г. въ Спб.; Спб. в.-ок. суд. 14 іюня 83 г. 20 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ сент. 90 г.; посел. въ Заб. об.

Фомичевъ Григ. Ив., сынъ псал., р. 54 г., въ Херс. у.; ст. Од. ун-та; ар. въ 77 г., 23 л., по д. воен. револ. кружка; Од. в.-ок. суд. въ 78 г. оправд.; ар. въ авг. 78 г.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля-5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубар., Лизог. и др.), безср. кат.; въ фев. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ б. пойм. въ Ирк. окр., за поб. на 3 г. приков. къ тачкѣ и на 2 г. увел. исп. срокъ; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. ср. сокр. до 20 л.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; вып. въ в. к. въ 92 г.; посел. въ Забайк. обл.

Франжоли Ник. Афан., австр. подд., р. 56 г. въ Херсонѣ; Херс. гимн.; ар. въ 79 г., 23 л.; Од. в.-ок. суд. 16 янв. 80 г., п. д. ограбл. херс. казначейства; 4 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 83 посел. въ Читѣ; переѣх. въ Благовѣщенск.

Фриденсонъ Григ. Мих., *еврей*, сынъ купца, р. 54 г.; Бѣлост. реал. уч., Моск. техн. уч.; ар. въ 81 г., 27 л.; ос. пр. сен. въ фев. 82 г., по д. 20-и терр. (А-ръ Михайловъ и др.) 10 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 86 г. вып. въ в. к. въ 86 г. посел. въ Читѣ; верн. въ Е. Р.

Хохловъ Григ., мѣщ. Тамб. г., р. 57 г.; токарь по металлу; ар. въ 81 г., 24 л.; Спб. в-ок. суд. 13—14 сент. 82 г., по д. уб. Прейма; 20 л. кат.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прош. о пом. и посел. въ Читѣ.

Хрущовъ Никол., Тамб. мѣщ., р. 58 г.; мѣдникъ; ар. въ 79 г., 21 г., Кіев. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова и др.; 12 л. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г., въ началѣ мая 82 г. бѣж. изъ Кар. т., ар. во Владивост.; за поб. приб. 12 л. кат.; въ 89 г. под. прош. о помил. и посел. въ Забайк. об.

Циціановъ Ал-ръ Конст., князь, грузинъ, р. 50 г.; ст. Моск. у-та ар. въ 75 г, 25 л.; ос. пр. сен. 5 апр. 77 г., по проц. 50, 10 л. кат.; до 13 окт. 80 г. сод. въ Новобѣл. цен. к. т.; приб. на К. въ фев. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Киренскѣ Ирк. г, гдѣ *умеръ* въ 85 г.

Цукерманъ Лейзеръ Іоселев., куп. внукъ, р. 52 г. въ Могил. г.; уч. въ евр. хедерѣ; наборщ. и евр. писатель; ар. 17 янв. 80 г., 28 л., въ тайн. типогр. „Нар. Воли". Спб. в.-ок. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16-и; 8 л. кат.; приб. на К. въ фев. 82 г.; въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ 87 г. *уто-*

пился въ р. Амгѣ (Як. ок.).(Восп. о немъ: „Былое" 906, 6—„Далекое-недавнее" О. С. Любатовичъ и „Былое" тип. „Нар. Воли" С. А. Иван.-Борейша).

Цыпловъ (Гармановъ, онъ же Гарный) Ив. Ник., яр. мѣщ.; угол. кат.-бродяга, р. 48 г.; ар. въ 81 г. въ Тоб. губ. за превозъ писемъ полит. ссыльн., при ар. оказ. воор. сопрот.; воен. суд. въ Тобольскѣ пригов. къ см. казни, замѣн. при конфирм. 6 г. кат.; на пути въ К. смѣн. именемъ съ угол. посел., за что прибавл. 5 л. кат. и 100 розогъ; приб. на К. въ мар. 82 г.; въ 85 г. открылъ свое имя и званіе, перевед. въ угол. т.; въ 88 г. вып. въ. в. к.; перевед. на Сахалинъ.

Чарушинъ Ник. Аполл., двор., р. 52 г.; ст. Спб. у-та; ар. въ 73 г., 21 г.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 9 л. кат.; прибылъ на К. въ 78 г.; вып. въ в. к. въ 79 г.; вновь закл. въ т., по распор. Лор.-Меликова, 1 янв. 81 г.; въ 81 г. посел. въ Нерчинскѣ, переѣх. въ Благовѣщ., потомъ Троицкосавскъ; верн. въ Ев. Р.

Чернавскій Мих. Мих., сынъ протодіак., р. 55 г., въ Смол.; ст. мед.-хир. акад.; ар. 6 дек. 76 г., 21 г.; ос. прис. сен. 18—25 янв. 77 г., д. демонстр. на Казанск. площ.; 15 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. ц. к. т.; приб. на К. въ концѣ фев. 82 г.; въ 84 г. посел. въ Читѣ, переѣх. въ Нерчинскъ; верн. въ Евр. Р.

Чикоидзе Мих. Ник., двор., род. 52 г.; Тифл. шк. межевщ.; Мих. артил. учил.; ар. въ 75 г., 23 л., въ Москвѣ; ос. пр. сен. 5 апр. 77 г., по проц. 50-и, сосл. на посел. въ Киренскъ Ирк. г., откуда бѣж. въ маѣ 81 г.; ар. въ концѣ апр. 82 г., Киренск. окр. суд. за поб. съ мѣста посел. 3 г. кат.; приб. на К. въ 84 г.; въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 г. переѣх. въ Курганъ Тоб. г., гдѣ *умеръ* въ 97 г.

Чуйковъ Владим. Ив., двор., р. 57 г.; Житом. гимн.; ар. въ 77 г., 20 л., въ Житомирѣ; высл. въ 78 г. въ Олон. г., оттуда въ 79 г. въ Сибирь; въ 80 г. возвращ.; ар. въ 83 г. въ Харьк.; Спб. в.-ок. суд. 28 сент. 84 г. по д. В. Фигнеръ и др. 20 л. кат.; приб. на К. 12 дек. 85 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 92 г. вып. въ в. к.; въ 95 г. посел. въ Заб. об.; въ 900 г. переѣх. въ Ирк.

Шефферъ Егоръ Ив., сынъ чин., р. 58 г.; Кіевск. гимн.; ар. въ 76 г., 18-и л. и выпущ.; ар. вновь въ 77 г. Кіевск. суд. пал. 7—9 іюня 79 г., сент.—6 мая 80 г., по „Чигиринск. дѣлу" 2 г. 8 м. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Заб. об.

Шишко Леонидъ Эммануил., двор., р. 52 г.; Мих. артил. учил.; отст. подпор. артил.; ар. въ 74 г., 22 л.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.,—23 ян. 78 г. по д. 193-хъ 9 л. кат.; приб. на К. осенью 78 г.; вып. въ в. к. въ 79; 1 янв. 81 г. вновь закл. въ т., по расп. Лор.-Меликова; въ 81 г. посел. въ Заб. об.; въ 87 г. переѣх. въ Томскъ, откуда бѣж. за границу.

Шпирканъ Маркелъ Яковл., двор., р. 57 г.; Кам.-Под. гимн., Кіевск. ун-тъ; ар. въ 79 г., 22 л., въ Кам.-Подольскѣ. Кіев. в.-ок. суд. 20 окт. 79 г., по д. Крыжановскаго и др., 6 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 83 г. посел. въ Як. ок., въ 90-хъ г.г. верн. въ Евр. Р.

Щедринъ Ник. Павл., двор., р. 54 г. въ г. Петропавл. Акмол. об., Омск. кад. корп. и Спб. учит. семин.; ар. въ 81 г., 27 л., въ Кіевѣ; Кіевск. в.-ок. суд. 26—29 мая 81 г., по д. южн.-рус. раб. союза (Ковальская, Преображ. и др.), смертн. казнь замѣн. безср. кат.; за нанес. оскорбл. дѣйсв.

полк. Соловьеву въ Ирк. т. приг. къ прик. къ тачкѣ на 1 г.; приб. на К. въ апр. 82 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., откуда 1 авг. 84 г.—въ Шлиссельб. кр.; сошелъ съ ума въ 95 г. и помѣщ. въ Казанск. лечебницу (Портр. и восп. М. Р. Попова—„Былое" 906, 12).

Щепанскій Іосиф. Людвиг., двор., р. 57 г.; Кіевск. гимн.; дом. учитель; ар. въ авг. 78 г., 21 г. въ Николаевѣ Херс. г.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубар. Лизог. и др.), 4 г. кат.; приб. на К. въ мар. 80 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; переѣх. на зол. пріиски на р. Ленѣ.

Эйтнеръ Мих. Богд., сынъ чин., р. 54 г.; ст. Од. ун-та, учитель уѣздн. учил.; въ нач. 70-хъ г.г. привлек. въ Одес. къ дознан. по пол. дѣлу. Заславскаго и 50-и; ар. въ 78 г., 24 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубар. и др.), 15 л. кат.; приб. на К. въ мар. 80 г.; въ 84 г. посел. въ Забайк. обл.

Юрковскій Федор. Ник. („Сашка-инженеръ"), двор., р. 51 г., гимн.; морск. корп., технол. ин-тъ и мед. акад.; ар. 7 мар. 80 г., 28 л., въ д. Козловкѣ Путивльск. у. Курск. губ. Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. ограбл. Херс. казначейства и др. (Мих. Попова, Игн. Иван. и др.) 20 л., кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ нач. мая 82 г. бѣж. изъ Кар. т. и вскорѣ пойманъ; за поб. приб. 10 кат.; весной 84 г. перев. въ Петроп. 84 г.—въ Шлиссельб. кр., гдѣ *умеръ* 5 сент. 96 г.

Якубовичъ Петр. Филип. (литер. псевд. *Мельшинъ*), двор., р. 60 г., въ Валд. у. Ниж. г.; ок. Спб. ун-тъ съ степ. канд. рус. слов.; литераторъ; ар. въ 84 г., 24 л.; Спб. в.-ок. суд. 4 іюня 87 г., д. Герм. Лопатина и др.; 18 л. кат.; приб. на К. въ янв. 88 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; посел. въ Курганѣ Тоб. г., верн. въ Ев. Р.

Янковскій Конст. Порфир., сынъ протоіер., р. 59 г., Кіевск. гимн. ар. въ 77 г., 18 л.; Од. в.-ок. суд. 3 дек. 79 г. по д. Малинки, Дробязг. и др.; 10 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. вып. въ в. к.; въ 88 г. посел. въ Як. ок.; за подачу прот. по поводу „Якутской бойни" въ мар. 88 г. посел. въ Колым. окр.; въ 95 г., какъ психически больной, отправленъ въ Кіевъ къ роднымъ.

Ястремскій Серг. Вас., двор., р. 57 г.; ст. Хар. у-та; ар. въ 75 г. 18-и л., въ Харьк., выпущ. на поруки и скрылся за гран.; ар. въ 77 г. Хар. в.-ок. суд. 3 мар. 80 г., по д. револ. кружка въ Харьковѣ (Колюжный А-ръ Мих., Куплеваскій и др.): 10 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 85 г. вып. въ в. к., въ 86 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 переѣх. въ Ирк., въ концѣ 90-хъ г.г. верн. въ Евр. Р.

Яцевичъ Ник. Вас., сынъ протоіер., р. 61 г.; Полт. гимн., Хар. вет ин-тъ; въ 76 г. привлек. къ дозн. по пол. дѣламъ; ар. въ 78 г., 17-и л. въ Харьковѣ; Хар. в.-ок. суд. 6 іюля 79 г., д. попытки освоб. Фомина изъ Хар. т. (Ефремовъ и др.); 15 л. кат.; въ фев. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ б. пойм.; за побѣгъ приб. 14 л. кат.; приб. на К. въ ноябрѣ 80 г.; въ янв. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. ср. сокр.; посел. въ Забайк. обл.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Евр. Россію.

Женская тюрьма.

Ананьина Мар. Александр. (по мужу—*Дейчъ*), р. 49 г., акуш.-фельдш., ар. въ 87 г., 38 л.; ос. прис. сен. 19 апр. 87 г., по д. пригот. къ покуш. на жизнь А. III; 20 л. кат.; приб. на К. въ янв. 88 г.; ман. не прим.; въ ноябрѣ 92 г. вып. въ в. к.; перевед. въ Акат. въ 98 г., гдѣ *умерла* 25 янв. 99 г.

Армфельдъ Нат. Александр. (по мужу—*Комова*), дочь д. с. с., р. 50 г.; Моск. Ник. ин-тъ благор. дѣвицъ; ар. впервые въ 74 г. въ Орл. г. за revол. проп. въ деревнѣ и водвор. къ матери; въ 75 г. вновь ар. и высл. въ Костр. г.; въ 77 г. ей разрѣш. жить въ дер. у матери, откуда скрыл. въ апр. 78 г.; ар. въ февр. 79 г. въ Кіевѣ, при воор. сопр. на Жил. ул.; Кіевск. в.-окр. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др.; 14 л. 10 м. кат.; приб. на К. въ началѣ 80 г.; ман. не прим., въ янв. 85 г. вып. въ в. к., гдѣ *умерла* въ сент. 87 г.

Богомолецъ Софья Ник. (ур. *Присѣцкая*), двор., р. 56 г., въ Полт. г.; ин-тъ благор. дѣв.; ар. въ 80 г. въ Кіевѣ; Кіевск. в.-ок. суд. 26-29 мая 81 г., 10 л. кат. по д. юж.-рус. раб. союза; 16 фев. 81 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ. ар. въ Ирк.; за поб. приб. 5 л. кат.; приб. на К. въ 82 г.; увез. въ Ирк. т. зимой 83 г.; за „бунтъ" въ Ирк. т. приб. 1 г. кат. съ содерж. въ разр. испыт. весь срокъ; приб. вновь на К. въ 85 г.; ман. не прим.; вып. въ в. к. 9 янв. 92 г. и *умерла* на друг. день 10 янв. 92 г.

Брешковская (*Брешко-*) Екат. Конст. (ур. *Веригo*) двор., р. 48 г.; ж. гимн.; ар. въ 74 г., 26 л.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193; 4 г. кат.; приб. на К. въ дек. 78 г. и въ т. не содержалась; въ 79 г. посел. въ Баргузинѣ Заб. обл., откуда бѣж. весной 81 г., вмѣстѣ съ Тютчевымъ, Линевымъ и Шамаринымъ; вскорѣ ар. и осуж. на 4 г. кат.; приб. на К. вторично въ 82 г.; въ 84 г. посел. въ Селенгинскѣ Заб. об.; верн. въ 90-хъ г.г. въ Евр. Р.; въ концѣ 907 г. сод. въ Петроп. кр.

Добрускина Генріета Никол. (по мужу—*Михайлова*), *еврейка*; мѣщ., р. 62 г.; Безстуж. курсы; ар. въ 84 г., 22 л., въ Рост.-на-Д.; СПб. в.-окр. суд. 4 іюня 87 г., д. Герм. Лопатина и др.; 8 л. кат.; приб. на К. осенью 88 г.; выпущ. въ в. к. въ сент. 90 г.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 95 г. пос. въ Читѣ; въ 907 г. верн. въ Евр. Р.

Иванова Софья Андр. (по мужу—*Борейша*), дочь маіора; р. 56 г.; ар. въ 74 г., 18 л., по д. 193-х. и выпущ. на поруки; въ 76 г. ар; ос. пр. сен. 18-25 янв. 77 г., по д. демостр. на Казан. площ. сосл. въ г. Кемь Архан. губ., откуда бѣж. 22 мар. 79 г.; ар. 17 янв. 80 г. въ типогр. „Нар. Воли" въ СПб.; СПб. в.-ок. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16 террор.; 4 г. кат.; приб. на К. въ фев. 82 г.; въ 85 г. посел. въ Киренскѣ Ирк. г.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Евр. Р. (Соб. восп. о тип. „Нар. Воли"—„Былое" 906, 9; о С. Л. Перовской—„Былое" 906, 3).

Ивановская Праск. Сем. (по мужу—*Волошенко*), дочь свящ., р. 53 г. въ Тульск. г.; ж. епарх. учил.; дом. учит.; ар. въ 78 г., 25 л. и сосл. въ Арханг. г., откуда бѣж. за границу; ар. въ 82 г. въ Витебскѣ; ос. прис. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17 террор.; безср. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. назнач. срокъ въ 20 л.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман.

91 г. сбавл. 1 г.; весной 96 г. перев. въ Акатуй; зимой 99 г. посел. въ Баргуз. Заб. об., откуда скрылась; ар. 16 мар. 905 г. въ Спб. по д. боевой организаціи; осенью 905 г. освобожд.; уѣхала за гран.

Калюжная Мар. Вас., мѣщ., р. 64 г. въ г. Лебединѣ Хар. г.; Харьк. и Роменск. (Полт. г.) гимн.; ар. въ 83 г., 19 л., въ Одессѣ въ тайн. типогр.; въ томъ же году высл. въ г. Ахтырку Харьк. губ., къ матери, откуда скрылась; 8 авг. 84 г. въ Одес. стрѣляла въ жанд. полк. Катанскаго; Од. в.-ок. суд. 29 авг. 84 г.-20 л. кат.; приб. на К. 12 дек. 85 г.; отравилась 6 ноября и *умерла* 7 ноября 89 г. (О смерти и предш. обст.— „Былое“ 906, 6).

Ковалевская Мар. Павл. (ур. *Воронцова*), двор., р. въ авг. 49 г., въ Екатериносл. г.; Од. ин-тъ благор. дѣв.; ар. въ фев. 79 г., 30 л., въ Кіевѣ; Кіевск. в.-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др. 14 л. 10 м. кат.; приб. на К. въ нач. 80 г.; въ 81 г. перев. въ Краснояр. т.; въ 82 г.— обратно на К.; въ 83 г. увез. въ Ирк. т., въ 87—обратно на К.; отравилась 6 ноября и *умерла* 7 ноября 89 г. (О смерти и предш. обст.— „Былое“ 906, 6; тамъ же портр. Мар. Павл.).

Ковальская Елиз. Ник. (ур. *Солнцева*), по втор. мужу—*Маньковская*; мѣщ., р. 52 г. въ Харьковѣ; Хар. гимн.; ар. 80 г., 28 л.; Кіев. в.-ок. суд. 26-29 мая 81 г., по д. юж.-рус. раб. Союза (Щедринъ, Преображ. и др.)— безср. кат.; 16 февр. 82 г. бѣж. изъ Ирк. т., 28 ф. ар.; за поб. ср. испыт. увелич. на 10 л.; приб. на К. въ 82 г.; перев. въ Ирк. т. въ 83 г.; въ 84 г. вторично бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ ар.; приб. вновь на К. въ 85 г.; л. 88 г. перев. въ Верхнеуд. т., въ сент. 90 г. перевед. въ Зерент. кат. т. (Нерчер.); по ман. 91 г. ср. сокр. до 20 л.; вып. въ в. К.; посел. въ Заб. об.; верн. въ Евр. Р., уѣхала за границу.

Колѣнкина Мар. Александр. (по мужу *Богородская*), мѣщ., р. 55 въ г. Темрюкѣ; акуш. кур. въ Кіевѣ; привл. въ 74 г. по д. 193-хъ; ар. въ 78 г. въ СПб; СПб. в.-ок. судъ 14 мая 80 г., по д. уб. Мезенцева; 10 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; вып. въ в. к. въ янв. 85 г.; въ 86 г. посел. въ Тункѣ Ирк. г.; переѣх. въ Ирк.

Корба Анна Павл. (ур. *Мейнгардтъ*), по 2-му мужу *Прибылева*, двор., р. 51 г.; гимн.; сестра мил. въ Румын. во вр. р.-тур. войны; ар. въ іюнѣ 82 г., 31 г., въ Спб.; ос. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17 тер.—20 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. ср. сокр. до 13 л. 4 м.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. сбавл. 1 г.; въ сент. 92 г. посел. въ Заб. об., переѣх. въ Благовѣщ.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Ев. Р. (Портр. и восп. о Дегаевѣ—„Былое“ 906, 4).

Круковская Юлія Осип. (по м. *Бубновская*), двор. Черн. г., р. 46 г.; гимн.; учительн.; ар. въ 77 г., 31 г., въ Кіевѣ; Кіев. суд. пал. 7—9 іюня 79 г., сенат. 6 мая 80 г. по „Чигирин. д.“—18 л. 8 м. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. вып. въ в. к.; въ авг. 90 г. посел. въ Читѣ.

Кутитонская Мар. Игн., двор., р. 55 г; частн. гимн. въ Одес.; ар. въ 78 г., 23 л., въ Од., выпущ. на пор. и вновь ар. въ 79 г.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубаровъ и др.)—4 г. кат.; приб. на К. въ нач. 80 г.; въ 82 г. посел. въ Троицкосав. Заб. об., отк. вскорѣ бѣж., ар. въ Читѣ и 16 сент. 82 г. стрѣл. въ Забайк. губерн. Ильяшевича;

воен. суд. 17 ноябр. 82 г. смертн. казнь замѣн. безср. кат.; содерж. въ Ирк. т., гдѣ *умерла* въ 87 г.

Лебедева Тат. Ив., дочь кол. сов., р. 54 г., въ Богородскѣ Моск. г.; Моск. Никол. ин-тъ; ар. въ 74 г., 20 л., ос. пр. сен. 23 янв. 78 г. по д. 193-хъ предв. содерж. подъ ар. вмѣн. въ наказ.; въ 77 г. привл. въ Москвѣ по д. убійства Рейнштейна; ар. вновь 3 сент. 81 г.; ос. прис. сен. 15 фев. 82 г., по д. 20-и терр.—см. каз. замѣн. безср. кат. раб.; до отпр. на К. содерж. въ Алексѣев. равел.; приб. на К. въ 84 г.; ман. не пр.; *умерла* въ 86 г. (Портр. Т. И.—„Былое" 906, 6).

Левенсонъ Елена Дмитр. (ур. *Домбровская*), двор. Хер. г.; р. 55 г.; Одес. гимн. и высш. курсы; ар. въ Кіевѣ въ 80 г., 25 л.; Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др.—6 л. кат.; приб. на К. въ фев. 81 г.; въ 84 г. посел. въ Баргузинѣ Заб. об.; ман. не прим.; верн. въ Ев. Р.

Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ Соф. Александр., дочь ген.-маіор., р. 40 г., въ Новг. губ.; инст.; ар. въ 74 г., 34 л., въ Сарат.; ос. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193 присужд. къ ссылкѣ въ Тоб. г. и помилована; ар. вновь въ фев. 79 г. въ Кіевѣ; Кіев. в.-ок. суд. 1 мая 79 г., по д. Осинскаго—см. казнь замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ нач. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 вып. въ в. к.; по ман. 91 г. срокъ сокр. до 20 л.; по ман. 94 г. посел. въ Селенгинскѣ Заб. об., гдѣ *умерла* въ 98 г.

Лисовская Антон. Игн., *полька*, двор., р. 58 г. въ Волын. г.; ар. въ 82 г., 24 л.; ос. пр. сен. 25 апр. 83 г. по д. 17 (Ю. Богдановичъ и др.); 10 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ 85 г., гдѣ и *умерла* въ 85 г.

Морейнисъ Фанни Абр., *еврейка* (по м. *Муратова*); дочь купца, р. 59 г. въ Николаевѣ Херс. г.; частн. гимн.; ар. въ 81 г., 22 л., въ Кіевѣ; Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-и 4 г. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. посел. въ Читѣ; переѣх. въ Баргуз. ок. Заб. об.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Ев. Р.

Прибылева Раиса Льв., *еврейка*, (ур. *Гроссманъ*), дочь врача, р. 58 г. въ Черк. у. Кіев. г.; Од. частн. гимн., высш. мед. курсы; ар. 5 іюня 82, 24 л., въ СПб., ос. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17-и терр.—4 г. кат.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ янв. 85 г., въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ концѣ 80-хъ г.г. верн. въ Ев. Р.; въ 90-хъ г.г. высл. въ Красноярскъ, гдѣ *умерла*.

Россикова Ел. Ив. (ур. *Виттенъ*), двор. Тавр. губ., р. 49 г.; Од. ин-тъ; дом. учительн.; ар. въ 79 г. въ Херс.; Од. в.-окр. суд. 16 янв. 80 г., по д. ограбл. Херс. казн. — безср. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; 83 перев. въ Ирк. т.; обратно на К. въ 87 г.; въ 90 г. забол. психич. и въ 93 увезена въ Ирк. больн., гдѣ *умерла*.

Салова Неон. Мих. (по м. *Яцевичъ*), дочь шт.-кап., р. 60 г. въ Черниг. г.; Маріин. курсы въ СПБ.; ар. 6 окт. 84 г. въ СПБ.; СПБ. в.-ок. суд. 4 Іюня 87 г., д. Герм. Лопатина и др.—20 л. кат.; приб. на К. осенью 88 г.; вып. въ в. к. въ сент. 92 г.; посел. въ Читѣ Заб. обл.

Сарандовичъ Екат. Петр. (по м. *Бѣлоцвѣтова*), двор., р. 58 г.; Од. гимн.; ар. въ февр. 79 г., 21 г., въ Кіевѣ; Кіев. в.-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др. 4 г. кат.; приб. на К. въ нач. 80 хъ г.; въ 82 г. посел. въ Заб. об., потомъ въ Як. ок.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Минус. Ен г.

Сигида Над. Конст. (ур. *Малоксіано*), Таганр. мѣщ., р. 62 г.; Таганр. гимн.; уч-ца гор. учил.; ар. въ янв. 86 г., 24 л.; ос. пр. сен. 22 дек. 87 г., по д. Оржиха и др.—8 л. кат.; приб. на К. въ янв. 89; въ сент. 89 г. дала пощечину коменд. Кар. т. и по админ. распор. ген.-губ. бар. Корфа 6 н. 1889 г. подв. тѣл. нак., въ тотъ же день отравилась и *умерла* 7 н. 89 г. (О смерти и предш. обст.—„Былое" 906, 6; тамъ же портр. Н. К.).

Смирницкая Над. Сем., д. свящ.; р. 52 г. въ Кіевск. губ.; ар. въ 79 г., 27 л., въ Кіевѣ и выслан. въ Сольвычег. Волог. губ., откуда бѣж. 20 мар. 80 г.; ар. 23 мар. 82 г. въ Москвѣ; ос. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17-и терр. (Ю. Богдановичъ и др.) — 15 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; отравилась 6-го и *умерла* 7-го ноября 89 г. (О смерти и предш. обст.— „Былое" 906 6).

Тринидатская Екат., д. унт.-оф., р. 53 г.; Самар. гимн. и мед. курсы; фельдш.; ар. въ янв. 86 г., 33 л., въ Таганр.; ос. пр. сен. 22 дек. 87 г. по д. Оржиха и др.—12 л. кат.; приб. на К. въ янв. 89 г.; вып. въ в. к. въ 91 г.; забол. психич. и увез. въ Черниговъ.

Шехтеръ Соф. Наум. (по м. *Доллеръ*), Од. мѣщ., р. 56 г., Од. гимн.; ар. въ 80 г., 24 л., въ Курск. г.; Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова и др.—6 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 84 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 переѣх. въ Ирк.; въ 900 г.г. верн. въ Ев. Р.; въ 903 г. высл. изъ Од. въ Волог. губ.

Якимова Анна Вас. (по м. *Диковская*), дочь свящ., р. 56 г. въ Уржумск. у. Вятск. г.; Вятск. епарх. уч.; б. сел. учит. въ Вятск. г.; ар. въ 77 г., 21 г.; с. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193, оправд. и высл. въ Вятск. губ., отк. бѣж. въ 78 г.; ар. въ 81 г. въ Кіевѣ; ос. пр. сен. 15 ф. 82 г., по д. 20-и терр.—см. казнь замѣн. безср. кат.; до отпр. на К. содер. въ Алексѣев. рав.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ сент. 92 г.; въ 98 г. перев. въ Акутай; въ 99 г. поселена въ Баргуз. Заб. об.; въ 900-хъ г.г. бѣж. въ Ев. Р.; въ 905 ар. во Влад. губ. и осужд. на посел. (Портр. въ „Былое" 907, 1).

Переведенныя изъ Вилюйской тюрьмы въ Усть-Карійскую.

Болотина Анис. Давыд., во 2-й полов. 80 г. ар. въ Москвѣ; въ 87 г. высыл. въ Колым. ок. Як. об.; Ирк. воен. суд. въ іюнѣ 89 г. за воор. сопр. въ Якутскѣ въ мар. 89 г.—безср. кат.; до 93 г. содерж. въ Вил. т.; въ 93 перев. въ Кар. ж. т., гдѣ проб. зиму; перечисл. въ разр. ссылан. на житье.

Гасохъ Вѣра, въ 87 г. высыл. въ Колым. окр. Як. об.; Ирк. в. суд. въ іюнѣ 89 г. за воор. сопр. въ мар. 89 г.—безср. кат.; сод. въ Вил. т.; перев. въ Кар. ж. т., гдѣ проб. зиму; перечисл. въ разр. ссылан. на житье.

Гуревичъ Евг., въ 87 г. высыл. въ Кол. окр. Як. ок.; Ирк. в. суд. въ юнѣ 89 г. по д. воор. сопр. въ Якутскѣ въ мартѣ 89 г.—10 л. кат.; сод. въ Вил. т.; перев. въ Кар. ж. т.; переч. въ разр. сосл. на житье.

Перли Полина, въ 87 г. высыл. въ Кол. окр.; Ирк. в. суд. въ іюнѣ 89 г. по д. воор. сопр. въ Якутскѣ въ мартѣ 89 г.—безр. кат. раб.; сод. въ Вил. т., перев. въ Кар. ж. т.; переч. въ разр. сосл. на житье.

Добровольно послѣдовавшіе родственники карійскихъ каторжанъ.

Армфельдъ Анна Вас. (мать Н. А. Армфельдъ), вдова д. с. с., пріѣх. на К. въ началѣ, верн. въ Евр. Р. въ концѣ 80 г.; вновь пріѣх. въ 85 и уѣх. въ 86 г.; *умерла* въ Москвѣ въ 87 г.

Барбашева Глаф. Ник. (невѣста Н. Н. Петрова), пр. въ фев. 81 г. и въ 84 г. уѣх. съ Петр. на посел. въ Заб. об.

Бибергаль А-ра Александр. (ур. *Кобозева*), пр. съ муж. и уѣх. съ нимъ на посел.

Богомолецъ, врачъ, пріѣзж. съ малолѣт. сын. въ 92 г. и, послѣ смерти жены, уѣх.

Веймаръ Эдуард. Эдуар., врачъ; пріѣзж. въ 85 г. къ брату и прож. на К. около 3 м.

Геллисъ Эсф. Моис. (ур. *Шпумбергъ*); уч-ца; ар. въ 79 г.; Од. воен.-окр. с. 26 мар.—1 апр. 80 г., по д. 19-ти (М. Геллисъ и др.) осужд. на посел.; послѣд. за мужемъ; приб. на К. 16 окт. 80 г.; высл. въ 81 въ Акшу Заб. об.; въ 80-хъ гг. переѣх. въ Ирк.; верн. въ Ев. Р.

Гориновичъ Над. Ник. (ур. *Андрущенко*), двор., р. 61 г. въ Полт. г.; Кіев. ин-тъ благ. дѣв.; ар. въ Москвѣ въ 82 г.; послѣд. за муж. на К.; *умерла* въ апр. 87 г.

Долгушина Агр. Дмит. (ур. *Скорнякова*), р. 47 г. въ Березовѣ Тоб. г.; пріѣх. съ муж. въ янв. 82 г. и уѣх. въ Евр. Р. въ 83 г.

Квятковская Ал-ра Гр. (ур. *Гилярова*), пр. съ муж. въ 78 г. и уѣх. съ нимъ въ 83 г. на посел.

Комаровская Анна Ник. (по м. *Стеблинъ-Каменская*); въ 70-хъ гг. привл. по полит. дѣл. и б. сосл. адм. въ Тоб. г.; въ 85 г. пр. на К. и обвѣнч. съ Ст.-Кам., уѣх. съ нимъ въ Як. ок.; въ 94 г. верн. въ Евр. Р.; въ 907 г. Кіев. воен.-окр. суд. оправд. по д. объ уб. въ Полт. ген. Полковникова.

Люри Над. Дм. (ур. *Полторацкая*), р. въ Твер. г.; Павл. ин-тъ въ Спб.; пріѣх. съ муж. на К. въ 86 г.; уѣх. въ 92 г.

Михайлова Над. Фед., сестра Адріана Михайлова, акуш.; пр. на К. и прож. до 85 г.; переѣх. въ Читу.

Мозговая Агаф. Петр., пр. и уѣх. съ муж. на поселеніе.

Новицкая Ант. Ник. (ур. *Демчинская*); пр. съ муж. и въ 87 г. верн. въ Евр. Р.

Пашковская пр. къ мужу и верн. въ 92 г. въ Евр. Р.

Попова Екат. Ник. (ур. *Федорова*), пр. съ муж. Моисеемъ Поповымъ, въ 87 г. уѣх. въ Ев. Р.

Режневская Витольда Викент. (ур. *Карповичъ*); привл. по д. „Пролетаріата“ и б. высл. адм. въ Тоб. г.; въ 89 г. пр. на К. къ мужу; уѣх. въ 92 г. въ Парижъ, гдѣ уч. мед., въ 900 г. верн. въ Ирк., гдѣ заним. врач. практик.; въ 906 г. верн. съ муж. въ Ев. Р.

Рогачева Вѣра Павл. (*ур. Карпова*, по 2-му мужу *Свитычъ*); ос. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193-хъ оправд. и адм. сосл. въ Олон. губ.; приб-

на К. съ муж. въ 82 г.; послѣ см. м. повѣнч. съ Свитычемъ и уѣх. съ нимъ на посел. въ Як. ок., пот. въ Ирк., гдѣ *умерла* въ 90-хъ гг.

Родина Лидія Элпидиф. (*ур. Петропавловская*); пр. съ м. и уѣх. послѣ см. мужа въ 80 г.

Синегубъ Лар. Вас. (ур. *Чемоданова*), пр. съ м. и уѣх. съ нимъ на посел.

Сухомлина Анна Марк. (ур. *Гальперинъ*), *еврейка*, р. въ Одессѣ; привл. по пол. дѣламъ, б. высл. изъ Спб.; весн. 90 г. приб. на К.; въ 95 г. уѣх. съ м. на посел. въ Заб. об.; въ 90-хъ гг. верн. въ Ев. Р.

Стеблинъ-Каменская Мар. Ив., жена подполк., мать Рост. Андр.; пр. на К. вмѣстѣ съ сын.; въ 81 г. высл. властями съ К.; умерла.

Успенская Ал-ра Ив. (ур. *Засуличъ*), пр. съ м. и верн. въ Ев. Р. въ 80 г.

Чарушина Анна Дм. (ур. *Кувшинская*), дочь св., р. 51 г. въ Вятск. губ., классн. дама въ Вятск. ж. епарх. учил.; ос. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193, вмѣн. въ наказ. предв. ар.; приб. на К. съ муж. въ 78 г. и уѣх. съ нимъ въ 81 г.

Ястремская Лидія Кондр. (ур. *Мазинъ*), ок. Хар. гимн.; пр. на К. съ м. 16 окт. 80 г.; выѣх. въ 86 г. съ м. съ Кары и уѣх. въ Харьк., гдѣ пост. на акуш. к.; въ 90-хъ гг. пр. къ м. въ Ирк.; въ концѣ 90-хъ гг. верн. съ м. въ Ев. Р.

Г. Осмоловскій.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Отрывки изъ воспоминаній 1878—1879 г.г.)

I.

Всему бываетъ конецъ. Насталъ конецъ и нашему крѣпостному сидѣнію.

Въ одинъ далеко не прекрасный день мы узнали, что камера Мышкина опустѣла. Разсказывали, что наканунѣ поздно вечеромъ вызвали его въ Комендантское Управленіе,—что тамъ, не взирая на его протесты, обрили ему полъ-головы, заковали въ ручные и ножные кандалы и куда-то отправили. Началось, стало быть!

Черезъ нѣсколько дней, вслѣдъ за Мышкинымъ, исчезли Войнаральскій, Ковалякъ, Рогачевъ, Муравскій.

Тюрьма мало-по-малу очищалась такимъ образомъ отъ осужденныхъ по процессу 193-хъ, хотя, конечно, „свято мѣсто пусто не бываетъ" —освободившіяся камеры наполнялись „новичками",—уже раньше насъ успѣли смѣнить много-заслуженный Маркъ Натансонъ, его закадычный другъ Сергѣй Тютчевъ и другіе.

Дошла очередь до меня. Присяжные съ конвойными ночью (въ нашихъ казематахъ, вѣдь, все совершается подъ прикрытіемъ ночного мрака) вошли въ мою камеру, принесли собственную мою одежду и, разбудивъ меня, предложили одѣться.

Въ ихъ сопровожденіи я оставилъ за собою дворикъ каземата и, пройдя нѣсколько саженей отъ воротъ этого дворика, введенъ былъ ими въ какое-то крѣпостное помѣщеніе.

Я очутился въ высокой свѣже-выштукатуренной комнатѣ со многими дверями и оставленъ былъ здѣсь на короткое время одинъ.

Кругомъ царила мертвая щемящая тишина.—Я смотрѣлъ на бѣлыя стѣны высокой комнаты, и воображеніе мое невольно сосредоточилось на тѣхъ узникахъ, которые—не въ маломъ, вѣроятно, количествѣ—перебывали

въ этомъ мертвомъ зданіи, служившемъ, такъ сказать, предѣльною гранью между невольной жизнью въ крѣпости, этой эмблемѣ всей нашей русской жизни, и подневольной жизнью въ ссылкѣ въ разныхъ „столь“ и „не столь“ „отдаленныхъ мѣстахъ“ европейской и азіатской Россіи...

Минутъ черезъ пятнадцать меня препроводили въ одну изъ сосѣднихъ обширныхъ комнатъ, въ которой за традиціоннымъ присутственнымъ столомъ засѣдали чины губернскаго правленія.—Лаконически, безъ всякихъ объясненій, мнѣ предложили раздѣться догола, поставили меня подъ какую-то мѣрку возлѣ дверей, записали мои примѣты. Затѣмъ мгновенно внесли заготовленное для меня арестантское платье. Ни слова не говоря и безъ всякаго содѣйствія съ моей стороны—быстро, проворно, опытной рукой и совершенно sans façon надѣли на меня куртку и штаны изъ сѣраго грубаго арестантскаго сукна, а на ноги—онучи и „коты“, и... я былъ готовъ!

Въ совершенно преображенномъ видѣ я вышелъ съ сильно бьющимся сердцемъ изъ этого печальнаго зданія въ сопровожденіи жандармскаго офицера. На улицѣ возлѣ крыльца стояла обычная крытая карета. Конвоиръ открылъ дверцы,—я вошелъ, за мною вошелъ жандармскій офицеръ; захлопнули дверцы, опустили шторы,—и мы покатили.

Этого рода путешествіе уже для меня было обычное дѣло. Теперь я могъ съ увѣренностью знать, что для меня настало время надолго разстаться и съ Питеромъ, и съ Европейской Россіей вообще.

Черезъ нѣкоторое, довольно продолжительное время наша карета остановилась.—Я очутился на Николаевскомъ вокзалѣ и здѣсь водворенъ былъ моими конвоирами въ довольно обширный „арестантскій“ вагонъ съ толстыми и частыми рѣшетками въ окнахъ.

Здѣсь ждала меня крайне удручающая картина.—Въ вагонѣ находилось уже нѣсколько человѣкъ и между ними одинъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, съ почти совершенно голой и на-половину обритой головой, съ тяжелыми кандалами на рукахъ и ногахъ.

Это былъ Михаилъ Петровичъ Сажинъ.—Съ нимъ я встрѣчался уже на судѣ и тамъ немного съ нимъ познакомился. Но какъ сильно онъ измѣнился за столь короткое, сравнительно, время! Пережитая же имъ въ эту ночь столь рѣзкая перемѣна подѣйствовала, очевидно, на него, крайне подавляющимъ образомъ. Мертвенно-блѣдное лицо его отражало искусно заглушаемыя нравственныя муки, хотя онъ—человѣкъ съ сильнымъ, закаленнымъ характеромъ—наружно сохранялъ полное спокойствіе и самообладаніе...

Зачѣмъ и для чего понадобилось это излишнее и безцѣльное издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ и личностью побѣжденнаго политическаго противника!

Особое Присутствіе Сената Сажина не признало виновнымъ не только „въ составленіи“ тайнаго сообщества или во „вступленіи“ въ таковое „съ знаніемъ о цѣли онаго“, но даже и въ „знаніи и недонесеніи“ о сообществѣ. Сажинъ признанъ былъ, какъ и я, виновнымъ лишь въ „покушеніи на распространеніе книгъ преступнаго содержанія и въ участіи въ этомъ покушеніи“,—и, приговоривъ его, какъ и меня, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ, судъ „призналъ справедливымъ повергнуть на Монаршее милосердіе участь“ его, какъ и почти всѣхъ другихъ, и ходатайствовать о ссылкѣ его на житье даже не въ сибирскія губерніи, а „въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ“. Но Государь не призналъ возможнымъ согласиться на ходатайство Особаго Присутствія по отношенію къ Сажину. Третье же Отдѣленіе, сводя, очевидно, счеты съ Сажинымъ за его эмигрантскую дѣятельность [1]), рѣшило основательно отъ него отдѣлаться—запереть его въ Централку (это выяснилось потомъ), подвергши его предварительно бритью полъ-головы и заковкѣ въ кандалы...

Вагонъ нашъ мало-по-малу наполнялся. Скоро, насколько я припомню, очутились тамъ: Волховской, Лукашевичъ, Осташкинъ, Рабиновичъ, Союзовъ, Стопоне, Чернявскій и Шишко, а такъ какъ на каждаго „преступника“ полагалось по два жандарма, то въ вагонѣ, къ отходу поѣзда, находилось, какъ помнится, 30 человѣкъ, не считая жандармскаго офицера, занимавшаго отдѣльное помѣщеніе.

Шишко, во вниманіе къ его дворянству и офицерскому званію, отъ бритья полъ-головы освободили, но все-таки нашли нужнымъ и возможнымъ заковать его въ кандалы, не взирая на его болѣзненное состояніе.

Шишко [2]) признанъ былъ Особымъ Присутствіемъ Сената виновнымъ въ томъ, что онъ, въ числѣ 61 человѣка, „вступилъ“ въ составленное Мышкинымъ, Войнаральскимъ, Коваликомъ и Рогачевымъ тайное сообщество „съ знаніемъ о цѣляхъ онаго“ и распространялъ вмѣстѣ съ другими въ разныхъ мѣстахъ сочиненія съ цѣлью возбудить „къ явному неповиновенію Власти Верховной“: за эти „преступленія“ судъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 9 лѣтъ,—но и его

[1]) Сажинъ прожилъ долгое время за границей—въ Америкѣ, Франціи, Испаніи и—главнымъ образомъ—въ Швейцаріи, гдѣ онъ, подъ именемъ „Росса“, принималъ, какъ ближайшій помощникъ и представитель Бакунина, весьма дѣятельное участіе какъ въ дѣлахъ мѣстной „юрской федераціи“ Интернаціонала, такъ и въ подготовительныхъ работахъ къ русской революціи. Относясь отрицательно къ нѣкоторымъ сторонамъ его заграничной дѣятельности, нельзя не отдать однако ему справедливости въ выдающейся энергіи, дѣловитости и практической цѣлесообразности. Эти качества III-е Отдѣленіе вполнѣ оцѣнило и воздало Сажину должное!

[2]) Шишко окончилъ артиллерійское училище, въ которомъ онъ учился одновременно съ Кравчинскимъ, Рогачевымъ и др.

„участь“ повергнута была судомъ „на Монаршее милосердіе“ при ходатайствѣ о замѣнѣ для него каторги ссылкой на житье въ Тобольскую губернію. Но такое милосердіе признано было и по отношенію къ нему невозможнымъ...

Если всесильный шефъ корпуса жандармовъ, въ рукахъ котораго мы теперь всецѣло находились, призналъ возможнымъ совершить экзекуцію бритья головы и заковки въ кандалы надъ „почетнымъ гражданиномъ“ Сажинымъ, то съ „рабочимъ“ Союзовымъ ему, разумѣется, церемониться совсѣмъ уже не приходилось: не изобличенный въ принадлежности къ тайному сообществу, но признанный виновнымъ въ распространеніи книгъ „преступнаго содержанія“, Союзовъ приговоренъ былъ Особымъ Присутствіемъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 9 лѣтъ, но и его „участь“ оно „повергло на Монаршее милосердіе“, ходатайствуя о замѣнѣ и для него каторги ссылкой на житье въ Тобольской губерніи. Однако, и это ходатайство было оставлено безъ послѣдствій.

Мы всѣ остальные семь человѣкъ (Волховской, Лукашевичъ, Осташкинъ, Рабиновичъ, Стопоне, Чернявскій и я), какъ не лишенные „всѣхъ“ правъ и предназначенные лишь къ ссылкѣ на житье, отъ кандаловъ и бритья головы были освобождены.

2.

Перемѣна обстановки и движеніе *въ широкомъ пространствѣ* не могли, конечно, не оказать на насъ своего благотворнаго дѣйствія, и тяжелое чувство безсилія и безпомощности, вызванное въ насъ реально-конкретной картиной издѣвательства надъ человѣческимъ достоинствомъ всѣхъ насъ, а въ особенности Сажина, Союзова и Шишко,—понемногу улеглось, уступивъ вновь мѣсто всеисцѣляющей надеждѣ.

Мы разговорились, всячески стараясь разсѣять и развлечь наиболѣе изъ насъ пострадавшихъ, и оживленная бесѣда наша тянулась почти безъ перерыва до самой Москвы.

Не доѣзжая до послѣдней, мы всѣ (кромѣ одного Сажина), переведены были въ томъ же вагонѣ по соединительной вѣткѣ на Московско-Нижегородскій путь. Сажина же отъ насъ отдѣлили, и мы поняли, что тяжелое предчувствіе его оправдалось: рѣшили, очевидно, замуравить его въ одной изъ „централокъ“ Харьковской губерніи, въ которыя—по дошедшимъ уже до насъ свѣдѣніямъ—заключили не только Мышкина, но и Войнаральскаго, Ковалика, Муравскаго и Рогачева, „участь“ коихъ „повергалась“ Особымъ Присутствіемъ на „Монаршее милосердіе“ при хода-

тайствѣ замѣны для нихъ каторжныхъ работъ въ крѣпостяхъ ссылкой „на поселеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири“.

Смутно уже помнится мнѣ теперь наше передвиженіе до Нижняго-Новгорода, откуда мы должны были уже дальше ѣхать водой на пароходѣ.

Такъ какъ поѣздъ нашъ не поспѣлъ къ отходу парохода, при которомъ находилась спеціально-приспособленная арестантская баржа, то намъ пришлось остановиться на нѣсколько дней въ Нижнемъ. По распоряженію жандармскаго офицера (начальника конвоировавшей насъ команды), возлѣ Нижегородскаго вокзала заготовлены были для насъ десять полуоткрытыхъ фаэтоновъ, въ каждый изъ которыхъ помѣстили по одному изъ насъ съ двумя жандармами по обѣимъ его сторонамъ.

Процессія наша торжественно двигалась по городу по направленію къ пересыльной тюрьмѣ.

Послѣдняя находилась на горѣ, такъ что экипажи подвигались очень медленно, вызывая всеобщую сенсацію: интеллигентный по облику человѣкъ въ полномъ арестантскомъ одѣяніи, помѣщенный между двумя жандармами при полномъ вооруженіи,—двигающійся въ приличномъ фаэтонѣ,—за нимъ другой—третій и т. д., при чемъ шествіе замыкается ѣдущимъ особнякомъ жандармскимъ офицеромъ,—такая своеобразная картина не могла не обратить на себя всеобщаго вниманія,—тѣмъ болѣе, что тогда какъ-разъ выпалъ праздничный день, и по горѣ фланировала большая масса празднично-разодѣтой публики.

Между прочимъ, спускался съ горы навстрѣчу на прекрасномъ рысакѣ какой-то очень прилично одѣтый среднихъ лѣтъ человѣкъ въ совершенно новенькомъ лоснящемся цилиндрѣ. Кучеръ, по его, очевидно, приказанію, задержалъ ходъ рысака и двигался шагомъ почти вплотную около нашей процессіи. Возлѣ каждаго фаэтона нижегородецъ высоко приподымалъ свой цилиндръ и отвѣшивалъ низкій-пренизкій поклонъ, а такъ какъ фаэтонъ отъ фаэтона двигался на разстояніи 1—2 аршинъ, то сцена получилась весьма эффектная и демонстративная, такъ что, когда мы подъѣхали къ тюрьмѣ, жандармы съ большимъ любопытствомъ разспрашивали насъ про встрѣтившагося съ нами господина: не родственникъ ли-де это чей-либо, не знаемъ ли мы, молъ, кто онъ такой и какъ его зовутъ.

Эта встрѣча, какъ и оказанное намъ никѣмъ не подготовленное сочувственное вниманіе, очень насъ—признаться—обрадовали, такъ какъ въ нихъ вылилось вполнѣ опредѣленное отношеніе къ тому дѣлу, которому мы служили, и за которое насъ снарядили въ дальній путь.

Сдавъ насъ на храненіе тюремному начальству, жандармскій офицеръ самъ отлучился въ городъ по своимъ дѣламъ, не позаботившись о томъ, чтобы насъ какъ-нибудь сносно устроить. Отведенныя намъ камеры оказа-

лись очень плохими и сырыми, горячей пищи намъ вовсе не отпустили, такъ какъ общее обѣденное время уже давно прошло, а относительно обѣда для насъ никакого распоряженія заблаговременно не сдѣлали. Въ довершеніе всего тюремное начальство не соглашалось пустить насъ въ контору, чтобы мы могли, воспользовавшись временной остановкой, написать письма роднымъ,—на томъ основаніи, что мы находимся въ вѣдѣніи жандармскаго офицера, у котораго-де и ключи отъ нашего коридора.

Мы потребовали, чтобы къ намъ вызвали прокурора. Тюремная администрація отказалась исполнить наше требованіе. Мы подняли шумъ. Уголовные выразили намъ свое сочувствіе и сообщили, что скоро долженъ прибыть въ тюрьму товарищъ прокурора, и мы можемъ этимъ воспользоваться.

Чернявскій и я приняли на себя дежурство у окна, выходившаго во дворъ, и какъ только мы увидѣли, что вошелъ во дворъ вмѣстѣ съ смотрителемъ молодой товарищъ прокурора (намъ описана была его наружность), мы очень громко окликнули его. Онъ подошелъ къ нашему окну, и мы на его вопросъ—въ чемъ дѣло, заявили ему, что наша партія проситъ его зайти къ намъ и выслушать наши претензіи. Молодой (по, очевидно, изъ раннихъ) товарищъ прокурора очень смутился и пролепеталъ въ отвѣтъ, что партія наша находится-де въ вѣдѣніи жандармскаго офицера, и ему, поэтому, не удобно вмѣшиваться въ распоряженія послѣдняго. Мы поставили тогда товарищу прокурора категорическій вопросъ: признаетъ ли онъ насъ въ данный моментъ *арестантами*, заключенными въ *Нижегородской* тюрьмѣ,—и обязанъ ли онъ, какъ товарищъ прокурора, посѣщать *всѣхъ* въ этой тюрьмѣ заключенныхъ, выслушивать ихъ жалобы и удовлетворять тѣ изъ этихъ жалобъ, которыя основаны на законѣ?

Прижатый къ стѣнѣ, товарищъ прокурора, скрѣпя сердце, вошелъ къ намъ и мы предъявили ему слѣдующія два требованія:

1) Леонидъ Шишко, какъ дворянинъ и бывшій поручикъ, хотя и лишенный по суду правъ, согласно, однако, нашимъ существующимъ законамъ, не могъ быть подвергнутъ заковкѣ въ кандалы до прибытія на мѣсто каторжныхъ работъ [1]): мы требуемъ, поэтому, распорядиться о немедленномъ снятіи съ него оковъ, которыя—въ виду его серьезнаго болѣзненнаго состоянія—крайне гибельны для его здоровья.

2) Судъ надъ всѣми нами уже законченъ, и мы теперь направляемся на мѣста ссылки. Стало быть, лишеніе насъ права переписки съ родными и даже знакомыми совершенно противозаконно,—и мы требуемъ немедлен-

---

[1]) Заковка въ кандалы преступниковъ, не лишенныхъ дворянства, воспрещена Указомъ 22 декабря 1827 г.

наго распоряженія о предоставленіи намъ возможности написать въ конторѣ тюрьмы нужныя письма.

Товарищъ прокурора, внимательно выслушавъ насъ, робко заявилъ намъ, что немедленно онъ отправляется къ прокурору, передастъ ему точно всѣ наши доводы и требованія и не позже, какъ часа черезъ два, вернется къ намъ съ отвѣтомъ.

Дѣйствительно, часа черезъ полтора онъ вернулся и заявилъ намъ: прокуроръ совершенно согласенъ съ нами, что Шишко незаконно заковали въ кандалы, и очень объ этомъ сожалѣетъ, но такъ какъ мѣра эта принята внѣ его, прокурора, округа, еще въ Петербургѣ по распоряженію III-го Отдѣленія, то онъ не считаетъ себя вправѣ ее отмѣнить. Что же касается писемъ, то онъ—товарищъ прокурора уполномоченъ прокуроромъ разрѣшить намъ всѣмъ отправиться въ контору и тамъ, подъ его наблюденіемъ, написать кому угодно и какія угодно письма.

Предъявивъ протестъ противъ незакономѣрнаго отвѣта относительно Шишко, мы отправились въ контору и принялись тамъ за письма. Вернувшійся тѣмъ временемъ жандармскій офицеръ остался крайне недоволенъ вмѣшательствомъ „постороннихъ" въ „его" дѣло и заявилъ, что такъ какъ онъ не получилъ никакой опредѣленной инструкціи относительно переписки нашей въ дорогѣ, то онъ не возражаетъ противъ того, что мы пишемъ въ конторѣ письма, но полагаетъ, что послѣднія-де могутъ быть отправлены не иначе, какъ черезъ него, да и то онъ сочтетъ себя обязаннымъ предварительно послать ихъ на просмотръ въ Московское жандармское управленіе.

Дѣлать было нечего. Пришлось подчиниться капризу офицера, спасавшаго этимъ путемъ свой „престижъ", да и не цѣлесообразно было для насъ обострить съ своимъ путевымъ начальникомъ отношенія, тѣмъ болѣе, что письма наши были, разумѣется, самаго невиннаго содержанія. Что же касается Шишко, то какъ ни горестно было для насъ тяжелое положеніе этого до крайности деликатнаго и прекраснаго товарища, мы очень хорошо понимали, что наложенные на него кандалы—продуктъ творчества III-го Отдѣленія, которое тогда еще было слишкомъ всесильно, чтобы какой-нибудь прокуроръ, хотя и именуемый „блюстителемъ закона", осмѣлился идти явно противъ его распоряженія, если только онъ не готовъ былъ отстаивать „законность", рискуя даже своей „карьерой", а такихъ праведныхъ „законниковъ" было бы наивно искать (въ особенности въ то время) въ нашемъ „правовомъ" государствѣ въ средѣ „коронныхъ" чиновниковъ (да и не только коронныхъ) какого бы то ни было вѣдомства...

3.

Через нѣсколько дней нас опять въ полуоткрытыхъ фаэтонахъ препроводили на пароходную пристань.—Здѣсь размѣстили насъ въ довольно вмѣстительной трюмной каютѣ, такъ называемой, арестантской баржи [1]). Нашъ жандармскій офицеръ нашелъ вполнѣ возможнымъ не помѣщать въ нашей каютѣ никого изъ нашихъ провожатыхъ-жандармовъ [2]), разсуждая вполнѣ основательно, что толстѣйшія рѣшетки въ маленькихъ надводныхъ окошечкахъ трюмной каюты и запертая снаружи на замокъ выходная на палубу дверь, возлѣ которой днемъ и ночью караулилъ часовой, продставляли вполнѣ прочную гарантію отъ возможности побѣговъ. Поэтому въ нашемъ помѣщеніи было, сравнительно, довольно просторно,— говорю: „сравнительно", такъ какъ въ этой же каютѣ „уголовныхъ" арестантовъ помѣщали обыкновенно человѣкъ 50—60 и больше, и тогда, разумѣется, стояла спертая духота...

Немного осмотрѣвшись и освоившись съ новымъ положеніемъ, мы расположились на устроенныхъ въ каютѣ въ два ряда нарахъ,—каждый со взятымъ съ собою багажемъ.

Здѣсь, въ водной стихіи, мы чувствовали себя довольно не дурно. Мы устраивали совмѣстныя чтенія взятыхъ въ дорогу книгъ, вели безконечныя бесѣды о разныхъ разностяхъ, болѣе детально знакомились другъ съ другомъ и т. д. Кормили насъ (больше на собственный нашъ счетъ) довольно сносно. Чаевали и обѣдали мы всѣ вмѣстѣ артельно. По вечерамъ, когда помѣщавшихся въ другихъ трюмныхъ каютахъ уголовныхъ арестантовъ запирали на ночь, насъ выпускали на прогулку на палубную площадку (между рубками), и мы проводили здѣсь цѣлые часы подъ открытымъ небомъ, любуясь широко раскинувшимся надъ обширной водной поверхностью Камы и Волги горизонтомъ, созерцанія котораго мы лишены были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Было лѣто. Стояли очень теплые дни, и намъ доставляло особенное, невыразимое удовольствіе ежедневное купаніе въ своеобразномъ „бассейнѣ", приспособленномъ для арестантовъ при арестантскихъ баржахъ: была отдѣлена отъ нашей трюмной каюты одна боковая часть, полъ въ кото-

[1]) При буксирныхъ пароходахъ считалось тогда обязательнымъ имѣть двѣ особыя спеціальныя баржи,—одну на 300 и другую на 400 человѣкъ.—Въ каждой изъ этихъ баржъ устроены были по три каюты, надъ которыми на палубѣ находились двѣ рубки: носовая и кормовая. Площадь же между этими рубками, огороженная частой рѣшеткой изъ толстой проволоки, служила мѣстомъ для прогулки арестантовъ.

[2]) Для нижнихъ чиновъ этапныхъ командъ въ кормовой рубкѣ находилась особая каюта. Офицеръ же нашъ, вмѣстѣ съ начальникомъ общей этапной команды, помѣщался въ одной изъ четырехъ каютъ носовой рубки.

рой, сидѣвшій на глубинѣ 2—3-хъ аршинъ въ водѣ, какъ и бортовая стѣнка, представляли сѣть отверстій, черезъ посредство которыхъ вода въ этомъ „бассейнѣ“ безпрерывно освѣжалась. Мы съ наслажденіемъ, моментально скидывая съ себя одежду, бросались въ эту ванну, ныряя, барахтаясь и плавая въ ней, сколько кому угодно было.

Жилось намъ, вообще, въ этой плавучей тюрьмѣ недурно. О прошломъ и будущемъ мы старались по возможности меньше думать. Въ настоящемъ же наше въ общемъ недурное настроеніе лишь отравлялось кандалами симпатичнѣйшаго нашего товарища Шишко: эти кандалы замѣтно причиняли ему серьезныя страданія, хотя—по свойственной ему деликатной заботливости объ окружающихъ—онъ всячески старался скрывать отъ насъ свои мученія. Въ то время какъ крѣпкій, уравновѣшенный и жизнерадостный Союзовъ не только самъ не поддавался унынію, но еще всякими способами насъ развлекалъ, бодро побрякивая своими кандалами и пускаясь, по временамъ, даже въ плясъ, болѣзненный Шишко, совершенно разстроившій въ тюрьмѣ свое здоровье, молча страдалъ и мучился. Союзовъ въ теченіе перваго же дня пребыванія на баржѣ изловчился какъ-то приводить кандалы въ такое состояніе, что онъ—во всякую минуту—могъ безъ всякаго труда скидывать ихъ и затѣмъ съ такою же легкостью водворять ихъ на надлежащее мѣсто, такъ что на сонъ грядущій вовсе освобождалъ себя отъ нихъ. Шишко никакъ не могъ приспособиться къ этому искусству...

Такъ мы добрались до красиваго Екатеринбурга, этого прославленнаго центра уральскихъ горнопромышленниковъ. Отсюда, послѣ короткой передышки, насъ отправили дальше уже новымъ способомъ передвиженія—на почтовыхъ лошадяхъ: каждаго изъ насъ отправляли, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, на отдѣльной „тройкѣ“, при чемъ тройка слѣдовала за тройкой, а на послѣдней тройкѣ помѣщался обыкновенно ради экономіи прогонныхъ (въ собственную свою, разумѣется, пользу) жандармскій офицеръ, замыкавшій нашъ своеобразный поѣздъ.

Тогда, во 2-й половинѣ 70-хъ годовъ пр. столѣтія „великаго сибирскаго пути“ еще не существовало,—Екатеринбургъ не былъ еще соединенъ съ Тюменью желѣзно-дорожной линіей, такъ что на этомъ участкѣ сообщеніе производилось исключительно на лошадяхъ, при чемъ „трактъ“ содержался въ образцовомъ порядкѣ.

Ѣхали мы днемъ и ночью, съ самыми короткими остановками на станціяхъ, на которыхъ—по телеграфному распоряженію нашего жандармскаго офицера—для насъ заранѣе заготовлялись лошади. Раза два-три въ день мы останавливались въ прекрасныхъ станціонныхъ помѣщеніяхъ на болѣе продолжительное время для обѣда и чаепитія, при чемъ начальникъ нашего конвоя заказывалъ для насъ заблаговременно въ опредѣленныхъ

пунктахъ по телеграфу обѣдъ, меню котораго разрабатывалъ по соглашенію съ нами.

Впервые я теперь познакомился съ удивительно-пріятной,—можно даже сказать, поэтической—„сибирской гоньбой", которая въ то время (отчасти и теперь) пользовалась широкой славой. Правда, географически Екатеринбургъ еще, собственно говоря, не Сибирь, а знаменитый пограничный столбъ, отдѣляющій Европейскую Россію отъ Сибири, находился значительно дальше. Но населеніе съ „географіей" не считается; оно уже этотъ край признаетъ Сибирью, а себя—сибиряками, что имѣетъ за себя (или, по крайней мѣрѣ, тогда имѣло) не мало основаній, такъ какъ уральцы въ значительной степени заселяли Сибирь и съ очень давняго времени между этимъ райономъ и районами смежныхъ сибирскихъ губерній, особенно Тобольской, существовали безпрерывныя сношенія...

Лошади въ этомъ краѣ крѣпкія, здоровыя, выносливыя. Мчатся онѣ во весь духъ, дѣлая часто по 15—20 верстъ въ часъ безъ особаго утомленія. Сибиряки—большіе любители лошадей, умѣютъ ихъ выхаживать и за ними ухаживать. Корма они имъ не жалѣютъ, отпускаютъ имъ вдоволь хорошій овесъ, но за то и требуютъ отъ нихъ отличной, исправной „работы". Когда сибирскій ямщикъ возьметъ въ свои руки возжи, крѣпко натянетъ ихъ и изо-всей мочи крикнетъ: „нн-у-у, голубчики, ррр-а-б-о-тай!",—тройка его ринется изо всѣхъ силъ впередъ и мчится, какъ угорѣлая, безъ оглядки—безъ передышки, пока этого самъ ямщикъ не потребуетъ. Особенно поразилъ меня подъемъ тройки на гору: недоѣзжая саженъ 10—20 до подошвы горы, ямщикъ со всѣхъ силъ разгонитъ свою тройку, выпуститъ возжи,—и тройка вихремъ, напрягая всѣ силы, подымается на гору и лишь на вершинѣ задержится на минуту для передышки.

При такой ѣздѣ, сопровождающейся каждые 2—3 часа перепряжкой и перемѣной почтовой кибитки, спать очень мудрено. Возможно это еще, пожалуй, когда ѣдешь въ собственномъ „тарантасѣ", когда экипажъ по дорогѣ не мѣняется и на станціяхъ перепрягаютъ лишь лошадей. Но когда ѣдешь въ открытыхъ или полуоткрытыхъ почтовыхъ кибиткахъ, которыя на каждой станціи также смѣняются вмѣстѣ съ лошадьми, при чемъ приходится каждый разъ перекладывать и укладывать багажъ, то спать (въ кибиткѣ) почти невозможно...

Безпрерывная быстрая ѣзда въ тряскихъ кибиткахъ до того утомляетъ, что я, напр., уже на 3-й день постоянно впадалъ въ дремотное состояніе; и въ послѣднюю ночь жандармамъ моимъ приходилось вносить меня на станцію на рукахъ, тамъ я моментально на диванчикѣ на 10—15 минутъ засыпалъ мгновенно, какъ мертвый, и имъ приходилось опять на рукахъ меня выносить и усаживать въ кибитку.

Возлѣ историческаго „пограничнаго столба“ мы на нѣсколько минутъ остановились съ разрѣшенія начальника нашего конвоя. Это—большая каменная вертикальная колонна на широкомъ каменномъ пьедесталѣ, на которой имѣется соотвѣтствующая официальная надпись, гласящая, что здѣсь, молъ, конецъ Европы, начинается Азія—Сибирь. „Столбъ“ испещренъ былъ массой не-официальныхъ частныхъ надписей, которыми разные „помнящіе“ и „непомнящіе“ пожелали увѣковѣчить для потомства присутствіе свое въ этомъ историческомъ пунктѣ, или давали тѣ или другія указанія пріятелямъ, слѣдующимъ за ними въ другихъ партіяхъ. Память моя надписей этихъ не сохранила, но помню, что нѣкоторыя изъ нихъ своимъ лаконически юмористическимъ характеромъ и чрезвычайной мѣткостью вызывали съ нашей стороны гомерическій хохотъ.

Не у одного изъ насъ ёкнуло сердце при созерцаніи этой эмблемы предстоящей намъ очень продолжительной (а, можетъ быть, и вѣчной) подневольной жизни.

Что-то ждетъ насъ впереди, за этимъ столбомъ,—невольно думалось каждому изъ насъ!..

4.

И вотъ мы въ самомъ первомъ заселенномъ пунктѣ Сибирѣ—въ основанной царскими воеводами Василіемъ Сукинымъ и Иваномъ Мяснымъ еще въ 1585 году (вскорѣ послѣ смерти Ермака Тимофеевича) богатой и торгово-промышленной *Тюмени*,—въ первомъ, на пути нашемъ, сибирскомъ городѣ.

Тюмень — одинъ изъ самыхъ „крупныхъ“ окружныхъ [1]) городовъ Тобольской губерніи, въ которой должна была осѣсть половина нашей партіи: Волховской, Осташкинъ, Стопоне, Чернявскій и я.—Выраженіе: „самый крупный“ не должно, впрочемъ, вводить въ заблужденіе читателя. Оно можетъ быть употреблено здѣсь лишь *сравнительно*, ибо этотъ промышленный и торговый пунктъ Тобольской губерніи, славившійся своими коврами и своимъ гончарнымъ производствомъ, насчитывалъ въ то время всего около 14.000 жителей обоего пола. Однако, послѣ Тобольска (съ населеніемъ въ то время около 17.000 ж.) Тюмень былъ самый населенный городъ въ губерніи.

Тройки наши остановились возлѣ одного своеобразнаго архаическаго учрежденія, спеціально вѣдавшаго ссылаемыхъ въ Сибирь на житье и поселеніе и въ каторжныя работы,—возлѣ „Приказа о ссыльныхъ“, помѣщавшагося въ одномъ изъ лучшихъ тюменскихъ зданій.

---

[1]) Въ Сибири уѣзды назывались „округами“, а администр. центры — „окружными городами“.

Во главѣ Приказа стоялъ совѣтникъ, въ распоряженіи котораго находился цѣлый штатъ служащихъ, влачившихъ самое жалкое существованіе, такъ какъ крайне мизерные оклады давали возможность только кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ сводить концы съ концами, перебивались, что называется, съ хлѣба на квасъ,—и то благодаря лишь тому, что жизнь въ Тобольской губерніи отличалась тогда необыкновенной дешевизной.

Приказъ представлялъ изъ себя учетное и распорядительное учрежденіе. При помощи и содѣйствіи тобольской, томской, красноярской и иркутской экспедицій о ссыльныхъ, учрежденіе это принимало, распредѣляло и наблюдало за всѣми ссыльными, разбросанными по всей обширной Сибири и представлявшими, по выраженію Пушкина, смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ.— Въ этомъ Приказѣ, при всей ограниченности его штата, велась обширнѣйшая переписка и фабриковались цѣлыя тысячи дѣлъ. Онъ получалъ увѣдомленія отъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ нашей обширной родины о преступникахъ, приговаривавшихся ими къ ссылкѣ въ Сибирь. Имена ссыльныхъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, вносились Приказомъ въ предварительный алфавитъ. Затѣмъ, по прибытіи въ Тюмень лицъ, занесенныхъ въ этотъ алфавитъ, Приказъ, тщательно провѣривъ ихъ примѣты, заносилъ ихъ уже въ другой списокъ—распорядительный алфавитъ, въ которомъ отмѣчались и тѣ сибирскія губерніи, въ которыя они назначались Приказомъ руководствовавшимся при этомъ особо преподанными ему правилами и соображеніями. Продѣлавъ эту процедуру, Приказъ пересылалъ преступниковъ при особыхъ, такъ называемыхъ, статейныхъ спискахъ [1]) въ соотвѣтствующія экспедиціи. Послѣднія назначали уже присланныхъ къ нимъ ссыльныхъ въ соотвѣтствующіе округа, волости или города своихъ губерній, увѣдомляя объ этомъ Приказъ, который уже тогда полученныя новыя свѣдѣнія вносилъ въ алфавитъ окончательный.

Изъ изложеннаго очевидно, что на обязанности Приказа лежало— вести учетъ ссыльныхъ и распредѣлять ихъ, при содѣйствіи экспедицій по разнымъ райнамъ Сибири въ предѣлахъ, конечно, приговоровъ соотвѣтствующихъ судебныхъ мѣстъ. При этомъ предполагалось, что какъ Приказъ, такъ и экспедиціи руководствуются при распредѣленіи ссыльныхъ не одними лишь соображеніями о степени населенности того или другого пункта, но и субъективными свойствами ссыльныхъ—ихъ пригодностью для того или другого рода занятій, образа жизни и т. п. Получалось, однако, на дѣлѣ совсѣмъ не то. Эти архаическія учрежденія

---

[1]) Въ статейномъ спискѣ обозначалось преступленіе, за которое судился ссылаемый, указывались его примѣты, лѣта, мѣсто родины, званіе и присужденное ему наказаніе.

распредѣляли (и нынѣ, кажется, распредѣляютъ) своихъ опекаемыхъ чисто-механическимъ путемъ. Ссыльные направлялись ими просто наугадъ, куда попало. Сплошь и рядомъ наблюдалась такая картина: прислуга— повара, кухарки, горничныя, лакеи и т. п. попадали въ глухія волости, или въ несчастные захолустные городишки въ родѣ Березова, Сургута, или Обдорска, гдѣ на ихъ профессіи рѣшительно никакого спроса не существовало, а между тѣмъ въ Томскѣ, Иркутскѣ, Енисейскѣ или Читѣ на нихъ былъ бы спросъ и они могли бы приложить къ чему-либо свою профессію; землеробы попадали въ разные глухіе городки, гдѣ еще съ грѣхомъ-пополамъ могли бы найти себѣ занятіе слуги, но пахарю буквально нечего было дѣлать, или ихъ водворяли въ такихъ пунктахъ, гдѣ требовались скотоводы и охотники, но отнюдь не земледѣльцы. Какой-нибудь одесскій или таганрогскій матросъ попадалъ не на Байкалъ, или на Ангару, или на Обь, гдѣ онъ все-таки могъ бы найти для себя какое-либо подходящее занятіе, а въ города Туринскъ, Тару или Курганъ, гдѣ ему рѣшительно нечего было дѣлать при всемъ его желаніи; степняка-херсонца водворяли въ дремучей пелымской тайгѣ, а какого-нибудь лѣсного вятича или костромича назначали въ районъ Барабинской степи, и т. д. и т. д. Въ результатѣ и получалось столь обычное въ Сибири явленіе, что ссыльные очень рѣдко ожидали въ пунктахъ, куда водворяли Приказъ и экспедиціи,[1]) а въ громадномъ большинствѣ случаевъ они пускались въ бѣга, образуя особый своеобразный классъ бѣглыхъ и бродягъ, при чемъ, какъ выразился одинъ офиціальный документъ, въ Сибири не бѣгаютъ только тѣ, кто на это не согласны...

Съ этимъ явленіемъ я въ деталяхъ ознакомился, конечно, лишь впослѣдствіи, когда я занялся изученіемъ Сибири, но я не могъ не остановиться на немъ хоть вскользь здѣсь, говоря объ историческомъ Приказѣ, вѣдавшемъ судьбы несчастненькихъ.

Политическіе ссыльные состояли въ непосредственномъ завѣдываніи шефа жандармовъ, который или распредѣлялъ ихъ непосредственно самъ, или предоставлялъ это распредѣленіе сибирскимъ генералъ-губернаторамъ. Шефъ же жандармовъ или, правильнѣе говоря, III Отдѣленіе, во главѣ котораго онъ стоялъ, имѣло непрерывное и недреманное наблюденіе за пребывающими въ Сибири политическими ссыльными. *Учетъ* же политическихъ ссыльныхъ, какъ и учетъ всѣхъ вообще ссыльныхъ, сосредоточивался въ томъ же Приказѣ, почему насъ, по прибытіи въ Тюмень, прямо туда и доставили.

---

[1]) Осѣдало, обыкновенно, по офиціальнымъ даннымъ не болѣе пятой или шестой части.

Получивъ отъ начальника нашего конвоя соотвѣтствующія свѣдѣнія и сдѣлавъ въ своихъ „алфавитахъ" соотвѣтствующія отмѣтки, Приказъ направилъ насъ въ тюменскую пересыльную тюрьму. Шишко и Союзовъ черезъ 2—3 дня въ тѣхъ же кандалахъ отправлены были дальше—на Кару подъ конвоемъ того же жандармскаго офицера. Вскорѣ послѣ нихъ отправлены были въ Иркутскъ, въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири Лукашевичъ и Рабиновичъ. Намъ же всѣмъ остальнымъ пришлось погостить въ тюменской тюрьмѣ впредь до распредѣленія по Тобольской губерніи.

Тюменская пересыльная тюрьма принадлежала въ то время (вѣроятно, она и теперь такой же осталась) къ самымъ скверныъ по своимъ санитарно-гигіеническимъ условіямъ.—Находясь въ пунктѣ, черезъ который безпрерывно двигались съ Запада на Востокъ всякія арестантскія „партіи", тюрьма эта всегда бывала чрезмѣрно переполнена и вмѣщала въ нѣсколько разъ больше народа, чѣмъ сколько она могла бы вмѣстить по своему кубическому объему,—и въ тѣсныхъ камерахъ на, такъ называемыхъ, нарахъ (кровати составляли здѣсь чрезвычайно рѣдкую роскошь) приходилось спать почти въ повалку. Всегда биткомъ набитыя камеры содержались грязно и крайне неопрятно; вентиляція была первобытная, а воздухъ стоялъ всегда спертый и удушливый. Кормили здѣсь изъ рукъ вонъ плохо.

Такъ какъ мы были „политическіе", то тюремная администрація считала, уже по разъ заведенному порядку, необходимымъ всячески изолировать насъ отъ „уголовныхъ". Въ виду же того, что послѣднихъ было слишкомъ много, и они въ тѣсныхъ переполненныхъ камерахъ своихъ почти задыхались отъ духоты, имъ разрѣшалось оставаться на дворѣ—на прогулкахъ—въ теченіе цѣлаго дня, и мы лишались тѣмъ самымъ возможности пользоваться прогулками, такъ какъ—въ противномъ случаѣ—по мнѣнію тюремной администраціи, она должна бы была уголовныхъ на время нашихъ прогулокъ держать подъ замкомъ въ камерахъ, на что мы сами не нашли возможнымъ согласиться, когда намъ предоставлено было рѣшить эту проблему. Волей - неволей пришлось мириться съ этимъ положеніемъ, довольствоваться прогулками по тѣсному и мрачному своему коридорчику и . . . ждать.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день намъ объявили, что я и Чернявскій назначены на житье въ г. Ялуторовскъ, одинъ изъ ближайшихъ отъ Тюмени городовъ, на разстояніи отъ нея всего въ 80-ти верстахъ,— что Волховскому назначенъ мѣстомъ жительства г. Тюкалинскъ, путь въ который лежалъ черезъ Ялуторовскъ, и Осташкину мѣстомъ водворенія назначена Тара.

5.

Распростились мы съ товарищами и двинулись въ путь. Одновременно я, Чернявскій и Волховской разстались съ тюменской пересыльной тюрьмой и отправились въ двухъ кибиткахъ въ сопровожденіи мѣстныхъ полицейскихъ,—я съ Чернявскимъ въ одной кибиткѣ, и Волховской въ другой.

Вечеромъ того же дня мы были уже въ Ялуторовскѣ. Напившись на станціи чаю и обмѣнявшись на память ложками (ничего другого при насъ не было), мы съ Волховскимъ крѣпко расцѣловались и, сердечно обнявшись, разстались, торжественно обязавшись взаимно вести частую переписку, хотя намъ и объявлено было, что корреспонденція наша вся будетъ обязательно подвергаться просмотру мѣстной полиціи, и что мы-де не имѣемъ права вести переписку съ кѣмъ бы то ни было помимо полиціи.

Распрощавшись съ Волховскимъ, я съ Чернявскимъ отправились въ сопровожденіи нашего конвоира для явки въ Полицейское Управленіе. Здѣсь мы приняты были подъ расписку помощникомъ исправника и отпущены были на всѣ четыре стороны съ обязательствомъ, по пріисканіи квартиры, сообщить немедленно полиціи свой адресъ.

Переночевать пришлось, конечно, на почтовой станціи,—благо послѣдняя помѣщалась въ просторномъ домѣ, отдѣльномъ отъ жилья многосемейнаго хозяина, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ свободныхъ, чистыхъ и высокихъ комнатъ, одну изъ которыхъ почтосодержатель предоставилъ намъ до пріисканія квартиры.

Хозяинъ станціи,—крѣпкій, коренастый старикъ лѣтъ 60-ти, прибывшій въ Сибирь много лѣтъ назадъ, какъ ссыльный,—давно уже въ Ялуторовскѣ обжившійся и уже превратившійся въ „старожила-хозяина",—отнесся къ намъ довольно радушно. Онъ угостилъ насъ сытнымъ ужиномъ, въ меню котораго вошли, конечно, пресловутые сибирскіе „пельмени" и водка, и за ужиномъ посвятилъ насъ во всѣ далеко не сложныя тайны нашего отнынѣ Ялуторовска.—Съ перваго же абцуга и прежде всего онъ съ нескрываемою гордостью посвятилъ насъ въ свои знакомства съ сибирскими губернаторами и генералъ-губернаторами, которые-де его „очень любили" и всегда удостаивали его чести по пути въ Россію и обратно „закусывать" у него и получать отъ него „дорожный запасъ" изъ двухъ-трехъ „мѣшковъ" бульона, супа и пильменей. Нужно замѣтить, что, такъ какъ передвиженіе по Сибири (въ особенности зимою) производилось въ то время исключительно на лошадяхъ [1]), а большія почтовыя станціи

[1]) Лѣтомъ между Тюменью и Томскомъ существовало пароходное сообщеніе.

встрѣчались не часто, то сибиряки и другіе проѣзжающіе, отправляясь въ путь, считали нужнымъ брать съ собою въ дорогу значительные запасы провизіи: помимо всевозможныхъ печеній, сахару, чаю и неизбѣжной водки или рома, заготовлялись цѣлыя ведра борща или супа, которыя замораживались и, при продолжительныхъ крѣпкихъ сибирскихъ морозахъ, могли оставаться цѣлые мѣсяцы въ такомъ видѣ; большими глыбами, чаще кружками, борщъ или супъ укладывались въ мѣшки, которые преспокойно упаковывали въ тарантасы; также сотнями заготовлялись въ дорогу пельмени, которые въ замороженномъ же видѣ (сырые) укладывались также въ мѣшки. Когда проѣзжій останавливался на какой-нибудь станціи для обѣда или для ужина, онъ поручалъ хозяйкѣ разводить огонь, топоромъ откалывалъ изъ мѣшка кусокъ замороженнаго борща или супа, опускалъ куски эти въ горшки, которые ставили въ печь,—и черезъ 5—10 минутъ готово было горячее жидкое, съ особеннымъ аппетитомъ поглощавшееся послѣ ѣзды по морозу,—откалывались изъ мѣшка также куски пельменей, которые, прокипятившись въ горячемъ бульонѣ нѣсколько минутъ, являлись весьма лакомымъ блюдомъ, истреблявшимся также съ большимъ аппетитомъ при неизмѣнной приправѣ крѣпкой сибирской водки...

Старикъ съ особенно пріятнымъ чувствомъ вспоминалъ о восточно-сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Корсаковѣ, который „леталъ“ по Сибири „вихремъ“, загоняя по пути не одну тройку почтовыхъ лошадей и умудряясь, будто бы, добираться изъ Иркутска до Петербурга въ 10—12 дней, останавливаясь лишь для обѣда разъ въ день,—и въ томъ числѣ обязательно и у него въ Ялуторовскѣ...

Впервые, наконецъ, мы очутились, послѣ многихъ лѣтъ тюремной жизни „на волѣ“,—въ комнатѣ безъ рѣшетокъ въ окнахъ, при свободномъ и достаточномъ освѣщеніи, безъ присмотра стражи, безъ надглазника,—одни, *сами по себѣ*! Мы смотрѣли у открытыхъ оконъ, любовались въ теплую лѣтнюю ночь широкимъ небеснымъ сводомъ, созерцая улицу и окрестные дома и испытывали какое-то странное чувство при мысли, что вотъ-де „вдругъ“ мы „на свободѣ“, что никто не препятствуетъ намъ раскрывать свои окна, высовывать свою голову... Въ этотъ моментъ (и, конечно, на самый короткій моментъ) забыто было все,—и прошедшее, и будущее, и даже настоящее. Мы ощущали какое-то полное физическое довольство,—довольство самимъ фактомъ своего *существованія*...

Съ наслажденіемъ мы смотрѣли, какъ „хозяйка“ приготовляла для насъ постели на широкихъ объемистыхъ кроватяхъ, покрывая хорошіе пружинные матрацы чистыми простынями, высоко взбивая пуховыя мягкія подушки въ бѣлыхъ свѣжихъ наволокахъ. Отъ *этого* нашъ глазъ давно отвыкъ!

Я раздѣлся, улегся, съ наслажденіемъ растянулъ на чистой простынѣ свои усталые члены и послѣ дневного 80-ти верстного путешествія въ тряской кибиткѣ, продолжительной бесѣды съ „хозяиномъ", со смакомъ посвящавшаго насъ въ тайны предстоящей намъ „новой" жизни, скоро заснулъ крѣпкимъ, сладкимъ безмятежнымъ сномъ...

Шелъ, вѣдь, тогда мнѣ только 28-й годъ!..

6.

Выспались мы на славу! Сонъ нашъ давно уже не былъ такъ крѣпокъ и сладокъ. Мы проснулись свѣжими и бодрыми. Чувствовалось, что какъ будто какая-то гора съ плечъ свалилась. Мы поднялись не сразу, а лежа, съ закрытыми глазами, какъ-то особенно радостно думали о томъ, что вотъ-де мы встанемъ, сядемъ за самоварчикъ, будемъ *вдвоемъ* калякать, сколько душѣ угодно, потомъ мы *сами, одни*, выйдемъ на улицу, на просторъ, будемъ ходить по улицамъ безъ конвоя, безъ провожатыхъ, будемъ какъ будто на положеніи свободныхъ людей.

Насъ охватило эгоистически-радостное чувство. Мы даже на мигъ какъ бы забыли о своемъ подневольномъ положеніи и наслаждались ощущеніемъ своего физическаго бытія.—Такого состоянія мнѣ не приходилось еще испытывать. Надо полагать, что мы тогда испытывали то самое чувство, которое испытываютъ люди послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, когда, выздоровѣвши, они получаютъ разрѣшеніе врача впервые выйти изъ опостылѣвшей имъ комнаты на вольный воздухъ...

Сладко потягиваясь и перекидываясь отрывочными фразами, мы довольно долго еще провалялись въ своихъ мягкихъ постеляхъ. Наконецъ, мы вскочили, встряхнулись, умылись холодной свѣжей водой, одѣлись и принялись строить планы насчетъ ближайшаго будущаго.

„Хозяйка" принесла большой прекрасно-вычищенный самоваръ, который весь пыхтѣлъ и клокоталъ. Это была чрезвычайно пріятная для насъ музыка! Вѣдь, около 5-ти лѣтъ мы уже „за самоваромъ" не сидѣли.

На столѣ, на бѣлоснѣжной скатерти аппетитно расположена была на нѣсколькихъ тарелкахъ знаменитая сибирская „прикуска",—плававшія въ маслѣ жирнѣйшія „оладьи" и жирные мясные пирожки, тутъ же стоялъ большой кувшинъ съ прекрасными сливками.

Съ наслажденіемъ выпили мы по нѣсколько стакановъ чаю, „прикусивъ" безсмѣтное количество аладей и пирожковъ и отправились „осматривать" свой городъ и „пріискивать" для себя помѣщеніе.

„Осматривать" долго не приходилось, такъ какъ весь городъ Ялуторовскъ состоялъ, строго говоря, изъ одной главной (такъ сказать, цен-

тральной) улицы и двухъ боковыхъ отъ нея улицъ, по обѣимъ сторонамъ, которыхъ расположены были почти сплошь деревянныя постройки съ обширными при нихъ дворами, почти въ каждомъ изъ которыхъ находился садикъ и огородъ. Дома эти были весьма неприхотливой архитектуры и состояли изъ нѣсколькихъ просторныхъ комнатъ, въ которыя вели крылечко и сѣни.

На одномъ концѣ широкой центральной улицы виднѣлось полицейское управленіе и помѣщеніе при немъ пожарной команды съ его общероссійской „каланчей", а на незначительномъ отъ него разстояніи на площади красовался не поражавшій особенной чистотой базаръ и рядъ лавочекъ со всевозможнымъ въ каждой бакалейнымъ, галантерейнымъ, мануфактурнымъ и всякаго рода инымъ товаромъ.

Черезъ площадь отъ другого противоположнаго конца этой центральной улицы въ нѣкоторомъ разстояніи обращало на себя вниманіе самое видное и внушительное бѣлое каменное зданіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ корпусовъ и окруженное со всѣхъ сторонъ высокой каменной оградой. Это былъ, разумѣется, тюремный замокъ, который во всѣхъ расположенныхъ на трактѣ сибирскихъ городкахъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе солидностью и прочностью своей постройки [1])... Тутъ же невдалекѣ находилось небольшое довольно мелкое озеро, всегда переполненное такою массою дикихъ утокъ, что ялуторовцы прямо били ихъ палками и собирали десятками въ свою „посудину".

Кромѣ центральной и двухъ боковыхъ улицъ, составлявшихъ собственно говоря, весь „городъ", на окраинахъ находилось еще нѣсколько уличекъ и переулочковъ съ жалкими на нихъ маленькими ветхими избушками, въ которыхъ ютилась сплошь бездомная сибирская голытьба—почти исключительно уголовно-ссыльная братія.

Наконецъ, за озеромъ, саженяхъ въ 200—300-хъ отъ „города" находилась небольшая „слободка", состоявшая изъ 20—30-ти домишковъ, при которыхъ находились кузницы, а при нѣкоторыхъ и столярныя мастерскія. Это была спеціально-кузнечная слободка. Здѣсь жили исключительно кузнецы (отчасти столяры), занимавшіеся ковкою лошадей, саней, телѣгъ и повозокъ, которыя нѣкоторые изъ нихъ сами же изготовляли не только для города, но и для всей „округи" и даже для Тобольска, такъ какъ репутація слободокъ по этой части была прочно установлена.

Почти всѣ солидные ялуторовскіе жители имѣли собственные дома,

---

[1]) Во время генералъ-губернаторства генералъ-лейтенанта Густава Христіановича Гасфорда (1851—1861 г.г.) воздвигнуты были во всѣхъ городахъ Западной Сибири по одному нормальному и совершенно однородному плану обширныя каменныя тюрьмы. Всѣ онѣ трехэтажныя, крытыя желѣзомъ, прекрасно выштукатурены и окружены высокими каменными стѣнами.

которые и строились ими исключительно для собственных своих надобностей. Въ очень немногихъ наемныхъ помѣщеніяхъ проживали пришлые чиновники, временами наѣзжавшіе сюда торговцы и ссыльные.

По даннымъ намъ хозяиномъ почтовой станціи указаніямъ мы съ Чернявскимъ направились въ домъ одного мѣстнаго мѣщанина. Главный корпусъ нанималъ у него уѣздный казначей; во флигелѣ же жилъ самъ хозяинъ, который, какъ намъ говорили, не прочь былъ сдать часть этого флигеля.

На стукъ нашъ вышелъ къ намъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма крупныхъ размѣровъ—рослый, коренастый, широкоплечій, весь заплывшій жиромъ и, повидимому, не совсѣмъ трезвый. — Покалякавъ съ нами немного на крылечкѣ и разспросивъ насъ, „чьи“ мы будемъ, [1]) мѣщанинъ ввелъ насъ во флигель и показалъ ту его половину, которую онъ не прочь былъ намъ сдать.—Состояла она изъ сѣней и двухъ небольшихъ довольно свѣтлыхъ комнатокъ съ окнами на улицу и во дворъ.

Мы разговорились съ хозяиномъ и предложили ему назначить цѣну „за все“, т. е. за квартиру съ самоваромъ, обѣдомъ, прикуской и ужиномъ, даже со стиркой бѣлья. Хозяинъ немного нерѣшительнымъ голосомъ назначилъ съ насъ двоихъ 15 рублей въ мѣсяцъ, т. е. по 7 рублей съ полтиной съ человѣка. Мы въ Россіи не привыкли къ столь низкимъ цѣнамъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ изъявили свое согласіе, что—повидимому—даже удивило хозяина. Такъ какъ и я, и Чернявскій могли разсчитывать получить изъ дому рублей по 10-ти въ мѣсяцъ, то—стало быть—мы могли считать матеріальное свое существованіе обезпеченнымъ,—тѣмъ болѣе, что, въ крайнемъ случаѣ, мы имѣли право на „казенное пособіе“ въ размѣрѣ шести рублей въ мѣсяцъ, которые тогда полагались „привиллегированнымъ ссыльнымъ“.

Впослѣдствіи мы поняли, что цѣна въ 15 рублей съ двухъ въ Ялуторовскѣ была отнюдь не низкая, а скорѣе даже высокая: въ то время тамъ стоилъ пудъ хорошаго мяса 60—80 коп., пудъ муки 40—60 коп., дикая утка—3 коп., фунтъ масла—15—20 коп., кувшинъ молока—2—3 коп., дрова были почти безъ цѣны, такъ какъ они вдоволь добывались въ ближайшей рощѣ и т. д.

Мы ударили по рукамъ. Мѣщанинъ угостилъ насъ водочкой, съ „солененькой“ закуской и предложилъ даже свою лошадь для перевозки со станціи нашего имущества, что было не лишнее, такъ какъ тогда еще въ нашемъ Ялуторовскѣ никакихъ извозчиковъ не было.

---

[1]) Первый обычный вопросъ, съ которымъ тогда обращались въ Сибири ко всякому при первомъ знакомствѣ былъ: „чьи вы будете?“ Вопросъ этотъ на первыхъ порахъ меня довольно шокировалъ.

Мы переѣхали, сообщили полиціи свой „адресъ" и зажили „на свободѣ"...

7.

На другой же день наша „свобода" была немного конкретно иллюстрирована.

Еще въ крѣпости у меня разболѣлись глаза. Боль эта давала себя чувствовать съ каждымъ днемъ все больше и больше. Мѣстный врачъ Кудрявцевъ, къ которому я на другой же день, по прибытіи въ Ялуторовскъ, обратился за помощью, посовѣтовалъ мнѣ нѣкоторое время воздержаться отъ чтенія и проводить возможно больше времени на берегу рѣки, протекавшей въ 1—$1^1/_2$ верстахъ отъ города, созерцая ея гладкую и спокойную поверхость.

Не долго думая, мы съ Чернявскимъ на другой же день послѣ переѣзда на квартиру двинулись на эту рѣчку. Чернявскій захватилъ съ собой книжку и читалъ ее, я же разлегся ничкомъ на берегу и созерцалъ поверхность рѣки.

Не прошло и часа времени, какъ послышался шорохъ, и мы увидѣли приближающагося къ намъ полицейскаго надзирателя.—Сладко улыбаясь, онъ протянулъ намъ письма: вотъ-де я узналъ, что вы на рѣкѣ и принесъ вамъ полученную корреспонденцію.

Мы вспылили. Мы рѣшительно никому не сказали, куда и зачѣмъ мы отправляемся. Ясно, стало быть, что за нами зорко слѣдятъ и знаютъ каждый нашъ шагъ.

Мы рѣзко заявили надзирателю, что онъ могъ письма наши оставить на квартирѣ или сообщить тамъ, чтобы мы пришли за ними въ полицію, а не разыскивать насъ, тѣмъ болѣе, что мы условились съ исправникомъ, что будемъ по очереди ежедневно приходить за корреспонденціей, что и должно было замѣнить надзоръ за нами.

Надзиратель, ухмыляясь, спокойно заявилъ намъ, что на него полиціей возложенъ надзоръ за нами, и онъ долженъ строго исполнять свои обязанности,—что мы, въ сущности, не имѣетъ права отлучаться за черту строеній города, и ему придется доложить исправнику о нашей отлучкѣ.

На этотъ разъ дѣло, однако, обошлось благополучно. Мы замѣтили только, что нашъ хозяинъ почти не выпускалъ насъ съ своихъ глазъ; на сдѣланное нами ему по этому поводу замѣчаніе онъ объяснилъ, что за нашу отлучку на рѣку ему „досталось" и что ему приказано подъ страхомъ „каталажки" доносить полиціи, куда и когда мы отлучаемся.

Когда мы явились въ полицію для объясненій, намъ отвѣтили тамъ, что каждому его шкура дорога,—что въ Ялуторовскѣ-де проживала не-

задолго до нашего прибытія осужденная по процессу 50-ти Ольга Спиридоновна Любатовичъ: полиція предоставила-де ей полную свободу, а она „злоупотребила довѣріемъ“ и убѣжала. И вотъ теперь изъ-за нея масса непріятностей, хотя она и оставила на имя проживающей въ Тарѣ сестры своей Вѣры Спиридоновны письмо, въ которомъ она объясняетъ, что она не въ силахъ-де больше переносить муки ссыльной жизни и рѣшила покончить съ собой [1]). Потому-то волей-неволей за нами приходится учинить строжайшій надзоръ, и съ этимъ мы должны мириться,—полиція отнюдь не намѣрена отвѣчать за насъ...

Послѣднее для насъ было само собою ясно. Мы „мирились“, мирились даже съ тѣмъ, что не одинъ разъ, привлеченные шорохомъ возлѣ наружныхъ стѣнъ нашихъ комнатъ, мы замѣчали, какъ надзиратель, а то и самъ исправникъ, собственной грузной своей персоной, осторожными тихими шагами подкравшись къ нашимъ окнамъ, вперяли свои очи въ щели ставень: неудержимый хохотъ съ нашей стороны побуждалъ ихъ лишь при этомъ поспѣшно ретироваться...

Нашъ хозяинъ, за условленные семь съ полтиной, кормилъ насъ, положительно, до-отвала. Къ утреннему чаю (обязательно со сливками) подавались двѣ-три тарелки съ цѣлыми горами жирныхъ оладій; обѣдъ состоялъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ, при чемъ мяса подавалось столько, что при всемъ нашемъ на первыхъ порахъ волчьемъ аппетитѣ, мы не съѣдали и половины подаваемаго; къ вечернему чаю опять полагались сливки и прикуска, а затѣмъ обильный мясной ужинъ. Въ праздничные и воскресные дни трапеза принимала гомерическіе размѣры.

Пробовалъ, было, нашъ хозяинъ (вѣроятно, по совѣту полиціи) сойтись съ нами „поближе“, но мы систематически отклоняли всѣ попытки его въ этомъ направленіи. Какъ-то раза два или три онъ настойчиво черезъ перегородку усиленно звалъ меня къ себѣ, объясняя, что у него на столѣ „штофъ“, что одинъ имъ уже выпитъ, а онъ-де въ этомъ состояніи только и бываетъ „уменъ“ и хотѣлъ бы съ „умными“ людьми потолковать, но я предпочелъ его любезныя приглашенія отклонять, ссылаясь на нездоровье,—что, впрочемъ, отнюдь не повліяло на обильную его кормежку за наши семь съ полтиной...

---

[1]) Сама полиція письму Ольги Спиридоновны (если таковое и существовало) никакого серьезнаго значенія не придавала и была съ перваго же момента увѣрена въ ея побѣгѣ; но еще долго, ради самооправданія, баграми разыскивала въ рѣкѣ ея трупъ, неукоснительно донося губернской администраціи о своихъ поискахъ.

Однако, не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ живъ бываетъ. Надо было подумать и о какой-нибудь духовной пищѣ. Намъ хотѣлось прежде всего добыть какую-нибудь газету, и намъ указали на любознательнаго „купца“ Потемкина, любителя-де· „политики“ и чтенія. Познакомились мы съ нимъ. Оказалось, что онъ, дѣйствительно, тронутъ „духомъ времени“,—онъ выписывалъ тощій и дешевенькій „Сынъ Отечества“ (издававшійся, кажется, въ то время Старчевскимъ) и охотно согласился снабдить насъ этой газетой, пока мы выпишемъ свою. Какъ ни тоща и ни жалка была тогда эта газетка и по объему, и по содержанію своему, но мы, однако, съ жадностью набросились на предоставленные намъ нѣсколько десятковъ послѣднихъ номеровъ: какъ-никакъ, а все же при ея помощи можно было узнать о внѣшнемъ положеніи вещей на бѣломъ свѣтѣ.

Этотъ Потемкинъ былъ изъ уголовныхъ ссыльныхъ. Въ Сибирь попалъ онъ еще юнцомъ за какія-то „дѣлишки“. Заброшенный въ Ялуторовскъ, онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ „мальчикомъ“ въ лавкѣ старожила-купца Родіонова, приглянулся племянницѣ послѣдняго—сиротѣ, тоже служившей въ лавкѣ, женился на ней и, сколотивъ обычнымъ путемъ маленькій капиталецъ, открылъ собственную торговлю, которая, благодаря его словоохотливости и балагурству, пристрастію его къ „политикѣ“ и умѣнію показывать товаръ лицомъ, шла у него довольно бойко, такъ что онъ понемногу становился „купцомъ“, началъ играть роль въ этомъ глухомъ городишкѣ и уже предавался заманчивой мечтѣ попасть въ „головы“. Мѣшало осуществленію этой мечты одно лишь маленькое обстоятельство: хотя онъ передвигался уже свободно по Сибири, ѣздилъ на ярмарки въ Ирбитъ, побывалъ даже раза два на Нижегородской ярмаркѣ, но „права“ ему еще не были возвращены, а безъ „правъ“ никакъ нельзя было сдѣлаться „головой“.

Когда мы прибыли въ Ялуторовскъ, дѣла Потемкина въ этомъ направленіи уже „налаживались“: проживавшій раньше насъ въ административной ссылкѣ въ Ялуторовскѣ извѣстный русскій издатель Павленковъ состоялъ съ нимъ, по его увѣренію, въ хорошихъ отношеніяхъ и, возвращаясь въ Россію, пообѣщалъ ему похлопотать о немъ въ Петербургѣ. Дѣйствительно, Потемкину скоро возвращены были „права“, и онъ уже имѣлъ всѣ шансы на то, чтобы очутиться въ роли ялуторовскаго городского головы, каковымъ лѣтъ черезъ 5—6 и былъ...

Итакъ мы свели знакомство съ Потемкинымъ и еще съ нѣкоторыми мѣстными „купцами“, посвящавшими насъ во всѣ тайны мѣстной жизни, что дало мнѣ возможность приняться съ большими предосторожностями за корреспонденціи въ столичныя газеты. Черезъ нѣкоторое время мы стали получать газеты и журналы, и дни наши стали протекать уже не такъ скучно и однообразно.

Въ скоромъ времени въ Ялуторовскъ привезли Сергѣя Александровича Жебунева, прекраснѣйшаго товарища и идеалиста до мозга костей. Мы рѣшили поселиться втроемъ, и такъ какъ у Чернявскаго, какъ бывшаго студента технологическаго института, явилась мысль открыть токарно-столярную мастерскую, то мы считали цѣлесообразнымъ нанять цѣлый домъ, что должно было поднять и престижъ нашъ въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Поиски наши увѣнчались успѣхомъ. Мы нашли свободный громадный домъ (правда, далеко не новый), состоявшій изъ шести обширныхъ комнатъ съ разными чуланчиками и кладовками; при домѣ этомъ былъ обширнѣйшій дворъ, значительная часть котораго (площадью, если не ошибаюсь, въ 1200—1500 кв. саженей), занята была старымъ и довольно запущеннымъ садомъ, а также обширнымъ огородомъ. Кромѣ нашего дома, во дворѣ находился еще флигелекъ, въ которомъ мы и рѣшили устроить мастерскую; а за оградой возлѣ бани (въ Ялуторовскѣ, какъ и вообще въ сибирскихъ городахъ, при каждомъ домѣ имѣлась тогда своя баня) стояла просторная изба, которую занималъ старикъ—Осипъ, который и завѣдывалъ этимъ домомъ, владѣлецъ котораго проживалъ, кажется, въ Тобольскѣ, куда онъ переѣхалъ, получивъ тамъ какую-то „службу".

За весь этотъ домъ съ обширными при немъ службами (сараемъ, конюшней, баней, сѣноваломъ, прачешной) Осипъ запросилъ съ насъ... пять рублей въ мѣсяцъ! Цѣна, конечно, была вполнѣ для насъ подходящей, и мы здѣсь устроились уже болѣе прочно, благо скоро въ Ялуторовскѣ же водворили осужденную по дѣлу Ковальскаго Александру Владимировну Аѳанасьеву (вышедшую здѣсь впослѣдствіи замужъ за Чернявскаго).

Чтобы не заводить на первыхъ порахъ собственнаго хозяйства, мы приняли предложеніе Осипа: онъ взялся кормить насъ и поить, давать чай, обѣдъ, ужинъ, стирать наше бѣлье и пр.,—получая за все про все по шести рублей съ человѣка въ мѣсяцъ.

Этотъ Осипъ представлялъ собою преоригинальный и любопытнѣйшій типъ. Въ Ялуторовскѣ онъ жилъ уже лѣтъ 20 или больше. Попалъ онъ сюда, какъ бывшій крѣпостной, по волѣ своего помѣщика за какую-то исторію, про которую Осипъ никому не любилъ разсказывать. Осѣвши въ Ялуторовскѣ, Осипъ, имѣя нѣсколько десятковъ рублей, вздумалъ пустить ихъ въ выгодный оборотъ и занялся покупкой и продажей овса ямщикамъ ближайшихъ станцій, въ особенности „Романовскимъ": „началъ я,—разсказывалъ мнѣ Осипъ, когда мы съ нимъ разъ парились въ банѣ,—съ маленькаго, взмолился я Николаю Угоднику: помоги-де мнѣ, Св. Николай, заработать на три рубля два рубля, поставлю я тебѣ тогда свѣчку,—и что же ты думаешь,—вѣдь, помогъ!" Тогда Осипъ расширилъ операціи,

опять пообѣщавъ Николаю Угоднику „большую свѣчку“, если онъ поможетъ ему заработать рубль на рубль.—„И что же ты думаешь? Вѣдь, помогъ же!“, съ паѳосомъ восклицалъ Осипъ. И вотъ, ставя отъ времени до времени Николаю Угоднику свѣчки, Осипъ по-тихоньку да по-маленьку увеличивалъ свое благосостояніе насчетъ „романовскихъ“ ямщиковъ, продавая имъ овесъ за двойныя и тройныя цѣны. А тутъ, „богъ далъ, познакомился“ онъ „съ добрымъ человѣкомъ“, отъ котораго онъ просвѣтился насчетъ существованія „векселя“ и его значенія, и сталъ онъ отпускать уже болѣе увѣренно овесъ „подъ вексель“, и дѣла его пошли уже совсѣмъ хорошо!

Когда мы познакомились съ Осипомъ и поселились въ домѣ, которымъ онъ завѣдывалъ, у него, повидимому, былъ уже довольно порядочный капиталецъ (хотя онъ это и отрицалъ); торговля его тогда уже не особенно интересовала,—онъ собирался женить сына, учительствовавшаго въ одной изъ сельскихъ школъ округа, а самъ—еще крѣпкій и бодрый старикъ, не взирая на довольно преклонный возрастъ (полагаю, ему перевалило тогда много за 60 лѣтъ) наслаждался сожительствомъ съ молодой бабой, мужъ которой, отставной солдатъ, вмѣстѣ съ нею же проживалъ въ избѣ Осипа, занимаясь починкою сапогъ...

Одно лишь очень огорчало Осипа, почему онъ не грамотный. „Кабы я, братецъ ты мой, зналъ грамоту, какихъ бы я дѣловъ понадѣлалъ“, говаривалъ онъ мнѣ неоднократно. И изъ нѣкоторыхъ его намековъ я понялъ, что у него явились виды на меня и на мою „грамоту“, чтобы въ компаніи со мною раскинуть подальше свои сѣти и приняться за болѣе широкія „дѣла“.

8.

Вскорѣ послѣ переѣзда нашего на новоселье, произошло первое серьезное столкновеніе между нами и исправникомъ.

Въ 50—60 саженяхъ отъ крайнихъ строеній города, но безусловно „въ чертѣ города“, почти vis-a-vis лучшей красы Ялуторовска—далеко виднѣющагося тюремнаго замка, начиналась прекрасная роща, тянувшаяся на довольно значительное разстояніе вдоль тракта. Лишенные въ теченіе почти пяти лѣтъ свѣжаго воздуха, мы естественно съ наслажденіемъ пользовались этою рощею для прогулокъ и проводили въ ней лѣтніе вечера, любуясь прекрасной природой и восхищаясь артистическимъ пѣніемъ соловьевъ.

Казалось бы, что въ такомъ невинномъ времяпрепровожденіи ни съ какой логической точки зрѣнія нельзя было усмотрѣть что-либо предосудительное. Но не такого мнѣнія былъ ялуторовскій исправникъ г. Розо-

новъ, съ особенной гордостью подчеркивавшій при всякомъ удобномъ случаѣ, что онъ во время оно состоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ студентомъ или вольнослушателемъ Казанскаго университета.

Какъ-то разъ вечеромъ на рысакѣ подъѣхалъ къ рощѣ исправникъ и тучной фигурой своей, въ сопровожденіи стражника, направился навстрѣчу къ намъ. Сухо поздоровавшись съ нами, онъ заявилъ намъ, что прогулки наши въ рощѣ онъ находитъ „неудобными", въ особенности по вечерамъ, такъ какъ роща находится-де за чертой городскихъ строеній, а намъ, молъ, за черту эту выходить не полагается. Мы возразили ему, что та часть рощи, въ которой мы гуляемъ, находится въ чертѣ города, что „мѣстомъ жительства" назначенъ намъ „городъ Ялуторовскъ", а не „черта" городскихъ строеній, что роща здѣсь единственное мѣсто для прогулки, и лишеніе насъ этой возможности подышать въ ней свѣжимъ воздухомъ является съ его стороны совершенно безцѣльной и ничѣмъ не оправдываемой жестокостью. Тогда Розоновъ послѣ непродолжительныхъ пререканій съ нами, возвысивъ голосъ, сурово начальническимъ тономъ заявилъ, что еще разъ повторяетъ, что онъ считаетъ наши прогулки въ рощѣ „неудобными", и прогулки эти категорически намъ запрещаетъ. На это заявленіе я, въ свою очередь, возразилъ, что для насъ отнюдь не важно, что онъ считаетъ „удобнымъ" или „неудобнымъ": для него, можетъ быть, всего удобнѣе было бы, чтобы мы водворены были за тюремной оградой и совсѣмъ въ городъ не показывались бы, но это было бы для насъ не совсѣмъ удобно, и что мы, вообще, считаемъ для себя обязательными лишь *законныя* распоряженія полиціи и подчиняться будемъ лишь такимъ ея распоряженіямъ. Тогда Розоновъ уже болѣе грознымъ голосомъ заявилъ, что онъ, какъ начальникъ полиціи, не позволяетъ намъ гулять въ рощѣ, что онъ предупреждаетъ, что, буде полиція будетъ заставать кого-либо изъ насъ въ рощѣ, она безъ всякихъ разговоровъ будетъ насъ арестовывать. Тогда и мы категорически заявили, что распоряженію этому мы подчиняться не будемъ, пока онъ, исправникъ, не докажетъ намъ, что оно не плодъ одного его усмотрѣнія, а основано на какомъ-либо законѣ. Сердито отвернувшись отъ насъ и направляясь обратно къ своимъ „бѣгункамъ", Розоновъ на ходу кинулъ намъ: „приходите завтра утромъ въ полицейское управленіе, и я покажу вамъ тѣ законы, на которыхъ основано мое распоряженіе".

Какъ во всякомъ захолустномъ городишкѣ, и въ Ялуторовскѣ малѣйшій фактъ, мало-мальски выходящій изъ ряда повседневной обыденности, немедленно становился достояніемъ общей молвы. О столкновеніи между „политическими" и исправникомъ здѣсь всѣ говорили уже въ тотъ же вечеръ, и такъ какъ еще со временъ декабристовъ, изъ которыхъ нѣко-

торые проживали и въ Ялуторовскѣ, политическіе ссыльные пользовались расположеніемъ и симпатіями мѣстнаго населенія, то ялуторовцы чрезвычайно заинтересовались этимъ инцидентомъ, въ особенности заинтригована имъ была чиновная мелкота, относившаяся крайне недружелюбно къ исправнику за его заносчивое и высокомѣрное обращеніе.

Когда мы на другой день явились въ полицейское управленіе, чиновники встрѣтили насъ особенно почтительно, на всѣхъ лицахъ написано было нетерпѣливое ожиданіе чего-то для нихъ рѣдкаго и пикантнаго.

Исправникъ пригласилъ насъ въ „присутствіе“ и съ обычной уже въ отношеніи къ намъ любезностью поздоровался съ нами и предложилъ присѣсть. Торжественно потребовалъ онъ у секретаря соотвѣтствующихъ томовъ свода законовъ и глубокомысленно принялся рыться въ нихъ. Поиски его оказались, однако, крайне неудачными, и онъ не могъ найти буквально ни одной подходящей статьи закона. Началъ онъ, было, напирать на общее положеніе, что всѣ обязаны подчиняться законнымъ распоряженіямъ полиціи; но мы заявили ему, что и мы этого положенія отнюдь не отрицаемъ и его „законнымъ“ распоряженіямъ безпрекословно будемъ подчиняться, но дѣло-то въ томъ и состоитъ, что въ данномъ случаѣ распоряженіе его незаконно. Чтобы какъ-нибудь хоть внѣшне соблюсти свой „престижъ“, Розоновъ торжественно отчеркнулъ и прочелъ, что на обязанности-де полиціи возлагается блюсти за тѣмъ, чтобы на улицахъ не нарушали тишины и порядка. Замѣтивъ при этомъ выраженіе глубокаго изумленія не только на нашихъ лицахъ, но и на лицахъ его помощника и секретаря, Розоновъ присовокупилъ: „у насъ, видите ли, городокъ мирный, тихій и спокойный, ложатся здѣсь всѣ рано спать и очень рано встаютъ, вы же поздно гуляете и поздно домой возвращаетесь, при вашемъ возвращеніи собаки лай поднимаютъ, а этимъ самымъ нарушаются желательные тишина и порядокъ“.

Мы не могли удержаться отъ гомерическаго хохота. — „Позвольте“, возразилъ я: „въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ обратить вниманіе на собакъ, а не на насъ, —не мы же, стало быть, нарушаемъ тишину а онѣ. Вѣдь, если исходить изъ вашего разсужденія, то не слѣдуетъ и днемъ показываться на улицѣ, такъ какъ черезчуръ многочисленныя въ городѣ собаки неизбѣжно поднимаютъ при этомъ яростный лай, и мы тутъ уже рѣшительно ничего подѣлать не можемъ!“

Замѣтивъ, въ какое комическое положеніе онъ попалъ, и видя, какъ изъ сосѣднихъ комнатъ всѣ чиновники и ожидающая по дѣламъ публика столпилась у дверей и съ сочувственной улыбкой прислушиваются къ нашимъ объясненіямъ, багрово-красный Розоновъ, весь пыхтя и отдуваясь, опять напустилъ на себя суровую важность и, поднявшись со своего кресла,

внушительно и торжественно заявилъ намъ: „въ присутствіи полицейскаго управленія и передъ зерцаломъ я, какъ начальникъ полиціи, заявляю вамъ, что я запрещаю вамъ гулять въ рощѣ. Прошу васъ помнить, что вы не въ Россіи, а въ Сибири; тутъ полиція—законъ, я могу не только вамъ, но и всякому даже обывателю запретить выходить изъ дома позже 9-ти часовъ“.

Поднялись, въ свою очередь, и мы,—и я отъ имени товарищей столь же торжественно и отчеканивая каждое слово отвѣтилъ: „съ такимъ широкимъ его правомъ мы можемъ только поздравить сибирскаго обывателя, но мы право это по отношенію къ намъ рѣшительно отрицаемъ и, съ своей стороны, въ присутствіи полицейскаго управленія и передъ тѣмъ же зерцаломъ заявляемъ, что мы распоряженію его относительно прогулокъ въ рощѣ, какъ незаконному, подчиняться не намѣрены и не будемъ“.

Съ этими словами, отвѣсивъ ему и другимъ присутствующимъ поклонъ, мы удалились, сопровождаемые почтительными поклонами чиновниковъ и злорадныиъ хихиканіемъ публики.

Въ тотъ же день инцидентъ этотъ сталъ достояніемъ всего города и передавался изъ устъ въ уста въ значительно еще, разумѣется, прикрашенномъ видѣ. „Престижу“ полиціи и исправника нанесенъ былъ чувствительный ударъ, наша же популярность сразу значительно поднялась. Ялуторовцы нами очень заинтересовались и стали всячески добиваться знакомства съ нами.

Въ концѣ концовъ погорячившійся Розоновъ понялъ весь комизмъ своего положенія и всю несуразность предъявленнаго намъ требованія и махнулъ на насъ рукой. Прогулки наши въ рощѣ продолжались безпрепятственно, и еще много лѣтнихъ вечеровъ мы внимали концерту ялуторовскихъ соловьевъ...

9.

Если Ялуторовскъ былъ совершенно ничтожный „городъ“ по своимъ размѣрамъ, то еще болѣе ничтоженъ былъ онъ по количеству своего населенія. Насколько я помню, въ немъ по статистическимъ даннымъ числилось около 2500 душъ населенія обоего пола и всѣхъ возрастовъ; а такъ какъ это населеніе состояло на три четверти изъ уголовныхъ ссыльныхъ, изъ коихъ 800—1000 д. всегда находилась „въ бѣгахъ“, то можно безошибочно опредѣлить осѣдлое населеніе въ то время въ 1000—1500 душъ. Значительная часть состояла изъ служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ: полиціи, городской думѣ, мѣщанской управѣ, акцизномъ вѣдомствѣ, судѣ, казначействѣ. Остальные занимались торговлей и ремеслами. На весь городокъ имѣлся одинъ портной (да и тотъ частенько оставался безъ работы), два сапожника, одна столярная мастерская и около 20-ти кузницъ въ слободкѣ.

Никакого торгово-промышленнаго значенія Ялуторовскъ самъ по себѣ не имѣлъ. Основанный въ 1659 г. на лѣвомъ нагорномъ берегу рѣки Тобола (въ 5-ти верстахъ отъ р. Исети), онъ представлялъ изъ себя на первыхъ порахъ только „острожекъ", а въ „городъ" его превратили лишь въ 1782 году, и онъ игралъ лишь роль административнаго центра для своего обширнаго и выдающагося по торгово-промышленному значенію округа съ обширной площадью въ 18353 кв. верстъ, съ населеніемъ около 160 тыс. душъ (по 10-й нар. переписи), съ сильно развитымъ хлѣбопашествомъ, богатой промышленностью, многочисленными сельскими ярмарками, массой салотопенныхъ и кожевенныхъ заводовъ, множествомъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ.

Ялуторовскіе торговцы и ремесленники существовали не столько городомъ, сколько „округой", изобиловавшей значительными селами и деревнями, по размѣрамъ и населенію значительно превышавшими самый Ялуторовскъ. Въ „базарные дни" (кажется, по субботамъ) наѣзжала сюда изъ ближайшихъ селеній съ разными продуктами масса крестьянъ, которые большую часть выручки своей въ Ялуторовскѣ же и расходовали на бакалею, галантерею и мануфактуру, являясь главными ихъ потребителями.

При всей мизерности „города", въ немъ находились приходское и уѣздное училища и... женская прогимназія. Да, *прогимназія*! Это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые на первыхъ порахъ больше всего насъ поражали. Въ самомъ ничтожномъ сибирскомъ уѣздномъ городишкѣ находилась женская прогимназія, и дѣвочекъ обучали здѣсь не менѣе охотно, чѣмъ мальчиковъ.

Это было прекрасное наслѣдіе отъ декабристовъ, невольное пребываніе которыхъ въ Сибири внесло очень много въ дѣло культуры, развитія и просвѣщенія этой отдаленной окраины, и не даромъ благодарная память объ этихъ предтечахъ нашихъ свѣже еще сохранилась и при насъ въ мѣстномъ населеніи, хотя послѣдніе изъ декабристовъ жили тамъ лѣтъ 25—30 до насъ. Съ чувствомъ благоговѣнія и съ умиленіемъ старики вспоминали объ этихъ благородныхъ людяхъ и указывали на тѣ дома (и даже слѣды домовъ), въ которыхъ тѣ жили и коротали свой вѣкъ.

Въ Ялуторовскѣ изъ декабристовъ жили: Пущинъ, Тизенгаузенъ, Якушкинъ, Янтальцевъ. Послѣдній здѣсь сошелъ съ ума и закончилъ въ этомъ захолустьѣ свои печальные дни. Самая теплая память сохранилась здѣсь о Пущинѣ и Якушкинѣ. Какъ Юшневскій и Поджіо въ Иркутскѣ и Д. Завалишинъ въ Читѣ, такъ и Якушкинъ въ Ялуторовскѣ занимался ревностно обученіемъ ребятишекъ грамотѣ; онъ устроилъ здѣсь двѣ школы— одну для мальчиковъ въ 1842 г. и другую для дѣвочекъ въ 1846 г. Впервые онъ познакомилъ Сибирь съ *Ланкастерской системой*, по ко-

торой онъ обучалъ дѣтей цѣлыхъ 14 лѣтъ, популяризируя эту систему и въ другихъ районахъ. Изслѣдователь Сибири—Максимовъ констатируетъ, что за эти 14 лѣтъ въ основанной Якушкинымъ школѣ перебывало 1600 учащихся, и что, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія со стороны администраціи, ему удалось сильно поднять въ округѣ уровень образованія,—даже въ кузнечной слободкѣ, кажется мнѣ, всѣ были грамотны. Якушкинъ не ограничивался, однако, однимъ обученіемъ въ своихъ школахъ; онъ устроилъ еще въ Ялуторовскѣ гальваническій аппаратъ и успѣшно занимался здѣсь гальванопластикой. Онъ составилъ здѣсь также оригинальный учебникъ географіи и интересный гербарій ялуторовской флоры и т. д.

Пробужденію въ окрестномъ населеніи интереса къ наукѣ не мало содѣйствовалъ и Пущинъ, устроившій въ Ялуторовскѣ чуть ли не первую въ Сибири метеорологическую станцію, которая въ свое время породила цѣлый рядъ траги-комическихъ эпизодовъ, съ большимъ юморомъ изображенныхъ въ попадавшейся мнѣ въ Сибири книжечкѣ (заглавія ея уже не припомню,—кажется—„изъ жизни странныхъ людей"), въ которой выведены всѣ декабристы подъ довольно прозрачными псевдонимами, а Ялуторовскъ фигурируетъ подъ названіемъ „Полуторовскъ". Эта метерологическая станція причинила Пущину массу тяжелыхъ огорченій и послужила въ рукахъ злобной администраціи орудіемъ къ возбужденію противъ декабристовъ суевѣрной части крестьянства...

Декабристы же положили въ Ялуторовскѣ начало при уѣздномъ училищѣ довольно приличной библіотекѣ, которая послѣ нихъ, увы! пришла въ большой упадокъ, была расхищена,—и въ ней къ нашему пріѣзду сохранились уже очень немногія цѣнныя книги, да и тѣми пользовался лишь учебный персоналъ училища и болѣе вліятельные чиновники.

Существовалъ еще при насъ въ этомъ „городѣ" мѣстный дамскій кружокъ „Краснаго Креста", имѣвшій собственное свое помѣщеніе, отчасти приспособленное и для театральныхъ представленій, такъ какъ почти всѣ члены кружка въ то же время были и „любителями" и отъ времени до времени угощали населеніе „любительскими спектаклями", ничѣмъ по характеру своему не отличавшимися отъ подобныхъ же „любительскихъ" зрѣлищъ въ любой россійской глуши.

10.

Мѣстная „интеллигенція" на первыхъ порахъ насъ, повидимому, чуждалась и не безъ опаски встрѣчалась съ нами, такъ какъ происшедшій незадолго до нашего прибытія побѣгъ изъ Ялуторовска Ольги Спиридоновны Любатовичъ причинилъ кое-кому изъ ея среды большія непріятности

(ихъ привлекали къ дознанію въ качествѣ свидѣтелей и довольно сурово допрашивали). Особенно косо стала она смотрѣть на насъ, когда въ газетахъ стали появляться корреспонденціи мои изъ Ялуторовска. Хотя послѣднія являлись, конечно, безъ подписи, но ялуторовцы не безъ основанія рѣшили, что онѣ исходятъ отъ кого-либо изъ „политическихъ“, и такъ какъ въ нихъ выносился „соръ изъ избы“, то задѣтые „интеллигенты“ предпочли держаться отъ насъ подальше („какъ бы чего не вышло!“).

Изъ мѣстныхъ „купцовъ“ охотно поддерживалъ съ нами знакомство Потемкинъ, такъ какъ, съ одной стороны, мы являлись для него интересными кліентами, а съ другой стороны, онъ очень дорожилъ своей перепиской съ Павленковымъ и этимъ самымъ считалъ себя какъ бы прикосновеннымъ къ „политическимъ“, да и съ кѣмъ же вольготнѣе было покалякать о „политикѣ“, какъ не съ ними?

Очень льнулъ къ намъ еще нѣкій „довѣренный“, управлявшій „на отчетѣ“ лавкой одного тюменскаго купца.—Это былъ прекурьезный типъ, постоянно напоминавшій мнѣ того россійскаго портного, на котораго наткнулся въ Парижѣ Глѣбъ Успенскій. Въ головѣ этого субъекта царилъ вѣчно какой-то невообразимый сумбуръ. Въ немъ вѣчно боролись необыкновенно-заячья трусливость и непреодолимая страсть къ новому, еще имъ никогда неиспытанному. Начавшіеся тогда въ Россіи террористическіе акты совсѣмъ сбили его съ толка... Бывало, когда совсѣмъ стемнѣетъ, „довѣренный“ этотъ, пугливо озираясь по сторонамъ, таинственно-тихо подойдетъ къ нашему дому и чуть-чуть стукнетъ въ ставню. Мы открываемъ окно, и нашъ „довѣренный“ шепотомъ справляется: одни ли мы дома, и удобно ли зайти къ намъ „потолковать“. Убѣдившись, что мы одни, онъ—крадучись—забирается къ намъ и замогильнымъ шепотомъ проситъ объяснить ему разныя разности, о которыхъ ему пришлось прочесть въ газетахъ. Неоднократно, бывало, онъ вдругъ прерываетъ нашъ разговоръ и таинственно шепчетъ: „а, знаете, я думаю купить левольверъ и поѣхать въ Петербургъ,—да, да—надо купить левольверъ“. Галиматья его стала насъ скоро сильно тяготить. Къ нашему великому удовольствію, довѣритель его скоро перевелъ его въ Тюмень...

Съ мѣстными чиновниками мы предпочитали не знакомиться, такъ какъ все ихъ времяпрепровожденіе сводилось къ безпробудному пьянству и азартной картежной игрѣ, которая, въ свою очередь, связана была съ почти поголовнымъ взяточничествомъ. По этой части подвизались особенно успѣшно исправникъ и его присные, а также судейскіе „засѣдатели“. Послѣдніе получали грошевое жалованье (кажется, 18 или 20 рублей въ мѣсяцъ) и, тѣмъ не менѣе, умудрялись при этомъ проигрывать въ карты въ одинъ вечеръ по нѣскольку сотъ рублей. Припоминается мнѣ въ осо-

бенности одинъ изъ этихъ „засѣдателей“ еще, сравнительно, очень молодой и неглупый человѣкъ Ш—въ, окончившій тобольскую семинарію. Частенько приходилось мнѣ встрѣчаться съ нимъ; почти всегда онъ бывалъ на-веселѣ въ растегнутомъ сюртукѣ съ сильно оттопыренными боковымъ карманомъ. Весело подмигивая, остановитъ онъ, бывало, меня, поздоровается, хлопнетъ себя по карману, вытащитъ оттуда толстую пачку ассигнацій и, ухмыляясь, говоритъ мнѣ: „не думайте, С. Л., что здѣсь однѣ только взятки,—нѣтъ, тутъ есть кое-что и заработанное, я, вѣдь, и жалованье получаю, ха-ха-ха!“..

Однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода, какъ для чиновъ полиціи, такъ и для судейскихъ „засѣдателей“ [1]) былъ мѣстный крезъ-старообрядецъ К—въ. Это былъ необыкновенно толстый, жиромъ заплывшій человѣкъ, за которымъ постоянно водилась масса самыхъ каверзныхъ уголовныхъ дѣлъ (преимущественно, по растлѣнію и изнасилованію). Онъ купно съ братьями владѣлъ въ округѣ обширнымъ кожевеннымъ, салотопеннымъ и конскимъ заводами, слылъ за большого богача и для полиціи и суда являлся чрезвычайно жирной, неисчерпаемой статьей дохода.

При насъ „судьей“ (предсѣдателемъ „окружного суда“ стараго типа) назначенъ былъ молодой человѣкъ прямо со студенческой скамьи, нѣкій Ч—га: оканчивая кіевскій университетъ по юридическому факультету, онъ какъ-то познакомился съ однимъ изъ приближенныхъ къ тогдашнему западно-сибирскому генералъ-губернатору Казнакову, который отъ имени послѣдняго и пригласилъ его на службу въ Сибирь, пообѣщавъ ему быструю и хорошую карьеру.—Мы уже немного пообжились въ Ялуторовскѣ, когда туда пріѣхалъ Ч—га. Онъ сдѣлалъ намъ визитъ, объясняя его желаніемъ имѣть возможность отъ времени до времени покалякать съ интеллигентными людьми въ этой захолустной глуши. Мы отплатили ему визитъ, и между нами завязалось знакомство.

Этотъ Ч—га на первыхъ же порахъ поразилъ насъ своей младенческой наивностью.—Какъ-то, въ разговорѣ съ нами, онъ предложилъ устроить для насъ занятія у К—ва. Когда мы высказали свои сомнѣнія относительно возможности пользоваться услугами подобнаго субъекта, Ч—га крайне изумился, такъ какъ онъ считалъ К—ва весьма приличнымъ и обязательнымъ человѣкомъ. Въ подтвержденіе основательности своего мнѣнія о немъ, онъ намъ сообщилъ, что какъ-только онъ, Ч—га, пріѣхалъ въ Ялуторовскъ, К—въ немедленно явился къ нему съ визитомъ и, въ

---

[1]) Кромѣ судейскихъ засѣдателей, въ Сибири были полицейскіе „засѣдатели“, соотвѣтствующіе нашимъ становымъ приставамъ. Въ рукахъ „засѣдателей“, какъ и полиціи вообще, сосредоточивались тогда и функціи судебныхъ слѣдователей.

виду необходимости въ Сибири теплой одежды, уступилъ ему „лишнюю“ хорошую соболью шубу за совершенный безцѣнокъ, а теперь—вотъ прислалъ ему изъ своего завода пару чудныхъ рысаковъ, назначивъ за нее ничтожную цѣну—около ста рублей.—Мы, въ свою очередь, высказали Ч—гѣ свое удивленіе по поводу такой его наивности, разсказали ему все, что знали о К—вѣ, и посовѣтовали ему разыскать въ томъ самомъ судѣ, которымъ онъ завѣдуетъ, скрываемыя, повидимому, отъ него „засѣдателями“ и секретаремъ дѣла. Наше сообщеніе сильно смутило Ч—гу, такъ какъ онъ понялъ, въ какую скверную исторію онъ чуть-было не вломался,—очевидно, по проискамъ исправника и „засѣдателей“, находившихъ нужнымъ этимъ путемъ обезвредить Ч—гу въ процессѣ доенія К—ва.— Ч—га возвратилъ послѣднему его пару рысаковъ и сталъ очень сдержанъ въ своихъ отношеніяхъ къ нему.

Наивность Ч—ги проявлялась, впрочемъ, и въ другихъ менѣе щекотливыхъ видахъ. Посѣщая насъ на первыхъ порахъ довольно часто, онъ, какъ украинецъ, очень любилъ угощать насъ украинскими пѣснями. Жебуневъ, тоже украинецъ и тоже большой любитель украинскихъ пѣсенъ, пытался отъ времени до времени затягивать нѣкоторыя любимыя имъ „вольнодумныя“ пѣсни. Ч—га въ этихъ случаяхъ спокойно останавливалъ его замѣчаніемъ, что эти пѣсни—запрещенныя, и затягивалъ другую „разрѣшенную“ пѣсню. И онъ, очевидно, твердо при этомъ былъ увѣренъ, что разъ онъ, бывая у насъ, не будетъ пѣть съ нами „революціонныхъ“ пѣсенъ и не будетъ принимать участія ни въ какихъ „революціонныхъ“ дѣлахъ, онъ всегда можетъ разсчитывать на неуязвимость въ глазахъ начальства!...

11.

Чернявскій принялъ мѣры къ осуществленію своего проекта объ устройствѣ въ Ялуторовскѣ собственной столярно-токарной мастерской. Частью на свои средства, полученныя имъ отъ сестры, частью на присланныя Жебуневу деньги заказаны были станки, пріобрѣтены были столярные инструменты и лѣсъ,—и, наконецъ, въ кузнечной слободкѣ нанятъ былъ для обученія насъ и руководства, вообще, работами рабочій Иванъ, пользовавшійся широкой извѣстностью, какъ хорошій столяръ и какъ... большой пьяница! Чернявскій и Жебуневъ были убѣждены, что разъ Ивана освободятъ отъ кабалы, въ какой его держали, какъ „варнака“—поселенца, и создадутъ ему сносную обстановку, онъ будетъ вести себя прилично и не будетъ пьянствовать.

Иванъ, конечно, съ восторгомъ согласился за 15 рублей въ мѣсяцъ (въ Ялуторовскѣ это была тогда крупная плата!) перейти въ нашу ма-

стерскую и, обучая насъ мастерству, работать въ то же время вмѣстѣ съ нами для рынка.—Надежда Чернявскаго и Жебунева, конечно, не оправдалась. Иванъ попрежнему продолжалъ пьянствовать, часто совсѣмъ не являясь на работу, или являясь въ полу-пьяномъ состояніи. На всѣ наши урезониванія онъ твердо держался одного: „здѣсь, И. Н., иначе никакъ не возможно. Ужъ тутъ климатъ такой. Это же, вѣдь, С. Л., какъ ни-на-есть самая Восточная Сибирь!“.. И хотя мы его всячески убѣждали, что Ялуторовскъ почти вовсе не Сибирь, и уже—во всякомъ случаѣ—не Восточная, и что „климатъ“ здѣшній отнюдь не требуетъ обязательно пьянства, Иванъ оставался твердъ въ своихъ географическихъ познаніяхъ и въ тѣхъ выводахъ, которые онъ изъ нихъ дѣлалъ, и продолжалъ пить горькую, резонируя, что всегда-де это такъ было здѣсь съ того самого времени, какъ „Ермакъ Тимофеевичъ былъ здѣсь генералъ-губернаторомъ“! (Sic!!).

Тѣмъ не менѣе Жебуневъ и Чернявскій дѣлали замѣтные успѣхи въ столярномъ искусствѣ и, при помощи Ивана, стали скоро работать по заказамъ, которые „интеллигенція“ намъ охотно доставляла. Я же оказался никуда негоднымъ по этой части. Помимо крайне слабой мускулатуры, у меня и глазъ былъ очень неправильнымъ,—я стругалъ и пилилъ вкривь и вкось, такъ что ничего путнаго у меня не выходило. Первый и (послѣдній) плодъ моей работы—стулъ оказался столь диковиннымъ, что ялуторовцы ходили смотрѣть на него, какъ на что-то совершенно необычайное. На зрѣлище явился даже и самъ исправникъ Розоновъ, немного наладившій свои отношенія къ намъ,—въ особенности—послѣ открытія мастерской, которое, по его мнѣнію, знаменовало съ нашей стороны серьезное намѣреніе осѣсть прочно на мѣстѣ, такъ что ему уже можно было не опасаться „побѣга“ и сопряженныхъ съ нимъ „непріятностей“.— Чтобы доставить мнѣ удовольствіе, Розоновъ грузно опустился на мой замѣчательный стулъ. Послѣдній не выдержалъ, конечно, тучнаго тѣла начальника полиціи и вдребезги разбился, повергши его наземь.

На этомъ опытѣ активное участіе мое въ мастерской прекратилось. Мнѣ предоставили читать запоемъ газеты и журналы, которые и родные, и знакомые присылали намъ въ большомъ количествѣ и возложили на меня весьма охотно принятую мною на себя обязанность разсылать эти газеты и журналы по разнымъ угламъ Сибири, а также вести систематическую переписку съ разбросанными по Сибири товарищами и сообщать имъ всѣ „новости“, какія получались нами съ разныхъ мѣстъ. Я по себѣ зналъ, какое громадное значеніе въ нашемъ положеніи имѣли такія „новости“, и старался быть по этой части возможно болѣе аккуратнымъ и щедрымъ, чѣмъ приводилъ въ ужасъ исправника и его помощника, такъ какъ въ то время вся переписка поднадзорныхъ политическихъ обяза-

тельно доставлялась на ихъ просмотръ, и имъ, разумѣется, отнюдь не доставляло удовольствія то, что имъ приходилось ежедневно перечитывать три-четыре моихъ письма въ 2—3 и болѣе листовъ каждое, не считая писемъ, получавшихся для насъ. Посылать же изъ такой глуши, какъ Ялуторовскъ, помимо полиціи, письма—въ особенности письма ссыльнымъ же, по Сибири разбросаннымъ,—было болѣе чѣмъ рискованно, въ особенности на первыхъ порахъ, пока мы не успѣли еще запастись разными обывательскими адресами для такихъ случаевъ...

12.

Вскорѣ послѣ открытія нашей мастерской, колонія наша увеличилась еще четвертымъ членомъ — Александрой Владимировной Афанасьевой.

Въ опредѣленные дни по тракту изъ Тюмени прибывали партіи ссыльныхъ, направлявшіяся въ разные пункты Сибири черезъ Ялуторовскъ, являвшійся временной для нихъ стоянкой. Мы не пропускали встрѣчи „партій“, такъ какъ знали, что послѣ цѣлаго ряда политическихъ процессовъ въ Россіи наконилось не мало политическихъ партій, подлежавшихъ отправкѣ въ Сибирь. И вотъ однажды мы встрѣтили небольшую партію, въ составъ которой входили нѣкоторые изъ осужденныхъ въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго (по вооруженному сопротивленію) и между ними двѣ женщины: Виттенъ и Афанасьева, изъ коихъ первая обращала на себя вниманіе высокимъ ростомъ и крупной фигурой, а послѣдняя своей крайней худобой и совершенно истощенной болѣзненной фигурой. Виттенъ съ товарищами скоро двинулась дальше, Афанасьева же схватила тифъ, почти всегда свирѣпствующій въ сибирскихъ пересыльныхъ тюрьмахъ, и оставлена была въ Ялуторовской тюрьмѣ.

Мы, разумѣется, всячески старались быть ей полезными, и, когда мы узнали отъ врача, что положеніе ея стало почти безнадежнымъ и что, при условіяхъ тюремной обстановки, смертный исходъ для нея неминуемъ, мы обратились къ исправнику съ настоятельнымъ ходатайствомъ о выдачѣ ея намъ, подъ наше поручительство, до выздоровленія. Исправникъ по телеграфу поддержалъ наше ходатайство передъ тобольскимъ губернаторомъ, который ходатайство наше уважилъ. Мы перевезли Афанасьеву въ свой домъ, помѣстили ее въ лучшей комнатѣ и обставили ее всѣми удобствами, какія только возможны были въ Ялуторовскѣ. Мѣстный врачъ Кудрявцевъ отнесся къ больной чрезвычайно гуманно, посѣщалъ ее по нѣскольку разъ въ день, категорически отказываясь отъ всякаго гонорара за леченіе. Мы устроили строгое дежурство, и своимъ образцовымъ ухо-

домъ, приводившимъ въ удивленіе и умиленіе Кудрявцева, помогли таки Афанасьевой, въ концѣ концовъ, выздоровѣть и встать на ноги. Въ это время Ялуторовскъ посѣтилъ губернаторъ Лысогорскій и разрѣшилъ Афанасьевой, по ея просьбѣ, остаться совсѣмъ на жительство въ Ялуторовскѣ.

Оправившись окончательно отъ болѣзни, Афанасьева въ скоромъ времени вышла замужъ за Чернявскаго [1]), и домъ нашъ сталъ тогда совсѣмъ на семейную ногу, такъ какъ Афанасьева-Чернявская оказалась образцовой хозяйкой и прекраснѣйшимъ товарищемъ. Она была крайне щекотлива и щепетильна и никакъ не могла и не хотѣла мириться съ тѣмъ, что она будетъ жить на средства другихъ. По ея настоянію, мы согласились на нѣкоторую перемѣну въ нашемъ обиходѣ. Она приняла на себя завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ, а отъ услугъ Осипа мы отказались. А. В. сама покупала провизію, сама стряпала обѣдъ и смотрѣла за всѣмъ домомъ. Стряпухой она оказалась весьма умѣлой и искусной, такъ что нашъ столъ не только обходился значительно дешевле прежняго, но еще много выигралъ въ разнообразіи и вкусѣ.

Съ появленіемъ А. В., жизнь наша стала какъ-то полнѣе.—Вставали мы очень рано. Напившись чаю, Жебуневъ и Чернявскій отправлялись въ мастерскую и принимались тамъ за свою работу, я отправлялся въ полицейское управленіе сдавать и получать письма, а затѣмъ, просмотрѣвъ газеты, садился за корреспонденцію, а Чернявская возилась на кухнѣ. Въ полдень мы обѣдали и немного отдыхали. До вечера затѣмъ мы опять находились за работой. Послѣ вечерняго чая мы отправлялись въ рощу на прогулку, а часовъ въ десять ложились спать.

Мастерская наша помогла намъ скоро сойтись съ кузнечной слободкой. Жебуневъ, по присущей ему способности быстро сходиться съ „народомъ“, завязалъ тамъ очень скоро весьма близкія отношенія, принявшись, по обыкновенію, за обученіе молодежи и снабжая грамотныхъ дешевыми народными книжками, которыя намъ присылали изъ Россіи. Кузнецы частенько посѣщали насъ и распивали у насъ чаи, калякая о разныхъ разностяхъ; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и мы ходили къ нимъ. Тамъ мы бывали всегда вполнѣ желанными гостями. Одно лишь немного тяготило насъ въ слободкѣ: считалось какъ бы обязательнымъ, разъ мы уже являлись туда въ праздничный день, перебывать въ „гостяхъ“ у всѣхъ по очереди; если къ кому-либо не зайдешь, то это принималось

[1]) Когда въ церкви собрались для вѣнчанія, священникъ Николай вдругъ неожиданно предложилъ имъ исповѣдаться, сознаться въ своихъ госуд. преступленіяхъ и покаяться въ таковыхъ, грозя въ противномъ случаѣ донести губернатору. Чернявскіе, во избѣжаніе скандала, пробормотали нѣсколько словъ, и „духовный отецъ“ на этомъ помирился!..

за обиду; а, между тѣмъ, явившись въ гости, никакъ нельзя было по сибирскому обычаю отказываться отъ „угощенія“,—у каждаго приходилось выпить хоть по одной рюмкѣ наливки, да чѣмъ-нибудь „прикусить“, а такъ какъ изъ двадцати домовъ слободки мы близко знакомы были, по крайней мѣрѣ, съ десятью, то эти праздничныя посѣщенія оканчивались, обыкновенно, для насъ довольно веселымъ настроеніемъ. Большею частью тутъ же въ слободкѣ въ болѣе просторномъ дворѣ устраивались разные игры и хороводы, въ которыхъ обязательно приходилось участвовать и намъ,—въ особенности Жебуневу, ставшему всеобщимъ любимцемъ всѣхъ слободскихъ парней и дѣвушекъ.

13.

Мирное житье наше въ Ялуторовскѣ нарушалось однимъ лишь очень тягостнымъ для насъ обстоятельствомъ, о которомъ (какъ это не тяжело) я не считаю себя вправѣ умолчать.

Проживалъ въ Ялуторовскѣ прибывшій туда раньше насъ „политическій“—Павловъ, котораго мы, съ первой же встрѣчи съ нимъ, не признали „своимъ“. Это былъ очень тупой и ограниченный малый,—одна изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ, безъ которыхъ не обходится ни одно болѣе или менѣе широкое народное движеніе, въ которое на ряду съ здоровыми элементами неизбѣжно втягиваются и недоброкачественные элементы, — по пословицѣ: „гдѣ лѣсъ рубятъ, щепки летятъ!“

Во время оно Павловъ былъ рабочимъ на какой-то ткацкой фабрикѣ въ Петербургѣ. Когда „народническая“ пропаганда разлилась въ средѣ рабочихъ, она стихійно задѣла и Павлова, который очень скоро былъ арестованъ, попалъ подъ судъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію и очутился вмѣстѣ съ Ольгой Спиридоновной Любатовичъ въ Ялуторовскѣ, гдѣ мы его и застали.

На первыхъ порахъ Павловъ къ намъ и не являлся. Мы знали, что это крайне тяжелый и непріятный субъектъ, и тоже всячески избѣгали встрѣчи съ нимъ. Но когда мы стали обживаться въ Ялуторовскѣ, Павловъ вдругъ въ одинъ прекрасный день къ намъ явился и затѣмъ зачастилъ свои посѣщенія. Видя въ немъ несчастную жертву нашего же движенія, мы старались помогать ему, чѣмъ только могли. Но претензіи Павлова росли съ каждымъ днемъ. Онъ сталъ требовать отъ насъ опредѣленнаго ежемѣсячнаго пособія, которое мы-де получаемъ на его долю отъ какого-то „революціоннаго комитета“ и т. д. Отъ всякой работы онъ отлынивалъ, считая ее ниже себя, третируя при этомъ демонстративно всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ, какъ „дураковъ“, не способныхъ даже „понимать“ его, хотя самъ онъ былъ довольно невѣжественъ и все его „раз-

витіе“ зиждилось на десяткѣ-другомъ ходко циркулировавшихъ въ то время между рабочими брошюрокъ.

Наконецъ, намъ стало невтерпежъ и мы заявили Павлову, что мы категорически отказываемся впредь помогать ему чѣмъ бы то ни было (онъ получалъ казенное пособіе) и согласны лишь на одно: мы будемъ платить за его содержаніе и помѣстимъ его къ лучшему мастеру въ слободкѣ, чтобы тотъ обучалъ его кузнечному и столярному ремесламъ. Павловъ ультимативное предложеніе наше принялъ, поселился у Артамона и проработалъ у него нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ одинъ прекрасный день онъ вдругъ опять явился къ намъ и заявилъ, что онъ бросилъ мастерскую, такъ какъ Артамонъ сталъ-де кормить его постной пищей (это было въ постъ), а онъ, Павловъ, не такой „хамъ“, какъ они, и на такую пищу не согласенъ. Всѣ наши резоны остались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Мало того, Павловъ при этомъ случаѣ не приминулъ опять возобновить (и въ самой настойчивой формѣ) свое нелѣпое требованіе о ежемѣсячномъ „жалованьѣ“, посылаемомъ намъ для него изъ „Комитета“.

Возмущенные его нахальствомъ по отношенію къ Артамону и его рабочимъ и понимая, что всякая дальнѣйшая уступка съ нашей стороны поведетъ лишь къ окончательной гибели Павлова, мы категорически отказали ему въ его домогательствахъ. Тогда онъ изъ злобнаго желанія досадить намъ и учинить намъ „демонстрацію“, разыскалъ арестантскій халатъ (съ „бубновымъ тузомъ“), въ которомъ онъ прибылъ въ Ялуторовскъ, и въ этомъ халатѣ дефилировалъ ежедневно по нѣскольку часовъ мимо оконъ нашего дома, разсказывая всѣмъ любопытнымъ зѣвакамъ о нашихъ несправедливыхъ къ нему отношеніяхъ, объ отказѣ нашемъ помогать ему и присвоеніи его „жалованья“, громогласно высказывая свое презрѣніе къ намъ „буржуямъ-эксплуататорамъ“, съ которыми онъ, Павловъ, „сознательный рабочій“, ничего общаго имѣть не желаетъ...

Мы заподозрили, что съ Павловымъ дѣло обстоитъ не ладно, что онъ, повидимому, начинаетъ сходить съ ума. Дѣйствительно, вслѣдъ за этой „демонстраціей“ Павловъ подалъ исправнику прошеніе, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы его свели съ Любатовичъ, которую-де полиція умышленно отъ него скрываетъ, хотя она его невѣста и вовсе не думала убѣгать. Если же она, дѣйствительно, убѣжала, то пусть исправникъ или губернаторъ найдутъ ему другую невѣсту, но такую, которая принесла бы ему въ приданое сапоги и брюки; въ противномъ же случаѣ, онъ предупреждаетъ, что не останется въ Ялуторовскѣ, а убѣжитъ въ Россію.

Для исправника ясно стало, что Павловъ свихнулся. Онъ переслалъ прошеніе его тобольскому губернатору, а въ виду угрозы его побѣгомъ, Розоновъ, во избѣжаніе „непріятностей“, пока что заключилъ его въ тюрьму.

14.

Ни мастерская, ни слободка, ни даже обширная „корреспонденція“ не могли, однако, сколько-нибудь удовлетворить насъ. Утомительно однообразная жизнь начинала замѣтно тяготить насъ. Мы стали впадать въ тоску. Съ каждымъ днемъ давала себя все больше и больше чувствовать потребность приняться за что-либо болѣе жизненное и реальное и, такъ или иначе, положить конецъ нашему прозябанію. А тутъ еще подвернулся крайне прискорбный инцидентъ съ Павловымъ.

И вотъ тогда-то разыгралась катастрофа, развязавшая насъ съ Ялуторовскомъ скорѣе, чѣмъ мы ожидали, и совсѣмъ не такъ, какъ мы ожидали.

Въ одинъ изъ печальныхъ ненастныхъ дней, когда мы сидѣли всѣ дома и совмѣстно придумывали исходъ изъ угнетавшаго насъ положенія, къ намъ явился субъектъ, произведшій на меня лично всѣмъ своимъ внѣшнимъ обликомъ далеко неблагопріятное впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда мы разговорились съ нимъ, такъ какъ меня шокировали грубость и вульгарность его языка, показная бравурность и претензія на эффекты.

Субъектъ этотъ доставилъ намъ письмо отъ кого-то изъ политическихъ ссыльныхъ, рекомендовавшаго подателя этого письма, какъ человѣка, къ которому можно отнестись съ довѣріемъ.

Назвался нашъ посѣтитель Цыпловымъ и тутъ же объяснилъ, что настоящая его фамилія Гармановъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ судился въ одномъ изъ россійскихъ судовъ за разбой и грабежъ, присужденъ былъ къ многолѣтней каторгѣ на заводы, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, потомъ, бѣжавъ, былъ пойманъ, при вторичномъ слѣдованіи по „Владимиркѣ“ смѣнился съ кѣмъ-то изъ слѣдовавшихъ на поселеніе подъ фамиліей „Цыпловъ“, на поселеніи или въ Центральной тюрьмѣ сошелся съ кѣмъ-то изъ политическихъ, которые оцѣнили его какъ смѣлого до дерзости человѣка и рѣшили воспользоваться имъ для устройства побѣговъ изъ Сибири, командировали его съ этой цѣлью на Уралъ къ служившему тамъ старому революціонеру К—лю, который, въ свою очередь, направилъ его въ Петербургъ. Тамъ Цыпловъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе, расположилъ къ себѣ нѣкоторые активные кружки, которые снабдили его коекакой „нелегальщиной“ и письмами, между прочимъ, и къ Чернявскому въ Ялуторовскъ. Цыпловъ заявилъ, что онъ весь предоставляетъ себя въ распоряженіе политическихъ ссыльныхъ, въ которыхъ онъ слѣпо увѣровалъ.

Мнѣ припомнился процессъ Гарманова, произведшій на меня въ свое время очень сильное впечатлѣніе. Въ памяти моей сильно врѣзалась необычайно-дерзкая выходка его по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ,

которымъ онъ пригрозилъ за суровый приговоръ местью, когда онъ убѣжитъ изъ Сибири и вернется на родину. Я высказался, поэтому, противъ довѣрчиваго и интимнаго отношенія къ Цыплову, опасаясь, чтобы онъ въ той или иной формѣ раньше или позже не скомпрометировалъ не только насъ, но и дѣло, которому мы служимъ. Оба Чернявскіе и Жебуневъ рѣшительно возстали противъ моего необоснованнаго недовѣрія къ Цыплову, полагая, что во мнѣ говоритъ просто предубѣжденіе противъ человѣка, когда-то осужденнаго за грабежъ, хотя теперь, повидимому, уже совершенно переродившагося и готоваго душой и тѣломъ служить тому дѣлу, ради котораго его и направили къ намъ. Чернявскіе и Жебуневъ высказывали твердое убѣжденіе свое, что Цыпловъ въ роли организатора побѣговъ можетъ оказаться незамѣнимымъ человѣкомъ и что, при нашемъ содѣйствіи и руководительствѣ, онъ сумѣетъ успѣшно выполнить эту роль, и полагали, что, не имѣя теперь никакой другой реальной дѣятельности, мы не вправѣ отказываться отъ содѣйствія инціативѣ Петербурга и задачамъ Цыплова.

Хотя товарищамъ и не удалось разсѣять мое предубѣжденіе противъ послѣдняго, но такъ какъ и у меня, кромѣ субъективныхъ впечатлѣній, ничего болѣе осязательнаго противъ Ц—ва не имѣлось, то я, скрѣпя сердце, подчинился ихъ рѣшенію и принялъ на себя даже письменное изложеніе намѣченнаго плана и рекомендацію Цыплова ссыльнымъ, жившимъ по тракту въ Ишимѣ, Тюкалинскѣ и др. пунктахъ.

Цыпловъ пробылъ у насъ нѣсколько дней и, хотя онъ днемъ не выходилъ, но по вечерамъ гулялъ, а въ такомъ захолустномъ городкѣ, какъ Ялуторовскъ, появленіе на улицѣ всякаго новаго человѣка не могло не обратить на себя вниманія. Къ тому же, какъ оказалось впослѣдствіи, мужъ сожительницы Осипа, жившій съ нею въ избѣ послѣдняго, служилъ въ полиціи и былъ откомандированъ спеціально для наблюденіи за нами.

Мы приготовили письма, снабдили ими Цыплова, вручивъ ему также нелегальщину, деньги и провизію. На 3-й и 4-й день пребыванія у насъ, онъ рано на разсвѣтѣ распростился съ нами и пѣшкомъ двинулся по направленію къ Ишиму. Когда онъ отошелъ нѣсколько верстъ отъ города, его возлѣ одной деревни нагнала подвода, которая якобы направлялась туда же, куда и онъ. Сидѣвшій въ повозкѣ „проѣзжающій" (впослѣдствіи оказавшійся мужемъ сожительницы Осипа) предложилъ Ц—ву присѣсть, что онъ-де его подвезетъ. Цыпловъ предложеніе принялъ и присѣлъ. Скоро, однако, попутчикъ показался ему немного подозрительнымъ, и Цыпловъ уже подъ самой деревней соскочилъ, побѣжалъ въ деревню и хотѣлъ, было, въ первой попавшейся хатѣ нанять лошадей. Но сыщикъ его нагналъ; по его требованію хата окружена была народомъ; „чалдоны"

хватили Ц—ва сзади по головѣ полѣномъ. Онъ успѣлъ разъ выстрѣлить изъ револьвера и ранить одного крестьянина, но толпа этимъ не смутилась, выбила изъ его рукъ револьверъ, повалила его на землю, избила до-полусмерти и, связавъ по рукамъ и ногамъ, бросила его въ телѣгу, и сыщикъ повезъ его обратно въ Ялуторовскъ. Всѣ эти подробности мы узнали, конечно, позже...

Проводивъ Цыплова, мы еще пару часовъ поспали, затѣмъ встали и принялись за чай. Раньше обыкновеннаго, когда мы еще не покончили съ „прикуской", явился къ намъ изъ полицейскаго управленія разсыльный, который пригласилъ насъ всѣхъ къ исправнику за полученіемъ корреспонденціи, денегъ и пр.

Ничего не подозрѣвая и совершенно спокойные за Цыплова, мы отправились въ полицейское управленіе, гдѣ подъ разными предлогами насъ задержали довольно долго, а когда мы возвращались домой, то, недоходя еще до дома, поняли, что случилось нѣчто необычайное: нашъ домъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ солдатами въ полной боевой аммуниціи. Очутившійся возлѣ насъ полицейскій надзиратель предложилъ намъ войти къ себѣ. Тамъ ждалъ уже насъ исправникъ и его помощникъ, стряпчій (игравшій при старомъ судѣ роль товарища прокурора), мѣстный воинскій начальникъ и нѣсколько офицеровъ. Всѣ комнаты и сѣни переполнены были солдатами и полицейскими [1]).

Произведенъ былъ во всѣхъ комнатахъ самый тщательный обыскъ. Перерыли всѣ углы, всѣ чуланы, мастерскую, службы, даже отхожее мѣсто. Обшарили всѣ наши карманы, сняли даже съ насъ сапоги! Наконецъ, составленъ былъ протоколъ, что предосудительнаго у насъ ничего не нашли, и заявили намъ, безъ объясненія причинъ, что мы должны быть арестованы. Въ виду рѣзкаго протеста съ нашей стороны, исправникъ, по соглашенію съ стряпчимъ, рѣшилъ оставить насъ подъ домашнимъ арестомъ и обратился въ Тобольскъ по телеграфу къ губернатору съ запросомъ насчетъ дальнѣйшаго. На другой день насъ всѣхъ, вслѣдствіе телеграфнаго распоряженія губернатора, заключили въ ялуторовскій тюремный замокъ.

15.

И вотъ, послѣ 10-ти мѣсячной передышки, я опять за рѣшеткой, опять подъ замкомъ, опять съ неизмѣнной „парашей" въ камерѣ!

Разсадили насъ, разумѣется, по одиночкѣ. Но если одиночное заключеніе и въ такихъ „образцовыхъ" тюрьмахъ, какъ Домъ Предвари-

---

1) „Предосторожности" всѣ вызваны были подозрѣніемъ полиціи, что у насъ имѣется оружіе, и мы можемъ оказать вооруженное сопротивленіе.

тельнаго заключенія или „Петропавловка“ не удается сохранить строго „одиночнымъ“, то тѣмъ болѣе это было немыслимо въ Ялуторовской тюрьмѣ—„пересыльной“, въ которой, уже по самому ея характеру, постоянный, такъ сказать, контингентъ населенія самый ничтожный, и 99% состоитъ изъ вѣчно смѣняемыхъ „партій“, не признающихъ никакой дисциплины и весьма опытныхъ по части обхода всякихъ тюремныхъ „инструкцій“.

На другой же день намъ удалось повидаться съ заключеннымъ тамъ же (отдѣльно и „весьма секретно“) Цыпловымъ, который и посвятилъ насъ въ вышеприведенныя подробности своего ареста. На немъ красовалось еще нѣсколько повязокъ, наложенныхъ на него послѣ жестокаго избіенія его при арестѣ. Мы отъ него узнали, что письма наши ему не удалось уничтожить, и они (конечно, не подписанныя) находятся теперь у исправника,—что онъ, Ц—въ, категорически отрицаетъ всякое знакомство свое съ нами, а относительно происхожденія найденныхъ у него писемъ, какъ и цѣли его путешествія отказался дать какія бы то ни было показанія. При этомъ Ц—въ завѣрилъ насъ, что онъ останется нѣмъ, какъ рыба. Само собою разумѣется, что и мы рѣшили держаться въ показаніяхъ той же системы.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ изъ Тюмени жандармскій маіоръ (помощникъ начальника Тобольскаго Губернскаго Жанд. Управленія) для производства дознанія по дѣлу Цыплова. Мы категорически отказались отъ всякаго знакомства съ послѣднимъ; равнымъ образомъ отрицали мы авторство перехваченныхъ у него писемъ и знакомство съ содержаніемъ послѣднихъ, какъ и самое участіе въ подготовкѣ побѣговъ изъ Сибири.

Закончивъ дознаніе, жандармскій маіоръ уѣхалъ, а мы въ ожиданіи своей участи коротали скучные дни въ разговорахъ черезъ окна, совершенно игнорируя запрещенія и угрозы смотрителя. Бесѣдовалъ съ нами и Павловъ, ждавшій здѣсь очередной партіи для отправки въ Якутскую область по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ за угрозу бѣжать изъ Ялуторовска. На Павлова тюремное заключеніе оказало немного умиротворяющее и успокоивающее дѣйствіе. Онъ извинялся передъ нами за свое несправедливое къ намъ отношеніе, выражалъ намъ свое сочувствіе и даже покаялся передъ нами, что нѣкоторое время онъ считалъ насъ виновниками своего заключенія въ тюрьму...

Исправникъ донесъ губернатору, что онъ лишенъ всякой возможности изолировать насъ другъ отъ друга, что мы упорно переговариваемся между собою не только на русскомъ языкѣ, но и „на разныхъ другихъ языкахъ“, непонятныхъ ни смотрителю, ни надзирателямъ.

Губернаторъ снесся съ генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ, ко-

торый распорядился, чтобы, заковавъ насъ въ ножные кандалы, развезти насъ по разнымъ тюрьмамъ. Цыплова въ Тобольскую, гдѣ надъ нимъ долженъ былъ состояться военный судъ [1]) за оказанное при арестѣ вооруженное сопротивленіе,—меня въ Курганскую, Жебунева—въ Торскую, а Чернявскихъ—въ Ишимскую.

Штатный,—такъ сказать, тюремный,—кузнецъ отказался заковывать насъ. Отказались и нѣкоторые другіе. Въ слободкѣ нашелся одинъ лишь кузнецъ (Егоръ), который согласился на эту роль,—онъ и раньше внушалъ намъ недовѣріе къ себѣ, и мы его чуждались. Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ тюрьму со всѣми нужными принадлежностями.

Вызвали насъ въ контору, гдѣ и совершили эту гнусную, совершенно безцѣльную и ничѣмъ неоправдываемую операцію.

Вновь прибылъ изъ Тюмени жандармскій маіоръ съ жанд. нижними чинами. Маіоръ разрѣшилъ намъ общее свиданіе. Мы провели около часа въ задушевной товарищеской бесѣдѣ, крѣпко обнялись и распрощались.

За тюремной оградой ждали насъ три почтовыхъ тройки, запряженныя въ сибирскія кибитки: одна для Жебунева, другая—для меня и третья—для Чернявскихъ. На каждой кибиткѣ находилось по два жандарма.

Кузнечная слободка вся почти оказалась возлѣ тюрьмы и низкопочтительно раскланивалась съ нами. Слободская молодежь проявила при этомъ къ намъ особенно трогательное вниманіе, которое сильно смягчило горечь разлуки.

Раздалась команда, ямщики гикнули, и лихія тройки стрѣлой помчались.

Прощай, Ялуторовскъ!

С. Чудновскій.

---

[1]) Военный судъ, какъ мы узнали впослѣдствіи, приговорилъ Цыплова къ смертной казни. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ послѣднюю 8-лѣтней каторгой. Я былъ радъ, что предубѣжденіе мое противъ Ц—ва не оправдалось. Онъ все время держалъ себя прекрасно. Хотя пришлось ждать кофнирмаціи приговора цѣлыхъ *двадцать* дней, въ теченіе которыхъ надъ нимъ висѣлъ страшный призракъ смерти, и хотя власти всячески старались, пользуясь психологическимъ моментомъ, выпытать отъ него желательныя показанія, суля за это пощаду жизни,—Цыплов не проронилъ ни единаго слова. За эту стойкость и вѣрность „новымъ убѣжденіямъ" простятся ему многіе его грѣхи, такъ какъ онъ, безспорно, имѣлъ возможность впутать въ свое дѣло много причастныхъ къ нему лицъ...

Воспоминанія.

(Продолженіе [1]).

ГЛАВА V.

Помѣщичьи нравы передъ эпохой реформъ.

Управляющій нѣмецъ „Карла": его похожденія и управленіе крестьянами.—Представленіе съ ученымъ медвѣдемъ.—Цыгане.—Цыганка Маша и ея отношеніе къ нашему дому.—Мелкопомѣстные дворяне и ихъ кровавые распри.—Роль, которую они играли въ помѣщичьихъ домахъ.—„Селезень—вральманъ" и его розсказни.—Сосѣдка Макрина, ея дочь Женичка и двое ихъ крѣпостныхъ.

Скоро послѣ нашего переселенія въ деревню къ моей матери то и дѣло начали ходить крестьяне изъ Бухонова съ жалобами на своего управляющаго. Это помѣстье принадлежало старшему брату моей матери, Ивану Степановичу Гонецкому, и имъ распоряжался нѣмецъ управляющій, Карлъ Карловичъ; но фамиліи его никто никогда не называлъ, а крестьяне прозвали его «Карлою».

Прежде, чѣмъ явиться къ матушкѣ, мужики и бабы вызывали няню и умоляли ее упросить «барыню» заступиться за нихъ, «обуздать Карлу». Но матушка строго запретила ей пускать ихъ къ себѣ. Она говорила, что вѣритъ въ основательность ихъ жалобъ, такъ какъ всѣ кругомъ подтверждаютъ ихъ, но что она лично ничего не можетъ сдѣлать: она не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла по имѣнію своего брата, который поручилъ его управляющему и далъ ему законную довѣренность.

Но вотъ однажды весною, въ праздничный день, у нашего крыльца собралась огромная толпа дядиныхъ крѣпостныхъ. Несмотря на дождь, они стали на колѣни передъ крыльцомъ, обнажили головы и объявили, что не тронутся съ мѣста, пока «барыня» не выслушаетъ ихъ. Матушка вышла разсерженная и

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Май—Іюнь.

подтвердила то, что уже много разъ посылала сказать имъ. Но выдѣлившійся изъ толпы сѣдой старикъ сумѣлъ заставить ее иначе отнестись къ нимъ. Онъ напомнилъ ей о томъ, «что милосердіе къ своимъ крестьянамъ покойнаго батюшки Николая Григорьевича извѣстно во всей округѣ, что онъ навѣрное пожалѣлъ бы и крестьянъ своего сродственника», что единственно о чемъ они просятъ барыню это то, чтобы она выслушала ихъ, затѣмъ сама бы пріѣхала въ Бухоново, убѣдилась въ справедливости ихъ словъ и все бы это описала своему братцу, — ихъ барину. Матушка смягчилась, приказала имъ встать съ колѣнъ, пойти на скотный просушиться, выбрать нѣсколько человѣкъ, которые бы и явились къ ней въ переднюю, но чтобы эти выборные «враки не несли и пустого не мололи»,—иначе, чуть что не подтвердится, она писать брату откажется.

Въ прежнія времена совсѣмъ не думали о томъ, что дѣтямъ не слѣдуетъ слушать многое изъ того, о чемъ старшіе говорятъ между собой, и выгоняли дѣтей изъ комнаты только тогда, когда они досаждали своими вопросами или бѣготней, а если они сидѣли гдѣ-нибудь въ сторонкѣ тихо и смирно, то о ихъ существованіи забывали, и они могли слушать самыя неподходящія для ихъ возраста вещи,—такъ, по крайней мѣрѣ, было въ нашей семьѣ. Я не только присутствовала въ то время, когда бухоновскіе крестьяне разсказывали матушкѣ объ истязаніяхъ, учиняемыхъ надъ ними «Карлою», но и когда они сообщали ей о его грязномъ поведеніи. Мало того, я ѣздила съ матушкою и нянею въ Бухоново, когда онѣ отправлялись туда, чтобы разслѣдовать на мѣстѣ жалобы крестьянъ. Няня могла пригодиться матушкѣ какъ для самого дѣла, такъ и для услугъ; на мое же путешествіе смотрѣли, какъ на маленькое развлеченіе для меня. Но мои воспоминанія не были бы такъ отчетливы, если бы старшіе, вслѣдствіе полнаго отсутствія въ прежнее время какихъ бы то ни было общественныхъ и политическихъ интересовъ, а также книгъ для чтенія, не вспоминали такъ часто о нашихъ захолустныхъ «исторіяхъ» и «происшествіяхъ». Удивительно, какъ у насъ любили вспоминать прошлое! Конечно, этому болѣе всего способствовали недостатокъ темъ для разговора и однообразно-вялая, монотонная, уединенная семейная жизнь. Достаточно было самаго ничтожнаго предлога, дѣловой записки отъ человѣка изъ той или другой сосѣдней мѣстности, и кто-нибудь изъ собравшихся начиналъ вспоминать о людяхъ, жившихъ въ ней 10—20 л. тому назадъ. Присутствующіе тотчасъ оживлялись и не только внимательно слушали разсказъ, который передавался уже много, много разъ при томъ же составѣ слушателей, но и сообщали пропущенныя разсказчикомъ подробности, передавали въ лицахъ разговоры.

Въ Бухоново мы отправились въ одинъ изъ воскресныхъ дней. Матушка распорядилась, чтобы для насъ была приготовлена собственная провизія: «Карла будетъ звать насъ къ себѣ на уго-

щеніе», говорила она, «но я не желаю даже входить къ нему: ѣсть у него хлѣбъ-соль, а потомъ на него же жаловаться,—это не въ моихъ правилахъ. Да и тяжело мнѣ входить въ домъ, гдѣ я родилась, въ которомъ я жила съ Марьей Өедоровной и отцомъ, гдѣ я узнала столько радости и горя». Кромѣ няни и меня, она брала съ собою трехъ крестьянъ: Лука долженъ былъ править въ кормѣ лодки, а двое были гребцами.

Помѣщичій домъ, въ Бухоновѣ, какъ и въ Погорѣломъ, стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, на небольшой горкѣ, но на другой сторонѣ нашего озера. Изъ одного имѣнья въ другое лѣтомъ можно было проѣхать въ лодкѣ по озеру; еще быстрѣе переѣзжали его зимой, когда ледъ замерзалъ, и оно представляло, какъ паркетъ, гладкую поверхность.

Каждый разъ, когда мы отправлялись въ лодкѣ на другую сторону, мы брали съ собой очень упрощенный снарядъ для ловли рыбы, который одни называли «лёса», другіе «лиса»,—дескать, такъ же хитро подкрадывается къ рыбѣ, какъ лиса къ курамъ. Этотъ снарядъ просто на просто представлялъ огромный клубокъ пеньковой веревки, на концѣ которой прикрѣпленъ былъ металлическій, толстый, короткій крючекъ; на него надѣвали небольшую рыбу, обыкновенно маленькаго карася. Когда мы садились въ лодку, чтобы ѣхать на другую сторону, мы забрасывали въ воду «лёсу» и, отъѣзжая отъ берега, постепенно разматывали клубокъ, опуская веревку въ озеро; тотъ же, кто сидѣлъ въ кормѣ, наматывалъ на руку конецъ этой веревки. На крючекъ «лёсы» попадалась только крупная рыба, но случалось, что переѣдутъ на другую сторону, а веревку ни разу не дернетъ. Когда удавалось вытащить огромную рыбу, ее бросали на дно лодки, и она, бывало, такъ скачетъ, что крестьяне, сидящіе на веслахъ, тутъ же прирѣзываютъ ее, чтобы она не выскочила въ озеро.

Прежде чѣмъ лодка окончательно причаливала къ берегу, ее уже видно было изъ оконъ Бухоновскаго дома. Когда нашу лодку стали притягивать къ берегу, управляющій Карлъ Карлычъ уже стоялъ, ожидая насъ на берегу. Это былъ средняго роста коренастый мужчина, наклонный къ толстотѣ, съ небольшимъ брюшкомъ, съ очень бѣлымъ, одутловатымъ лицомъ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ голубыми, дѣтски-наивными глазами. Въ его физіономіи бросались въ глаза замѣчательно красныя, отвислыя, толстыя губы, которыя напоминали двѣ только что насосавшіяся кровью піявки; онѣ были такъ пухлы и толсты, что ротъ въ углахъ никогда не былъ плотно прикрытъ.

Подходя къ матушкѣ, «Карла» улыбался такъ весело и радостно, точно встрѣчалъ давно ожидаемую родную мать, и засыпалъ ее любезностями, комплиментами и привѣтствіями. Онъ говорилъ по-русски хотя и не совсѣмъ правильно и съ иностраннымъ акцентомъ, но такъ, что все можно было разобрать. Онъ заявилъ, между прочимъ, что все время собирался ее посѣтить, и о томъ, какъ обрадовался, когда увидѣлъ ее, а между тѣмъ онъ

встрѣчалъ мою мать въ первый разъ въ жизни. «Самоваръ и закуска», добавилъ онъ, «уже на столѣ».

Матушка была человѣкъ прямодушный, ненавидящій подходы и извороты, а потому прямо заявила ему, что не можетъ принять его угощенія, что пріѣхала она не къ нему, а съ цѣлью осмотрѣть житье-бытье крестьянъ, принадлежащихъ ея родному брату, чтобы потомъ описать ему все, что она увидитъ. «Карла» сейчасъ же перемѣнилъ тонъ и изъ заискивающаго сдѣлался наглымъ. Онъ крайне запальчиво и рѣзко отвѣчалъ, что матушка не имѣетъ права устраивать подобныхъ ревизій, которыя могутъ породить лишь смуту среди крестьянъ, что она не смѣетъ устраивать подобныхъ вещей даже съ разрѣшенія своего брата, который самъ выдалъ ему формальную довѣренность на управленіе его имѣніемъ, что въ силу этого онъ здѣсь единственный, полновластный хозяинъ и распорядитель. При этомъ онъ какъ-то грозно подошелъ къ матушкѣ. Няня въ ужасѣ всплеснула руками со словами: «ахъ, ты нѣмецкая колбаса... Да какъ ты смѣешь съ нашей-то барыней такъ разговаривать?» «Берегись, старая вѣдьма!», закричалъ онъ, поднимая палку на няню.

Я разревѣлась, но матушка была совсѣмъ не изъ трусливаго десятка. Она гордо подняла голову и съ презрѣніемъ крикнула: «Смѣйте только прикоснуться къ кому-нибудь изъ моего семейства или изъ моихъ крестьянъ! Прочь съ дороги!.. Можете сейчасъ же послать верхового за становымъ и за кѣмъ угодно,— я буду дѣлать то, что мнѣ надо». И она смѣло двинулась впередъ въ сопровожденіи насъ, приказавъ и тремъ нашимъ крестьянамъ слѣдовать за нею. Управляющій нѣсколько попятился назадъ, но долго выкрикивалъ намъ какія-то угрозы.

Матушка входила въ каждую избу съ нами, а если она не вмѣщала всѣхъ насъ, то только съ Лукою. Она разспрашивала каждаго хозяина, есть ли въ его хозяйствѣ лошадь, корова и другія домашнія животныя, о томъ, много ли дней работаетъ онъ на управляющаго и какія повинности онъ уплачиваетъ, когда и за что былъ наказанъ, приказывала подать ей хлѣба и приварокъ, пробовала то и другое, осматривала дѣтей, заходила въ въ хлѣвъ и другія постройки, если они были, и всѣ свои наблюденія заносила въ свою записную книжку. Показанія крестьянъ одной избы она провѣряла показаніями другихъ крестьянъ. Весь день она употребила на осмотръ избъ бухоновскихъ крестьянъ.

Матушка имѣла привычку писать свои письма сначала начерно. Всѣ свои черновики она аккуратно складывала вмѣстѣ съ отвѣтами, полученными ею. Вотъ ея письмо по этому поводу.

«Драгоцѣннѣйшій и всею душою и сердцемъ почитаемый братецъ мой, Иванъ Степановичъ!»

«Испытавъ на себѣ всю братскую доброту Вашего нѣжнаго сердца, Вашу заботу обо мнѣ, какъ о младшей единокровной и единоутробной сестрѣ Вашей, я рѣшаюсь довести до Вашего свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ Вашихъ маетностяхъ —

помѣстьѣ Вашемъ Бухоново. Повѣрьте, братецъ, честному слову Вашей сестры, почитающей Васъ всѣмъ своимъ помышленіемъ, что не изъ бабьяго любопытства, не по женской привычкѣ совать свой носъ въ чужія дѣла рѣшилась я ѣхать въ принадлежащее Вамъ помѣстье и своими глазами посмотрѣть, оправдаются ли горькія жалобы Вашихъ подданныхъ на ихъ управителя. Къ сему непріятному дѣйствію понудили меня долгъ совѣсти, обязанность христіанки и желаніе моего покойнаго мужа, Вашего друга, сколь возможно блюсти интересы крѣпостныхъ, дабы они не имѣли права жаловаться на несправедливость помѣщиковъ... Отъ себя еще прибавлю, что собственный нашъ помѣщичій интересъ долженъ заставлять, елико возможно, пещись о нихъ.

«Жалобы на мучительства, причиняемыя имъ ихъ управляющимъ, поступали ко мнѣ уже болѣе года, но, не имѣя Вашей конфиденціи на сей предметъ, я боялась вмѣшательства въ сіе щекотливое дѣло, пока вопли Вашихъ подданныхъ не понудили меня выступить ихъ заступницей передъ Вами, но не иначе, какъ послѣ самоличнаго строгаго разслѣдованія ихъ жалобъ. И вотъ, братецъ, считаю долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія обо всемъ, что видѣли мои глаза, что слышали мои уши.

«Всѣ Ваши крестьяне совершенно разорены, изнурены, въ конецъ замучены и искалѣчены никѣмъ другимъ, какъ Вашимъ управителемъ, нѣмцемъ Карломъ, прозваннымъ у насъ «Карлою», который естъ лютый звѣрь, мучитель, столь жестоковыйный и развращенный человѣкъ, что если бы ненарокомъ проѣзжалъ по нашей захолустной мѣстности знаменитый сочинитель, чего, конечно, не можетъ случиться, онъ бы на страницахъ своего творенія описалъ «Карлу», какъ изверга человѣческаго рода. Извольте сами разсудить, безцѣнный братецъ: въ нашихъ мѣстахъ «барщина» состоитъ въ томъ, что крестьянинъ работаетъ на барина три и не болѣе четырехъ дней въ недѣлю. У «Карлы» же барщину отбываютъ 6 дней, съ утра до вечера, а на обработку крестьянской земли онъ даетъ Вашимъ подданнымъ только ночи и праздники. Ночью и рабочій скотъ отдыхаетъ, можетъ ли человѣкъ работать безъ отдыха? Въ одни же праздники, если бы даже никогда не мѣшали дожди, крестьянинъ не могъ бы управиться съ своимъ надѣломъ. А потому и произошло то, что гораздо болѣе половины Вашихъ крестьянъ оставляютъ землю безъ обработки. Какъ хозяйка уже съ нѣкоторымъ опытомъ, я могу сказать Вамъ, мой братецъ любимый, что изъ сего выйдетъ то, что Вы, когда кончится контрактъ съ Карлою, потеряете весь профитъ, который можете получить, какъ помѣщикъ отъ своей земли, и оная обратится въ настоящій пустырь, на которомъ будутъ произрастать развѣ сорныя травы. Сіе происходитъ отъ того, что нѣмецъ свелъ на нѣтъ хозяйство крестьянъ: во дворахъ и хлѣвахъ огромнаго числа Вашихъ подданныхъ хоть шаромъ покати,—ни коровы, ни лошаденки, ни куренка, ни поросенка, ни овцы. Нѣтъ домашнихъ животныхъ—нѣтъ и навоза, а безъ онаго безплодная земля

нашей мѣстности не можетъ родить ни хлѣба, ни даже подстилки для скотины. Какъ ни убога наша мѣстность, но нигдѣ крестьяне не выглядятъ такими жалкими, заморенными, слабосильными и искалѣченными, нигдѣ не ѣдятъ такъ плохо, какъ въ деревняхъ, принадлежащихъ Вамъ, милый братецъ. Должна сказать по совѣсти и у меня крестьяне не богатѣи: половину года подмѣшиваютъ мякину въ ржаную муку, но Вы знаете отъ всей души, почитаемый братецъ, что теперь только годъ съ небольшимъ, какъ я взяла хозяйство въ свои руки и всѣми силами стараюсь устроить ихъ получше. Это имѣетъ большое значеніе для нашего же помѣщичьяго расчета: если требовать, чтобъ лошадь скорѣе бѣжала, чтобъ корова давала надлежащій удой, скотину необходимо кормить,—такъ и человѣка. Можетъ ли онъ работать, когда голодаетъ и ѣстъ хуже пса? Ваши крестьяне почти круглый годъ пекутъ хлѣбъ изъ мякины, подмѣшивая въ нее даже древесную кору и только горсточку—другую подбрасывая въ тѣсто гороховой или ржаной муки. Варево ихъ пустое: щи изъ сѣрой капусты, а весной и лѣтомъ щи изъ крапивы и щавеля или болтушка изъ той же муки, что и хлѣбъ; въ варево нечего бросить: въ избѣ нѣтъ ни куска сала, ни солонины, ни молока, чтобы забѣлить. Дѣти крестьянъ настоящія страшилы: съ гнойными глазами, съ облѣзлыми волосами, съ кривыми ногами, кто изъ нихъ и на печи кричитъ, потому что «брюхо дюже деретъ», какъ сказываютъ ихъ родители, или изъ-за того, что брюхо, какъ котелъ черное. Моръ дѣтей ужасающій, и это, по словамъ мужиковъ, потому, что «почитай кажиннаго ребенка хлещетъ на девятый вѣнецъ». Того изъ ребятъ, который можетъ передвигать ногами, родители посылаютъ «въ кусочки», т. е. милостыньку собирать, нищенствуетъ и множество взрослыхъ. Если на дорогѣ попадается нищій, такъ и знай, что онъ изъ Вашихъ, братецъ, деревень. Когда «Карла» встрѣтитъ кого съ сумой, онъ нещадно бьетъ плетью и палкой, но это не помогаетъ, и люди выходятъ на дорогу, ибо дома нечего ѣсть. Карла бьетъ не только за нищенство, бьетъ онъ смертнымъ боемъ, мучительно истязаетъ Вашихъ подданныхъ. Чуть рабочій опоздаетъ на работу, либо покажется Карлу, что онъ работаетъ медленно, а, Боже храни, ежели крестьянинъ пожалуется на свою хворь, а хуже того на свои недостатки, на него налагается безчеловѣчная расправа плетью, а въ придачу удары толстой палкой. Сзади Карлы, всюду, какъ его тѣнь, ходитъ горбунъ Митрошка, у котораго давно отсѣчена кисть правой руки. Такъ какъ онъ не можетъ работать, да и калѣка, то Карла приноровилъ его своимъ заплечныхъ дѣлъ мастеромъ. Куда идетъ Карла, туда и горбунъ тащится съ плетью черезъ плечо, а у самого-то Карлы въ рукахъ всегда толстая претолстая палка съ мѣднымъ набалдашникомъ. Чуть кто провинится, будь то на току, на жнитвѣ, либо на косовицѣ, Карла махнетъ рукой, а ужъ Митрошка знаетъ, что дѣлать: сейчасъ срываетъ съ провинившагося одежду

догола, валитъ на землю, садится на него, а самъ Карла, непремѣнно самъ, начинаетъ полосовать плетью. Такъ онъ наказываетъ и женщинъ и мужчинъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ двухъ женщинъ запоролъ на смерть: одна умерла черезъ два дня, а другая черезъ двѣ недѣли. Было и слѣдствіе,—отвертѣлся большими взятками; крючкотворы судейскіе и полицейскіе обѣлили его на такомъ основаніи, что обѣ бабы умерли не отъ его нѣмцовой лютости и не во время экзекуціи, а что онѣ были хворыя.

«Нѣмецъ учиняетъ надъ Вашими крѣпостными и болѣе мерзкія истязанія, о которыхъ я, какъ женщина, не должна была бы и писать Вамъ, дорогой братецъ... Но имѣя въ виду то, что Вамъ, можетъ быть, придется сіе мое письмо присовокупить къ какому-нибудь форменному заявленію, я рѣшаюсь и на сіи беззаконія раскрыть Вамъ глаза и подтверждаю, что готова подъ присягой показывать все, о чемъ упоминаю Вамъ. Сіе нечистое животное, именуемое у насъ «Карлою», растлилъ всѣхъ дѣвокъ Вашихъ деревень и требуетъ къ себѣ каждую смазливую невѣсту на первую ночь. Если же сіе не понравится самой дѣвкѣ, либо ея матери или жениху, и они осмѣлятся умолять его не трогать ее, то ихъ всѣхъ по заведенному порядку наказываютъ плетью, а дѣвкѣ-невѣстѣ на недѣлю, а то и на двѣ надѣваютъ на шею для помѣхи спанью рогатку. Рогатка замыкается, а ключъ Карла прячетъ въ свой карманъ. Мужику же, молодому мужу, выказавшему сопротивленіе тому, чтобы Карла растлилъ только что повѣнчанную съ нимъ дѣвку, обматываютъ вокругъ шеи собачью цѣпь и укрѣпляютъ ее у воротъ дома, того самаго дома, въ которомъ мы, единокровный и единоутробный братецъ мой, родились съ Вами. Въ первый разъ въ жизни слышу о такомъ безобразіи.

«Многіе помѣщики наши весьма изрядные развратники: кромѣ законныхъ женъ, имѣютъ наложницъ изъ крѣпостныхъ, устраиваютъ у себя грязные дебоши, частенько порютъ своихъ крестьянъ, но во всякомъ случаѣ не калѣчатъ ихъ, не злобствуютъ на нихъ въ въ такой мѣрѣ, не требуютъ отъ нихъ 6-ти дневной барщины, не разоряютъ въ конецъ ихъ хозяйства, не до такой грязи развращаютъ ихъ женъ и дѣтей. Касательно же рогатокъ на шею бабамъ и сажанія человѣка, какъ настоящаго пса, на цѣпь—этого по нашимъ мѣстамъ и не слышно, чтобы когда-нибудь было; не слышно было до него и пакости насчетъ невѣстъ крестьянъ. Улики насчетъ послѣдняго на-лицо: сама видѣла нѣсколькихъ крестьянскихъ ребятъ съ толстой, отвислой губой злодѣя, и мужики такъ и называютъ ихъ «карлятами».

«Сколькихъ работниковъ Вы, братецъ, лишились изъ-за Карлы: одни изъ Вашихъ крестьянъ въ бѣгахъ, другіе утопились и повѣсились, третьи вѣчными калѣками подѣлались, остальные съ виду жалки, слабосильны и едва ли могутъ хорошо исполнять настоящую крестьянскую работу, а тѣ, что подрастаютъ,

еще хуже. Я каждый день жду, что крестьяне что-нибудь учинятъ надъ своимъ лиходѣемъ,—вѣдь на каторгѣ имъ жить, почитай, легче будетъ, чѣмъ у нѣмца.

«Полагаю, что для Васъ, дорогой братецъ, не будетъ очень затруднительно развязаться съ Вашимъ управителемъ: его ненавидятъ не только крестьяне, но и судейскіе, и полицейскіе чины, обѣлившіе его во время производства послѣдняго слѣдствія: по алчности своей Карла не отдалъ всей взятки, которую посулилъ, поднадулъ многихъ изъ нихъ, вотъ они и злы на него. Мнѣ становой прямо сказывалъ: «Какъ только новое дѣло о Карлѣ поднимется, я ужо дамъ теперь огласку всѣмъ его дѣлишкамъ».

«Дорогой братецъ! Зная Ваше благородное сердце, я льщу себя надеждой, что Вы не оставите безъ возмездія злодѣяній Карлы и положите конецъ его управленію, вредному для Вашихъ интересовъ: я могу доказать, что онъ обезцѣнилъ и разорилъ Ваше достояніе, и даже, рѣшаюсь сказать, обезчестилъ наше родительское гнѣздо».

Когда я ближе узнала своего дядюшку, И. С. Гонецкаго (это было болѣе чѣмъ черезъ цѣлый десятокъ лѣтъ послѣ описываемаго событія), онъ былъ уже дикимъ консерваторомъ и быстро шелъ по дорогѣ повышеній. Тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ человѣкомъ, съ презрѣніемъ относящимся къ лихоимству и взяточничеству, въ высшей степени прямымъ, съ простою, любящею душею, съ человѣколюбивыми инстинктами во всемъ, что не касалось политики, съ честными взглядами въ томъ, что онъ могъ понять своимъ недальновиднымъ умомъ, но что подсказывало ему его сострадательное сердце.

Гонецкій былъ человѣкъ очень наивный: онъ искренно думалъ, что розсказни объ истязаніи крестьянъ и о развратѣ помѣщиковъ, — плодъ досужей фантазіи, что если что-нибудь подобное и случается, то какъ исключительное явленіе, а потому въ поведеніи «Карлы» онъ прежде всего усмотрѣлъ, что тотъ своими безобразіями губитъ авторитетъ помѣщичьей власти. Пугало его и то, что управляющій бросилъ грязную тѣнь на его незапятнанное имя. Безчеловѣчное и безнравственное поведеніе «Карлы» возмущало его доброе, солдатское сердце. Его отвѣтъ на матушкино письмо былъ сплошной крикъ негодованія, онъ даже рѣзко укорялъ свою сестру, что она давно не довела до его свѣдѣнія о всѣхъ безобразіяхъ его управляющаго, умолялъ ее взять имѣніе въ свои руки, написалъ по этому поводу множество писемъ: нѣмцу о томъ, чтобы тотъ немедленно убирался изъ его имѣнія, а предводителю дворянства, исправнику и становому, чтобы тѣ постарались какъ можно скорѣе выгнать его изъ Бухонова. Имѣя связи въ высшихъ сферахъ, онъ посѣтилъ всѣхъ, кого могъ, съ цѣлью довести до ихъ свѣдѣнія о безобразіяхъ своего управляющаго нѣмца, читалъ всѣмъ письмо сестры и въ концѣ концовъ добился того,

что въ Бухоново былъ отправленъ особый чиновникъ для разслѣдованія. Но въ то время «Карлы» уже и слѣдъ простылъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ «ревизіи» (такъ стали называть помѣщики посѣщеніе матушкою крестьянскихъ избъ въ Бухоновѣ и другихъ деревняхъ, принадлежащихъ дядюшкѣ), до насъ дошелъ слухъ, что Карла внезапно куда-то уѣхалъ. У насъ не придавали этому никакого значенія. Вдругъ однажды въ нашу столовую вошелъ горбунъ Митрошка и подалъ матушкѣ ящичекъ, зашитый въ холстъ и запечатанный. При этомъ онъ сообщилъ слѣдующее: нѣмецъ объявилъ ему, что отправляется съ нимъ на почтовую станцію, что оттуда онъ поѣдетъ на почтовыхъ лошадяхъ въ губернскій городъ, а Митрошка съ лошадьми и экипажемъ возвратится домой, что онъ, Карла, пробудетъ въ отлучкѣ не болѣе десяти дней, а что Митрошка черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда долженъ отвезти этотъ ящичекъ и собственноручно вручить его моей матушкѣ.

Каково же было ея удивленіе, когда она нашла въ немъ довѣренность, выданную ему Гонецкимъ на управленіе имѣніемъ, документы по дѣламъ, ключи отъ амбаровъ съ зерновымъ хлѣбомъ и коротенькую записку. Въ ней Карла извѣщалъ, что онъ возвращетъ ей довѣренное ему хозяйство Гонецкаго, а вмѣстѣ съ этимъ и амбары, наполненные хлѣбнымъ зерномъ, указывалъ онъ и на то, что оставляетъ домашняго скота и земледѣльческихъ орудій гораздо больше, чѣмъ обязанъ былъ сдать.

Матушка такъ испугалась какого-нибудь подвоха съ его стороны, что немедленно отправила лошадь за становымъ, упрашивая его поѣхать съ нею для провѣрки того, что Карла оставилъ въ хозяйствѣ.

Становой, то шуткой, то серьезно доказывалъ, что это онъ, посодѣйствовалъ быстрому исчезновенію «Карлы». Вотъ что онъ разсказалъ по этому поводу: недѣли полторы тому назадъ онъ нарочно пріѣхалъ къ нѣмцу, чтобы переговорить съ нимъ о его положеніи, которое часъ отъ часу становилось для него все болѣе опаснымъ. Но Карла, еле успѣлъ съ нимъ поздороваться, какъ тотчасъ началъ на чемъ свѣтъ бранить мою мать. Онъ разсказалъ о ея посѣщеніи и клялся, что онъ этого такъ не оставитъ, да и не можетъ уже потому, что крестьяне стали ему грубить такъ, какъ никогда прежде. Но тутъ становой заявилъ, что ему теперь нужно забыть обо всемъ на свѣтѣ, а думать только о томъ, какъ бы скорѣе спасти себя: только что получена бумага изъ канцеляріи губернатора съ запросомъ о томъ, какъ онъ, становой, смѣлъ не доносить своевременно о безобразіяхъ, учиняемыхъ имъ, управляющимъ, надъ крѣпостными Гонецкаго, и объ изнасилованіи имъ крестьянскихъ невѣстъ, и что онъ только и ждетъ предписанія о задержаніи его. Была ли получена становымъ такая бумага, или онъ только пугалъ ею нѣмца,—не извѣстно.

«Ну, скажите-ка теперь, Александра Степановна», закончилъ

становой свой разсказъ, «развѣ не я помогъ вашему братцу выдворить нѣмца? Очевидно, онъ послушался моего совѣта—за границу удралъ! Что же удивительнаго въ томъ, что онъ бросилъ все хозяйство въ томъ видѣ, какъ оно было въ ту минуту, когда онъ рѣшилъ бѣжать безъ оглядки. Вѣдь рожь и овесъ онъ могъ продать лишь черезъ недѣли двѣ, боялся задержаться и умно сдѣлалъ!..»

Въ присутствіи становаго, матушка объявила крестьянамъ что она, по волѣ брата, является теперь ихъ управительницею, что съ этого дня, въ продолженіе трехъ лѣтъ, она избавляетъ ихъ отъ какихъ бы то ни было поборовъ и приношеній въ пользу помѣщика и назначаетъ имъ отбывать барщину лишь два дня въ недѣлю. Зерновой хлѣбъ въ господскихъ закромахъ, назначенный Карлою исключительно для продажи, матушка поровну раздѣлила между всѣми крестьянскими семьями, которые въ это время голодали почти поголовно, а среди дѣтей шла страшная смертность отъ дизентеріи. Нѣсколькимъ несчастнымъ, обремененнымъ наиболѣе значительными семьями, она дала по коровѣ съ господскаго двора, а тѣмъ, у которыхъ избы пришли въ полный упадокъ, приказала отпустить лѣсу. Когда мы садились въ лодку, чтобы ѣхать домой, крестьяне собрались у берега, бросились передъ матушкою на колѣни, цѣловали ей руки и, отплывая, мы долго еще видѣли, какъ они стояли на колѣняхъ безъ шапокъ. Въ первое воскресенье всѣ крестьяне Гонецкаго, старые и малые, собрались въ церковь и отслужили молебенъ за здоровье матушки и своего помѣщика, которому они отправили благодарственное письмо за избавленіе ихъ отъ «Карлы».

Въ Бухоново матушка назначила особаго старосту: онъ долженъ былъ еженедѣльно пріѣзжать къ ней съ отчетомъ о ходѣ хозяйства, но и сама она то и дѣло отправлялась туда.

Итакъ, у матушки очутилась на рукахъ новая обуза, новая забота,—управленіе имѣніемъ брата. Теперь она была еще больше занята, еще меньше обращала вниманія на родныхъ дѣтей и на все то, что дѣлалось въ ея домѣ. Она написала дядѣ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по его имѣнію. Онъ сердечно благодарилъ сестру за все, а особенно за то, что она роздала хлѣбъ его голодающимъ крестьянамъ. Онъ совершенно согласился и съ тѣмъ пунктомъ ея письма, въ которомъ она говорила, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она не будетъ имѣть возможности посылать ему съ имѣнія какіе бы то ни было доходы, а всѣ деньги, которыя будутъ оставаться отъ продажи зерноваго хлѣба, она будетъ употреблять на улучшеніе хозяйства для того, чтобы поднять цѣнность его имѣнія. Для этого, по ея мнѣнію, нужно было: 1) унавоживать и обрабатывать, какъ можно лучше, землю, доведенную до полнаго истощенія, 2) держать побольше скота для навоза, 3) выкорчевывать деревья, чтобы увеличивать запашку, 4) произвести фундаментальный ремонтъ старыхъ сельско-хозяйственныхъ зданій и построить нѣсколько новыхъ. Это былъ со-

вершенно разумный взглядъ на хозяйство, если принять во вниманіе, конечно, тѣ первобытные способы веденія его, которые тогда практиковались въ нашей мѣстности. Благодаря тому, что дядя на слово повѣрилъ своей сестрѣ и вполнѣ подчинился ея требованіямъ, она хотя и очень не скоро, но въ концѣ концовъ довела имѣніе брата до весьма порядочнаго состоянія. Если бы на мѣстѣ дяди былъ въ то время другой помѣщикъ, онъ никогда не согласился бы на предложеніе моей матери ничего не получать съ имѣнія, а всѣ доходы въ продолженіе многихъ лѣтъ употреблять на его улучшеніе. Тѣмъ болѣе не согласился бы на это помѣщикъ, ничего не понимавшій въ хозяйствѣ, какимъ былъ мой дядя. Вѣроятно, почти каждый въ то время посмотрѣлъ бы на такое предложеніе, какъ на простое мошенничество. Но дядя, безукоризненно честный по натурѣ и совсѣмъ не жадный до денегъ, неспособный кого-нибудь провести и надуть, не допускалъ и мысли, конечно, что его родная сестра, которую онъ всегда горячо любилъ и уважалъ, могла совѣтывать ему что-нибудь, клонящееся ко вреду его интересовъ, впрочемъ, такъ же довѣрчиво онъ относился всю жизнь и къ другимъ. Несмотря на то, что въ то время онъ еще нуждался въ деньгахъ, онъ написалъ матушкѣ, что не будетъ требовать съ нея никакихъ денегъ съ имѣнія, такъ какъ и доходъ съ нѣмца, который онъ получалъ, оказывался невѣроятно мизернымъ, да и тотъ былъ сокращенъ въ послѣдніе два года: нѣмецъ жаловался на неурожай, а ему, Гонецкому, казалось безчестнымъ прижимать въ такое время человѣка, и управляющій уменьшилъ присылку ему доходовъ на половину. А теперь, какъ онъ писалъ, его совѣсть будетъ покойна, что его крестьянъ никто не будетъ истязать, что они не будутъ ходить въ «кусочки».

И тогда, и позже дядя всегда говорилъ, что онъ не смотритъ на имѣніе, какъ на статью дохода (оно, дѣйствительно, было очень небольшое, а теперь къ тому же и окончательно разоренное) и не продаетъ его только потому, что «считаетъ себя обязаннымъ охранять священный прахъ и гробы своихъ отцовъ». Нужно замѣтить, что, несмотря на страсть ко всему военному, несмотря на свой воинственный пылъ, онъ очень былъ не прочь посентиментальничать и не упускалъ случая, нерѣдко даже не кстати, прицѣпить высокопарныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Всеблагое провидѣніе внушило мнѣ», «легкій зефиръ освѣжилъ мою голову», «сѣдая старина», «она прекрасна, какъ роза востока», «когда мы имѣли несчастье прорубить окно на западъ» и т. п.; при этомъ все, что было съ запада, онъ считалъ гнилымъ и гнуснымъ, все, что было въ Россіи и ея порядки, онъ считалъ умными и прекрасными. Всѣ эти громкія фразы онъ обыкновенно говорилъ не съ ироніей, а совершенно серьезно, принявъ даже торжественное выраженіе лица и зажмуривая глаза, да еще для большей внушительности помахивая передъ собесѣдникомъ двумя пальцами.

Мало-по-малу я познакомилась съ характерными особенно-

стями жизни деревни того времени и съ семействами нашихъ сосѣдей. Когда наступали теплые дни, въ помѣщичьихъ усадьбахъ появлялся медвѣдь, котораго сопровождали два-три цыгана, одинъ изъ нихъ тащилъ его за цѣпь, другой шелъ съ барабаномъ, прикрѣпленнымъ къ ремню, перекинутымъ черезъ плечо, третій—со скрипкой. Представленіе съ ученымъ медвѣдемъ было въ то время единственнымъ народнымъ театромъ. Хотя, при однообразіи деревенской жизни, оно служило нѣкоторымъ развлеченіемъ для народа, но, какъ и все въ то время, представленіе это было крайне грубымъ, вреднымъ и даже опаснымъ. Разсвирѣпѣвшій звѣрь зачастую поднимался на дыбы, оскаливалъ свои страшные зубы и издавалъ потрясающій ревъ. Ужасъ охватывалъ тогда домашнихъ животныхъ, и на скотномъ дворѣ поднимался страшный переполохъ: лошади ржали, а нерѣдко срывались съ привязи, коровы мычали, овцы блеяли все жалостливѣе и жалостливѣе. Дѣтей же этотъ медвѣжій ревъ доводилъ иногда до смертельныхъ испуговъ и нервныхъ припадковъ, называемыхъ въ то время «родимчикомъ». Такъ же грубо и плоско было самое представленіе: медвѣдя заставляли показывать, какъ деревенскіе ребята горохъ воруютъ, какъ парни водку пьютъ и т. п.

Весною или лѣтомъ появлялся также цыганскій таборъ и располагался близъ той или другой помѣщичьей усадьбы. Съ наступленіемъ сумерекъ цыгане зажигали костры и готовили себѣ ужинъ, послѣ котораго раздавались звуки музыки и пѣнія. Смотрѣть на нихъ народъ стекался со всѣхъ сторонъ, а въ сторонкѣ отъ ихъ веселья и пляски цыганки предсказывали будущее бабамъ и дѣвушкамъ.

Прежде чѣмъ расположиться у нашей усадьбы, таборъ посылалъ къ матушкѣ цыганку Машу, которая просила разрѣшенія сдѣлать на ея землѣ привалъ на недѣльку—другую. Матушка давала свое согласіе, но съ условіемъ, что цыгане раскинутъ таборъ на томъ мѣстѣ, на которомъ имъ будетъ это указано, но если во время ихъ пребыванія въ ея помѣстьѣ будетъ украдена хотя завалящаяся тряпка, а не только лошадь, она дастъ знать объ этомъ становому, чтобы ихъ всѣхъ заарестовали и посадили въ тюрьму. Цыганка Маша отъ имени своихъ собратьевъ принимала условія и давала слово точно ихъ выполнить; затѣмъ няня приказывала придти мужчинамъ изъ табора и получить «цыганское».

Когда наступали весенніе дни, матушка приказывала осмотрѣть домашнія заготовки. Все, что оказывалось испорченнымъ до такой степени, что это не стали бы ѣсть и въ людской, сбрасывали въ огромный деревянный ушатъ, называемый «цыганскимъ», нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что порченый творогъ смѣшивался съ гнилой рыбой и перегнившими мясными фаршами. Никто не зналъ точно, когда придутъ цыгане, и этотъ ушатъ со смѣсью съѣстного иногда подолгу стоялъ на крыльцѣ какого-нибудь амбара: выброшенная масса издавала отвратительный за-

пахъ. Когда матушку, проходившую по двору, раздражала эта вонь, она приказывала закрыть ушатъ досками. Несмотря на это, цыгане были въ восторгѣ отъ подношенія, и никогда ничего не крали въ нашей усадьбѣ, а между тѣмъ съ другими у нихъ то и дѣло выходили «исторіи».

Въ то время, когда цыгане раскидывали таборъ недалеко отъ нашего дома, цыганка Маша, то одна, то съ нѣсколькими подругами, почти ежедневно прибѣгала къ намъ. Имъ каждый разъ давали хлѣбъ, молоко и старое тряпье, а онѣ гадали сестрѣ по рукѣ, пѣли, плясали. Иногда онѣ приводили съ собою и цыгана со скрипкою, и тогда у насъ начиналось настоящее веселье. При нашей однообразной жизни цыганскія нашествія служили для насъ большимъ развлеченіемъ. И дѣйствительно, никто изъ членовъ моей семьи, даже матушка и няня, не могли оставаться равнодушными къ ихъ разудалому веселью. Меня особенно привлекала къ себѣ Маша,—красивая, смуглая, краснощекая цыганка, съ черными глазами, горѣвшими огнемъ, съ волнистыми, черными, какъ смоль, волосами, завитки и кудряшки которыхъ сплошь покрывали ея лобъ, съ черными, густыми бровями дугой. Ея обычный цыганскій нарядъ—красная шаль черезъ плечо, бусы и монеты вокругъ шеи, свѣшивавшіяся на грудь и бряцавшія при каждомъ ея движеніи, пестрый головной уборъ изъ фольги, монетъ и разноцвѣтныхъ бусъ,—однимъ словомъ, все нравилось мнѣ въ ней, все выдѣляло ее изъ толпы и удивительно гармонировало съ ея дикой, броской красотой. Во время пляски она то прищелкивала пальцами, то потрясала бубнами, плясала и пѣла все съ большимъ одушевленіемъ, все сильнѣе встряхивая бубнами, все звонче взвизгивая, все нервнѣе передергивая плечами. Чѣмъ сильнѣе она увлекалась, тѣмъ живѣе и нервнѣе становился ея танецъ, тѣмъ звонче побрякивали украшенія и ея убора на головѣ и шеѣ. Кончая свой страстно-задорный танецъ, она хватала меня на руки даже и тогда, когда я была уже большой дѣвочкой, кружилась со мной, притопывая ногами и покрывая меня порывистыми поцѣлуями. Мнѣ долго потомъ грезились эти огненные поцѣлуи. Я была слишкомъ мала для того, чтобы разобраться въ томъ, просто ли она дурачится со мной, или желаетъ этимъ поддѣлаться къ старшимъ, чтобы тѣ давали ей побольше всякой всячины, или я лично нравилась ей, какъ ребенокъ. Я начинала думать о ней все чаще и рѣшила, что она меня любитъ такъ же крѣпко, какъ и цѣлуетъ. Она стала мнѣ грезиться и на яву, и во снѣ: часто я не могла понять, приснилось мнѣ или то было въ дѣйствительности, что она бѣжала со мной въ таборъ, а наши крестьяне, подъ предводительствомъ няни, вырывали меня изъ ея рукъ. Передо мной постоянно сверкали то ея чудные бѣлые зубы, то огненные глаза, то раздавался въ ушахъ ея громкій, раскатистый смѣхъ.

Въ то время, когда цыгане жили близъ нашей усадьбы, я подъ вечеръ все съ большимъ нетерпѣніемъ поджидала Машу:

она должна была придти, моя чудная красавица, и я такъ жаждала ея жгучихъ поцѣлуевъ, такъ громко хохотала тогда, а я любила хохотать, но имѣла такъ мало случаевъ для этого. Впечатлѣніе отъ забавъ Маши со мной особенно усиливалось тѣмъ, что она, цѣлуя меня, наклонялась надо мной какъ-то таинственно и, точно заколдовывая меня, произносила: «кровушка у тебя-то наша—наша: горячая... цыганская! И на щечкахъ-то у тебя нашъ алый румянчикъ... И волосья твои, что ночь черная... закудрявились,—счастье сулятъ. Наша ты, наша цыганочка... Дочка моя милая!»

Изъ своихъ странствій Маша всегда приносила мнѣ гостинцы: то какихъ-то особенно крупныхъ лѣсныхъ орѣховъ, то подсолнуховъ, то черныхъ стручковъ, то глинянаго пѣтушка, то какой-нибудь крошечный глиняный горшочекъ. Я была въ восторгѣ и отъ всѣхъ ея подарковъ и еще болѣе отъ ея прихода. Въ свою очередь я тоже приготовляла ей подарокъ: какъ только весною начинались у насъ разговоры объ ихъ приходѣ, я прятала въ одну изъ своихъ многочисленныхъ коробочекъ кусочки сахара, сухарики, лоскутки, которые мнѣ давали для куколъ, и потихоньку совала ей все это, когда она приходила къ намъ. Она ловко прятала полученное подъ свою красную шаль, и даже няня ничего не замѣчала. О, какъ я была счастлива, что у меня съ нею былъ секретъ, котораго никто не зналъ! Но вотъ какъ-то няня, въ одинъ изъ приходовъ цыганки, неотступно стояла при мнѣ, и я никакъ не могла всунуть ей своего подарка. Цыганка простилась со всѣми и быстро пошла по двору; я побѣжала за нею. Няня, увидавъ это изъ окна, закричала во все горло, бросилась за мной, схватила меня за руку и такъ рѣзко, какъ никогда этого не случалось прежде, толкнула меня къ матушкѣ со словами: «хорошенько побраните Лизушу, чтобы она никогда не смѣла бѣгать за цыганкой. Какъ передъ истиннымъ говорю,—заколдовала, приворожила она къ себѣ ребенка! Быть горю,—чуетъ мое сердце! Украдетъ она, безпремѣнно украдетъ она нашу дѣвочку!»

— Еще что выдумала!..—говорила матушка со смѣхомъ.— Это все старыя сказки. Теперь дѣтей подбрасываютъ, а не крадутъ!

Мою привязанность знали и наши сосѣди: каждый разъ та или другая помѣщица находила нужнымъ сказать мнѣ при встрѣчѣ что-нибудь въ такомъ родѣ: «Здравствуй, цыганочка!» и затѣмъ, обращаясь къ моей матери: «А вѣдь по правдѣ, Александра Степановна, она у васъ настоящая цыганка: волосы черные, кудрявые. Всѣ ваши дѣти бѣлолицыя, а эта—смуглянка. Ужъ признайтесь: вѣдь цыганка Маша вамъ подбросила Лизу? Вамъ теперь жалко ее отправить въ таборъ, а вотъ, когда она будетъ капризничать...» и т. п. Все это, конечно, были глупыя шутки, но мнѣ казалось, что въ нихъ есть намекъ на то, что я совсѣмъ не дочь той, которую я считаю своею матерью. И вотъ я, ломая надъ этимъ голову, пришла къ убѣжденію, что цыганка Маша моя родная мать, что та, которая считается моею матерью, вслѣд-

ствіе этого и не можетъ любить меня такъ, какъ родная. Я не могла долго носиться съ своею тайной и подъ величайшимъ секретомъ передала ее нянѣ. Та пришла въ ужасъ и, разувѣряя меня, клялась и божилась, что это вздоръ, что я родилась при ней, что съ той минуты она никогда не отлучалась отъ меня. Наконецъ, я повѣрила ей и мало-по-малу совсѣмъ перестала думать объ этомъ. Но гораздо позже, когда мнѣ было уже лѣтъ 16, и когда меня начали осаждать воспоминанія послѣдняго тяжелаго періода моего дѣтства, мнѣ вдругъ припомнилась цыганка Маша и ея жгучіе поцѣлуи. Мое недостаточное умственное развитіе и въ полномъ смыслѣ слова монастырское воспитаніе въ институтѣ дали возможность укрѣпиться всѣмъ этимъ глупымъ бреднямъ... Тогда я безапеляціонно рѣшила, что я дочь цыганки, написала по этому поводу цѣлый разсказъ о своемъ дѣтствѣ, его выкрали у меня и отправили матушкѣ,—и вся эта исторія чуть не кончилась трагически. Но объ этомъ я разскажу ниже.

Въ нашей мѣстности было много крайне бѣдныхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ. На противоположной сторонѣ нашего озера, тамъ, гдѣ находилось Бухоново, помѣстье Гонецкаго, очень близко отъ него расположена была деревня Коровино; она больше, чѣмъ какая-нибудь другая въ нашей мѣстности, была заселена мелкопомѣстными дворянами. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли по двѣ, другіе по три, и не болѣе десяти-пятнадцати крѣпостныхъ. Нѣкоторые домишки этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ стояли въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, раздѣленные между собой огородами, а то и чѣмъ-то въ родѣ мусорнаго пространства, на которомъ пышно произрасталъ бурьянъ, стояли кое-какія хозяйственныя постройки и возвышалось иногда нѣсколько деревьевъ.

Жалкіе домишки мелкопомѣстныхъ дворянъ, съ небольшими пространствами луговой и пахотной земли сзади нихъ, тянулись приблизительно на версту, образуя длинную, грязную, вонючую улицу (кромѣ времени сильныхъ морозовъ, когда всѣ отбросы, выкидываемые на нее, были прикрыты снѣгомъ), по которой огромною стаей всегда бѣгали собаки, разгуливали свиньи и домашнія птицы, проходили коровы въ поле. Большая часть жилищъ мелкопомѣстныхъ дворянъ деревни Коровино была построена въ то время почти по одному образцу въ двѣ комнаты, раздѣленныя между собой сѣнями, оканчивавшимися кухнею противъ входной двери. Такимъ образомъ домикъ, въ которомъ было всего двѣ комнаты, представлялъ двѣ половины, но каждая изъ нихъ была въ свою очередь подѣлена перегородкою, а то и двумя. Домики были разной величины, но большая часть ихъ маленькіе, ветхіе а то и полуразвалившіеся. По правую руку отъ входа изъ сѣней жили «господа», съ лѣвой стороны ихъ «крѣпостные». Лишь у трехъ или четырехъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ этой деревни были отстроены особыя избы для крестьянъ,—у остальныхъ они ютились въ одномъ и томъ же домѣ съ «панами», но на другой его половинѣ, называемой «людскою», въ свою очередь обыкно-

венно раздѣленною перегородкой на двѣ части. Иной разъ первая комната людской была больше, иной разъ вторая. Я перечислю только главныя вещи, которыя можно было найти въ каждой людской: кросны для тканья, занимавшія большую часть комнаты, ручной жерновъ, на которомъ мололи муку, два-три стола, ушаты, ведра и сундуки, лавки по всѣмъ свободнымъ стѣнамъ, а подъ ними корзины съ птицею на яйцахъ или съ выводками. Въ каждомъ загончикѣ или клѣтушкѣ людской были «зыбки» для дѣтей и палати для спанья взрослыхъ, но спали на всѣхъ лавкахъ, на печи и на полу,—нужно помнить, что тамъ, гдѣ было 4—5 крѣпостныхъ, населеніе людской, если считать не только женъ и сестеръ, но и дѣтей, простиралось до 12—15 душъ. Здѣсь и тамъ въ этихъ клѣтушкахъ грудами навалены были лучины, бросался въ глаза и высокій свѣтецъ [1]); по избѣ бѣгали куры, собаки, кошки, песцы [2]) и др. животные.

«Господская» половина, называемая «панскими хоромами», отличалась въ домахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ отъ людской только тѣмъ, что въ ней не бѣгали ни куры, ни телята, ни песцы, но и здѣсь было много кошекъ и собакъ. Вмѣсто лавокъ по стѣнамъ, ведеръ и лоханокъ, въ панскихъ хоромахъ стояли диваны, столы, стулья, но мебель была допотопная, убогая, съ оборванной обивкой, съ изломанными спинками или ножками. Отсутствіемъ чистоплотности и скученностью «господская» половина не многимъ развѣ уступала «людской». Какъ въ домахъ болѣе или менѣе состоятельныхъ помѣщиковъ всегда ютились родственники и приживалки, такъ и у мелкопомѣстныхъ дворянъ: кромѣ членовъ собственной семьи, во многихъ изъ нихъ можно было встрѣтить незамужнихъ племянницъ, престарѣлую сестру хозяина или хозяйки, или какого-нибудь дядюшки—отставного корнета, промотавшаго свое состояніе. Такимъ образомъ у этихъ бѣдныхъ дворянъ, обыкновенно терпѣвшихъ большую нужду, на ихъ ижди-

---

[1]) Въ то время вмѣсто керосина крестьяне по вечерамъ жгли лучину, защемленную въ *свѣтецъ*. Онъ представлялъ собою высокую, толстую, деревянную палку съ широкой подножкой; на верху ея была прикрѣплена желѣзная полоса, раздвоенная въ концахъ. Въ раздвоенную часть желѣзной полосы всовывали зажженную лучину. Палка свѣтца была очень высока, а потому горящая лучина освѣщала всю избу. Это опоэтизированное многими освѣщеніе съ его трескомъ и внезапнымъ блескомъ въ дѣйствительности было отвратительно и легко могло причинить пожаръ: лучина трещала, отбрасывала на деревянный полъ горящія искры, быстро сгорала, и ее то и дѣло приходилось замѣнять новой.

[2]) Эти прелестные, граціозные звѣрьки изъ породы грызуновъ съ огненными глазами, напоминали въ одно и то же время и зайца, и кролика. Въ зоологіи песцами называютъ животныхъ изъ породы лисицъ, но маленькіе звѣрьки, о которыхъ я говорю, ничего общаго не имѣли съ лисицею. Очень возможно, что ихъ называли совершенно неправильно въ научномъ отношеніи, но этихъ звѣрьковъ въ то время держали въ очень многихъ помѣщичьихъ усадьбахъ то подъ печкою въ людской, то въ какой-нибудь полуразвалившейся постройкѣ. Содержаніе ихъ ничего не стоило: имъ бросали капустные листья, стручки гороха и бобовъ, дѣти рвали для нихъ траву. Между тѣмъ изъ ихъ прелестнаго, легкаго, мягкаго пуха помѣщицы вязали себѣ тамбурной иглой и вязальными спицами красивые платки, косынки, одѣяла, перчатки, кофточки и т. п.

веніи и въ ихъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ жили и другіе дворяне, ихъ родственники, но еще болѣе ихъ обездоленные, которымъ уже совсѣмъ негдѣ было преклонить свою голову.

Какъ и всѣ тогдашніе помѣщики, мелкопомѣстные дворяне ничего не дѣлали, не занимались никакою работою. Этому мѣшала барская спѣсь, которая была такою же характерною чертою ихъ, какъ и болѣе зажиточныхъ дворянъ. Они стыдились выполнять даже самыя легкія работы въ своихъ комнатахъ. Книгъ въ ихъ домахъ, кромѣ сонника и иногда календаря, не существовало, чтеніемъ никто не занимался, и свое бездѣлье они разнообразили сплетнями, игрою въ «дурачки» и «мельники» и поѣдомъ ѣли другъ друга. Хозяева попрекали своихъ сожителей за свою жалкую хлѣбъ-соль, а тѣ, въ свою очередь, какими-то благодѣяніями, оказанными имъ ихъ отцами и дѣдами.

Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Я столбовой дворянинъ!»—«Это не позволяетъ мнѣ мое дворянское достоинство!..» Однако это дворянское достоинство не мѣшало имъ браниться самымъ площаднымъ образомъ.

Живя въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другого, они вѣчно ссорились между собой, взводили другъ на друга ужасающія обвиненія, подавали другъ на друга жалобы властямъ. Когда бы вы ни проходили по грязной улицѣ Коровина, всегда раздавались ихъ крики, угрозы другъ другу, брань и слезы. Къ вѣчной, никогда не прекращавшейся грызнѣ между сосѣдями болѣе всего поводовъ подавали потравы. При близкомъ сосѣдствѣ одного мелкопомѣстнаго съ другимъ, чуть не ежедневно случалось, что корова, лошадь или свинья заходила въ чужое поле, лугъ или огородъ. Животныхъ, осмѣлившихся посягнуть на чужое добро, били, калѣчили и загоняли въ хлѣва. При этомъ немедленно загоралась перебранка, очень часто кончавшаяся потасовкой, а затѣмъ и тяжбою по начальству.

Много дрязгъ происходило и изъ-за собакъ: въ каждомъ семействѣ держали собаку, а были и такія, у которыхъ ихъ было по нѣскольку; ихъ плохо кормили, и голодныя собаки то и дѣло таскали что-нибудь въ чужомъ дворѣ, кусали дѣтей. Впрочемъ, ссорились и изъ-за всякаго пустяка. Нерѣдко среди улицы происходили жесточайшія драки: я сама была свидѣтельницей одной изъ нихъ въ 1855 году. Двѣ сосѣдки, особенно сильно враждовавшія между собой изъ-за дѣтей, ошпарили кипяткомъ одна другую. Обѣ онѣ кричали такъ, что всѣ сосѣди начали выбѣгать на улицу и ну бросать другъ въ друга камнями, обрубками, а затѣмъ сцѣпились и начали давать другъ другу пинки, таскать за волосы, царапать лицо. Ужасающій крикъ, вопли, брань дерущихся и все усиливающійся лай собакъ привлекали на улицу все болѣе народа. Наконецъ, къ двумъ враждовавшимъ сторонамъ прибѣжали ихъ дѣти, родственники и крѣпостные, уже вооруженные дубинами, ухватами, сковородами. Драка сразу приняла сви-

рѣпый характеръ,—это уже были два враждебные отряда: они бросились молотить одинъ другого дубинами, ухватами, сковородами; нѣкоторые, сцѣпившись, таскали одинъ другого за волосы, кусали. И вдругъ вся эта дерущаяся масса людей стала представлять какой-то живой зашевелившійся клубокъ. Здѣсь и тамъ валялись клоки вырванныхъ волосъ, разорванные платки, упавшія безъ чувствъ женщины, мелькали лужи крови. Это побоище окончилось бы очень печально, если бы двое стариковъ изъ дворянъ не поторопили своихъ крѣпостныхъ натаскать изъ колодца воды и не начали обливать ею сражающихся.

Мысль, что работа—позоръ для дворянина, удѣлъ только рабовъ, составляла единственный принципъ, который непоколебимо проходилъ черезъ всю жизнь мелкопомѣстныхъ и передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе. Прямымъ послѣдствіемъ этого принципа было ихъ убѣжденіе, что крѣпостные слишкомъ мало работаютъ; они всѣмъ жаловались на это, находили, что сдѣлать ихъ болѣе трудолюбивыми можетъ только плеть и розга. Мелкопомѣстные завидывали своимъ болѣе счастливымъ собратьямъ и не только потому, что тѣ независимы и матерьяльно обезпечены, но и потому, что послѣдніе всласть могли драть своихъ крѣпостныхъ. «Какой вы счастливый, Михаилъ Петровичъ», говорилъ однажды мелкопомѣстный богатому помѣщику, который разсказалъ о томъ, какъ онъ только что велѣлъ выпороть поголовно всѣхъ крестьянъ одной своей деревеньки,—«выпоретѐ этихъ идоловъ, хоть душу отведете... А вѣдь у меня одинъ уже «въ бѣгахъ», осталось всего трое, и пороть-то боюсь, чтобы всѣ не разбѣжались»...

Громадное большинство зажиточныхъ помѣщиковъ презрительно относилось къ мелкопомѣстнымъ. Это презрѣніе вызывалось, конечно, прежде всего тѣмъ, что мелкопомѣстные были бѣдняками. Въ тѣ времена богатство, хотя бы и открыто нажитое взятками, ловкимъ мошенничествомъ, вымогательствомъ, вызывало всеобщее уваженіе и трепетъ передъ богачемъ, какъ передъ человѣкомъ сильнымъ, съ которымъ каждый долженъ считаться. Презирали мелкопомѣстныхъ и за то, что внѣшность ихъ была крайне жалкая, что они не могли и не умѣли импонировать кому бы то ни было. Мелкопомѣстные были еще менѣе образованы, чѣмъ остальные помѣщики, не умѣли они ни держать себя въ гостиной, ни разговаривать въ обществѣ, отличались дикими, грубыми, а подчасъ и комичными манерами, одѣты были въ какіе-то допотопные кафтаны. Иной богатый дворянинъ принималъ у себя мелкопомѣстнаго лишь тогда, когда его одолѣвала тоска одиночества. Мелкопомѣстный входилъ въ кабинетъ, садился на кончикъ стула, съ котораго вскакивалъ, когда являлся гость позначительнѣе его. Если же онъ этого не дѣлалъ, хозяинъ совершенно просто замѣчалъ ему: «что же ты, братецъ, точно гость разсѣлся...»

Когда бѣдные дворянчики въ именины и въ другіе торжественные дни приходили поздравлять своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей, тѣ въ большинствѣ случаевъ не сажали ихъ за общій

столъ, а приказывали имъ дать поѣсть въ какой-нибудь боковушкѣ или дѣтской, посадить же обѣдать такого дворянина въ людской никто не рѣшался, да и самъ онъ не позволилъ бы унизить себя до такой степени. А между тѣмъ даже фамиліями мелкопомѣстныхъ богатые помѣщики пользовались, чтобы напомнить имъ объ ихъ ничтожествѣ, выразить свое полное презрѣніе. Ихъ женъ звали только по батюшкѣ: Марью Петровну—Петровной, Анну Ивановну—Ивановной, а фамиліи ихъ мужей служили поводомъ для пошлыхъ шутокъ, остротъ и зубоскальства. Мелкопомѣстнаго дворянина по фамиліи Чижова всѣ называли «Чижомъ», и когда онъ входилъ, ему кричали: «А, Чижъ, здравствуй!.. Садись! Ну, чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?» «Мелкопомѣстнаго Стрекалова, занимавшагося за ничтожную мзду писаніемъ прошеній, жалобъ и хлопотами въ судѣ, прозвали «Стрикулистомъ». Его встрѣчали въ такомъ родѣ: «Ну, что Стрикулистъ, много рыбы выудилъ въ мутной водѣ?» Рѣшетовскому дали кличку «Рѣшето»: «Да что съ тобой разговарить!.. Вѣдь не даромъ ты рѣшетомъ прозываешься! Развѣ въ твоей головѣ задержится что-нибудь?» Мелкопомѣстные всю жизнь ходили съ этими прозвищами и кличками, и нѣкоторые помѣщики, а еще чаще окрестные крестьяне думали, что это были ихъ настоящія фамиліи.

Конечно, и между мелкопомѣстными попадались люди, которые, несмотря на свою бѣдность, никому не позволяли вышучивать себя, но такіе не посѣщали богатыхъ помѣщиковъ. Но въ то время рѣдко кто изъ нихъ отличался благороднымъ самолюбіемъ. У большинства хотя и были на готовѣ слова о чести и достоинствѣ столбового дворянина, но ихъ жизнь и поступки не соотвѣтствовали ихъ заносчивымъ заявленіямъ о себѣ. Громадное большинство ихъ объѣзжало богатыхъ сосѣдей, выпрашивая «сѣнца и овсеца», стремилось попасть къ нимъ въ торжественные дни именинъ и рожденій, когда къ нимъ наѣзжало много гостей. Хотя мелкопомѣстные прекрасно знали, что въ такіе дни они не попадутъ за общій столъ, что послѣ обѣда имъ придется сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку гостиной, но соблазнъ пріѣхать въ такой день къ богатымъ людямъ былъ для нихъ очень великъ. Мелкопомѣстные дворяне круглый годъ жили въ тѣсныхъ коморкахъ съ своими семьями. Коротая весь свой вѣкъ въ медвѣжихъ уголкахъ, куда не проникало никакое движеніе мысли, общаясь только съ такими же умственно и нравственно убогими людьми, какъ они сами, разнообразя свое бездѣлье лишь драками, ссорами и картами, имъ хотѣлось хотя изрѣдка посмотрѣть на другихъ людей, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, взглянуть на туалеты, отвѣдать болѣе вкуснаго кушанья, чѣмъ дома.

Богатые дворяне если и сажали иногда за общій столъ мелкопомѣстныхъ, то въ большинствѣ случаевъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые могли и умѣли играть роль шутовъ. Мало того, тотъ, кто хорошо выполнялъ эту роль, могъ разсчитывать при

«объѣздѣ» получить отъ помѣщика и лишній четверикъ ржи и овса. Къ такому хозяинъ обращался так, какъ вожаки къ ученому медвѣдю. Когда за обѣдомъ не хватало матеріала для разговора (каждый хозяинъ мечталъ, чтобы его гости долго вспоминали о томъ, какъ его именины прошли весело и шумно), онъ говорилъ мелкопомѣстному: «А, ну-ка, Селезень (такъ звали мелкопомѣстнаго Селезнева), разскажи-ка намъ, какъ ты съ царемъ селедку ѣлъ»...

— А вотъ ей Богу же ѣлъ!—начиналъ свое повѣствованіе Селезневъ.—И какъ все это чудно случилось... Живу это я въ Питерѣ по дѣлу, прохожу какъ-то мимо дворца, смотрю, а въ вель-этажѣ (раздается всеобщій хохотъ гостей) у открытаго окна стоитъ какой-то господинъ. Глянулъ это я на него, а у меня и ноги подкосились... Царь да и только,—съ полностью, какъ его на портретахъ изображаютъ. Еще разъ глянулъ, а онъ-то, царь-батюшка, меня ручкой манитъ. Что же мнѣ было дѣлать? Повернулъ къ его подъѣзду... Вездѣ солдаты стоятъ... «Такъ и такъ, молъ, самъ батюшка-царь изволилъ ручкой поманить... Быть-то мнѣ теперь какъ же»?—«Самымъ что ни на есть важнымъ генераламъ все досконально доложить объ этомъ надо»... отвѣчаютъ мнѣ. «А пока что, входите въ переднюю»... Вошелъ, да какъ глянулъ... И Боже мой—ничего что передняя, а вся въ зеркалахъ. Ну, хорошо... Стою это я ни живъ, ни мертвъ... Вдругъ *камельдинеръ* (опять хохотъ) слѣдующую дверь отворяетъ, а ко мнѣ-то видимо-невидимо генераловъ въ звѣздахъ приближается. А одинъ изъ нихъ, значитъ самый набольшій, говоритъ мнѣ: «Видно вы изъ самой что ни на есть глухой провинціи? Развѣ можно такъ просто видѣть государя императора? Всякій бы такъ захотѣлъ! Прежде, говоритъ, нужно испросить»... Вотъ ужъ тутъ запамятовалъ, какое-то онъ мудреное слово обронилъ—ни то конференція, ни то аудіенція. Я ему почтительно поклонился. Словъ нѣтъ, очень почтительно, но знаете, этакъ, съ достоинствомъ, какъ подобаетъ русскому столбовому дворянину, значитъ не очень-то низко: «Ваше Высокое Превосходительство! Знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю! Но ежели самъ царь-батюшка изволили поманить меня собственной ручкой, какъ же я долженъ въ такомъ случаѣ поступить?» Завертѣлись мои генералы... зашушукались... Одинъ-то и говоритъ: «идите!» Пошелъ: впереди-то меня, позади, по бокамъ—все генералы. Грудь-то у каждаго изъ нихъ звѣздами да орденами увѣшана. Ну, а насчетъ покоевъ, по которымъ проходили, такъ Боже мой, что тамъ только такое: одна комната вся утыкана брилліантами, другая вся въ золотѣ... да, у меня-то и въ головѣ все замутилось,—подъ конецъ-то я ужъ и разобрать ничего не могъ. Пришли. А царь-то всталъ съ кресла, да такъ грозно окрикнулъ: «какой, такой человѣкъ будешь, откуда и зачѣмъ?». «Такъ и такъ», говорю, «Ваше Императорское Величество... Селезневъ! С—кій столбовой дворянинъ...» «А, это дѣло другое!»,

сказалъ царь, «ну, садись... гостемъ будешь... завтракать вмѣстѣ будемъ». И, Господи Боже мой, что тутъ только было! Ну, а ужъ селедка лучше всякихъ бламанжеевъ, такъ во рту и таяла».

Этотъ разсказъ Селезнева я не разъ слышала въ дѣтствѣ, а когда возвратилась домой черезъ 7 лѣтъ, уже послѣ дарованной крестьянамъ свободы, опять услыхала его на именинахъ у одного помѣщика.

Къ намъ въ домъ часто хаживала одна мелкопомѣстная дворянка Макрина Емельяновна Прокофьева. Она жила совершенно отдѣльно отъ остальныхъ мелкопомѣстныхъ и была самой ближайшей нашей сосѣдкой, въ верстѣ отъ нашего дома. Въ то время, когда мы знавали ее, ей было лѣтъ за сорокъ, но по виду ей можно было дать гораздо больше. Проживала она въ своей деревенькѣ съ единственной своей дочерью Женею,—дѣвочкою лѣтъ 14—15-ти. Земли у Прокофьевыхъ было очень мало, но, несмотря на ихъ малоземелье и тяжелое матеріальное положеніе, у нихъ былъ фруктовый садъ, въ то время сильно запущенный, но, по количеству и разнообразію фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, считавшійся лучшимъ въ нашей мѣстности. Былъ у Прокофьевой и огородъ, и скотный дворъ съ нѣсколькими головами - домашняго скота, и домашняя птица, и двѣ - три лошаденки. Ея домъ въ 6—7 комнатъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: одна изъ нихъ, вѣроятно, болѣе ранней стройки, въ то время, когда мы бывали у нея, совершенно развалилась и въ ней держали картофель и какой-то хламъ, а въ жилой половинѣ была кухня и двѣ комнаты, въ которыхъ и ютились мать съ дочерью. Въ этомъ домѣ, видимо, прежде жили лучше и съ бо̀льшими удобствами: въ спальнѣ стояли двѣ огромныя деревянныя, двухспальныя кровати; на каждой изъ нихъ могли легко помѣститься нѣсколько человѣкъ, какъ вдоль, такъ и поперекъ. Вмѣстѣ съ горою перинъ и подушекъ эти кровати представляли такое высокое ложе, что попасть на него можно было только съ помощью табуретки. По всему видно было, что эти основательныя кровати когда-то покоили двѣ брачныя пары, а теперь одна изъ нихъ служила ложемъ для матери, другая для дочери. Онѣ занимали всю комнату, кромѣ маленькаго уголка, въ которомъ стояла скамейка съ простымъ глинянымъ кувшиномъ и чашкою для умыванья. Въ другой комнатѣ были стулья и диванъ изъ корельской березы, но мебель эта уже давнымъ давно пришла въ совершенную ветхость: по угламъ она была скрѣплена оловянными планочками, забитыми простыми гвоздями. Посреди комнаты стоялъ некрашеный столъ, такой же, какъ у крестьянъ. Къ одной изъ стѣнъ былъ придвинутъ музыкальный инструментъ—не то старинное фортепьяно, не то клавесины. Вѣроятно, въ давно прошедшія времена онъ былъ покрашенъ въ темножелтый цвѣтъ, такъ какъ весь былъ въ бурыхъ пятнахъ различныхъ оттѣнковъ. Его оригинальность состояла въ томъ, что, когда лѣтомъ порывы вѣтра врывались въ открытыя окна,

его струны дребезжали и издавали какой-то хриплый звукъ, а въ зимніе морозы иногда раздавался такой трескъ, что всѣ сидящіе въ комнатѣ невольно вздрагивали.

Въ хозяйствѣ Макрины (такъ за глаза ее называли всѣ, а многіе и въ глаза) болѣе всего чувствовался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. У нея всего на всего было двое крѣпостныхъ— мужъ и жена, уже не молодые и бездѣтные: Терентій, котораго звали Терешкой, и Евфимія—Фишка.

Отецъ Макрины былъ небогатымъ помѣщикомъ и въ то же время неумнымъ человѣкомъ, нерадивымъ отцомъ и плохимъ хозяиномъ. Потерявъ очень рано жену, онъ не далъ своимъ дѣтямъ (двумъ сыновьямъ и дочери Макринѣ) никакого образованія, и всѣ они остались у него полуграмотными. У него было двѣ страсти—неразумная страсть къ саду и сильная страсть къ выпивкѣ, которыя съ каждымъ годомъ сокращали его доходы и уменьшали его достояніе. Онъ на послѣднія средства содержалъ садовника и выписывалъ фруктовыя деревья, а когда уже совсѣмъ не хватало денегъ, продавалъ крестьянъ. Свою дочь Макрину онъ выдалъ замужъ еще при своей жизни за пропойцу изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, и, какъ говорили, изъ-за того только, чтобы имѣть возможность пить вмѣстѣ съ нимъ водку и хвастать передъ нимъ своимъ садомъ. Молодымъ нечѣмъ было жить, и они поселились въ домѣ отца Макрины, который скоро умеръ. Когда послѣ его смерти пріѣхали его сыновья, они отчасти по закону, отчасти по взаимному соглашенію съ сестрою, взяли себѣ всю отцовскую землю съ двумя деревнями, предоставивъ сестрѣ только домъ, садъ, небольшую полоску земли и семь-восемь душъ дворовыхъ.

Сдѣлавшись хозяйкою, Макрина не проявила хозяйственныхъ талантовъ, а мужъ ея или былъ вѣчно пьянъ, или опохмѣлялся и черезъ года два супружеской жизни умеръ, оставивъ жену съ годовалой дочкой на рукахъ. Макрина очутилась въ безвыходномъ матеріальномъ положеніи: она не только задолжала по лавкамъ, но даже попу за похороны мужа, не могла прокармливать своихъ дворовыхъ, изъ которыхъ одни бѣжали и пропали безъ вѣсти, другіе были проданы ею самою, чтобы расплатиться съ долгами. Вотъ почему у Макрины въ концѣ концовъ остались лишь двѣ крѣпостныя души.

Хотя она отдавала исполу скосить лужекъ около усадьбы и обработать небольшую полоску земли, но все-таки на рукахъ Терешки и Фишки оставалось еще много работы. Оба они трудились, не покладая рукъ, помогая другъ другу во всемъ. Хотя садъ не поддерживался какъ слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе онъ отнималъ у нихъ много времени. Работою въ немъ никакъ нельзя было пренебрегать: сѣна и зернового хлѣба, получаемыхъ Макриною за свою землю, недостаточно было для того, чтобы удовлетворить всѣ нужды двухъ барынь, двухъ крѣпостныхъ людей и домашнихъ животныхъ. Вишни, яблоки, груши, крыжовникъ,

сливы и различныя ягоды изъ своего сада Макрина продавала, но еще чаще вымѣнивала у помѣщиковъ на рожь, ячмень, овесъ, сѣно и солому. Она снабжала ихъ также ягодными кустами, за которыми къ ней посылали иногда издалека. Но, кромѣ сада, Терешка и Фишка должны были управляться и съ огородомъ, и съ домашнею скотиною, и съ птицею. Но если бы Макрина съ дочерью дѣлали все сами въ домѣ, ея двое крѣпостныхъ, при ихъ неутомимой дѣятельности, могли бы прекрасно справиться съ хозяйствомъ, но дѣло въ томъ, что барыня обременяла ихъ еще и домашними услугами. Терешка былъ въ одно и то же время кучеромъ, разсыльнымъ, столяромъ, печникомъ, скотникомъ, садовникомъ, а по временамъ даже и лакеемъ. Что касается Фишки, то ея обязанности были просто неисчислимы: кромѣ работы съ мужемъ въ саду, огородѣ и на скотномъ, она доила коровъ, вела молочное хозяйство, была прачкою, судомойкою, кухаркою, горничною и при этомъ еще ее то и дѣло отрывали отъ ея занятій.

Будучи совсѣмъ необразованной, даже малограмотной, Макрина была преисполнена дворянскою спѣсью, барствомъ и гоноромъ столь свойственными мелкопомѣстнымъ дворянамъ: при каждомъ своемъ словѣ, при каждомъ поступкѣ она думала только объ одномъ, какъ бы не уронить своего дворянскаго достоинства, какъ бы ея двое крѣпостныхъ не посмѣли сказать что-нибудь ей или ея Женичкѣ такое, что бы могло оскорбить ихъ, какъ столбовыхъ дворянокъ. Но ея крѣпостные, зная свою силу и значеніе, не обращали на это ни малѣйшаго вниманія и ежедневно наносили чувствительные уколы ея самолюбію и гордости.

Фишка и Терешка не боялись своей помѣщицы, ни въ грошъ не ставили ее, за глаза называли ее «чертовой куклой», а при обращеніи съ нею грубили ей на каждомъ шагу, иначе не разговаривали какъ въ грубовато-фамильярномъ тонѣ. Все это приводило въ бѣшенство Макрину.

— Фишка!—раздавался ея крикъ изъ окна комнаты.— Отыщи барышнѣ клубокъ!

— Барышня!—было ей отвѣтомъ—ходи... ходи скорѣй коровъ доить... такъ я подъ твоимъ носомъ клубокъ тебѣ разыщу.

Этого Макрина не могла стерпѣть и бѣжала на скотный, чтобы влѣпить пощечину грубіянкѣ. Но та прекрасно знала всѣ норовы, обычаи и подходы своей госпожи. Высокая, сильная и здоровая, она легко и покойно отстраняла рукой свою помѣщицу—женщину толстенькую, кругленькую, крошечнаго роста, и говорила что-нибудь въ такомъ родѣ: «Не... не... не трожь, зубы весь день сверлили, а ежли еще что,—завалюсь и не встану, усю работу сама справляй,—небось насидишься не ѣмши, не пимши». Но у Макрины сердце расходилось: она бѣгала кругомъ Фишки, продолжая кричать на нее и топать ногами,

осыпала ее ругательствами, а та въ это время преспокойно продолжала начатое дѣло. Но вотъ Фишка нагнулась, чтобы поднять споткнувшагося цыпленка, и барыня быстро подбѣжала къ ней сзади и ударила ее кулакомъ въ спину.

— Ну, ладно... Сорвала сердце и буде,—говорила Фишка, точно не она получила пинка.—Таперича, Христа ради, ходи ты у горницу... Чаво тутъ зря болтаешься, робить мѣшаешь!

Ея мужъ злилъ помѣщицу еще пуще: «Терешка! Иди сейчасъ въ горницу,—столъ завалился, надо чинить...»—«Эва на! конь взапрѣлъ... надо живой рукой отпрягать, а ты къ ей за пустымъ дѣломъ сломя голову бѣги...» И онъ не трогался съ мѣста, продолжая распрягать лошадь. «Какъ ты смѣешь со мной разсуждать?»—«Такъ вѣдь я же дѣло справляю... кончу, ну, значитъ, и приду съ пустяками возиться...»

Если бы эти крѣпостные не стояли такъ твердо на своемъ, если бы, несмотря на ругань и угрозы, они не старались прежде всего покончить начатое дѣло по хозяйству, Макрина совсѣмъ погибла бы.

Членовъ моего семейства сильно интересовалъ вопросъ, какимъ образомъ Терешка и Фишка, которыхъ довольно часто становой дралъ на конюшнѣ за ихъ дерзости помѣщицѣ, нисколько не боялись ея. Матушка какъ-то стала разспрашивать объ этомъ становаго. Кстати замѣчу, что принципъ покойнаго отца—не водить знакомства съ полицейскими чинами и судейскими крючкотворами—не соблюдался матушкой, а относительно новаго становаго она находила, что онъ умнѣе многихъ помѣщиковъ и очень дружески относилась къ нему. Однако на ея вопросы насчетъ крѣпостныхъ Макрины онъ долго уклонялся отъ объясненія, говоря, что «эта тайна должна умереть вмѣстѣ съ нимъ», но, наконецъ, не выдержалъ и подъ величайшимъ секретомъ объяснилъ ей курьезную роль, которую онъ игралъ въ дѣлахъ Макрины.

Встрѣтивъ уже нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія знакомаго мнѣ въ оны годы становаго, который давнымъ-давно оставилъ свою должность и жилъ уже въ другой губерніи, въ качествѣ помѣщика, я просила его снова разсказать мнѣ о его отношеніяхъ къ двумъ крѣпостнымъ Макрины, такъ какъ я не довѣряла воспоминаніямъ, сохранившимся у меня о нихъ съ дѣтства.

Вотъ, что онъ разсказалъ мнѣ по этому поводу. Однажды Макрина стала просить его, чтобы онъ, когда это ей было нужно, поролъ двухъ ея крѣпостныхъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, говоря, что по долгу службы и безъ того обремененъ подобными занятіями. Когда возникало какое-нибудь дѣло о сопротивленіи помѣщичьей власти, наѣзжалъ земскій судъ или становой, и производилась экзекуція, въ обыкновенныхъ же случаяхъ помѣщики устраивали ее собственными средствами, но Макрина находила для себя это невозможнымъ. «У меня и

Фишку выпороть силъ не хватаетъ, а какъ же справиться мнѣ съ Терешкой? Онъ не задумается выкинуть какую-нибудь гадость! Вѣдь я столбовая дворянка!» Какую гадость она опасалась получить отъ Терешки при его экзекуціи, она постѣснялась открыть становому.

Вдругъ у него блеснула мысль. Въ виду того, что въ нашей мѣстности въ ту пору только у одной Макрины можно было достать всевозможные ягодные кусты и пользоваться фруктами, онъ предложилъ ей такую сдѣлку: за порку одного изъ ея крѣпостныхъ онъ долженъ получать ягодный кустъ по выбору или извѣстное количество сливъ, вишень и яблокъ; когда же приходилось заразъ пороть мужа и жену, вознагражденіе удваивалось.

Нарочно къ ней за поркою становой не ѣздилъ, но когда по дѣламъ службы ему приходилось проѣзжать мимо ея усадьбы, и онъ чувствовалъ потребность закусить, онъ останавливался у ея крыльца и кричалъ, чтобы Фишка скорѣе готовила ему яичницу, тащила творогъ и горлачъ (горшокъ) съ молокомъ. Поркѣ чаще всего подвергался Терешка, а если въ то же время приходилось расправляться и съ Фишкою, то становой приказывалъ ея мужу являться первымъ на экзекуцію,—Фишка должна была раньше приготовить ему все, что требовалось для закуски. Затѣмъ онъ при Макринѣ, которая при этомъ стояла на крыльцѣ, расположенномъ противъ сарая, вталкивалъ въ него Терешку. «Служба моя была собачья», говорилъ становой, «пороть мнѣ приходилось часто, но это не доставляло мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Съ чего мнѣ, думаю, пороть людей m-me Макрины? Вѣдь если вмѣсто нихъ ей дать другую пару крѣпостныхъ, она бы давно по міру пошла. Вотъ я толкну, бывало, Терешку въ сарай, припру дверь, только небольшую щелку оставлю, самъ-то растянусь на сѣнѣ, а Терешка рожу свою къ щелкѣ приложитъ и кричитъ благимъ матомъ: «ой... ой... ой... ойейёшенькй... смертушка моя пришла!..» А я, лежа-то на сѣнѣ, кричу на него, да ругательски ругаю, какъ полагается при подобныхъ случаяхъ... Вотъ и вся порка!»

Такую же экзекуцію онъ производилъ и надъ Фишкой. Между прочимъ, становой признавался, что къ этой оригинальной комедіи онъ прибѣгалъ и потому, что какъ никакъ, но вѣдь Терешка же долженъ былъ выкапывать ему кусты, которые полагались ему, какъ вознагражденіе за его порку,—онъ и боялся, что если по настоящему будетъ производить надъ нимъ экзекуцію, онъ и приподнесетъ ему кусты съ порванными корнями, которые не приживутся, а Фишка, пожалуй, гнилыхъ фруктовъ наложитъ, а потомъ и разбирайся съ ними!.. Къ тому же Фишка и закуску ему приготовляла, и частенько вмѣсто горлача молока, которое она обязана была ему подать, по приказанію Макрины, ставила передъ нимъ сливки. Едва ли бы она это дѣлала, если бы онъ ее поролъ по настоящему.

При этомъ становой передавалъ множество потѣшныхъ инцидентовъ. Когда онъ однажды заѣхалъ для экзекуціи, Макрина стала умолять его, чтобы онъ послѣ порки заставилъ Терешку поцѣловать ей руку, поблагодарить ее за науку и чтобы онъ, Терешка, пообѣщалъ ей, что не будетъ больше грубить. Становой охотно согласился на это и, когда вошелъ съ Терешкой въ сарай для обычной экзекуціи, то заявилъ ему о желаніи Макрины.— «Не, баринъ, не пойду... Лучше отдери по настоящему...»—«Какъ говорю, не пойдешь! Ахъ, ты такой, сякой!.. Это я тебя избаловалъ! Ты, кажется, забылъ, что крѣпостной и, какъ прочіе, обязанъ цѣловать руку своей помѣщицы...» Онъ отвѣчалъ на это, что у настоящей барыни онъ не прочь цѣловать руку. «А Макрина развѣ настоящая? Дурашка какая-то. Своей пользы а нинишеньки не смыслитъ! Ежели намъ съ женкой слухать ейныхъ распоряженьевъ, такъ ей съ дочкой жрать нечего буде... да и мы съ голоду подохнемъ. А ежели мы съ женкой будемъ съ ей, какъ съ настоящей барыней, проклажаться, такъ она зачнетъ пуще дурить!.. Усе хозяйство на нѣтъ сведетъ».

— «Конечно, его за эти разсужденія по тогдашнему слѣдовало бы отодрать, какъ сидорову козу, но не было времени возиться мнѣ съ нимъ, и хотя мнѣ часто приходилось производить экзекуціи, но я какъ-то всегда этимъ разстраивалъ себѣ нервы. Вышли мы съ нимъ изъ сарая, а Макрина по обыкновенію на крылечкѣ стоитъ. Я оборачиваюсь къ Терешкѣ и кричу на него: «Пошелъ барыню за науку благодарить! Сейчасъ руку цѣлуй!» А онъ ни съ мѣста. «А, такъ-то? Ну, пошелъ опять въ сарай!» Опять продѣлали ту же комедію... Возвращаемся... А тутъ спасибо выручила сама Макрина. «Что же это», говеритъ, «видно онъ вашихъ розогъ не боится?.. Должно быть вы ему легенькихъ всыпаете?» «Что-жъ, говорю, извольте обревизовать! Ваша сосѣдка послѣ порки всегда ревизуетъ спины крѣпостныхъ!.. Правда, она не столбовая дворянка...»—«Что вы, что вы...» въ ужасъ приходитъ Макрина, «чтобы я да себя изъ-за хама такъ потеряла?»

Матушка въ своемъ обращеніи съ помѣщиками и ихъ женами никого изъ нихъ не выдѣляла за богатство, не имѣла привычки обращаться съ богатыми болѣе почетно, чѣмъ съ бѣдняками. Это отчасти можно объяснить тѣмъ, что она по нравственному и умственному развитію стояла выше многихъ окружающихъ ее помѣщиковъ и ихъ женъ, отчасти и тѣмъ, что по собственному опыту она постигла всю превратность фортуны. Ей болѣе всего импонировали люди съ образованіемъ, съ природнымъ умомъ и въ то же время дѣловитые. Къ своей сосѣдкѣ Макринѣ она начала относиться такъ же вѣжливо, какъ и ко всѣмъ остальнымъ, величала ее не иначе, какъ Макрина Емельяновна, провожала ее въ переднюю и т. п. Но когда матушка постигла все ея нравственное и умственное убожество, она сразу перешла съ нею на «ты» и уже называла ее только по имени. Началось это съ того, что, когда она однажды пришла къ намъ во время обѣда, няня

вскочила съ своего мѣста, чтобы выйти изъ-за стола, какъ это она дѣлала всегда, когда къ намъ пріѣзжали Воиновы. «Это еще что за фокусы?», закричала на нее матушка. «Мы съ Макриной не очень большія помѣщицы! Сидишь за обѣдомъ со мной, авось и при Макринѣ тебѣ не грѣхъ посидѣть».

Обладая типичными качествами ума и сердца своихъ мелкопомѣстныхъ собратьевъ, Макрина въ то же время и нѣсколько отличалась отъ нихъ: она никогда не объѣзжала сосѣдей съ просьбою «овсеца и сѣнца» и не только не посѣщала ихъ въ дни торжественныхъ обѣдовъ, но совсѣмъ не вела съ ними знакомства. Правда ея карафашка иногда останавливалась у крыльца того или другого помѣщика, но она пріѣзжала къ нимъ только по дѣламъ своего сада. Нашъ домъ былъ исключеніемъ изъ этого правила, и насъ въ концѣ концовъ Макрина посѣщала очень часто, но, какъ потомъ оказалось, подъ вліяніемъ своей дочери въ которой члены моей семьи пробуждали большой интересъ и симпатію. Моя старшая сестра Нюта была ея ровесницею, и къ тому же, до нашего переселенія въ деревню, Женичка не имѣла ни подругъ, ни знакомыхъ, почти никого не видала, кромѣ своей матери и крестьянъ.

— Какъ это ты, Макрина, ничему не учишь Женю? Вѣдь Терешка и Фишка не вѣчные, умрутъ же они когда-нибудь!.. Умрешь и ты раньше дочери, что же тогда будетъ она дѣлать? Вѣдь она даже плохо читаетъ по-русски и совсѣмъ не умѣетъ писать! Вмѣсто того, чтобы копить для нея сундукъ съ тряпьемъ, ты могла бы дать ей хотя скромное образованіе! При стараніи могла бы приспособить ее и для гувернантства.

— Нешто столбовой дворянкѣ пристало по губернанткамъ таскаться?..

— Я, милая моя, столбовая и по мужу, и по отцу. (Язвительный намекъ на то, что у Макрины въ родствѣ не все столбовые дворяне). Да и братья мои, хотя еще молодые люди, а всѣ говорятъ, что далеко пойдутъ по службѣ. А вотъ у меня Нюта обшиваетъ всю семью, стряпаетъ, прибираетъ, а Саша будетъ гувернанткой... И я буду гордиться тѣмъ, что мои дѣти, образованные люди, своимъ трудомъ семьѣ помогаютъ, сами хлѣбъ себѣ добываютъ...

— Ужъ простите, Александра Степановна, что я осмѣлюсь вамъ сказать... Вы, конечно, ученая, а я неученая, а я все бы не хотѣла, чтобы сусѣди такъ меня высмѣивали, какъ васъ... Всѣ высмѣиваютъ васъ за то, что вы на свое дворянство плюете, а я никогда объ этомъ не забываю и забывать не намѣрена.

— Ахъ, Макрина, Макрина! Вотъ эту-то барскую спѣсь ты и въ Женю вбиваешь! А что намъ съ тобой эта дворянская честь, когда нечего ѣсть? И зачѣмъ она для твоей Жени, когда ее отъ мужички не отличишь?

Въ эту минуту Женя, вся вспыхнувъ, вскочила съ своего

мѣста, подбѣжала къ матушкѣ и, сконфуженно прижимая руки къ груди, заговорила:

— «Будьте столь добры, Александра Степановна! Не гнѣвайтесь на мою маменьку... Какъ онѣ необразованныя, такъ, значитъ, не могутъ по настоящему вамъ отвѣтить».

— Я не сержусь, Женюша... Мнѣ только жалко тебя... Я все думаю, что̀ ты будешь дѣлать, когда ни матери, ни крѣпостныхъ у тебя не останется,—ласково успокаивала ее матушка.— А тебѣ, Макрина, я вотъ что скажу: меня осуждаютъ, говоришь ты,—очень возможно... Но что намъ съ тобой до другихъ? Намъ въ пору думать съ тобой о томъ, какъ бы дѣтей своихъ на ноги поставить, чтобы они, не получивъ отъ насъ приданаго, могли себѣ кусокъ хлѣба добыть.

Женя опять вскочила съ своего мѣста, встала передъ матушкой и со слезами, градомъ катившимися по ея худенькимъ щекамъ, поклонившись матушкѣ въ поясъ, начала опять говорить: «вы все истинную правду говорите, Александра Степановна! Потому какъ я васъ очень почитаю... такъ какъ вы очень ученая дама... будьте благодѣтельницею! Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть? Сама вижу, что маменька не въ ту точку меня ставятъ... Вотъ я при нихъ... при моей маменькѣ скажу вамъ: кажинный день я говорю имъ, что не надо Фишку и Терешку отъ работы отрывать, что я завсегда все сама могу сдѣлать... Такъ они, маменька моя-съ, ни Боже мой этого не допускаютъ! Изъ-за одного этого промежъ насъ кажинный день ссоры да покоры. Съ ласкою имъ говорю: маменька, миленькая, посмотрите на Нюточку,—дѣвицы онѣ ученыя, не мнѣ чета, а все сами дѣлаютъ. Что намъ съ вами въ томъ, что ихъ сусѣди осуждаютъ? Осуждаютъ, а сами-то къ нимъ на поклонъ бѣгутъ, а къ намъ съ вами ни одна собака не заглядываетъ!

— Какъ ты смѣешь супротивъ матери? Этого отъ тебя я еще не слыхивала, всегда была барышней приличной... Мать почитала, при чужихъ не срамила...

— Да развѣ маменька я изъ вашей воли выхожу? Развѣ я вамъ грубымъ словомъ когда поперѣчила? А какъ Александра Степановна изволятъ быть ко мнѣ очень милостивы, то могу же я у нихъ совѣта просить!.. Вѣдь я не малолѣтка,—нужно же мнѣ о себѣ подумать. Разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ, если я вашей смерти ищу! Я такъ этого боюсь, что не приведи Богъ! Только вы же сами подумайте, что я безъ васъ буду дѣлать? Изъ-за бѣдности вѣдь ни одинъ помѣщикъ замужъ меня не возьметъ. А бѣдному чиновнику я вѣдь и въ хозяйствѣ не помощница, вѣдь вы ни до чего касаться не позволяете. Пусть какъ Александра Степановна присовѣтуетъ, чтобы со мной все такъ и было!.. Не будьте вы, маменька миленькая, помѣхой моему счастью...

— Помѣхой тебѣ я ни въ чемъ не буду, а забывать дворянство тебѣ не позволю.

Но Женя розошлась. Она то и дѣло срывалась съ мѣста, отвѣшивала глубокіе поясные поклоны передъ матушкой и говорила, точно боясь, что она не найдетъ другого случая высказать свои мысли.

— Ужъ вы не оставляйте меня своимъ наставленіемъ, Александра Степановна! Только въ вашемъ домѣ я и свѣтъ-то увидѣла, и ужъ вы, Нюточка, не брезгуйте мною, что я не ученая!

Ее успокаивали съ той и съ другой стороны, придумывали, какъ устроить ея обученіе, наконецъ, матушка рѣшила, что Нюта будетъ заниматься съ Женею, но, въ виду того, что сестра почти цѣлый день занята то съ братомъ, то шитьемъ, то по хозяйству, Женя должна приходить къ ней по вечерамъ, а днемъ только въ праздники. Кромѣ того матушка уговорила Макрину, чтобы она отпускала къ намъ Женю въ тѣ дни, когда священникъ занимался съ моимъ братомъ Зарею. Хотя мой братъ былъ на лѣтъ пять-шесть моложе Жени, но, конечно, онъ далеко опередилъ ее и въ грамотности, и въ ариѳметикѣ, и въ Законѣ Божьемъ. Матушка бралась переговорить со священникомъ о новой ученицѣ, но настаивала, чтобы Макрина и отъ себя добавляла бы ему за лишній трудъ: то подарила бы въ праздникъ пудъ масла, то отправила бы ему иногда ягодъ, фруктовъ и что-нибудь изъ живности. Женя была въ восторгѣ, что будетъ учиться, и нѣсколько разъ вскакивала съ своего мѣста, чтобы поцѣловать руку моей матери. Но вдругъ она опять заволновалась и заёрзала на своемъ стулѣ.

— Да что ты хочешь сказать, Женя?—спрашивали ее матушка и Нюта.

— Ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось... научиться хоть нѣсколькимъ французскимъ словамъ! Маменька-съ все говорятъ мнѣ— «дворянка да дворянка»! Такъ вотъ бы, значитъ, какое ни на есть отличіе отъ мужички и было...

— Ну, милая моя,—отвѣчала ей матушка.—Съ радостью взялась бы тебя французскому языку учить, но времени у меня не хватаетъ. Это ужо́ лѣтомъ, когда къ намъ Саша пріѣдетъ. А теперь тебя хоть бы русской грамотѣ выучить.

— И глупая же какая!—проговорила Макрина.—Вѣдь французскимъ-то словамъ я сама могу тебя научить.

Всѣ въ изумленіи обратились въ ея сторону.

— Что же вы такъ на меня смотрите? Будто не вѣрите... Вѣдь покойный-то папенька мой очень многимъ французскимъ словамъ меня научили! Вотъ, какъ передъ Богомъ, очень много этихъ словъ я знавала! Конечно, теперь, поди, много забыла! А вотъ погодите-ка припомню... Ну вотъ: «команъ-ву»... Ахъ ты, Господи, а вѣдь и взаправду забыла...

Но отвѣтомъ на это былъ такой неудержимый, дружный хохотъ матушки, Нюты и даже Зари, что Макрина нѣсколько оторопѣла, но не сдалась.

— Да ужъ вы, Александра Степановна, поди полагаете, что я въ родѣ какъ бы мужичка... Не хвастаюсь, мало учена, но все же покойный папенька кой-чему обучали, и даже такому, чтобы я, значитъ, могла гостей занимать. Хоть я музыкѣ не обучалась, по нотамъ не понимаю, но съ рукъ и съ голоса батюшка нѣсколькимъ пѣснямъ меня научили... И многіе очень даже одобряли.

— Что же спой что-нибудь, пожалуйста,—просила ее матушка. И мы всѣ направились въ залъ, гдѣ стояло наше фортепьяно. Макрина торжественно усѣлась за него. Высоко и неуклюже поднимая и опуская пальцы рукъ на клавиши, жеманясь и до отчаянности смѣшно, хрипло и, точно передразнивая кого-то, пропѣла: «Черную шаль», «По улицѣ мостовой», «Паричекъ», однимъ словомъ, нѣсколько романсовъ и пѣсней, которыя были тогда въ ходу у барышень. При первыхъ же звукахъ ея голоса, Заря сталъ такъ фыркать, что Нюта схватила его за руку и вытолкала въ переднюю. Сама она смотрѣла въ сторону и закрывалась платкомъ, чтобы не выдать душившаго ее хохота, а матушка, увидѣвъ красное, сконфуженное лицо Жени, отошла къ окну и вся тряслась отъ смѣха. Только одна Макрина была такъ увлечена и поглощена собственнымъ пѣніемъ, что ничего не видѣла и не слышала, что дѣлалось вокругъ. Когда, кончивъ весь свой репертуаръ, она обернулась къ матушкѣ со словами: «все же хоть немножко да могу что-нибудь!.. А сколько разовъ начинала я ее учить, да не хочетъ»,—говорила она, указывая на дочь. Въ эту минуту матушка уже оправилась отъ душившаго ее смѣха и, подходя къ пѣвицѣ, рѣшительно заявила: «вотъ что Макрина, если ты любишь дочку, не учи ты ее ни французскимъ словамъ, ни этимъ пѣснямъ».

— Да отчего же? Покойный папенька не могли меня дурному обучить!

— Видишь ли... Можетъ быть, сто лѣтъ назадъ это было и не смѣшно, а теперь, я прямо скажу, Женю твою за такое пѣніе и за такой французскій языкъ просто просмѣютъ. Лучше въ обществѣ молчать, чѣмъ такіе фокусы выкидывать.

Мало-по-малу Женя сдѣлалась членомъ нашей семьи: она только ночевала дома, да и то не всегда. Макрина очень огорчалась, но Женя въ концѣ концовъ сумѣла заставить ее примириться съ этимъ и продолжала заниматься очень усердно. Хотя ей и не удалось научиться французскому языку, но даже элементарное образованіе, которое она получала, чтеніе и общеніе съ болѣе или менѣе образованными людьми, такъ измѣнили ея манеру говорить и держать себя, что она уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была просто неузнаваема. Она полюбила членовъ моей семьи, какъ родныхъ, а передъ моею матерью просто благоговѣла.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Макрина внезапно умерла. Это было въ тотъ періодъ жизни моей семьи, впрочемъ, очень непродолжительный, когда моя мать жила совершенно одна, такъ какъ мы,

ея дѣти, были въ разныхъ концахъ Россіи. И вотъ въ это-то время матушка стала жить съ Женею. Онѣ какъ-то отправились вмѣстѣ въ городъ, гдѣ въ одномъ знакомомъ семействѣ Женя встрѣтила Жукова, — молодого чиновника, занимавшаго очень скромное мѣсто,—и вышла за него замужъ.

Семейство молодыхъ Жуковыхъ быстро увеличивалось, а жалованье отца семейства возрастало очень медленно. Эту семью поддерживало только то, что зимою Терешка и Фишка, оставшіеся единственными хозяевами ея жалкой усадьбы, отечески заботились о своей молодой барынѣ: зимою доставляли ей кое-какую провизію, а лѣтомъ Женя переѣзжала съ дѣтьми въ свою деревню и проводила въ ней нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ годъ освобожденія крестьянъ Терешка умеръ. Женя отдала за ничтожную аренду свой садъ и крошечный кусокъ земли, выговоривъ себѣ право жить въ своемъ домѣ лѣтомъ, и взяла къ себѣ въ няньки Фишку, которою не могла нахвалиться,—такой она оказалась заботливой, преданной и любящей дѣтей.

Е. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ біографіи Федора Кузьмича.

Интересъ къ личности знаменитаго сибирскаго старца Федора Кузьмича, скончавшагося въ весьма преклонныхъ годахъ подъ Томскомъ на заимкѣ купца Хромова 20-го января 1864 года, зиждется на довольно распространенномъ представленіи, будто бы въ образѣ Федора Кузьмича скрывался императоръ Александръ I, ушедшій изъ нашего грѣховнаго міра и вовсе не умершій 19-го ноября 1825 года въ Таганрогѣ. Вмѣсто него похороненъ и донынѣ покоится въ Петропавловскомъ Соборѣ кто-то другой, схожій съ нимъ лицомъ. В. К. Николай Михайловичъ [1]), а за нимъ г-нъ Голомбіевскій [2]) пересмотрѣли вопросъ и указали цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ неопровержимо о томъ, что именно Александръ I умеръ въ Таганрогѣ и никакому подмѣну не могло быть мѣста. Вопросъ же о томъ, кто такой былъ Федоръ Кузьмичъ, остается открытымъ. Свѣдѣнія о немъ крайне скудны. Великій Князь, производившій подробныя о немъ розысканія, резюмируетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „старецъ появился въ Сибири въ 1837 г., жилъ въ различныхъ мѣстахъ (а именно: въ селѣ Красная Рѣчка, гдѣ понынѣ осталась келія, другая въ селѣ Зерцалахъ, еще одна келія въ селѣ Бѣлый Боръ и, наконецъ, еще келія въ 4-хъ верстахъ отъ Томска, извѣстная подъ именемъ „Хромовской Заимки"), ведя всюду отшельническую жизнь, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ окрестнаго населенія и никому не обнаруживая своей личности. Его не разъ навѣщали духовныя лица, мѣстные архіереи и случайные путешественники особенно послѣ его окончательнаго переселенія въ Томскъ. А именно, въ 1859 году, по приглашенію томскаго купца С. Ф. Хромова, старецъ Федоръ Кузьмичъ перебрался къ нему на жительство, имѣя от-

---

[1]) Въ статьѣ „Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Кузьмича" въ „Истор. Вѣстникѣ" 1907, іюнь и отдѣльно; кромѣ того, по-нѣмецки въ сборникѣ, вышедшемъ по случаю 60-й годовщины рожденія проф. Шимана: „Beiträge zur russischen Geschichten... herausg. v. Otto Hötzsch. 1907.

[2]) Въ статьѣ „Легенда и исторія". Русскій Архивъ, 1908, мартъ.

дѣльную скромную келію, гдѣ онъ и скончался". Великій Князь высказываетъ предположеніе, что Өедоръ Кузьмичъ могъ быть Семеномъ Великимъ, сыномъ Павла Петровича и Софьи Степановны Чарторижской, урожденной Ушаковой. Выставляя это предположеніе, авторъ оговаривается, что, въ виду имѣющагося у насъ извѣстія о смерти Семена Великаго на англійскомъ кораблѣ „Вангардъ" 13-го августа 1794 года, „остается узнать и провѣрить, если Семенъ Великій былъ Федоромъ Кузьмичемъ, гдѣ онъ обрѣтался съ 1794 года по 1837 годъ, т. е. до момента появленія старца въ Сибири".

Ниже мы воспроизводимъ совершенно точно документъ, дающій нѣсколько новыхъ свѣдѣній изъ неизвѣстнаго намъ періода жизни старца. Правда, этотъ документъ не даетъ разгадки о личности Федора Кузьмича, но мы узнаемъ изъ него, что Красноуфимскій (Пермской губ.) уѣздный судъ судилъ старца за бродяжество и сокрытіе мѣстожительства и присудилъ къ наказанію 20 ударами плетей и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ онъ вступилъ 6-го марта 1830 года и былъ причисленъ и отправленъ въ Боготольскую волость. Боготолъ—село, Томской губ., Маріинскаго уѣзда при рѣкахъ Чулымѣ и Боготолкѣ въ 119 верстахъ къ востоку отъ Маріинска. Жилъ онъ во время производства девятой ревизіи въ селѣ Краснорѣченскомъ, въ 144 верстахъ отъ Маріинска, при рѣкахъ Чулымѣ и Красной. (Манифестъ о производствѣ девятой ревизіи былъ изданъ въ 1850 году). Примѣты его: лицомъ чистъ, глаза сѣрые, носъ посредственный, волосы сѣдые, росту 2 арш. 6$^{2}/_{4}$ вершк. Документъ показываетъ ему 65 лѣтъ и числитъ его въ разрядѣ неспособныхъ.

Послѣ этого документа лицамъ, убѣжденнымъ въ тожествѣ Александра I и Кузьмича, остается вписать въ исторію еще одну необыкновенную страницу о томъ, какъ царь, отрекшійся отъ міра, былъ даже наказанъ на тѣлѣ.

Ред.

ПОСТАТЕЙНЫЙ СПИСОКЪ

бродяги Федора Кузьмича, списаннаго съ Алфавита Боготольскаго волостного правленія о ссыльно-поселенцахъ по 9 ревизіи, часть вторая. Архивъ Литера „К".

№	Прозваніе и имена.	Лѣта.	Прежнее состояніе, вина и наказаніе.	Примѣты.	Назначеніе.	Срокъ поступленія.	Переходъ.	Семейство.	Вѣра.	Окончательная отмѣтка.
151	Кузьмичъ (Козминъ) Федоръ. Село Краснорѣченское. Девятая ревизія № 23 о неспособныхъ.	65	Изъ бродягъ.— Бродяжество и сокрытіе мѣстожительства своего. По рѣшенію Красноуфимскаго уѣзднаго Суда наказанъ плетьми 20-ю ударами. Ссылается въ Сибирь на поселеніе.	Лицомъ чистъ, глаза сѣрые, носъ посредственный, волосы сѣдые, росту 2 арш. 6³/₄ верш.	Въ неспособные.	6 Марта 1830.	Причисленъ и отправленъ въ Боготольскую волость по алфавиту 1836 г. № 150.	Нѣтъ.	Православный.	

Баронъ Штейнъ и Николай Ивановичъ Тургеневъ.

(По неизданнымъ документамъ).

Заслуженный біографъ крупнаго государственнаго дѣятеля барона Штейна, Пертцъ, въ писанной имъ въ 1875 году статьѣ, „Freiherr vom Stein und N. Turgenieff“ [1]), говоритъ въ общихъ чертахъ о глубокомъ вліяніи барона Штейна на Н. И. Тургенева во время совмѣстной ихъ работы въ Центральномъ Административномъ Департаментѣ (Centralverwaltungs Departament) въ 1813 и 1814 годахъ. Онъ указываетъ, что у Тургенева и у Штейна были, кромѣ дѣловыхъ, и личныя, дружескія сношенія. Оба интересовались вопросами государственной важности. Особенно сильно повліялъ Штейнъ на развитіе взглядовъ Тургенева на крѣпостное право въ Россіи.

„Земельный вопросъ, говоритъ Пертцъ, и свобода русскаго крестьянскаго сословія были излюбленными темами ихъ бесѣдъ, и именно благодаря вліянію Штейна, Тургеневъ впервые задумалъ смѣлую идею освободить милліоны своихъ же земляковъ“. Относительно мнѣнія Пертца, что Тургеневъ тогда лишь *впервые* подумалъ посвятить себя борьбѣ за освобожденіе крестьянъ, мы должны сдѣлать оговорку, зная, что въ Геттингенѣ Тургеневъ опредѣленно высказался въ этомъ смыслѣ [2]). Вѣрно однако, что бесѣды со Штейномъ укрѣпили въ Тургеневѣ давно зародившуюся мысль. Новѣйшій біографъ Штейна, геттингенскій профессоръ Максъ Леманъ, въ своемъ классическомъ трудѣ замѣчаетъ по этому же поводу, что Штейнъ полюбилъ Тургенева за его жажду знаній, чистоту характера и преданность, и самъ произвелъ на послѣдняго неизгладимое впечатлѣніе. „Это онъ (Штейнъ) укрѣплялъ въ немъ приверженность къ крестьянскому сословію, которая впослѣдствіи привела его на эшафотъ“. Мнѣнія эти

---

[1]) Berlin, 1875.

[2]) „Минувшіе Годы“, Май—Іюнь.

вполнѣ правильны, и мы думаемъ на основаніи обширнаго и по большей части неопубликованнаго рукописнаго матеріала пополнить и существенно развить то, что высказано нѣмецкими историками относительно вліянія Штейна на Тургенева. Отмѣченные Леманомъ качества Тургенева, изъ-за которыхъ Штейнъ его любилъ и уважалъ, рисуютъ и самого Штейна. Намъ придется констатировать еще многое сходное въ характерѣ, міросозерцаніи, государственной и общественной дѣятельности и внѣшней жизни этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Обоимъ часто приходилось жить и дѣйствовать въ атмосферѣ недоброжелательства и стоять лицомъ къ лицу съ жестокой дѣйствительностью; и если Штейнъ все-таки совершилъ крупное дѣло коренной реформы прусскаго государственнаго и общественнаго строя, а Тургеневъ [1]) во всѣхъ своихъ попыткахъ работать для блага угнетенныхъ и порабощенныхъ крестьянъ и вообще безправныхъ своихъ соотечественниковъ терпѣлъ пораженія, и если онъ былъ даже приговоренъ къ смертной казни за свои убѣжденія,—то въ этомъ виноваты однѣ печальныя условія русской жизни.

Въ „La Russie et les Russes“ Тургеневъ даетъ слѣдующій интересный отзывъ о Штейнѣ, какъ о крупномъ политическомъ реформаторѣ: „сколько было уже государственныхъ дѣятелей, которые поставили на очередь полезныя реформы или таковыя даже подготовили. Но напрасно я отыскивалъ въ исторіи новѣйшихъ государствъ государственнаго человѣка, который приступилъ бы къ такимъ коренньимъ реформамъ, обѣщающимъ такъ много пользы въ своихъ непосредственныхъ или болѣе отдаленныхъ послѣдствіяхъ, и провелъ бы ихъ въ жизнь. Иниціаторъ этихъ реформъ былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Германіи со времени Лютера и Фридриха II. Тотъ, кто стремится къ реформаторской дѣятельности, особенно въ такой странѣ, какъ въ Россіи, гдѣ необходимо начать съ существенныхъ реформъ гражданской и политической жизни, долженъ всегда размышлять о политикѣ этого министра и никогда не сумѣетъ сказать, что изучилъ, какъ слѣдуетъ, его взгляды, планы, цѣли и средства, которыми онъ пользовался“.

Тургеневу въ Штейнѣ особенно понравилось то, что онъ проводилъ коренныя преобразованія постепенно, шагъ за шагомъ, имѣя сперва въ виду самыя необходимыя. Въ оцѣнкѣ дѣятельности Штейна выраженъ субъективный взглядъ Тургенева на наиболѣе цѣлесообразный методъ проведенія политическихъ реформъ въ Россіи [2]). Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что Тургеневъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ сыгралъ

---

[1]) Max Lehmann, Freiherr vom Stein, 1905, III, 333.
[2]) III, 94—95.

бы въ Россіи такую же роль, какъ Штейнъ въ Пруссіи. Умѣстно поэтому изслѣдовать подробно сношенія между обоими дѣятелями. Тургеневъ не во всемъ сходился со Штейномъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ то общее между ними, что Тургеневъ стремился сдѣлать для Россіи то, что Штейнъ сдѣлалъ для Пруссіи. И мы имѣемъ полное основаніе полагать, что интимныя и безпрерывныя связи со Штейномъ въ 1813—1814 г.г. имѣли для Тургенева рѣшающее значеніе на всю жизнь.

О Штейнѣ мы думаемъ говорить лишь на нѣсколькихъ страницахъ, только для того, чтобы имѣть подъ рукой краткій обзоръ его дѣятельности и изложеніе наиболѣе существеннаго въ его политическихъ взглядахъ. Мы пользуемся трехтомнымъ трудомъ Лемана[1]), несомнѣнно лучшаго біографа Штейна. Совмѣстная дѣятельность Тургенева и Штейна въ Центральномъ Административномъ Департаментѣ и личныя ихъ сношенія мы разработаемъ впервые на основаніи документовъ изъ Тургеневскаго архива, которые намъ не были доступны при составленіи нашей книги: Die Universität Göttingen und die Entwickklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts.

I.

Родъ Штейновъ принадлежалъ къ немногочисленнымъ уже въ то время представителямъ Reichsritterschaft'а (имперское рыцарство), независимаго отъ какого бы то ни было нѣмецкаго Territorialfürst'а.—(Это общее названіе, установившееся въ Германіи, начиная съ XV в. для многочисленныхъ курфирстовъ, князей, графовъ и владѣвшихъ автономной землей или городомъ епископовъ). Имперскіе рыцари были подчинены непосредственно императору. Это гордое и свободное сословіе достигло высшаго могущества и славы въ началѣ 16 вѣка, когда вожди его Францъ фонъ-Сиккингенъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ организовали Reichsritter'овъ для борьбы съ князьями. Попытка эта однако не удалась, и имперскіе рыцари постепенно перестали играть важную роль въ исторіи нѣмецкаго государства. Тѣмъ не менѣе сословное чувство независимости и аристократической гордости продолжали жить у немногочисленныхъ уже Reichsritter'овъ. Штейны владѣли небольшимъ имѣніемъ въ графствѣ Нассау по обоимъ берегамъ Рейна. Они были беззавѣтно преданы нѣмецкому императору и враждебно настроены противъ Нассаускихъ графовъ, которымъ удалось съ теченіемъ времени достигнуть территоріальной независимости. Сохранились развалины замковъ обоихъ соперничавшихъ родовъ [2]).

---

[1]) См. еще статью Р. Виппера. „Государственные идеалы Штейна"—„Русская Мысль", 1891, августъ, 1—18 и краткую біографію Штейна въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза-Эфрона.

[2]) Lehmann, Stein 1, 3 и сл.

Баронъ Штейнъ родился въ Нассау 26 октября 1757 г.[1]). Отецъ его, Карлъ Филиппъ, былъ человѣкъ посредственныхъ способностей во всѣхъ отношеніяхъ. Зато мать Штейна, Генріетта Каролина, была замѣчательной женщиной и сильно повліяла на сына, будущаго вершителя судебъ Прусскаго государства и Германіи. Родители Штейна въ этомъ отношеніи дѣйствовали заодно, внушили сыну глубокое религіозное чувство, чуждое однако фанатизма, любовь къ отечеству и священный долгъ отдать на служеніе ему всѣ свои силы. Сословное чувство возмущенія противъ усиленія территоріальныхъ князей на счетъ теряющихъ свое политическое значеніе имперскихъ рыцарей питало въ семьѣ Штейна недовольство существующимъ порядкомъ вещей. Молодой Штейнъ много читалъ по древней и новой исторіи. Особый интересъ онъ проявилъ къ англійской исторіи, что весьма важно для пониманія Штейна. Родители рѣшили, чтобы онъ занимался въ Геттингенѣ юриспруденціей и отправили туда 16-ти лѣтняго юношу въ сопровожденіи воспитателя. Штейнъ пробылъ въ Геттингенѣ семь семестровъ, и здѣсь онъ продолжалъ изученіе англійской исторіи, ея учрежденій и экономическаго развитія. Пребываніе въ Геттингенѣ, въ эпоху полнаго расцвѣта университета, повліяло на всю будущую дѣятельность Штейна. Его біографъ Леманъ замѣчаетъ по этому поводу:

„Если говорить о томъ, какія занятія процвѣтали тогда, благодаря Пюттеру и Шлецеру, Михаэлису и Гейне, Мейнерсу и Гаттереру, то надо сказать, что таковыми были историческія; на второмъ планѣ стояли философскія. То же замѣчаемъ у самого Штейна. Нѣкоторые отзывы могутъ даже укрѣпить иного въ мнѣніи, что онъ не придавалъ значенія абстрактнымъ и спекулятивнымъ наукамъ. И, дѣйствительно, у него не было къ нимъ внутренняго влеченія“ [2]).

Послѣ окончанія университета Штейнъ поступилъ практикантомъ въ имперскій каммергерихтъ (судъ) въ Вецларѣ въ 1777 году, но годъ спустя онъ оставилъ это мѣсто и поступилъ на государственную службу въ Пруссіи. Онъ оставилъ императора, непосредственнаго главу (Oberherr), рыцарей и перешелъ на службу къ Фридриху II. Въ Пруссіи Штейнъ нашелъ покровителя въ лицѣ министра Гейница, и благодаря ему сдѣлалъ быструю карьеру. Гейницъ послалъ Штейна въ Польшу для ознакомленія съ горнымъ и солянымъ дѣломъ. Отчетъ Штейна и его спутника Редена, впослѣдствіи прусскаго министра, привлекъ къ себѣ вниманіе яснымъ изложеніемъ и оцѣнкой состоянія Польши. Слѣдующее мѣсто небезынтересно для характеристики взглядовъ Штейна: „Въ Польшѣ совершенно нѣтъ сред-

---

[1]) Ib. 10. Henrich Friedrich Karl vom und zum Stein.
[2]) Lehmann, Stein I, 17—23.

няго или мѣщанскаго сословія, которое обыкновенно доставляетъ государству самыхъ просвѣщенныхъ и дѣльныхъ работниковъ".

Въ 1782 году Штейнъ былъ назначенъ старшимъ совѣтникомъ горнаго департамента. Гейницъ продолжалъ имъ интересоваться; по его порученію Штейнъ совершилъ опять „минералогическое" путешествіе, на этотъ разъ въ Фрейбергъ, съ цѣлью подробно ознакомиться съ постановкой тамъ горнаго дѣла. Въ 1784 году мы видимъ Штейна директоромъ вестфальскихъ горныхъ предпріятій. Зимою 1786—87 года онъ посѣтилъ Англію, которой сильно интересовался еще съ дѣтства.

Вскорѣ по возвращеніи оттуда онъ былъ назначенъ первымъ директоромъ Клевской палаты и первымъ ландтагъ-комиссаромъ при Клевскомъ ландтагѣ, пользовавшемся въ сравненіи съ ландтагами другихъ прусскихъ провинцій большей независимостью и самостоятельностью. Штейнъ могъ теперь отлично познакомиться съ этимъ когда-то вліятельнымъ народнымъ представительствомъ (послѣднее надо, конечно, понимать cum grano salis, т. к. „народъ" былъ представленъ дворянами и небольшимъ количествомъ горожанъ), и теперь еще жизненнымъ органомъ мѣстнаго самоуправленія. Убѣжденіе Штейна въ полезности органовъ мѣстнаго самоуправленія созрѣло и укрѣпилось во время его административной дѣятельности въ вестфальскихъ провинціяхъ. Аналогичное вліяніе произвело на него англійское Self governement. Штейнъ всегда шелъ навстрѣчу желаніямъ мѣстнаго населенія. Леманъ говоритъ, что эти постоянныя интимныя сношенія съ Клевскимъ ландтагомъ охранили Штейна отъ моментовъ, когда у него могли появляться абсолютическіе взгляды[1]). (Absolutistische Anwandlungen).

Административная дѣятельность Штейна въ Вестфаліи совпала съ первой коалиціонной войной. Новыя вѣянія, — отголосокъ великой революціи,—чувствовались и въ Рейнскихъ провинціяхъ, и Штейнъ не остался чуждъ вліянія 1789 года. Неограниченную монархію онъ ненавидѣлъ такъ же, какъ и французы. Идеями физіократовъ онъ руководствовался при своей административно-хозяйственной дѣятельности, какъ французскій министръ-реформаторъ Тюрго. Передъ Монтескье и Бальи Штейнъ преклонялся; съ сочиненіями Руссо онъ былъ хорошо знакомъ[2]).

Постъ оберъ-президента провинціи Минденъ, занимаемый Штейномъ отъ 1796 года по 1802 годъ, былъ болѣе отвѣтственнымъ, и здѣсь Штейнъ могъ проявить свой талантъ государственнаго управленія на болѣе широкомъ поприщѣ. Крестьянское населеніе Миндена было еще въ состояніи зависимости (такъ назыв. Eigenbehörigkeit), какъ въ провинціяхъ восточной Пруссіи, въ западныхъ провинціяхъ, кромѣ инденской, крестьяне

¹) Stein I, 105.
²) Ib. 136—137.

были свободны. Но, когда Штейнъ былъ назначенъ оберъ-президентомъ, были сдѣланы попытки къ освобожденію крестьянъ; Штейнъ присоединился къ друзьямъ крестьянской реформы. Въ запискѣ 1797 года онъ говоритъ: „Положеніе, что состояніе крестьянина, обезпечивающее ему личную свободу и собственность, есть самое выгодное для его индивидуальнаго счастья и наилучшимъ образомъ способствуетъ его трудолюбію, согласуется съ опытомъ и мнѣніемъ всѣхъ писателей“. Болѣе подробно и опредѣленно формулировалъ Штейнъ свои взгляды на крестьянскую реформу въ административномъ отчетѣ о своей дѣятельности въ 1801 году. Мы приводимъ это важное мѣсто цѣликомъ, чтобы вполнѣ ознакомиться со взглядами Штейна на аграрную реформу, и чтобы можно было впослѣдствіи выяснить степень вліянія Штейна на взгляды Тургенева на крестьянскую реформу въ Россіи. „При улучшеніи, говоритъ Штейнъ въ названномъ отчетѣ, политическо-гражданскаго положенія крестьянина самымъ существеннымъ является передача ему нераздѣльной собственности — его земли, освобожденіе его отъ повинностей и такихъ оброковъ, которые понижаютъ его рабочую способность, не давая ей проявиться. Вредное дѣйствіе крѣпостной зависимости (Eigenbehörigkeit) на благосостояніе крестьянина выражается въ томъ, что право отчуждать земельную собственность поставлено въ зависимость отъ произвола третьяго лица; что отъ крестьянина періодически отнимаютъ половину всего его движимаго имущества или его оборотнаго капитала и продуктовъ его производства; что по закону необходимо требуется согласіе помѣщика на всѣ измѣненія, вліяющія на личное счастье крестьянина, на поселеніе на извѣстномъ мѣстѣ, на выборъ себѣ жены, на опредѣленіе судьбы его дѣтей. Крѣпостная зависимость, послѣ абсолютнаго рабства, сильнѣе всего угнетаетъ крестьянина и наиболѣе пагубна для человѣческаго счастья, нравственности, благосостоянія и трудолюбія. Если желаютъ видѣть сельское хозяйство въ цвѣтущемъ состояніи, то необходимо дать сельскому жителю свѣдѣнія, касающіяся его занятій, обезпечить его капиталомъ для обзаведенія хозяйствомъ и для оборота и свободу распоряжаться своими силами и своимъ помѣстьемъ; если же онъ всѣмъ этимъ пользуется далеко не полно или въ очень ограниченной степени, то нельзя ожидать ничего иного, кромѣ безсильнаго и жалкаго веденія хозяйства“.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Лемана, что эти взгляды Штейнъ высказываетъ не впервые.

Задуманная въ Минденѣ аграрная реформа не была осуществлена. Прусское правительство должно было испытать пораженія 1806 года, униженіе и почти полное порабощеніе со стороны Наполеона, чтобы опомниться и приняться за коренныя государственныя и общественныя

реформы. Другіе планы Штейна, какъ, напримѣръ, объявить свободу торговли и производства, тоже не увѣнчались успѣхомъ.

Въ качествѣ оберъ-президента Мюнстера (1802—1804) ему пришлось отстаивать у правительства существованіе мѣстнаго ландтага—этой только что секуляризированной провинціи. По распоряженію министра Шуленбурга мюнстерскій ландтагъ былъ закрытъ. Между тѣмъ дворяне Мюнстерской провинціи рѣшили хлопотать передъ правительствомъ о томъ, чтобы имъ было разрѣшено устраивать собранія для совѣщаній. Штейнъ поддержалъ эти хлопоты. „Я считаю, говорится въ запискѣ, цѣлесообразную организацію сословій большимъ благодѣяніемъ для этихъ провинцій. Въ послѣднихъ появляется благодѣтельная, основывающаяся на конституціи и правопорядкѣ, связь между подданными и правительствомъ. Сословія сообщаютъ послѣднему о намѣреніяхъ первыхъ. Они знакомятъ правительство съ пожеланіями и чаяніями подданныхъ. Они не допускаютъ произвольныхъ отклоненій отъ конституціи и правопорядка, отклоненій, въ которыхъ нерѣдко грѣшны провинціальныя управленія (Landescollegien) при огромномъ наплывѣ дѣлъ. И тѣмъ, что сословія обладаютъ собственностью и привязаны къ отечеству, они сильно заинтересованы въ благосостояніи страны. Такое отношеніе обыкновенно незнакомо казенному чиновнику изъ другой провинціи, который дѣлается равнодушнымъ къ положенію страны, доходитъ до пренебрежительнаго къ нему отношенія, и она дѣлается ему даже ненавистной“. Защита Штейна не имѣла никакого успѣха; правительство съ нимъ не согласилось [1]).

Штейну не суждено было остаться долго въ Мюнстерѣ. Въ 1804 г. ему поручили завѣдываніе двумя департаментами генералъ-директоріума, акцизнымъ и торгово-промышленнымъ, и здѣсь Штейнъ продолжалъ вводить разныя реформы. Какъ приверженецъ теоріи Смита, онъ пытался осуществить въ Пруссіи свободу торговли и производства, правда, въ извѣстныхъ предѣлахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, правительство можетъ и должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь страны. Не будемъ разбирать его дѣятельности въ Generaldirektorium'ѣ, а укажемъ на одну важную записку Штейна 1806 года, касающуюся реформы центральнаго правительства Пруссіи [2]).

Это было въ опасный для Прусскаго государства моментъ. Не трудно было предвидѣть результаты неумѣлой и гнусной политики министра иностранныхъ дѣлъ графа Гаугвица, одного изъ интимныхъ совѣтниковъ короля Фридриха Вильгельма III. Совѣтчики эти составляли „кабинетъ“

---

[1]) Lehmann, Stein I, 259.
[2]) Lehmann, Stein I, 315 и сл.

короля, стоявшій между нимъ и министрами и пользовавшійся большимъ вліяніемъ на короля. Въ этомъ „кабинетѣ“ вообще и въ частности въ совершенно неподходящемъ составѣ его членовъ Штейнъ видѣлъ причины неудачной внѣшней политики и гибельнаго внутренняго застоя.

Посмотримъ, какъ Штейнъ развиваетъ эту мысль и какія реформы онъ предлагаетъ въ своей запискѣ „О неудовлетворительной организаціи кабинета и о необходимости образованія Совѣта Министровъ“. „Пруссія, говоритъ Штейнъ, не имѣетъ государственнаго устройства (Staatsverfassung), такъ какъ высшая власть въ ней не раздѣлена между главою и народными представителями. Это государство—весьма недавно сложенный аггрегатъ отдѣльныхъ, пріобрѣтенныхъ по наслѣдству, куплею, захватомъ провинцій, чины (Stände) которыхъ, мѣстныя корпораціи, не могутъ вліять на общій ходъ дѣлъ“ [1]). Если Пруссія не имѣетъ государственнаго устройства (Staatsverfassung), то тѣмъ важнѣе, чтобы она имѣла правильную правительственную организацію (Regierungsverfassung). Но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи при существованіи кабинета, полновластнаго, но не отвѣтственнаго передъ страной. Вся отвѣтственность падаетъ на министровъ, между тѣмъ какъ гибельное вліяніе на короля имѣютъ кабинетъ-совѣтники. Нужна тѣсная связь между королемъ и министрами, нужно коренное разграниченіе дѣятельности министерствъ. Штейнъ доказываетъ необходимость образованія пяти министерствъ: военнаго, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи. Совокупность министерствъ составитъ Государственный Совѣтъ. Вотъ главныя требованія Штейна. О рѣзкихъ его нападкахъ на бездарныхъ въ высшей степени и безпринципныхъ членовъ кабинета мы умалчиваемъ. О томъ, какъ Штейна сначала отговаривали подать записку королю и какъ онъ добился, наконецъ, того, что король ее прочелъ, мы не намѣрены здѣсь распространяться. Записка не вызвала никакихъ мѣръ со стороны короля, а Штейнъ изъ-за этого лишился министерскаго портфеля. Фридрихъ Вильгельмъ написалъ ему грубое письмо, и Штейну осталось только просить отставки [2]).

Не прошло и года, какъ Штейна снова пригласили на постъ министра въ истощенной войной Пруссіи. Въ немъ видѣли единственнаго человѣка, способнаго стоять во главѣ правительства и спасти страну. И, несмотря на упомянутое письмо отъ короля, Штейнъ согласился служить снова въ Пруссіи [3]). Въ короткій промежутокъ времени послѣ отставки

---

[1]) Статья Виппера, „Русская Мысль“ 1891, авг., стр. 10 и Lehmann, I, 401 и сл.

[2]) Lehmann, Stein, I, 452,

[3]) II, 88.

(январь 1807) и до возобновленія службы (октябрь того же года) Штейнъ отдохнулъ въ Нассау. Это время онъ посвятилъ составленію знаменитой Нассауской записки: „О цѣлесообразномъ преобразованіи высшихъ и провинціальныхъ финансовыхъ и политическихъ учрежденій въ Прусской монархіи“ [1]). Записка эта—одинъ изъ самыхъ интересныхъ показателей развитія идей Штейна, хотя ошибочно полагать, что онъ въ ней высказалъ всѣ свои мнѣнія о государственныхъ и соціальныхъ преобразованіяхъ. Штейнъ приводитъ всѣ вѣскіе аргументы, доказывая необходимость преобразованія провинціальныхъ административныхъ учрежденій и пользу для государства отъ существованія мѣстнаго самоуправленія. „Онъ особенно подчеркиваетъ дороговизну, некомпетентность, вялость и рутину чиновничьей администраціи и предлагаетъ воспользоваться, съ нѣкоторыми измѣненіями, существующимъ земскимъ устройствомъ“ [2]). Послѣднее онъ ставитъ выше и считаетъ гораздо цѣлесообразнѣе бюрократическаго способа управленія. „Въ провинціальные говоритъ Штейнъ, управленія, состоящія изъ чиновниковъ на жалованьи, легко и естественно проникаетъ духъ, свойственный наемникамъ, складывается механическое и формалистическое исполненіе обязанностей, устанавливается неосвѣдомленность объ округѣ, которымъ управляютъ, равнодушіе, часто даже странное отвращеніе къ округу, боязнь предъ всякими измѣненіями и нововведеніями, умножающими количество работы, которой лучшіе чиновники оказываются черезчуръ завалены, и отъ которой менѣе достойные уклоняются“ [3]).

Итакъ, народъ долженъ обязательно участвовать въ мѣстномъ самоуправленіи. Подъ народомъ Штейнъ подразумѣваетъ на первомъ планѣ землевладѣльцевъ, затѣмъ зажиточныхъ крестьянъ, имѣющихъ ренту 300 талеровъ, фабрикантовъ, купцовъ и „всѣ образованные классы“. Имѣлъ ли Штейнъ въ виду одни только провинціальные органы самоуправленія и не желалъ ли онъ тогда уже введенія народнаго представительства, по терминологіи Штейна, „Reichsstände“? Интересный отвѣтъ мы находимъ въ его письмѣ къ Гарденбергу, написанномъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ до составленія Нассауской записки.

„Я думаю, говорится въ этомъ письмѣ, что слѣдуетъ сломить оковы, которыми чиновничье управленіе сдавливаетъ свободный подъемъ человѣческой дѣятельности; нужно устранить духъ корысти, грязной наживы, приверженности къ механизму, которому служитъ эта правительственная система. Нація должна привыкнуть сама заправлять собственными дѣлами и выступить изъ состоянія дѣтства, въ которомъ ее готово держать вѣчно

[1]) Ib. 65 и сл.
[2]) Випперъ, l. c., стр. 10.
[3]) Lehmann, Stein, II, 69.

безпокойное, вѣчно во все вмѣшивающееся правительство. Переходъ отъ стараго порядка вещей къ новому не долженъ быть слишкомъ быстрымъ, и надо мало-по-малу пріучать населеніе дѣйствовать самостоятельно, прежде чѣмъ можно его созывать на многолюдныя собранія и поручать ему обсужденіе важныхъ дѣлъ“ [1]).

Чрезвычайно характерно для Штейна, консерватора-реформатора! Консерваторомъ мы его называемъ въ томъ смыслѣ, что онъ хотѣлъ обновить Германію, развивая въ опредѣленномъ направленіи нѣкоторыя стороны исконныхъ нѣмецкихъ учрежденій. Исходя въ теченіе всей своей дѣятельности изъ того твердаго убѣжденія, что здоровымъ ядромъ, изъ котораго выростетъ мощь и культура Германіи, являются земскія учрежденія, Штейнъ въ то же время ясно высказывался за то, что народъ долженъ принимать участіе въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся его жизненныхъ интересовъ.

Въ этомъ смыслѣ Штейна можно назвать однимъ изъ предшественниковъ политическаго движенія XIX в., выдвинувшаго народныя массы въ качествѣ участника въ устроеніи судьбы Германіи. Благодаря ему была, между прочимъ, введена всеобщая воинская повинность.

Одной изъ заслугъ новѣйшаго біографа Штейна, Лемана, является то, что онъ впервые подчеркнулъ вліяніе идей французской революціи на Штейна. Въ Нассауской запискѣ Штейнъ предложилъ также отграничить судебную власть отъ административной и провести полную эмансипацію крестьянъ. Но центръ тяжести лежитъ въ требованіи введенія выборныхъ земскихъ учрежденій.

Участіе Штейна въ прусскихъ реформахъ 1807—08 годовъ громадное, и мы бы далеко вышли за предѣлы очерковъ, если бы на немъ остановились. Мы должны были бы коснуться остальныхъ участниковъ и двигателей реформы: Гарденберга, Шёна, Альтенштейна, Штегенманна, Фрейя и мн. другихъ, что еще дальше отклонило бы насъ отъ темы. Краткое изложеніе этой интересной эпохи даетъ Р. Випперъ въ статьѣ „Государственныя идеи Штейна“, и болѣе подробное, основанное на новыхъ источникахъ, можно найти во второмъ томѣ труда Лемана. Послѣдній пришелъ къ новымъ выводамъ относительно взглядовъ и дѣятельности Штейна, въ которомъ Випперу очень хочется видѣть „консерватора по своимъ первоначальнымъ симпатіямъ, по пройденному имъ образованію“, а „въ силу неизбѣжности, служащаго просвѣщенному абсолютизму“ [2]). Правда, что Штейнъ былъ консерваторомъ, правда, что онъ стремился

---

[1]) Lehmann, Stein. II, 76; Випперъ, l. c. стр. 8 приводитъ часть этого письма до: „Переходъ отъ...“

[2]) l. c. стр. 18.

къ тому, чтобы правительству принадлежала всегда инициатива въ управленіи страны. Но Штейнъ выдвигаетъ принципъ общественной самопомощи и дѣятельнаго участія народа въ управленіи своими дѣлами, что трудно согласить съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, вмѣшивающимся во всѣ стороны общественной жизни и вездѣ желающимъ выступить опекуномъ. Болѣе правъ Леманъ, подчеркивающій вліяніе на Штейна идей 1789 г., законодательной дѣятельности Конституанты. Новое устройство городовъ въ Пруссіи, одна изъ крупнѣйшихъ реформъ, связанныхъ съ именемъ Штейна, было задумано и проведено по образцу французскаго муниципальнаго устройства, что убѣдительно впервые доказано Леманомъ [1]). Удивительно, что Штейнъ иногда не сознавалъ, сколь многимъ онъ былъ обязанъ французскому вліянію. Въ „исторіи періода 1789—1799", составленной имъ для своихъ дочерей, онъ отзывается весьма неодобрительно о французской революціи, о дѣятельности Конституанты; изъ законопроектовъ онъ самъ заимствовалъ и воспользовался этимъ матеріаломъ при проведеніи реформъ въ Пруссіи [2]).

Вся многообразная дѣятельность Штейна и его сотрудниковъ не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Аграрный вопросъ остался нерѣшеннымъ. Знаменитый эдиктъ 9 октября 1807 г., выработанный „Непосредственной коммиссіей“ и подписанный Штейномъ, уничтожилъ только личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, упразднилъ различіе между дворянскими и не дворянскими землями и санкціонировалъ свободный выборъ занятія и свободный переходъ изъ одного званія въ другое [3]). Но этимъ не былъ рѣшенъ земельный вопросъ, патримоніальная юрисдикція (Patrimonialgerichtsbarkeit) осталась въ силѣ. То же самое относится къ важнымъ предпринятымъ реформамъ администраціи, юстиціи, земскаго устройства, войска и пр. Цѣль, которую преслѣдовалъ Штейнъ, заключалась въ томъ, чтобы преобразовать государственный строй Пруссіи, оживить его общественный духъ, поднять нравственный уровень народа, дать ему права и въ то же время возбудить въ немъ патріотическое чувство для того, чтобы приготовиться къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть съ Наполеономъ. Леманъ мѣтко замѣчаетъ, что Штейнъ и его друзья хотѣли побѣдить Наполеона идеями первыхъ лѣтъ французской революціи [4]), они желали поднять народъ противъ врага свободы.

Взгляды Штейна за 1808 г. становились болѣе радикальными [5]) по мѣ-

---

[1]) II, 449 и сл.
[2]) III, 99—100.
[3]) II, 281 и сл. и Випперъ l. c. стр. 12.
[4]) Lehmann III, 5.
[5]) См. такъ же у Виппера l. c. стр. 14.

рѣ возрастанія наглыхъ требованій французовъ. Онъ задумалъ ввести общую воинскую повинность и организовать народную милицію. Неудачи Наполеона въ Испаніи въ 1808 году, приготовленія въ Австріи къ новой войнѣ съ французами привели Штейна къ мысли о необходимости для Пруссіи предпринять что-нибудь болѣе серьезное для борьбы съ грознымъ врагомъ. Штейнъ дѣйствовалъ за одно съ Шарнгорстомъ и Гнейзенау, героями освободительныхъ войнъ. Но, увы! мечты и планы этихъ пламенныхъ патріотовъ не увѣнчались успѣхомъ. Письмо Штейна къ князю Витгенштейну, въ которомъ онъ открыто высказалъ свои мнѣнія относительно задуманной имъ внѣшней политики, попалось въ руки французовъ. Положеніе Штейна стало шаткимъ. Къ этому присоединились интриги ненавидѣвшей его группы бюрократовъ и оппозиція недовольныхъ реформами дворянъ. Штейнъ подалъ опять въ отставку [1]). Мысли относительно реформъ, имѣющихъ еще быть выполненными въ будущемъ, изложены въ „политическомъ завѣщаніи“ (Politisches Testament) его сотрудникомъ Шёномъ и Штейномъ подписаны. Здѣсь еще разъ подчеркнуты главныя, не доведенныя до конца реформы: упраздненіе помѣщичьей полиціи и патримоніальной юрисдикціи, отмѣна новыхъ распоряженій о дворовыхъ людяхъ, учрежденіе народнаго представительства, преобразованіе быта дворянства, всеобщая воинская повинность, отмѣна временныхъ барщинъ, усиленіе религіознаго чувства, улучшеніе системы воспитанія [2]).

Наполеонъ жестоко отомстилъ Штейну. Въ Мадридѣ онъ выпустилъ слѣдующій декретъ: „Штейнъ, стремящійся вызвать безпорядки въ Германіи, объявляется врагомъ Франціи и Рейнскаго Союза. Помѣстья, которыя окажутся принадлежащими упомянутому Штейну, будь они во Франціи, будь они въ земляхъ Рейнскаго Союза, конфискуются. Вездѣ, гдѣ бы названный Штейнъ попался нашимъ или союзнымъ войскамъ, его арестуютъ“ [3]).

Новый французскій посолъ при прусскомъ дворѣ долженъ былъ потребовать выдачи Штейна, но увѣдомилъ его заблаговременно о грозящей опасности, и Штейнъ спасся. Онъ уѣхалъ скоро въ Австрію, гдѣ прожилъ цѣлые 4 года безъ дѣла.

Все это время Штейнъ жилъ въ надеждахъ на предстоящую борьбу съ Наполеономъ. Онъ поддерживалъ старыя связи съ друзьями-единомышленниками. Когда наступилъ рѣшительный моментъ разрыва между Франціей и Россіей въ 1812 г., Штейнъ, не долго думая, согласился на приглашеніе императора Александра пріѣхать въ Россію.

Съ тѣхъ поръ имя Штейна тѣсно связано съ борьбой Европы про-

[1]) Очень подробно Lehmann II, 568 и сл.
[2]) Ib., 606.
[3]) III, 10.

тивъ Наполеона. Онъ предвидитъ въ ближайшемъ будущемъ осуществленіе завѣтной мечты. Вся Европа поднимается противъ Наполеона...

II.

Для горячаго нѣмецкаго патріота Штейна настало, наконецъ, время, когда повидимому, дни невиданнаго могущества и славы Наполеона были сочтены, когда онъ могъ надѣяться что, по крайней мѣрѣ, Германія скоро сброситъ съ себя тяжелыя и позорныя оковы. Проникаешься истиннымъ уваженіемъ къ Штейну, слѣдя за его кипучей дѣятельностью въ 1812 г. Всѣ его нервы напряжены однимъ желаніемъ, мысли возвращаются лишь къ одному роковому вопросу: какъ использовать уходъ Наполеона изъ Москвы, чтобы преслѣдовать остатки великой арміи, однимъ словомъ, чтобы довести войну съ нимъ до конца. Штейнъ представилъ Александру I записку, въ которой убѣждалъ его не останавливаться съ своей арміей на русской границѣ. Александръ, какъ извѣстно, согласился съ мнѣніемъ Штейна. Леманъ называетъ это вторымъ шагомъ Штейна, имѣвшимъ міровое историческое значеніе. (Первымъ, по мнѣнію Лемана, было то, что онъ заставилъ прусскаго короля приняться за реформы). Но Штейнъ приложилъ, кромѣ того, всѣ свои старанія къ тому, чтобы заключить прусско-русскій союзъ. „Съ осуществленіемъ прусско-русскаго союза, говоритъ Леманъ, было сдѣлано самое крупное въ жизни Штейна“.

Въ предстоящей еще войнѣ съ Наполеономъ Штейнъ видѣлъ борьбу угнетенныхъ народовъ съ узурпаторомъ, врагомъ свободы и національной независимости. Союзныя державы рѣшили обратиться съ призывомъ къ населенію нѣмецкихъ государствъ. Редакція прокламаціи, предложенная Штейномъ, подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, но и въ этомъ видѣ прокламація довольно интересна. „Мы объявляемъ наше твердое рѣшеніе возстановить независимость Германіи и упразднить Рейнскій Союзъ; мы приглашаемъ князей и народы содѣйствовать намъ въ этомъ дѣлѣ. Мы объявляемъ, что тѣмъ, которые будутъ медлить со своимъ рѣшеніемъ больше 6 недѣль, грозитъ потеря ихъ владѣній. Мы даемъ обѣтъ нѣмцамъ, что послѣ заключенія мира мы и не подумаемъ касаться ихъ домашнихъ дѣлъ и измѣнять ихъ внутренніе распорядки“. Прокламація обѣщала нѣмецкимъ государствамъ, кромѣ того, свободу и независимость, какъ неотъемлемыя, пріобрѣтенныя права народовъ, и возрожденіе единой сильной Германской Имперіи. Таково содержаніе Калишскаго воззванія 25 марта 1813 года. „Ни изъ одного, говоритъ Леманъ, документа, предназначеннаго для опубликованія, не видно, чтобы офиціальная власть такъ пошла навстрѣчу требованіямъ національной идеи, какъ въ этой прокламаціи“.

Еще одно желаніе Штейна осуществилось, а именно была учреждена временная администрація въ занимаемыхъ союзными войсками территоріяхъ. Главная задача этихъ органовъ должна была состоять въ томъ, чтобы наилучшимъ образомъ использовать силы и средства занятыхъ территорій для борьбы съ французами. Коммиссія изъ представителей союзныхъ государствъ, со стороны Россіи—Штейнъ и Нессельроде и со стороны Пруссіи—Гарденбергъ и Шарнгорстъ, выработала основныя положенія организаціи новаго учрежденія, названнаго Центральнымъ Административнымъ Совѣтомъ (Central-Verwaltungs-Rat [1]). Совѣтъ долженъ былъ пользоваться неограниченною властью. О главной его задачѣ мы говорили выше. Имѣлось въ виду не принципіальное упраздненіе существовавшихъ административныхъ органовъ и замѣна ихъ другими временными; къ этому надо было прибѣгнуть только въ крайнихъ случаяхъ. Сфера дѣятельности Совѣта была ограничена одной сѣверной Германіей. Онъ такъ и назывался: „Административный Совѣтъ союзныхъ державъ Сѣверной Германіи". Но такъ какъ Пруссія и Ганноверъ были исключены, то изъ Сѣверной Германіи въ сущности осталось немного. Остальныя земли были раздѣлены на пять областей съ гражданскими и военными губернаторами. Губернаторы должны были заботиться о рекрутскомъ наборѣ и о сборѣ запасовъ. Имѣлось въ виду организовать линейныя войска (Linienheer), ополченіе (Landwehr) и всеобщее вооруженіе (Landsturm). Губернаторы должны были увѣдомить населеніе, что этимъ войскамъ придется защищать Германію отъ непрекращающихся захватовъ французовъ, и что формированіе этихъ войскъ будетъ происходить подъ охраной корпуса союзныхъ армій. Право назначать губернаторовъ и другихъ чиновниковъ принадлежало, по рѣшенію комиссіи, Административному Совѣту. Онъ, кромѣ того, могъ вести переговоры съ отдѣльными нѣмецкими князьями относительно количества войска, которое они согласились бы выставить. Въ Совѣтъ вошли по два представителя отъ каждой союзной державы; Россія была представлена графомъ Кочубеемъ и Штейномъ, Пруссія — Редигеромъ и Шёномъ. Главнымъ распорядителемъ и предсѣдателемъ былъ Штейнъ. Если Совѣтъ выполнилъ часть возложенной на него работы, то это было сдѣлано благодаря инициативѣ Штейна. Изъ пяти губерній, на которыя предполагалось раздѣлить сѣверную Германію, была учреждена только одна, такъ какъ трудно еще было выбить французовъ изъ многихъ пунктовъ сѣверной Германіи. Совершенно избавились отъ французовъ департаментъ Bouches de l'Elbe и Мекленбургъ. Гражданскимъ и временнымъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ русскій дипломатъ графъ Максимъ Алопеусъ,

---

[1]) Протоколъ комиссіи былъ подписанъ 19 марта 1813 года.

бывшій русскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ. Интересно, какъ Штейнъ пытался его склонить занять новый не очень высокій постъ. „При всякихъ другихъ обстоятельствахъ Вы могли бы отъ него отказаться; при настоящемъ же положеніи вещей человѣкъ такого благороднаго характера и въ высокой степени патріотъ, какъ Вы, будетъ руководиться въ своемъ рѣшеніи желаніемъ сдѣлать то, что возможно полнѣе содѣйствуетъ успѣху великой борьбы за свободу и независимость націй: я поэтому убѣжденъ, что Вы займете этотъ постъ".

Административный Совѣтъ въ общемъ не обнаружилъ особенно интенсивной дѣятельности. Французы продвинулись впередъ и сильно ограничили область, которая должна была оказаться подъ властью Совѣта. Австрійскій министръ Меттернихъ не хотѣлъ даже знать о его существованіи [1]). Одинъ изъ членовъ Совѣта, Шёнъ, разочаровался въ его цѣлесообразности и совѣтовалъ упразднить его. Штейнъ съ этимъ не согласился,—онъ находилъ, что нужно только измѣнить его организацію. Благодаря содѣйствію Гарденберга, между Штейномъ и Меттернихомъ начались переговоры, которые сначала не привели ни къ чему. Лишь послѣ Лейпцигской битвы (21 октября 1813 г.), съ согласія пяти союзныхъ державъ: Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Швеціи, былъ учрежденъ Временный Центрально-Административный Департаментъ (Département central d'administration temporaire [2]).

Въ виду того, что Тургеневъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ работахъ этого учрежденія, о послѣднемъ придется немного распространиться. Кромѣ того, интересно остановиться на лицахъ, работавшихъ въ Центральномъ Департаментѣ вмѣстѣ со Штейномъ, такъ какъ они могли оказать въ томъ же отношеніи, какъ и Штейнъ, извѣстное вліяніе на Н. И. Тургенева. Это были, какъ скоро увидимъ, люди съ опредѣленными либеральными взглядами, люди, имѣвшіе за собой извѣстныя заслуги.

Между Административнымъ Совѣтомъ въ мартѣ 1813 года и Центральнымъ Департаментомъ въ октябрѣ 1813 г. громадная разница. Во главѣ послѣдняго стоялъ одинъ Штейнъ, но власть его не была неограниченной. Онъ долженъ былъ дѣйствовать согласно инструкціямъ и рѣшеніямъ Дипломатическаго Совѣта, находящагося въ главной квартирѣ и собиравшагося подъ предсѣдательствомъ Гарденберга. Предложеніе Штейна предоставить предсѣдателю Центральнаго Департамента голосъ въ этомъ Совѣтѣ не прошло. Если сравнимъ мартовское учрежденіе съ октябрьскимъ

---

[1]) Австрія приступила къ русско-прусскому союзу 27 іюня 1813.
[2]) Lehmann, Stein III, 320 и сл.

то увидимъ, что послѣднее относилось къ князьямъ Рейнскаго Союза болѣе снисходительно. Только тѣ территоріи должны были входить въ кругъ вѣдомства Штейна, у которыхъ или не было владѣтеля, или которыя не вошли въ союзъ воевавшихъ съ Наполеономъ государствъ. По смыслу мартовской конвенціи должна была быть учреждена новая администрація, тогда какъ въ октябрѣ оговорено было, что старыя администраціи должны функціонировать и впредь, и только въ экстренныхъ случаяхъ разрѣшалось правленію Центральнаго Департамента назначать своихъ чиновниковъ. Тогда какъ въ мартовской конвенціи говорилось о князьяхъ и народахъ, въ октябрьскомъ соглашеніи слово „народъ" тщательно избѣгалось. Въ предварительномъ проектѣ учрежденіе Центральнаго Департамента, выработанномъ Штейномъ и Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, есть слѣдующее интересное мѣсто: губернаторамъ, назначеннымъ Центральнымъ Департаментомъ, было вмѣнено войти въ тѣсное сношеніе съ органами мѣстнаго самоуправленія (ландтагами), если такіе существовали бы, и вообще побуждать народъ притти на помощь общему дѣлу борьбы за свободу и независимость. Противъ этихъ предложеній выступилъ гнусный реакціонеръ Меттернихъ, непримиримый врагъ „прусскаго якобинца" Штейна. И вмѣстѣ съ слабохарактернымъ австрійскимъ императоромъ-реакціонеромъ, Францомъ I, онъ сильно возставалъ противъ назначенія Штейна предсѣдателемъ Департамента. Но Александръ съ этимъ не согласился и категорически потребовалъ, чтобы именно Штейнъ былъ назначенъ на этотъ постъ [1]).

Нѣмецкіе князья поспѣшили стать на сторону союзныхъ державъ, чтобы сохранить свою независимость. Территорія, которой должны были касаться распоряженія „императора" Штейна, какъ его называютъ нѣкоторые современники, была не велика [2]). Въ нее вошли Саксонія, великія герцогства Бергъ и Франкфуртъ (оба учрежденныя Наполеономъ) и еще нѣсколько маленькихъ владѣній. На Центральный Департаментъ была возложена задача использовать военныя и финансовыя силы этихъ странъ для общаго дѣла. Леманъ называетъ обязанности, возложенныя теперь на Штейна, скромными въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ долженъ былъ дѣлать въ Административномъ Совѣтѣ. Но Штейну все-таки удалось оказать вліяніе въ другомъ отношеніи. Онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ объ учрежденіи военной и финансовой организаціи на территоріяхъ князей Рейнскаго Союза. Центральный Департаментъ долженъ былъ содѣйствовать

---

[1]) Lehmann, Stein III, 322 и сл. Мы и здѣсь слѣдуемъ Леману, который всесторонне и тщательно использовалъ весь матеріалъ относительно Центральнаго Департамента.

[2]) Lehmann, Stein, III, 325; Tourgueneff „La Russie et les Russes", I, 27 и сл.

при формированіи Landsturm'а. Кромѣ того, нѣмецкія государства обязаны были доставлять дѣйствующимъ арміямъ фуражъ натурой за соотвѣтствующее вознагражденіе. Но онѣ должны были вносить свою долю для составленія опредѣленной годовой суммы, предназначавшейся на военныя цѣли. За выполненіемъ этихъ предписаній наблюдалъ Центральный Департаментъ черезъ своихъ агентовъ. Наконецъ, были заведены шесть лазаретныхъ управленій, которыя находились подъ вѣдомствомъ Центральнаго Департамента [1]).

Департаментъ оправдалъ возложенныя на него союзными державами надежды благодаря Штейну и дѣльнымъ его сотрудникамъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть Эйхгорна, совѣтника судебной палаты (каммергерихтсрата), человѣка стойкихъ убѣжденій и такого же патріота, какъ Штейнъ, котораго очень уважалъ. Эйхгорнъ составилъ подробное описаніе дѣятельности Центральнаго Департамента. Интересно читать, какъ Эйхгорнъ раскритиковалъ въ немъ мелкихъ, трусливыхъ и надменныхъ нѣмецкихъ князей, враговъ свободы своихъ подданныхъ. Какъ и Штейнъ, Эйхгорнъ не можетъ равнодушно говорить о нихъ. Леманъ называетъ Эйхгорна однимъ изъ наиболѣе благородныхъ среди сподвижниковъ Штейна. Скажемъ, наконецъ, что съ именемъ Эйхгорна тѣсно связано возникновеніе нѣмецкаго таможеннаго союза [2]). Вторымъ главнымъ сотрудникомъ Штейна является прусскій тайный совѣтникъ Фризе, выдвинувшійся въ эпоху прусскихъ реформъ 1807—08. Онъ былъ ярымъ приверженцемъ теорій Адама Смитта, и, ея придерживаясь, онъ работалъ въ правительственныхъ комиссіяхъ 1807 г., занятыхъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса и реформой административныхъ учрежденій. Въ инструкціи, выработанной имъ для новыхъ палатъ, онъ говоритъ административныхъ — это по словамъ Лемана напоминаетъ отчасти декларацію человѣческихъ правъ, отчасти предисловіе къ изданному впослѣдствіи прусскому своду законовъ (Allgemeins Gesetzbuch für die preussischen Staaten),—что главнымъ принципомъ этихъ палатъ должно быть: „Въ пользованіи своей собственностью, своими гражданскими преимуществами и своей свободой, пока граждане не нарушаютъ закона, не вводить дальнѣйшихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя сочтутъ необходимыми для развитія общаго благосостоянія". Всякому разрѣшается „въ законныхъ рамкахъ возможно болѣе свободное развитіе его индивидуальныхъ наклонностей, способностей и силъ, духовныхъ и физическихъ, и ихъ примѣненіе". Дальше Фризе разсуждаетъ въ духѣ Смита, цитируя его въ нѣскольких мѣстахъ. Общее благо-

---

[1]) Lehmann, l. c. 326—27.
[2]) Lehmann l. c. 330; книжка Эйхгорна „Die Centralverwaltung der Verbündeten unter dem Freiherrn von Stein" Deutschland 1814.

состояніе возможно лишь при свободѣ промышленности. Торговля не нуждается въ особомъ покровительствѣ, не надо только создавать для нея препятствій. Можно опредѣлить мѣста производства каждаго продукта и сколько въ немъ можетъ быть занято рабочихъ рукъ. Прибѣгать къ другимъ мѣрамъ могутъ заставить не экономическія, а ужъ чисто политическія соображенія [1]).

Австрія была представлена въ Центральномъ Департаментѣ гофратомъ графомъ Шпигелемъ послѣ того, какъ знаменитый публицистъ Гентцъ отказался. О Шпигелѣ мы не ничего не знаемъ, кромѣ того, что Меттернихъ далъ о немъ Штейну хорошій отзывъ [2]). Русскими представителями были швейцарецъ Андрей Меріанъ и Н. И. Тургеневъ [3]). Меріанъ происходилъ изъ старой Базельской фамиліи. Отецъ его, одно время бургомистръ города, былъ противникомъ революціонныхъ идей, охватившихъ сосѣднюю съ Франціею Швейцарію. Сынъ его, Андрей, унаслѣдовалъ такое же отрицательное отношеніе къ французской революціи; въ дѣтствѣ уѣхалъ въ Англію, гдѣ и воспитывался. Меріанъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ Австріи, а въ 1812 г. поступилъ въ чинѣ статскаго совѣтника на русскую службу. Неизвѣстный біографъ говоритъ о немъ: „это человѣкъ глубоко образованный, чуткій, обладающій обширными познаніями, въ которомъ кажущаяся сухость обращенія скрываетъ глубокія чувства“ [4]). Ганноверскій уполномоченный Омптода отзывается о немъ въ письмѣ къ министру, Мюнстеру, какъ о человѣкѣ достойномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ главной квартирѣ всѣ были довольны тѣмъ, что его назначили состоять при Штейнѣ [5]).

Выше было сказано, что въ задачи Департамента входила и организація военныхъ силъ нѣмецкихъ провинцій. Для этой цѣли Штейнъ нашелъ прекраснаго сотрудника въ лицѣ прусскаго подполковника Рюле-фонъ-Лиліенштернъ (Rühle von Lilienstern), высокообразованнаго и благороднаго офицера. Лиліенштернъ даже слылъ одно время либераломъ-доктринеромъ. Когда Штейнъ послѣдовалъ за главной квартирой союзныхъ державъ въ Швейцарію и Францію, было учреждено въ Франкфуртѣ особое вѣдомство для Рюле, т. н. General-Commissariat. Интересенъ составъ этого секретаріата: туда входилъ радикалъ Янъ, извѣстный подъ именемъ Turnvater Jahn, который поступилъ въ Люцовскій отрядъ добровольцевъ

---

1) Lehmann, Stein, III, 333; II, 296, 440—42. Біографическихъ свѣдѣній о Фризе нѣтъ; онъ даже не попалъ въ общую нѣмецкую біографію (Allgemeine deutsche Biographie).

2) Lehmann, l. c. 332.

3) Ibid., 333.

4) Aus K. von Nostiz Leben, 1848; біографическая замѣтка о Меріанѣ въ примѣчаніи на стр. 176 и 177.

5) Zur deutschen Geschichte in den Jahren vor dem Befreiungskriege Omptedas Nachlass 2, 212.

(Lützowsches Corps), поэтъ-романтикъ — Максъ-фонъ-Шенкендорфъ и австрійскій капитанъ Фридрихъ Вильгельмъ Мейернъ [1]).

О дѣятельности Шенкендорфа современникъ писалъ: „Штейнъ умѣетъ выбирать себѣ людей; и этотъ—вполнѣ подходящій". Шенкендорфъ много тогда работалъ; между прочимъ, онъ вооружалъ населеніе земель по верхнему Рейну. Кромѣ того, его талантъ использовали въ разныхъ дипломатическихъ порученіяхъ [2]).

Своеобразный интересъ представляетъ жизнь названнаго австрійскаго капитана Фридриха Вильгельма Мейернъ (Meyern). Получивъ юридическое образованіе и сдѣлавъ неудачную попытку поступить въ англійскій флотъ, онъ пошелъ въ артиллерійскіе офицеры въ Австрію. Но одна служба его не удовлетворила, и онъ принялся за литературу.

Есть написанный имъ романъ, озаглавленный по-санскритски Dya-Na-Sore, являющійся будто бы переводомъ съ санскритскаго. Въ немъ описаны мечты молодого благороднаго, мучимаго состояніемъ бездѣлія, человѣка, получившаго строгое воспитаніе и принимающагося въ жизни за все серьезно. Его идеалъ это „герой, отличившійся въ военномъ дѣлѣ, находящійся на службѣ государства, которое стремится осуществить высшую культурную цѣль". Страсть, служащая стимуломъ всего поведенія его героя—патріотизмъ и честолюбіе. Съ художественной стороны романъ не выдерживаетъ критики. Главный интересъ въ романѣ,—стремленіе его героя учредить тайное общество съ цѣлью освободить свое отечество отъ тиранніи враговъ, сдѣлать его могущественнымъ и распространить въ своемъ народѣ гуманные взгляды. Віографъ Мейерна такъ характеризуетъ значеніе романа: „Въ этой книгѣ существеннымъ и оставляющимъ впечатлѣніе это—то удивительное мужество, которое проявляется въ откровенномъ, упрямомъ, не обращающемъ ни на что вниманія сопротивленіи всѣмъ тенденціямъ времени, происходящимъ отъ изнѣженности и мелочности". Мейерну было суждено отчасти осуществить въ жизни то, о чемъ мечтаютъ въ его романѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи австрійскаго ополченія (Landwehr) 1809 г.; что мѣры, принятыя для поднятія боевой способности австрійской арміи, пригодились, показываетъ побѣда австрійцевъ надъ Наполеономъ подъ Асперномъ. Когда же послѣ пораженія Наполеона въ Россіи всѣ угнетенные народы поднялись противъ новаго Цезаря, Мейернъ опять дѣйствуетъ. „Человѣкъ скрытный, необтёсанный, безусловно серьезный, въ особенности годный для выполненія большихъ практическихъ задачъ военной организаціи, человѣкъ котораго всѣ

---

[1]) Lehmann, l. c. 333—34.
[2]) Allgemeine deut. Biographie.

знатные люди, которые съ нимъ близко знакомились, высоко цѣнили, несмотря на то, что отсутствіе въ немъ мягкости, суровая нетребовательность и чудачество не дали ему достигнуть такого мѣста, на которомъ его недюжинныя способности могли бы развернуться наиболѣе полно“ [1]).

Губернаторомъ Саксоніи былъ назначенъ русскій, князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій, по отзыву Штейна, толковый, добродушный человѣкъ, воодушевленный лучшими намѣреніями. Князь былъ представителемъ Россіи при Вестфальскомъ королѣ 1807—1812 г. Теперь онъ принялся за управленіе Саксоніи при помощи дѣльныхъ сотрудниковъ. „Для Саксоніи, этой еще наполовину феодальной области, правленіе русскаго магната, сосредоточившаго здѣсь въ своихъ рукахъ всю центральную власть, сдѣлалось во многихъ отношеніяхъ началомъ новой эры“ [2]).

Администрація Великаго Герцогства Бергъ была подчинена Юстусу Грунеру (Iustus Gruner), непримиримому врагу Наполеона. Грунеръ былъ воспитанникомъ Геттингенскаго университета въ эпоху его расцвѣта. Окончивъ блестяще юридическій факультетъ, онъ посвятилъ себя государственной службѣ въ Пруссіи. Въ самые тяжелые годы Прусскаго государства, послѣ пораженій 1806 и 1807 годовъ, Грунеръ былъ начальникомъ полиціи Берлина, а потомъ завѣдующимъ тайной полиціею и въ этой роли онъ умѣло слѣдилъ за французскими шпіонами, наводнившими тогда Пруссію. Съ прусскими патріотами въ Берлинѣ Грунеръ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Когда состоялась французско-прусская конвенція въ 1812 г., Грунеръ не захотѣлъ больше служить и подалъ въ отставку. Мы его видимъ въ Австріи въ 1812 г. при Штейнѣ. Всѣ мысли его направлены къ возбужденію общаго возстанія угнетеннаго нѣмецкаго народа. Австрійское правительство не терпѣло въ своихъ предѣлахъ такихъ радикаловъ и арестовало Грунера. Но ему удалось бѣжать, и Штейнъ привлекъ его къ сотрудничеству въ своемъ вѣдомствѣ, поручивъ ему постъ губернатора въ Бергѣ. Очень живо характеризуетъ Грунера его біографъ: „Человѣкъ, быстро схватывающій, живого темперамента, горячая голова, старательно и быстро работающій, съ большой природной проницательностью въ сужденіяхъ о людяхъ и ихъ поведеніи“ [3]).

---

[1]) Schönbach, Friedrich Wilhelm Meyern въ Allgemeine deutsche Biographie, т. 21, стр. 643—45. Краткая, но удачно составленая біографія. Ср. еще Lehmann c. I. 334 о дѣятельности Мейерна въ 1809 году.

[2]) Ibid., 334. Кн. Репнинъ - Волконскій былъ военнымъ губернаторомъ Кіева отъ 1815—1836 г Онъ пользовался популярностью.

[3]) Allgemeine deutsche Biographie, m. ; Lehmann, Stein, III, 133, 334 — 5. Декабристъ кн. С. Г. Волконскій сошелся близко съ Грунеромъ во время стоянки въ Дюссельдорфѣ. Грунеръ бесѣдовалъ съ нимъ „объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству“. См. Семевскій. „Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ“, „Русское Богатство“ 1907 г., октябрь, стр. 58.

Слѣдуетъ еще упомянуть дипломата графа Сольмсъ-Лаубаха, которому Штейнъ поручилъ завѣдываніе кредитной частью, лазаретами и Рейнской таможней [1]).

Таковъ былъ составъ сотрудниковъ Штейна; это были выдающіеся въ своемъ родѣ дѣятели, люди свободныхъ взглядовъ, стойкихъ убѣжденій и воодушевленные патріотическимъ чувствомъ и ненавистью къ Наполеону. Леманъ справедливо замѣчаетъ: „Такихъ чиновниковъ бюрократія, вѣроятно, не имѣла и имѣть не будетъ“ [2]).

Посмотримъ теперь, какъ Тургеневъ уживался съ этими интересными сотрудниками и ихъ начальникомъ Штейномъ.

III.

Когда Николай Ивановичъ Тургеневъ вернулся въ началѣ 1812 года изъ-за границы въ Россію, онъ встрѣчалъ по дорогѣ мобилизированные корпуса русскаго войска. Они производили хорошее впечатлѣніе. Но по воодушевленію ихъ нельзя было, однако, сравнить съ французской арміей, въ которой рѣялъ духъ Наполена [3]).

Изъ реформъ, которыя намѣтилъ Александръ I, предвидя столкновеніе съ Наполеономъ и руководясь, главнымъ образомъ, совѣтами Сперанскаго, какъ извѣстно, было проведено преобразованіе Государственнаго Совѣта [4]). Кромѣ этого, сильнѣйшимъ желаніемъ Александра было улучшить состояніе финансовъ, что вполнѣ объясняется тѣмъ, что угрожала вспыхнуть война. Чтобы внести извѣстный порядокъ въ хаотическое состояніе финансовъ и разсмотрѣть различные проекты усиленія и лучшаго управленія источниковъ государственныхъ финансовъ, было учреждено въ министерствѣ финансовъ спеціальное ученое бюро. Членами бюро были стоявшій во главѣ его кроатскій профессоръ Балугянскій, профессоръ Якобъ изъ Галле, который нѣсколько лѣтъ читалъ лекціи въ недавно основанномъ харьковскомъ университетѣ, Николай Тургеневъ въ качествѣ секретаря и въ качествѣ его замѣстителя А. И. Михайловскій-Данилевскій [5]). О дѣятельности Тургенева, какъ секретаря, нѣтъ болѣе точ-

1) Lehmann, Stein III, 334.
2) Ibid., 334.
3) La Russie et les Russes, I, 8.
4) Schiemann, Alexander I., Берлинъ 1904, 75 и сл. 360 и сл.
5) La Russie et les Russes, I, 130; А. И. Михайловскій-Данилевскій. „Записки 1812 года“, „Историческій Вѣстникъ“, т. 42, стр. 131. Изъ формулярнаго списка о службѣ коллежскаго совѣтника Николая Ивановича (Тургеневскій архивъ подъ № 728) мы узнаемъ, что онъ былъ опредѣленъ ученымъ секретаремъ въ 5-ое отдѣленіе канцеляріи министерства финансовъ 21 марта 1812 года. Онъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники 1 января 1810 г.

ныхъ свѣдѣній. Есть только сообщенія въ его мемуарахъ, что онъ не поладилъ со своимъ начальникомъ, который вѣчно работалъ надъ цѣлой массой проектовъ, и „шарлатанство“ котораго ему не понравилось съ самаго начала. Между ними произошло нѣсколько объясненій, которыя министръ финансовъ Гурьевъ пытался прекратить, несмотря на то, что Балугянскій былъ близкимъ совѣтникомъ Гурьева, къ мѣрамъ котораго Тургеневъ всегда относился отрицательно. О второмъ сотрудникѣ, профессорѣ Якобѣ, Тургеневъ отзывается съ уваженіемъ [1]).

Чтобы понять и оцѣнить, почему Тургеневу такъ нравилась служба и сотрудничество у Штейна, мы приводимъ впечатлѣнія его отъ службы въ русскихъ учрежденіяхъ. Изъ дневника Тургенева за 1812 годъ мы узнаемъ болѣе подробно, какъ не понравилась ему работа въ департаментѣ министерства финансовъ: „Каждый день, записываетъ онъ, хожу въ департаментъ; но тамошняя работа мнѣ уже наскучила и налоги опять меня могутъ пріятно занимать“. А недѣли черезъ двѣ, онъ говоритъ, что „отъ работы по службѣ отпала охота, ибо я видѣлъ, что оною мало занимаются, и что я болѣе служу инструментомъ“ [3]). Впечатлѣнія, которыя произвели на него кратковременное пребываніе въ Россіи, были неутѣшительны и безрадостны. „Многое, говоритъ онъ, узналъ я здѣсь; и къ несчастію узнавая, долженъ былъ всегда сожалѣть. Внутренное управленіе государства въ большомъ безпорядкѣ, и всего болѣе безпорядокъ сей замѣтенъ въ Пб... Возвышеніе и паденіе Сперанскаго не доказываетъ“ 1-е порядка, а 2-е сторожности“ [4]).

Тургеневъ былъ, кромѣ того, опредѣленъ въ Комиссію Составленія Законовъ [5]), гдѣ служилъ старшій его братъ Александръ. Николай Ивановичъ участвовалъ въ работахъ спеціальной комиссіи для разсмотрѣнія проекта Коммерческаго уложенія [6]); эта дѣятельность была ему болѣе по

---

[1]) Съ его теоретическимъ трудомъ по политической экономіи онъ основательно познакомился въ Геттингенѣ. „Нѣмецкій профессоръ, говоритъ Тургеневъ, былъ человѣкъ теоріи, науки, и могъ несомнѣнно быть очень полезнымъ благодаря своимъ знаніямъ, если бы знали, какъ ихъ использовать“.

[2]) La Russie et les Russes, I, 130.

[3]) Дневникъ 1812—1813 г. Тургеневскій архивъ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ подъ № 207.

[4]) Дневникъ 1812—1813 г.

[5]) Видно изъ указа Государственному Совѣту 14 января 1816 года, напечатаннаго у Дубровина, „Сборникъ документовъ собственной Е. И. В. Канцеляріи“, т. IV, стр. 222.

[6]) Въ Тургеневскомъ архивѣ сохранилась слѣдующая бумага: „Журналъ комиссіи составленія Законовъ Генв. 11 1815 года. Господинъ управляющій дѣлами комиссіи составленія Законовъ Его Свѣтлость Князь Лопухинъ опредѣлилъ: дабы Совѣтъ комиссіи занялся разсмотрѣніемъ проекта коммерческаго уложенія, составленнаго стат. сов. Вирстомъ, и сдѣланныхъ дѣйств. стат. сов. Львовымъ на оный примѣчаній, также и проекта по сему предмету стат. сов. Бунге, пригласить къ своимъ засѣданіямъ дѣйств. стат. совѣтника Львова и стат. сов. Вирста и Бунге, а для веденія журнала совѣта и для редакціи вообще употребить пом. начальника отд. Гос. Экономіи Тургенева“.

душѣ. 13 іюля 1813 года онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: „Нынѣшнюю недѣлю я очень былъ занятъ ком. уложеніемъ: пріятное занятіе“. Вотъ и все, что мы знаемъ о дѣятельности Тургенева въ Комиссіи Составленія Законовъ. О князѣ Лопухинѣ, главно-управляющемъ дѣлами Комиссіи онъ ни разу не упоминаетъ въ дневникѣ. Но за то мы тамъ читаемъ весьма рѣзкій отзывъ о другомъ ея членѣ, Розенкампфѣ, составившему извѣстный доносъ на Сперанскаго: „Rosenkampf“ долженъ быть преподлое... попоенное въ особенности въ послѣднее время, твореніе. Я у него былъ und er ist mir zum Ekel geworden (онъ сталъ мнѣ противенъ“ [1]).

Про недовольство Тургенева петербургскою жизнью мы уже вкратцѣ упомянули въ другомъ мѣстѣ [2]). Мысль навсегда оставить Россію является у него не разъ. Онъ желалъ бы посѣтить Англію и, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, тамъ и поселиться: „Теперь у меня планы на Англію, и эти мысли—хотя и очень похожія на пустыя мечтанія—занимаютъ меня“. Единственное удовольствіе доставляетъ Тургеневу передѣлки и исправленія сочиненія о налогахъ; въ этомъ онъ часто признается въ дневникѣ. Изъ вышеприведенной замѣтки видно, что уже начиная съ мая 1812 г. онъ былъ занятъ этой работой. Въ началѣ іюня онъ опять принимается за налоги, „которые можно кое-какъ кончить и показать даже, въ случаѣ нужды, свѣту“. Черезъ годъ послѣ этого Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ, что еще пріятнѣе, чѣмъ занятія въ Комиссіи Составленія Законовъ, было для него пересматриваніе переписанныхъ листовъ его сочиненія. Онъ называетъ это разнообразіемъ въ петербургской скукѣ. Въ концѣ августа 1813 г. онъ преподнесъ „прекрасно переплетенные листы“ о налогахъ министру Гурьеву, который обѣщалъ ихъ прочесть. Тургеневъ жалѣетъ только, что не написалъ къ нимъ „маленькаго предисловія“. Небезынтересенъ отзывъ самого Николая Ивановича о книгѣ, надъ которой онъ трудился съ большимъ наслажденіемъ больше двухъ лѣтъ. „Съ нею (книгой о налогахъ), отмѣчаетъ онъ 31 августа 1813 г., связаны неразлучно всѣ счастливыя минуты, коими я наслаждался въ свободѣ и независимости. Daran hängen alle die Freuden meines Lebens, des unabhängigen und freien“.

Въ то время, какъ Тургеневъ, неудовлетворенный, служилъ въ министерствѣ и работалъ надъ любимой темой о налогахъ, въ Теплицѣ, въ главной квартирѣ союзныхъ государствъ, въ сентябрѣ 1813 года, Александръ I опредѣлилъ его на постъ русскаго комиссара въ Центральномъ Административномъ Департаментѣ [3]) Учрежденіе послѣдняго было въ прин-

---

[1]) Дневникъ 1812—13 г.
[2]) „Минувшіе Годы“, Май-Іюнь.
[3]) Zur deutschen Geschichte im Jahrzehnt vor dem Befreiungskriege, Omptedas Nachlass 2, 212; La Russie et les Russes, I, 22 и сл., Остафьевскій архивъ кн. Вяземскаго I, ст. 16.

ціи рѣшено 25 сентября 1813 г., хотя фактически онъ началъ функціонировать съ 21 октября 1813 года. Какъ объяснить привлеченіе молодого 24 лѣтняго Тургенева, недавно окончившаго университетъ и еще ничѣмъ себя не проявившаго на государственной службѣ, къ участію въ такомъ отвѣтственномъ учрежденіи, къ многосторонней дѣятельности въ чужой странѣ при своеобразной обстановкѣ? Можетъ быть, что именно его пребываніе въ Геттингенѣ помогло здѣсь, ибо нужны были чиновники, знакомые съ Германіею, съ нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой жизнью. Это одно не могло, однако, быть рѣшающимъ моментомъ въ выборѣ Тургенева. Мы видѣли, какихъ прекрасныхъ сотрудниковъ выбралъ себѣ баронъ Штейнъ, и онъ не могъ бы остановиться на Тургеневѣ, если бы не былъ съ нимъ лично хорошо знакомъ или если бы Тургенева не рекомендовали ему настоятельно другія лица, знавшія и оцѣнившія способности Николая Ивановича.

У Лемана вопросъ этотъ не выясненъ. Ссылаясь на письмо Штейна къ Императору Александру 25 сентября 1813 года, онъ говоритъ, что тотъ просилъ у Государя назначить Тургенева [1]) состоять при немъ. Мы не находимъ никакихъ извѣстій о томъ, познакомился ли Штейнъ съ Тургеневымъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1812 году, такъ что мы должны полагать, что Тургеневъ былъ отрекомендованъ Штейну лицомъ близко его знающимъ, а такимъ является извѣстный намъ товарищъ по Геттингенскому университету Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, находившійся тогда въ главной квартирѣ союзныхъ державъ въ свитѣ Александра. Кромѣ того, мы знаемъ, что Штейнъ познакомился съ братомъ Николая Ивановича, Александромъ, въ 1812 г. въ Петербургѣ, и очень возможно, что тотъ обратилъ вниманіе Штейна на своего брата [2]). Въ біографическомъ очеркѣ о Михайловскомъ-Данилевскомъ, вѣроятно, на основаніи дневника Данилевскаго, Шильдеръ говоритъ, что Штейнъ выписалъ Тургенева къ себѣ изъ Петербурга по просьбѣ Данилевскаго [3]). Въ Тургеневскомъ архивѣ сохранилось письмо Михайловскаго-Данилевскаго къ Тургеневу изъ Теплица отъ 18/30 сентября 1813 г., изъ котораго мы узнаемъ слѣдующія любопытныя подробности относительно новаго назначенія Тургенева.

1. „Спѣшу извѣстить васъ, пишетъ Данилевскій, любезный другъ Николай Ивановичъ, что Stein докладывалъ Государю объ опредѣленіи васъ на время къ нему, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе съ симъ, что-

---

[1]) Freiherr vom Stein, III, 322; 333 Anmerkung 1; см. еще Pertz, Leben Steins, VI, 1, 268; VI, 2, 707.

[2]) См. письмо Штейна къ Гнейзенау, 30 апрѣля 1829 г. у Pertz'a „Leben Steins“, 6, II, 707.

[3]) Русская Старина, т. 71, стр. 528.

бы вы сохранили ваши мѣста и получили бы деньги для проѣзда въ Главную Квартиру. 2. Stein далъ мнѣ два письма—одно къ Д. А. Гурьеву, а другое къ Александру Ивановичу, которыя заключаютъ подробное извѣщеніе о вашемъ новомъ мѣстѣ. Для вѣрности отправилъ я оныя вчера съ отъѣзжающимъ отсюда въ Петербургъ Полковникомъ Генеральнаго Штаба Федоромъ Яковлевичемъ Eichen... 3. Государь велѣлъ изготовить Нессельроде отношенія къ вашему начальству объ отпускѣ васъ въ армію и о выдачѣ вамъ прогонныхъ денегъ [1]). Булгаковъ и Бутягинъ взялись эти отношенія скорѣй окончить, но по сихъ поръ не отсылаютъ; эти дипломаты сущая дрянь, гроша не стоятъ. Я ихъ поминутно понукаю; пока обѣщаютъ скорѣе отправить ихъ въ Петербургъ. Если бы я вамъ описывалъ все то, что я почувствовалъ, когда Штейнъ объявилъ мнѣ пріятнѣйшую вѣсть, то это значило бы повторять вамъ тѣ чувствованія, въ коихъ вы увѣрены, и кои вы знаете. Мы будемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ будемъ раздѣлять радости и непріятности и вмѣстѣ, вѣроятно, увидимъ мѣста нашего счастія, нашего перерожденія". (Здѣсь говорится о Геттингенѣ).

Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ 15 октября 1813 года: „Любимому своему А. Ив. Данилевскому много я обязанъ; и тѣмъ болѣе чувствую сіе, что еще никогда не удавалось съ моей стороны услужить ему". Что эта замѣтка относится къ назначенію Тургенева состоять при Штейнѣ, видно изъ предыдущихъ словъ въ дневникѣ: „вотъ уже съ недѣлю какъ я собираюсь въ свою дорогу. Б. St. (баронъ Штейнъ) сдержалъ свое слово, и я бы въ полной мѣрѣ радовался бы сей побѣдѣ, если бы не думалъ, что я нѣкоторымъ образомъ перебиваю теперешнее мое мѣсто". Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду слово, данное Штейномъ Михайловскому-Данилевскому или брату Николая Ивановича, Александру [2]).

---

[1]) Изъ офиціальнаго письма Нессельроде Гурьеву (18 сент. 1839), помѣщеннаго въ Тургеневскомъ архивѣ, мы заимствуемъ слѣдующее: „Государь Имп. Вые указалъ состоящаго въ Департаментѣ Вашего Высокопревосходительства колл. ассессора Тургенева опредѣлить для временнаго служенія въ министерство барону Штейну, съ сохраненіемъ получаемаго имъ нынѣ жалованья. Его Импер. Вел. угодно, чтобы Ваше Высокопревосходительство благоволили предписать г-ну Тургеневу отправиться къ министру Штейну и снабдить его проѣздною дачею"...

[2]) О томъ, что Штейнъ былъ весьма расположенъ къ Тургеневу, мы читаемъ въ письмѣ К. Я. Булгакова къ своему брату отъ 25 ноября: Николай Тургеневъ еще не прибылъ; его ждутъ каждый день. Я говорилъ о немъ Штейну, который весьма благосклонно къ нему относится (qui est déja très favorablement prévenu sur son compte"). Кромѣ того, Тургеневъ привезъ Штейну письмо отъ С. С. Уварова, въ которомъ тотъ очень тепло рекомендуетъ Штейну Николая Ивановича: „Тургеневъ, который вамъ вручитъ это письмо, есть молодой человѣкъ основательнаго ума и прекраснаго характера. Я надѣюсь, что онъ вамъ понравится" Pertz, Stein, III. Если вспомнимъ, какъ близко сошелся Штейнъ въ 1812 году съ Уваровымъ, то поймемъ, какъ полезна была для Тургенева такая рекомендація [1]).

Въ двадцатыхъ числахъ октября Тургеневъ уѣхалъ изъ Петербурга, а 28 ноября прибылъ въ Лейпцигъ. Новый губернаторъ Саксоніи, князь Репнинъ, удержалъ его у себя до 30-го [1]). Братьямъ Тургеневъ сообщаетъ, что Репнинъ задержалъ его для того, чтобы передать ему нѣкоторыя бумаги для главной квартиры. Репнинъ, нуждаясь очень въ русскомъ секретарѣ, предложилъ Тургеневу остаться у него и говорилъ ему, „что онъ соглашался съ Штейномъ о томъ". Отъ другихъ лицъ Тургеневъ, однако, узналъ въ Лейпцигѣ, что онъ долженъ ѣхать къ Штейну. Онъ и не имѣлъ большой охоты служить подъ начальствомъ Репнина, „ибо дѣла у него много и дѣла хлопотливыя, а при немъ никого нѣтъ". У Штейна, какъ полагалъ Репнинъ, было меньше дѣла [2]).

Несмотря на то, что ждали его пріѣзда въ главной квартирѣ, находившейся тогда въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Тургеневъ спѣшилъ сперва въ Геттингенъ, чтобы пробыть пару дней въ дорогомъ для него мѣстѣ. Онъ никогда не могъ съ хладнокровіемъ вспоминать про геттингенскіе годы, и вполнѣ естественны чувства, овладѣвшія имъ при въѣздѣ въ Геттингенъ и во время трехдневнаго въ немъ пребыванія. Запись эта интересна еще потому, что Тургеневъ еще разъ кратко подводитъ итоги геттингенскимъ вліяніямъ. Если нельзя было удержаться отъ улыбки читая длинное прощальное слово Тургенева, написанное за нѣсколько дней до его отъѣзда изъ Геттингена, если оно могло бы намъ казаться напыщеннымъ, то приводимыя ниже слова Тургенева заслуживаютъ большого вниманія. Онъ успѣлъ познакомиться съ дѣйствительностью русской жизни, съ неинтересной чиновничьей дѣятельностью, и тѣмъ глубже могъ цѣнить прелести геттингентскихъ годовъ. Въ его дневникѣ мы читаемъ [3]): „...Я въ Геттингенѣ. Едва вѣрилъ я глазамъ своимъ, смотря на Бенеке, Геерена и проч. Приближаясь третьяго дня въ вечеру къ городу, чувствовалъ я что-то непонятное. Сердце у меня дрожало и содрагалось. Сколько, думалъ я, послѣдовало перемѣнъ со мною и съ моими друзьями съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда выѣхалъ. Сколько изъ нихъ не существуютъ уже болѣе, какъ я самъ перемѣнился! Всѣ мы бывшіе здѣсь, здѣсь были счастливы, не зная мѣста, не имѣя опытности въ обращеніи съ людьми и въ знаніи людей— можно ли же было хладнокровно приближаться къ мѣсту, которое, какъ

[1]) Perz, Stein, III, 474 и 589, примѣчаніе.
Письмо Уварова 20 октября 1813 года.
Офиціальное сообщеніе министра финансовъ Гурьева Штейну о командировкѣ къ нему Тургенева поступило тоже 20 октября 1813 года.
[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Оглавленіе: „Моимъ перомъ да пишется правда и законъ".
[2]) Лейпцигъ 15/29 ноября 1813 г. Тургеневскій архивъ.
[3]) Подъ датой 4 декабря 1813 года.

нѣкій уцѣлѣвшій рай, напоминалъ наше счастье, нашу свободу. Такъ долго могъ я бы прожить здѣсь и жить одними только воспоминаніями. О Геттингенъ, Геттингенъ! Если бы я здѣсь не бывалъ, то не чувствовалъ бы многаго. Пріѣхавши въ Корону, нашелъ я тутъ Бенеке, Рау и курляндцевъ. Бенеке сталси (?) кажется еще добрѣе или это отъ того мнѣ только показалось, что я теперь болѣе чувствую цѣну его качествъ: опытность въ обращеніи съ людьми недобрыми научила меня...

По утру былъ съ Б. въ библіотекѣ... у Сирторіуса!.. Тысячи воспоминаній представились моему воображенію. Былъ у Герена.—Новыя пріятныя воспоминанія. Слушая его лекцію, я воспоминалъ, какъ умъ мой постепенно образовался лекціями геттингенскихъ профессоровъ, какъ свѣдѣнія мои ежедневно разростались и какъ сужденіе мое направлялось мало-помалу къ одной точкѣ, въ которой обнималъ я все слышанное и узнаемое мною—все это живо представляется теперь моему воображенію—вотъ жизнь! Ежедневно чувствовалъ свое усовершенствованіе: жить въ истинномъ значеніи сего слова..." [1])

5-го декабря Тургеневъ прибылъ во Франкфуртъ и скоро явился къ Штейну, который его ласково принялъ и вручилъ для прочтенія нѣсколько бумагъ. О дѣятельности Штейна и о его сотрудникахъ Тургеневъ въ первые же дни записалъ слѣдующее:

„Работающіе у него, въ канцеляріи ласковы и обходительны. Отъ австрійскаго двора опредѣленъ къ нему камергеръ Bar. v. Spiegel. Кромѣ его, работаютъ у него три пруссака: St. Rat Friese, Kamer. Eichhorn и Major Rühl. По утрамъ они докладываютъ по вошедшимъ бумагамъ, и Штейнъ даетъ резолюціи скоро и умно. Множество ходитъ по утрамъ къ нему—принцы, генералы, депутаты". Новая атмосфера дѣйствуетъ на него ободряюще, и онъ приходитъ къ тому, что „видя вообще у кого въ рукахъ дѣла находятся, будешь и себя самого почитать къ чему-нибудь способнымъ" [2]).

Посмотримъ, какъ жилось Тургеневу въ новыхъ условіяхъ.

IV.

Съ прибытіемъ Н. И. Тургенева въ Франкфуртъ 7-го декабря 1813 года началась для него новая и—въ чемъ намъ придется часто убѣждаться на основаніи его дневника и переписки съ братьями и знакомыми—интересная жизнь. Самое главное—онъ былъ больше года въ постоянныхъ личныхъ

---

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. 4 декабря 1813 года.
[2]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Франкфуртъ-на-Майнѣ

сношеніяхъ съ уважаемымъ и любимымъ имъ начальникомъ, барономъ Штейномъ, который съ самаго начала пригласилъ Николая Ивановича ежедневно съ нимъ обѣдать. Еще болѣе способствовало тѣсному сближенію его съ Штейномъ то, что ему, какъ секретарю, было поручено вести всю переписку Штейна. Отношеніе къ нему послѣдняго съ первыхъ минутъ было самое дружеское, благодаря отзывамъ въ письмахъ С. С. Уварова и А. И. Тургенева. Какъ прочіе чиновники департамента, и Тургеневъ получалъ пять талеровъ въ день, за это онъ счелъ нужнымъ благодарить Штейна, который нашелъ, что столько ему и слѣдуетъ. „Вообще, писалъ Николай Ивановичъ брату Александру, я не могу довольно нахвалиться своимъ теперешнимъ начальствомъ, и симъ я обязанъ, конечно, не самому себѣ, но вамъ и вашимъ пріятелямъ, въ особенности, думаю, Сергѣю Семеновичу (Уварову), которому прошу засвидѣтельствовать мое истинное почтеніе“ [1]).

Въ первые дни Тургеневъ былъ очень занятъ. Къ тому главную квартиру перенесли изъ Франкфурта въ Карлсруэ, затѣмъ изъ Карлсруэ въ Фрейбургъ, а изъ Фрейбурга въ Базель [2]). Насъ не столько интересуютъ внѣшнія событія въ жизни Тургенева за это время, сколько его разговоры съ Штейномъ и, быть можетъ, ими же навѣянныя размышленія Тургенева, отношеніе его къ окружающимъ, его взгляды на положеніе дѣлъ во Франціи, прочитанныя имъ книги, и мнѣнія о нихъ, словомъ, мы останавливаемся на тѣхъ мѣстахъ его дневника и переписки, которыя указываютъ, что, на нашъ взглядъ, способствовало его умственному развитію, ближайшему ознакомленію съ государственными и соціальными проблемами и выработкѣ его взглядовъ на необходимыя въ Россіи реформы.

Далеко не во всемъ онъ копировалъ Штейна. Не въ томъ выражается вліяніе барона на Тургенева, что послѣдній слѣпо, безъ критики, принималъ слова Штейна за неоспоримыя истины, а въ томъ несомнѣнно сильномъ толчкѣ, который дали мыслямъ Николая Ивановича бесѣды со Штейномъ. Это онъ направилъ вниманіе Тургенева на центральную проблему:—необходимость преобразовать государственный организмъ Россіи, возбудивъ въ немъ жажду самоотверженно работать въ этомъ направленіи.

Съ перваго момента Штейнъ произвелъ на Тургенева сильное впечатлѣніе. Тургеневъ называетъ его „весьма умнымъ человѣкомъ“. „Stein есть источникъ управленія Германіи и завоеванныхъ провинцій“.

21 декабря вечеромъ въ Фрейбургѣ произошла между ними продолжительная бесѣда о Россіи. Любопытныя подробности приводитъ Тургеневъ

---

[1]) 12 декабря 1813 г. Тургеневскій архивъ № 1204. Письма Н. И. Тургенева къ А. И. Тургеневу за 1813—1816 г. Рукописное отдѣленіе библіотеки академіи наукъ.

[2]) Дневникъ 1813 и 14 г., Lehmann, Stein III, 342, 351.

въ дневникѣ: „За столомъ много разговаривали. Говоря о бумажныхъ деньгахъ, дошли и до Россіи. Stein весьма умный человѣкъ, и я съ любопытствомъ слышалъ, какъ такой человѣкъ разсуждаетъ о Россіи, хотя онъ и самъ говоритъ, что, не зная языка, онъ не можетъ имѣть много понятія о Россіи. Онъ говорилъ, что надобно удержать или возстановить все національное, даже русскіе костюмы и бороды, и что надобно отвращать вліяніе иностраннаго, иностранной литературы и проч., что по-французски русскимъ совсѣмъ пока не надо учиться, развѣ только по-англійски и нѣмецки по причинѣ торговыхъ сношеній съ Англіею и сосѣдства съ Германіею [1]). По сему ему весьма не нравится, что въ Сибири читаютъ Дельфину [2]) въ русскомъ переводѣ; говорили о Сперанскомъ. Stein утверждаетъ, что онъ сдѣлалъ хорошаго во-1, что умножилъ доходы, хотя и согласился съ мною, что die Abgaben waren schlecht gewählt и 2-е, что прекратилъ выпуски ассигнацій. Я, отдавая справедливость Сперанскому относительно его доброй воли, утверждалъ, что Сперанскій невѣдѣніемъ своимъ финансовъ, и охотою къ перемѣнамъ сдѣлалъ много вреда, и что удаленіе его полезно для Россіи. Онъ утверждалъ сему противное, говоритъ, что теперь, для веденія дѣлъ по внутренной части, Сперанскій былъ бы полезенъ въ главной квартирѣ. Какъ трудно судить о Россіи, думалъ я, даже и умнымъ людямъ!

У Штейна Тургеневъ познакомился съ кн. Гарденбергомъ, прусскимъ государственнымъ канцлеромъ, одно время горячо поддерживавшимъ Штейна

[1]) Delphine, извѣстный въ свое время романъ m-me de Staël, появился въ 1803 году.

[2]) Такіе же взгляды Штейнъ записалъ въ 1811 г. въ Прагѣ. Мы считаемъ интереснымъ привести ихъ здѣсь въ виду того, что здѣсь они полно и опредѣленно выражены. Штейнъ говоритъ слѣдующее:

„Необходимо было перенести въ Россію общеполезныя европейскія знанія и учрежденія, чтобы нація могла пользоваться всѣми преимуществами, связанными съ научнымъ образованіемъ и соотвѣтствующей уровню развитія народа конституціи, но Россія могла бы сохранить свои исконные нравы, образъ жизни, одежду и т. д., а не портить и не схоронить въ этомъ отношеніи національное-русское. Не было никакой необходимости во французскомъ покроѣ, блюдахъ, ни въ какомъ иностранномъ бонтонѣ для разговоровъ въ обществѣ, она могла лишь устранить все грубое изъ своего языка, не жертвуя никакими его особенностями. Положеніе ихъ столицы, примѣръ правителей, природная склонность націи къ подражанію и отсутствіе у нихъ самостоятельности способствовали развитію потребности приноравливаться къ обычаямъ за границы, и изъ всѣхъ европейскихъ націй они выбрали себѣ за образецъ самую разслабленную, самую испорченную, французскую. Ея языкъ, господствующій въ ея обществѣ тонъ, ея литература, ея воспитаніе сдѣлались наиболѣе распространенными въ высшихъ классахъ Россіи, и все это имѣло самые вредныя послѣдствія въ области національной нравственности и образованія. Правда, есть еще время ослабить распространеніе этихъ иноземныхъ нравовъ и нѣсколько измѣнить направленіе этого движенія: 1) Можно было бы снова ввести очень удобный національный костюмъ, кафтанъ, 2) Дворъ долженъ былъ бы пребывать большую часть года въ Москвѣ, 3) Должны быть затруднены сношенія русскихъ подданныхъ съ иностранными послами". Pertz, Leben Steins II, 467—68.

въ реформаторской его дѣятельности. Послѣ вторичной отставки Штейна Гарденбергъ продолжалъ дѣло реформы, хотя не всегда въ томъ же направленіи. Они во многомъ расходились; Гарденбергъ былъ, чтобы указать на главное, централистомъ на манеръ Наполеона, тогда какъ Штейнъ стоялъ за децентрализацію администраціи и укрѣпленіе мѣстнаго самоуправленія. Штейнъ предпочелъ работать на поприщѣ внутренняго государственнаго управленія и однимъ разъ отклонилъ предложеніе Фридриха Вильгельма занять постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Гарденбергъ былъ настоящій дипломатъ. Характеръ Штейна болѣе прямой, откровенный и рѣзкій, Гарденбергъ—человѣкъ, способный на компромиссы. Но послушаемъ, какъ о нихъ отзывается молодой Тургеневъ. Среди гостей присутствовавшихъ на одномъ обѣдѣ у Штейна „Гарденбергъ его болѣе всѣхъ интересовалъ“. Онъ „увидѣлъ въ немъ человѣка съ выгодною наружностью, но не нашелъ ничего необыкновеннаго, чего ожидалъ я въ первомъ человѣкѣ прусской монархіи. Съ St. никого изъ нихъ сравнивать нельзя. Превосходство бросается въ глаза“. Тутъ же онъ продолжаетъ о Штейнѣ: „Весьма мнѣ нравится въ St. то, dass er gar keine ministerielle Gesichter schneidet, т. е. не дѣлаетъ глазокъ, не морщится безъ нужды, такъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши министры, хотящіе замѣнить умъ умничаньемъ, также, что безъ нужды не вздыхаетъ... Откровенность St. также мнѣ нравится тѣмъ болѣе (какъ я замѣчаю), что это согласно и съ собственнымъ моимъ характеромъ. Я замѣтилъ, что я не способенъ ни къ малѣйшей принужденности, и если я иногда приму на себя видъ, несогласный съ моими чувствованіями, то въ таковомъ состояніи не могу остаться долго, и смѣюсь внутренно надъ собою“.

Свое мнѣніе о Гарденбергѣ Тургеневъ потомъ въ извѣстной мѣрѣ перемѣнилъ: „Онъ (Гарденбергъ), кажется, человѣкъ очень добрый и понравился мнѣ откровенностью и простотою. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что онъ, für seine Person, держитъ сторону норвежцевъ. Министръ никогда бы не осмѣлился сказать это при многихъ, хоть и былъ бы увѣренъ въ справедливости мнѣнія. Я, какъ прежде, ничего быстраго и особенно возвышеннаго въ Гарденбергѣ не замѣтилъ. Но я думаю, что доброта и честность и благонамѣренность суть первыя качества государственнаго человѣка“ [1]).

Но вернемся къ Тургеневу. Въ приведенной характеристикѣ Штейна Тургеневъ указываетъ не безъ основанія на откровенность, присущую ему самому въ той же мѣрѣ. Кто знакомъ съ жизнью Николая Ивановича, тотъ неоднократно имѣлъ случай въ этомъ убѣждаться.

---

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Эти слова Тургеневъ записалъ въ іюнѣ 1814 г. во Франкфуртѣ.

Въ концѣ декабря 1813 года арміи союзныхъ державъ двинулись во Францію, чтобы перенести войну на французскую территорію. Главная армія заняла на югѣ Franche Comté и Эльзасъ, силезская армія—Пфальцъ, лежащій на лѣвомъ берегу Рейна, а направо отъ нея двинулась къ Бельгійской границѣ армія генерала Бюлова. Такимъ образомъ росла территорія, бывшая сферой дѣятельности Центральнаго Административнаго Департамента. Штейнъ учредилъ сразу четыре генералъ-департамента (т. е. губерніи),—три (Верхній, Средній и Нижній Рейнъ) изъ земель прежняго нѣмецкаго государства, а одинъ департаментъ изъ территоріи прежней Швейцаріи и французскихъ провинцій, занятыхъ главной арміею. Дѣятельность Центральной Администраціи ограничилась взиманіемъ налоговъ, распоряженіями о необходимыхъ поставкахъ и управленіемъ полиціей, а предполагавшійся наборъ рекрутовъ не состоялся [1]). Съ дальнѣйшей оккупаціей союзными арміями французскихъ провинціи число департаментовъ Центральной Администраціи возрастало [2]). Въ Базелѣ, куда прибыла главная квартира въ началѣ января 1814 года, Тургеневъ записалъ въ дневникѣ: „Сегодня у Stein'а какъ изъ рукава посыпались генералъ-губернаторы для сей части освобожденной Европы". А Штейнъ писалъ нѣсколько позже своей женѣ: „Я образую теперь во Франціи правительства вопреки волѣ Наполеона, его предписанію, его полиціи и его штыкамъ" [3]).

Въ союзныхъ арміяхъ чувствовалось повышенное настроеніе. Особенно сильно было желаніе скорѣе побѣдить Наполеона и очутиться въ Парижѣ въ главномъ штабѣ силезской арміи. Нетерпѣливый старый генералъ Блюхеръ выпустилъ пламенную прокламацію къ своей арміи при переходѣ черезъ Рейнъ. Николай Ивановичъ восхищался ею. „Письмо Гнейзенау (начальника главнаго штаба силезской арміи), которое я сегодня переводилъ съ нѣмецкаго на французскій писано en maitre. Если мы,—говоритъ онъ не будемъ въ Парижѣ, то la vengeance et triomphe neseraient qu'incomplets—месть и тріумфъ не будутъ полными. Правда! Правда! Всѣ этого желаютъ и основательно" [4]).

Среди спеціальныхъ заботъ по дѣламъ Центральной Администраціи Штейнъ ни на минуту не забылъ о Германіи, освобожденной отъ Наполеона,

---

[1]) Lehmann, Stein, 352—353.

[2]) Изъ отчета Н. И. Тургенева о дѣятельности Центральнаго Департамента (два списка имѣются въ Тургеневскомъ архивѣ подъ № 1095) видно, что въ общемъ были учреждены 17 губерній: 10 австрійскихъ, 4 прусскихъ и 3 русскихъ. Послѣдними были Gouvernement de la Saxe (Саксонія) подъ управленіемъ кн. Репнина-Волконскаго, Gouvernement du Mi Rhin (Средній Рейнъ) подъ управленіемъ статскаго совѣтника Грунера и Gouvernement de la Lorraine et du Barras подъ управленіемъ М. Алопеуса.

[3]) „Lehmann, Stein III, 353: „Ich richte jetzt Regierungen in Frankreichein, trotz Napoleons, seines Achtbefehls Seiner Polizei und seiner Bajonette".

[4]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Базель, 4 января 1814 г.

объ обновленіи и преобразованіи ея политическаго строя. Казалось бы, на первый взглядъ, что это имѣетъ мало общаго съ нашей темой. Надо, однако, принять во вниманіе, что Штейнъ затрогивалъ тогда въ своихъ запискахъ о будущемъ политическомъ строѣ Германіи общія политическія и соціальныя требованія, что онъ дѣлился съ Тургеневымъ своими мыслями и что тотъ въ качествѣ генералъ-секретаря [1]), вѣроятно, переписывалъ записки Штейна. Это соображеніе оправдываетъ въ нашихъ глазахъ то, что мы останавливаемся на запискахъ Штейна послѣднихъ мѣсяцевъ 1813 года.

Отчасти подъ вліяніемъ общихъ политическихъ условій, — отчасти благодаря бесѣдамъ съ Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ и бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Штейнъ оставилъ свои мечты—возстановить старую нѣмецкую имперію съ австрійскимъ императоромъ во главѣ и съ рейхстагомъ въ Регенсбургѣ и согласился съ Гумбольдтомъ, что желательно преобразовать Германію въ союзъ государствъ („Staatenbund", „Staatenverein") подъ главенствомъ Австріи и Пруссіи. Онѣ однѣ должны пользоваться правомъ вести войну и заключать міръ. Для веденія общихъ дѣлъ: завѣдыванія пошлиной, почтой, монетой, обороной, для изданія обязательныхъ для всѣхъ отдѣльныхъ государствъ правилъ о полиціи безопасности и для контроля надъ военными силами долженъ быть учрежденъ Союзный выборный комитетъ („Bundesausschuss" или „Directorium"). Но главное вниманіе обращаетъ Штейнъ на политическія преобразованія въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Ландтаги необходимо созывать регулярно; они должны участвовать въ законодательной дѣятельности, утверждать налоги, даже взимать всѣ подати и распоряжаться этими деньгами по своему усмотрѣнію. Особый актъ, своего рода Habeas corpus, долженъ гарантировать жителямъ личную свободу, право жительства и свободнаго выбора рода занятій во всей Германіи. Князь не въ правѣ взимать другіе налоги, кромѣ утвержденныхъ ландтагомъ. Онъ такъ же не въ правѣ покушаться на частную собственность и собственность корпорацій. „Огражденіе чести, жизни, принадлежащія каждому сословію особыя права должны остаться нерушимыми; надъ жизнью и смертью граждань властенъ только судья, которому это подвѣдомственно". Цѣлый рядъ постановленій касается судебнаго дѣла. Гласное судопроизводство явится гарантіею независимости судебныхъ палатъ; судьи могутъ быть смѣняемы только на основаніи судебнаго приговора. Штейнъ указалъ, наконецъ, на необходимость введенія института присяжныхъ засѣдателей [2]).

---

[1]) Въ письмѣ къ брату Александру онъ говоритъ: „Не знаю, какимъ генералъ-секретаремъ меня называетъ Штейнъ".

[2]) Lehmann, Stein III, 345—348.

Эти элементарные принципы неприкосновенности личности и огражденія судовъ отъ произвола администраціи высказывались нѣсколько лѣтъ спустя Н. И. Тургеневымъ, и мы имѣемъ основаніе полагать, что въ этомъ смыслѣ повліялъ на него Штейнъ. Сношенія со Штейномъ были для него какъ бы продолженіемъ геттингенскихъ занятій. Если послѣднія подготовили его къ пониманію политическихъ и соціальныхъ отношеній и дали глубокое знаніе теорій о правѣ, политикѣ и хозяйствѣ, то знакомство съ крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, обладавшимъ уже богатымъ опытомъ, являлось для него, только что выступившаго на поприще государственной службы, извѣстнымъ дополненіемъ въ высшей степени важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Если Тургеневъ такъ хорошо зналъ сущность прусскихъ реформъ и придавалъ имъ такое большое значеніе, то само собой понятно, что лишь самъ иниціаторъ ихъ, Штейнъ, могъ лучше всего познакомить съ ними Тургенева. Излюбленной темой ихъ разговоровъ была аграрная реформа, особенно, вопросъ объ освобожденіи русскихъ крѣпостныхъ. То, что Тургеневъ воспринялъ въ дѣтствѣ и къ чему онъ сталъ вполнѣ сознательно относиться благодаря геттингенскимъ занятіямъ, стало обнаруживаться въ ясной и опредѣленной формѣ въ бесѣдахъ со Штейномъ. На извѣстнаго поборника освобожденія русскихъ крѣпостныхъ еще болѣе извѣстный его учитель оказывалъ глубокое вліяніе въ теченіе долгаго времени. Этимъ мы не хотимъ сказать, что Тургеневъ былъ согласенъ съ тѣми практическими предложеніями для рѣшенія крестьянскаго вопроса, которыя имѣлъ въ виду Штейнъ въ своихъ пражскихъ запискахъ въ 1811 г. [1]). Штейнъ говоритъ о правовомъ и экономическомъ положеніи русскаго крестьянства. По его мнѣнію принудительный трудъ крестьянъ служитъ главнымъ тормазомъ для развитія производительныхъ силъ страны. Русскій крестьянинъ вполнѣ зависитъ отъ произвола своего помѣщика, пользованіе его земельной собственностью непрочно,—и въ результатѣ изъ всего этого не вытекаетъ ровно никакой выгоды для помѣщика. „Было бы полезно, говоритъ Штейнъ, для развитія интеллектуальныхъ силъ и національнаго богатства, если бы дали крестьянину его участокъ въ полную собственность, обложивъ его прогрессивнымъ налогомъ, взимаемымъ натурой (во всякомъ случаѣ въ размѣрѣ одной трети или даже половины), даровали бы мужику личную свободу и оставили бы его подчиненнымъ полицейскому и судебному надзору помѣщика. Такимъ образомъ возникло бы довольно многочисленное и свободное крестьянское сословіе". Тургеневъ прежде всего высказывается за полную личную свободу крѣпостныхъ и этимъ

[1]) См. Pertz, Leben Steins, II, 468 ff, Lehmann, Stein III, 174; Леманъ говоритъ, что приведенные нами мысли Штейна о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи возникли у него лишь въ 1812 году.

исключаетъ возможность сохраненія патримоніальной подсудности. О надѣленіи землей освобожденныхъ крестьянъ онъ сталъ думать лишь въ 40-хъ годахъ [1]). Поэтому неудивительно, что онъ не руководился основными положеніями прусской аграрной реформы, которая оставила далеко позади себя даже реформу 1861 г., несмотря на то, что считалъ прусскіе принципы наиболѣе удовлетворительнымъ и совершеннымъ рѣшеніемъ вопроса. Онъ былъ бы въ высшей степени радъ, какъ онъ сознается въ одномъ изъ писемъ къ брату Александру за 1827 годъ, если бы въ русской аграрной реформѣ выбрали подобный путь, и исключительно тактическія соображенія побудили его не предлагать частичнаго раздѣла земли. Онъ не хотѣлъ запугивать помѣщиковъ и затягивать дѣло освобожденія крестьянъ [2]). Мы не имѣемъ абсолютно никакихъ фактическихъ свѣдѣній о содержаніи разговоровъ между Штейномъ и Тургеневымъ, касавшихся вопроса о томъ, въ чемъ можетъ состоять русская земельная реформа, и способа ея проведенія. Намъ извѣстно только, что Тургеневъ послѣ одного обмѣна мнѣній со Штейномъ о бѣдственномъ положеніи русскихъ областей, въ которыхъ велась война 1812 года, составилъ записку, которую онъ представилъ Штейну по желанію послѣдняго. Тургеневъ предлагалъ выпустить особыя бумажныя деньги, которыя въ связи съ дѣятельностью ссудныхъ банковъ возмѣщали бы насколько возможно жителямъ этихъ мѣстностей ихъ убытки [3]).

Мы ушли, однако, впередъ, не исчерпавъ еще непосредственно относящагося къ нашей задачѣ изслѣдованія сношеній Штейна съ Тургеневымъ въ 1814 и 1815 годахъ. Штейнъ явился для Николая Ивановича настоящимъ источникомъ политическихъ знаній. „St... кажется, говоритъ Тургеневъ, уже слишкомъ знаетъ хорошо исторію послѣднихъ годовъ, современниковъ и статистику" [4]). Передъ нами лежитъ длинное разсужденіе Тургенева, написанное въ Базелѣ и представляющее интересъ, какъ показатель вліянія на него политическихъ событій приблизительно за 1806 по 1813 годъ и, какъ не трудно угадать, и Штейна, одного изъ главныхъ виновниковъ этихъ событій. „Государь, говоритъ Тургеневъ, правитель великаго народа, долженъ имѣть свои правила въ управленіи

---

[1]) La Russie III. 165 ff. Мысль о надѣленіи крестьянъ землей проглядываетъ иногда въ дневникахъ за 1813—1816 г.г., но впослѣдствіи, въ Россіи (1816—1824 г.) Тургеневъ опредѣленно высказывался только за личное освобожденіе крестьянъ.

[2]) „Чего желать для Россіи?" Лейпцигъ 1868. Примѣчаніе на стр. 208 и 209 Тургеневъ приводитъ здѣсь выдержку изъ письма къ брату Александру съ 2-го іюля 1827 года.

[3]) La Russie et les Russes II, 222, примѣчаніе. Набросокъ записки сохранился въ дневникѣ Тургенева за 1813 и 1814 г.г.

[4]) Дневникъ 1813 и 1814 г. 6 января вечеромъ.

онъ долженъ имѣть въ виду цѣль, къ которой всѣ его поступки должны стремиться — сіи правила и сію цѣль долженъ онъ сдѣлать извѣстными (manifester): показать, что онъ твердъ въ намѣреніи своемъ dass er mit Nachdruck wirken will,—тогда общественное мнѣніе будетъ въ пользу Государя; т. е. согласно съ его мнѣніемъ и правилами, каковыя бы, впрочемъ, сіи не были, тогда Государь найдетъ въ народѣ ревностныхъ и умнѣйшихъ поборниковъ своей воли. Такимъ образомъ пусть въ Россіи правительство приметъ одну систему во внутреннемъ управленіи и во внѣшнихъ сношеніяхъ, и пусть покажетъ народу, что оно намѣрено съ твердостію и силою слѣдовать сей системѣ—оно найдетъ себѣ панигирику въ мнѣніи народномъ; und alle Individuen werden an der grossen Sache mitzuwirken suchen.—Напримѣръ: пусть правительство серіозно примется за исправленіе нашихъ чиновниковъ, за отученіе ихъ отъ взятокъ.—Пусть оно примется за возвышеніе знанія простого народа и земледѣльца. Сначала мало будетъ партизановъ, но послѣ нѣсколькихъ сильныхъ и, можетъ быть, крупныхъ поступковъ, доказывающихъ *твердую волю* правительства, общее мнѣніе обратится къ мнѣнію правительства, и сіе послѣднее найдетъ дѣятельнѣйшаго сотрудника въ томъ народѣ, котораго благо оно созидать имѣетъ. Славный удѣлъ дѣйствовать на милліоны людей! Тѣ, коимъ они предоставляются рѣдко, чувствуютъ свою важность. Не можетъ все итти самимъ собою—надобно и можно направлять мнѣніе. Я не всегда такъ рѣшительно думалъ. Но новѣйшія происшествія доказали справедливость словъ сихъ.—Was hat Preussen und was hat Oesterreich geleistet—и сіе отъ того по большой части, что вліяніе свыше было различно.—*Торопливость*, *т. е.* рѣшимость нужна, необходима въ важныхъ и рѣшительныхъ минутахъ. Исторія 1812 и 1813 годовъ—какой представляетъ источникъ для мыслящаго политика. Я вздумалъ о Маккіавелѣ. При первомъ случаѣ буду его студировать“ [1]).

Какъ видно, и Тургенева среди заботъ занимаютъ, какъ и Штейна, мысли о государственномъ управленіи вообще. Онъ всегда возвращается къ судьбѣ своего отечества. Карта Россіи наводитъ его на слѣдующія размышленія: „Нельзя болѣе любить своего отечества, какъ я люблю Россію. Но всегда при мысли о отечествѣ мысль нѣкоторой жалости, мрачная и печальная побѣждаетъ всѣ другія мысли. Прежде, напримѣръ, живя въ Геттингенѣ, при мысли объ отечествѣ сердце билось отъ радости, отъ восхищенія.— Гдѣ то время! — Теперь напротивъ! Въ перемѣнѣ сего чувства, конечно, люди гораздо болѣе причиною, нежели природа. Ужасное пространство Россіи. Какъ управлять ею изъ Петербурга? Какъ управляютъ ею?“ [2]).

---

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. 7-е января утро.
[2]) Ib.

Въ главной квартирѣ Тургеневъ видалъ и знакомился съ разными людьми. Тутъ были и честныя и откровенныя личности, какъ Штейнъ и Лагарпъ, хитрые дипломаты, какъ Меттернихъ, и много бездарностей среди близкихъ ко дворамъ союзныхъ властителей. Объ этихъ совѣтникахъ Тургеневъ отмѣчаетъ не называя именъ: „Какъ вредны слабые люди, имѣющіе власть! Какъ вредны мелкіе люди съ умомъ, удобнымъ только къ хитростямъ и подлости! Какъ вредно властителямъ окружать себя незнающими, безхарактерными людьми! Все это ясно теперь представляется глазамъ наблюдателя“ [1]). Далѣе Тургеневъ перечисляетъ, какъ много бѣдствій причиняютъ милліонамъ людей такія лица, и какъ гибельно отражаются часто на судьбѣ цѣлаго народа дѣянія такихъ бездарностей.

И въ этой характеристикѣ цѣлой группы дипломатовъ, главнымъ образомъ Меттерниха, видно вліяніе на Тургенева Штейна, который въ подобныхъ выраженіяхъ осуждалъ своихъ политическихъ и личныхъ противниковъ. Естественно, что находившійся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ Николай Ивановичъ сталъ тѣми же глазами смотрѣть на враговъ своего уважаемаго начальника.

Часто бывали у Штейна и обѣдали у него кн. Антонъ Радзивиллъ, шуринъ прусскаго короля, большой почитатель Штейна (по его желанію Штейнъ составилъ знаменитую Нассаускую Записку [2]), кн. Адамъ Чарторыйскій, другъ и товарищъ Александра I, одинъ изъ немногихъ поляковъ, не присоединившихся къ Наполеону и надѣявшихся на учрежденіе независимой Польши русскимъ императоромъ [3]), извѣстный дипломатъ Поццо ди Борго, соотечественникъ Наполеона, но одинъ изъ непримиримѣйшихъ его враговъ [4]), и воспитатель Александра I, демократъ Лагарпъ [5]).

Послѣдній въ началѣ „не очень“ понравился Тургеневу. Но онъ всегда старался „смотрѣть на него съ почтеніемъ, помня, что онъ принималъ участіе въ воспитаніи Государя“. „Онъ, продолжаетъ Тургеневъ, могъ имѣть вліяніе на вселеніе въ умѣ Государя тѣхъ человѣколюбивыхъ и истинно благоразумныхъ правилъ, которыя ознаменовали поступки и дѣянія Монарха, обожаемаго Европой и имѣющаго право на признатель-

---

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г.

[2]) Lehmann, Stein, II, 10—11. „Zwischen ihm und Stein bestand ein Verhältniss gegenseitiger Achtung und Neigung. Stein nannte ihn einen sehr gebildeten und schätzbaren jungen Mann und der Fürst liess sich freudig von dem Alteren belehren“.

[3]) См. краткую его біографію проф. Аскенази въ Album Biogr. Pol. XIX w; Alexandre I et le prince Czartoryski, Corresp. part. et convers. 1801--1813 publ. par. le prince Luwdig Czartoryski, Paris 1865.

[4]) Stein, III, 38; La Russie el les Russes I, 33 и сл., 443 и сл.

[5]) La Russie et les Russes I, 431—444.

ность отечества“ [1]). Впослѣдствіи Тургеневъ еще болѣе сочувственно отзывался о Лагарпѣ [2]).

Въ Парижѣ они очень сблизились. Лагарпъ читалъ Тургеневу юношескія письма своего царственнаго питомца, и Тургеневъ изучилъ Александра I съ хорошей стороны. Любовь и благоговѣніе, съ которыми онъ всегда говорилъ объ Александрѣ, возникли въ немъ именно благодаря чтенію восторженныхъ писемъ будущаго молодого вѣнценосца. Они посвятили Тургенева въ первые преобразовательныя работы Александра, и онъ получилъ понятіе о совѣщаніяхъ государя со своими просвѣщенными и высокоталантливыми друзьями Строгановымъ, Чарторыйскимъ, Новосильцевымъ и Кочубеемъ.

Съ Строгановымъ и Новосильцевымъ Тургеневъ сошелся еще въ Петербургѣ въ 1812 году, Кочубея Штейнъ тогда высоко цѣнилъ и съ Чарторыйскимъ Николай Ивановичъ встрѣчался у Штейна. Такъ завязался рядъ интересныхъ знакомствъ, важныхъ для будущаго политическаго реформатора.

О Поццо ди Борго Тургеневъ съ перваго знакомства отзывается сочувственно. Понравился ему также кн. Чарторыйскій. Бесѣды съ такими людьми были полезны для молодого Николая Ивановича. Онъ часто выступалъ съ своимъ мнѣніемъ противъ Штейна и Чарторыйскаго. Одинъ разъ заговорили о процессѣ графа Орлова съ мужиками графа Салтыкова. „Я, говоритъ Тургеневъ, сожалѣлъ о рѣшеніи его въ пользу наслѣдниковъ. St. и Чарторыйскій умные люди, недумающіе, какъ видно, что благоустроенное государство или что сама Россія должна созидать свое счастье на несправедливости, недумающіе, что *угнетеніе одного класса граждань другимъ можетъ когда-либо быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго государства*,—были со мною согласны“ [3]).

Чѣмъ дальше Тургеневъ оставался при Штейнѣ, тѣмъ больше онъ къ нему привязывался. Въ Барсиробѣ (Bar sur Aube) онъ заноситъ въ дневникъ по поводу того, что Штейнъ сдалъ часть своихъ дѣлъ австрійцамъ и пруссакамъ, оставивъ за собой только начальство надъ русскими генералъ-губернаторами: „Ему дѣла эти надоѣли. Онъ скучаетъ. Мнѣ его

---

[1]) Дневникъ 1813 г. 3—15 марта.

[2]) Интересный эпизодъ разсказываетъ Тургеневъ въ La Russie et les Russes I, 431—32: Когда главная квартира оставила Баръ-сюръ-Объ, Лагарпъ немного задержался и поздно явился на слѣдующую стоянку. Такъ какъ всѣ квартиры были заняты, Тургеневъ предложилъ ему свою комнату, гдѣ была только одна кровать. Онъ убѣдилъ упиравшагося сначала Лагарпа отдохнуть на кровати, объяснивъ ему, что онъ никогда не допуститъ, чтобы человѣкъ, сумѣвшій внушить Алѣксандру I отвращеніе къ крѣпостному праву, спалъ на твердомъ полу.

[3]) Дневникъ 1813 и 1814, 2—14 марта 1814 г.

даже и жаль, сказать по просту; но по настоящему не дожно удивляться, что истинный и возвышенный талантъ всегда не довольно цѣнимъ". Очевидно, онъ сочувствовалъ Штейну, рвущемуся къ энергичной и широкой дѣятельности. Кромѣ того, онъ близко принималъ къ сердцу несправедливую оцѣнку заслугъ Штейна. Тотъ высказывалъ Тургеневу, что̀ у него накопилось на душѣ.

Самый цѣнный отзывъ о Штейнѣ, бросающій яркій свѣтъ на его характеръ и доказывающій, кромѣ того, тонкую наблюдательность Тургенева, такъ скоро успѣвшаго понять Штейна, кроется въ слѣдующихъ словахъ:

„Смотря на Штейна, можно нѣкоторымъ образомъ потерять честолюбіе (если кто его имѣетъ). Этотъ человѣкъ живетъ посреди людей, которые были свидѣтелями его заслугъ и дѣяній и которые должны чувствовать великое разстояніе между имъ и ними. Но эти люди его не любятъ. Можетъ быть, онъ нетерпѣливою откровенностью своею удаляетъ отъ себя нѣкоторыхъ. Но можно ли думать и принимать въ разсужденіе подобные сему недостатки, видя въ томъ же человѣкѣ великій умъ, благородство характера и чистую сердечную доброту. Мелкіе и слабые умы рады находить въ возвышенныхъ людяхъ недостатки. Но недостатокъ этого нетерпѣнія и безпокойной живости весьма замѣтенъ и легко представляется глазамъ глупцовъ и злыхъ, которые не упускаютъ хулить за то человѣка, жалѣть о немъ и радоваться внутренно. Но эта сволочь врядъ ли и хитрости довольно имѣетъ, чтобы сравнить оную съ умомъ и съ характеромъ того, кого они осуждать стараются"[1]).

Въ Барсиробѣ Александръ I рѣшилъ слѣдовать съ прусскимъ королемъ за дѣйствующими арміями въ Парижъ. Австрійскій императоръ съ своимъ штабомъ, кн. Гарденбергъ, Штейнъ съ своей канцеляріей и остальныя лица главной квартиры остались въ Барсиробѣ. Вдругъ въ 1 ч. ночи раздалась тревога, и было приказано всей главной квартирѣ собраться спѣшно и слѣдовать съ австрійскимъ императоромъ въ Шатильонъ и затѣмъ въ Дижонъ. Тургеневъ бросился къ Штейну, думая застать его крайне недовольнымъ, во-первыхъ, потому, что эти распоряженія должны были еще болѣе отдалить Штейна отъ Александра, на котораго онъ имѣлъ большое вліяніе, во-вторыхъ, потому, что разсуждая нѣсколько часовъ до этого о водвореніи Бурбоновъ, Штейнъ выразилъ свое сомнѣніе въ возможности этого. Но каково было удивленіе Николая Ивановича, когда, войдя въ комнату своего начальника, засталъ его вполнѣ одѣтымъ и увидѣлъ сіяющее отъ радости лицо. На вопросъ Тургенева, чему приписать это

[1]) Дневникъ 1813—1814 г. 18—31 марта 1814 года.

состояніе, Штейнъ отвѣтилъ: „Это самое благопріятное стеченіе обстоятельствъ. Царь, освободившись отъ Меттерниха и австрійцевъ, ѣдетъ въ Парижъ, можетъ самостоятельно дѣйствовать; онъ будетъ работать и дѣло скоро приблизится къ концу". „Никогда, говоритъ Тургеневъ, я не забуду этихъ пророческихъ словъ, оставившихъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе" [1]).

Предсказаніе Штейна скоро сбылось. 3-го апрѣля союзныя арміи были въ Парижѣ. Получивъ эту вѣсть, Штейнъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ поспѣшилъ туда, не взирая на опасности въ непріятельской странѣ, не обращая вниманія на разбой французскихъ партизановъ. Скоро за Штейномъ прибыла въ Парижъ главная квартира и Тургеневъ. Весь подъ впечатлѣніями, которыя въ немъ вызвало это важное историческое событіе, Николай Ивановичъ восторженно описываетъ въ дневникѣ шумныя оваціи, устраиваемыя Александру.

Что французы не рады были возвращенію Бурбоновъ, легко можно было замѣтить. И отъ Тургенева не ускользнуло это явленіе. Упоминая одинъ разъ въ дневникѣ о ненависти французовъ къ Бурбонамъ, онъ говоритъ: „Но между тѣмъ французскій народъ не видалъ еще никакого полезнаго дѣйствія революціи. Онъ остался безъ конституціи и въ деспотизмѣ. Какое несчастіе, какой стыдъ для цѣлаго народа! Драться, стараться убить короля за свободу, и потомъ послѣ жесточайшихъ войнъ придти на то же мѣсто, съ котораго пошли за 25 лѣтъ".

Даже среди празднествъ и шума въ Парижѣ Николай Ивановичъ никогда не забывалъ Россію, все думалъ о желательныхъ въ своемъ отечествѣ реформахъ. Мы читаемъ въ дневникѣ одну весьма интересную запись [2]), которая бросаетъ свѣтъ на ходъ политическихъ идей въ Россіи послѣ освободительныхъ войнъ.

„Чего можно не ожидать въ теперешнемъ времени, начинаетъ Тургеневъ, вчера dans la grande Operà M-elle Vestris и M-elle Gardel плясали камаринскаго! О времена, о вѣкъ! Хорошо. Но я желаю чудесъ другого рода, но которыя послѣ того, что случилось, не должны казаться чудесами. Наша русская армія отличилась передъ всѣми другими не только храбростью, но и лучшимъ поведеніемъ. Теперь французы въ восхищеніи отъ нашихъ офицеровъ. Теперь возвратятся въ Россію много нашихъ русскихъ, которые видѣли, что безъ рабства можетъ существовать гражданскій порядокъ, и могутъ процвѣтать царства. Что можно сдѣлать умными распоряженіями и постановленіями! Послѣ того, что русскій на-

---

[1]) La Russie et les Russes, I, 39—40.
[2]) 25 апрѣля 1814 года.

родъ сдѣлалъ, что сдѣлалъ Государь, что случилось въ Европѣ, освобожденіе крестьянъ мнѣ кажется весьма легкимъ, и я поручился бы за успѣхи даже скораго переворота. Духъ разума, которымъ русскій народъ дышетъ вмѣстѣ съ атмосферою, предупредитъ безпорядки. Вотъ вѣнецъ, которымъ русскій Императоръ можетъ увѣнчать дѣла свои. Есть ли онъ этого не сдѣлаетъ, то нельзя и надѣяться на полную перемѣну. Надобно быть одушевлену тѣмъ духомъ, которымъ Провидѣніе одарило Александра. Надобно имѣть ту извѣстность, которую онъ получилъ теперь, и надобно имѣть ту славу. Но въ нашемъ монархѣ можетъ все это соединяться".

Историку понятенъ такой оптимизмъ и ожиданіе многими русскими людьми эпохи реформъ. И оно вполнѣ естественно. Вѣдь побѣдитель Александръ настаивалъ на томъ, чтобы французскому народу была дана конституція, которой лишилъ ихъ свергнутый теперь съ престола Наполеонъ. Неужели, думалъ Тургеневъ, государь не примется за реформу внутренняго состоянія Россіи, неужели онъ не освободитъ крѣпостныхъ крестьянъ? Увы! Это не сбылось. И Тургеневъ почти тридцать лѣтъ спустя долженъ былъ коренными образомъ перемѣнить свое мнѣніе объ Александрѣ. „Почему, говоритъ онъ, я — русскій и не могу любить этого человѣка sans reserve, какъ Штейнъ его любилъ долгое время и какъ его еще любилъ Шатобріанъ? Это было бы для меня болѣе пріятно, потому что я ему лично столькимъ обязанъ... Къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ не такъ. Онъ видѣлъ зло, разъѣдающее его страну, онъ проклиналъ это зло, онъ хотѣлъ его устранить, но онъ не осмѣлился это сдѣлать! Почему онъ не направилъ часть своей энергіи, проявленной имъ во время войнъ съ Наполеономъ, на то, чтобы осуществить въ своей странѣ полезныя реформы, которыя онъ только обѣщалъ? Онъ бы этимъ еще болѣе прославилъ свое имя. Богъ достаточно милостивъ, чтобы простить его, почему онъ не сдѣлалъ того, что онъ былъ въ состояніи сдѣлать, и почему онъ не предовращалъ зло тамъ, гдѣ могъ. Но какой честный человѣкъ можетъ его извинить въ томъ, что онъ не освободилъ отъ рабства своихъ подданныхъ, тогда какъ одного его слова было бы достаточно" [1]). Эти слова были сказаны послѣ полнаго разочарованія Тургенева въ возможности быстро провести реформы въ русской жизни. Пока, однако, въ Парижѣ, въ 1814 г. и послѣ этого въ Вѣнѣ, какъ дальше увидимъ, онъ еще глубоко вѣрилъ въ Александра и не терялъ надежды, что въ его царствованіе Россія переживетъ счастивлые дни.

Въ Парижѣ Николай Ивановичъ остался до заключенія перваго Парижскаго мира 30 мая 1814 г. Время онъ проводилъ хорошо, посѣщалъ

[1]) La Russie et les Russes, I, 42—43.

масонскія ложи, и, вѣроятно, у него завязались связи съ французскими общественными дѣятелями. Онъ не переставалъ размышлять о Россіи. „Мысль о жизни въ Петербургѣ, заноситъ онъ въ дневникъ, никакъ не лѣзетъ въ въ голову мою“. Брату Александру онъ писалъ, что „Штейнъ намѣренъ оставить дѣла свои, представивъ Государю учредить коммиссію въ Франкфуртѣ подъ предсѣдательствомъ принца Solms—Licht для окончанія счетовъ и т. п.“.

Въ эту т. н. ликвидаціонную коммиссію, состоявшую изъ представителей Австріи, Пруссіи, Россіи и Швеціи, Николай Ивановичъ былъ назначенъ русскимъ комиссаромъ. Въ началѣ іюня 1814 г. мы его видимъ въ Франкфуртѣ, гдѣ комиссія занималась до сентября, когда была перенесена по желанію державъ въ Вѣну. Жизнь въ Франкфуртѣ прошла для Тургенева „весьма монотонно“. Чтобы заполнить свободное отъ обычныхъ занятій время, онъ задумалъ писать два разсужденія,—„объ участіи различныхъ державъ въ успѣхѣ послѣдней войны“ и „о томъ, чѣмъ правительство наше должно заняться въ теперешній столь важный періодъ времени для Россіи“. Но статей этихъ не написалъ. Что касается второй темы, то главную мысль ея мы отчасти знаемъ изъ предыдущихъ страницъ, а болѣе подробно придется о нихъ говорить въ слѣдующихъ главахъ. Это особенно важно для выясненія развитія политическихъ идей Тургенева. Sturm und Drangperiode будущаго политическаго дѣятеля, члена Союза Благоденствія и Сѣвернаго Тайнаго Общества были именно годы отъ 1813 до 1816.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Вишницеръ.

Послѣдніе дни жизни Гоголя.

(Изъ записной книжки В. С. Аксаковой)

Сообщенныя намъ О. Г. Аксаковой замѣтки о послѣднихъ днясъ жизни Н. В. Гоголя взяты изъ записной книжки Вѣры Сергѣевны Аксаковой, старшей дочери автора „Семейной хроники" и „Дѣтскихъ годовъ Багрова внука" (родилась въ 1819, умерла въ 1864 году [1]). Объ отношеніяхъ Гоголя къ семьѣ Аксаковыхъ разсказано подробно С. Т. Аксаковымъ въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ" [2]). Въ числѣ матеріаловъ о Гоголѣ, тщательно сохраненныхъ въ аксаковской семьѣ и приведенныхъ С. Т. въ порядокъ для этой книги, находимъ выписку изъ письма Вѣры Сергѣевны къ матери Гоголя о послѣднихъ съ нимъ встрѣчахъ и нѣсколько строкъ о томъ же изъ письма къ С. Т. [3]). Сообщенія Вѣры Сергѣевны въ письмѣ къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь не расходятся, конечно, съ замѣтками въ ея книжкѣ, но замѣтки содержатъ много новыхъ и яркихъ подробностей; въ записной книжкѣ Вѣра Сергѣевна не стремилась къ сжатости и не руководилась соображеніями о томъ, какъ нѣкоторыя детали могли бы повліять на М. И. Гоголь.

Ред.

* * *

...30 Января 1853 года. Ровно годъ тому назадъ вечеромъ пріѣхалъ Гоголь къ намъ въ маленькій домъ, въ которомъ мы тогда жили [4]). Мы сидѣли въ отесинькиныхъ комнатахъ. Гоголь взошелъ и на нашъ вопросъ о его здоровьи сказалъ:

---

[1]) Характеристика Вѣры Сергѣевны Аксаковой будетъ предпослана ея дневнику за 1854—1855 годы, печатаніе котораго начнется въ ближайшей книгѣ нашего журнала. Сообщеніемъ этихъ матеріаловъ редакція обязана О. Г. Аксаковой.

[2]) Отрывокъ изъ этой работы—въ 3-мъ томѣ „Полнаго собранія сочиненій" С. Т. Аксакова; въ полномъ видѣ сочиненіе занимаетъ всю 8-ю книжку „Русскаго Архива" за 1890.

[3]) Русск. Арх. 1890, т. II (№ 8), стр. 196—198.

[4]) Зиму 52 года семья Аксаковыхъ жила въ своей деревнѣ Абрамцевѣ, а для больной дочери Сергѣя Тимофѣевича былъ снятъ въ Москвѣ маленькій домъ, въ которомъ жилъ съ ней постоянно кто-нибудь изъ семьи.

— Я теперь успокоился, сегодня я служилъ одинъ въ своемъ приходѣ панихиду по Катеринѣ Михайловнѣ; помянулъ и всѣхъ прежнихъ друзей, и она какъ бы въ благодарность привела ихъ такъ живо всѣхъ передо мной. Мнѣ стало легче [1]).

На наши слова, что онъ не былъ на вчерашней церемоніи, онъ отвѣчалъ: „я не былъ въ состояніи" [2]). Вполнѣ помню, онъ тутъ же сказалъ, что въ это время ѣздилъ далеко.

— Куда же?

— Въ Сокольники.

— Зачѣмъ?—спросили мы съ удивленіемъ.

— Я отыскивалъ своего знакомаго, котораго, однако же, не видалъ.

Разговоръ, разумѣется, касался большею частью Хомякова. Гоголь спрашивалъ, сколько его женѣ было лѣтъ, и вдругъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— А Вамъ сколько?

— Тридцать три—сказала я.

— А, такъ вы ровесница.

Гоголь въ самомъ дѣлѣ какъ-то былъ спокойнѣе.

1-го февраля,—это была пятница 1852 года—принесли намъ поутру корректуру „Ревизора", но, такъ какъ братья уѣхали въ деревню, я не знала, что съ ней дѣлать, и послала ее съ запиской къ Гоголю. Въ 12 часовъ утра онъ пришелъ самъ:

— Что значитъ,—я получилъ Вашу записку, но не получилъ корректуру! Меня дома не было: я былъ у обѣдни; возвратившись, нашелъ записку, но безъ корректуры".

Насъ это очень удивило, и я боялась, чтобы не пропала корректура. Гоголь сказалъ, что самъ пойдетъ въ типографію и спроситъ. Сказалъ, что былъ въ церкви, потому что въ тотъ день совершалась поминальная служба (вмѣсто субботы, такъ какъ въ субботу приходился праздникъ Срѣтенія), хвалилъ очень свой приходъ, священника и всю службу. Я сказала, что сама была у ранней обѣдни, видѣла въ первый разъ Хомякова послѣ его горя, что не рѣшилась къ нему подойти.

— Отчего же, напрасно,—сказалъ Гоголь,—это не могло ему быть непріятно. Напрасно,—прибавилъ онъ,—Хомяковъ выѣзжаетъ, былъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и т. д.

---

[1]) Набранное разрядкой подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Здѣсь говорится о смерти жены А. С. Хомякова, Екатерины Михайловны. Она была сестра поэта Н. М. Языкова, друга Гоголя. Смерть ея (26 января 1852 г.) сильно потрясла Гоголя. Хоронили ее 29 января.

— Да,—сказала я,—конечно, напрасно, многіе скажутъ, что онъ не любилъ жены своей.

— Нѣтъ, не потому—возразилъ Гоголь,—а потому, что эти дни онъ долженъ былъ бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные, онъ долженъ былъ бы читать теперь псалтырь, это было бы утѣшеніемъ для него, и для души жены его. Чтеніе псалтыри имѣетъ значеніе, когда читаютъ его близкіе, это не то, что раздавать читать его другимъ.

Говорили о М. А. [1]), о которой онъ очень жалѣлъ, что такая старая женщина не возбуждаетъ ни въ комъ къ себѣ расположенія, а всѣхъ раздражаетъ. Много говорили о впечатлѣніи, производимомъ смертью на окружающихъ; возможно ли было бы съ малыхъ лѣтъ воспитать такъ ребенка, чтобъ онъ всегда понималъ настоящее значеніе жизни, чтобъ смерть не была для него нечаянностью и т. д. Гоголь сказалъ, что думаетъ, что возможно. Тутъ я сказала, какъ ужасно меня поразило это впечатлѣніе и какъ все тогда перевернулось у меня передъ глазами.—Гоголь вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

Въ это время пріѣзжалъ Оверъ [2]); я пошла его провожать къ Оленькѣ [3]), онъ оттуда прошелъ прямо и сказалъ мнѣ: „Несчастный!“

— Кто несчастный?—спросила я, не понимая,—да вѣдь это Гоголь!

— Да, вотъ несчастный!

— Отчего же несчастный?

Ипохондрикъ, не приведи Богъ его лечить, это ужасно!

— У него есть утѣшеніе,—сказала я,—онъ истинно-вѣрующій человѣкъ

— Все же несчастный—повторилъ Оверъ [4]).

Я возвратилась къ Гоголю, онъ въ это время сидѣлъ съ Наденькой, мы продолжали кой о чемъ говорить, предложили ему завтракать, онъ отказался. Онъ былъ постоянно веселъ, или скорѣе, свѣтелъ какъ-то и душой и лицомъ, намъ было отрадно его видѣть такимъ и ни тѣни безпокойства на его счетъ не входило къ намъ на умъ. День былъ ясный, солнечный, провожая его, я сказала ему шутя.

— Вы сегодня не работали?

— Нѣтъ.

---

[1]) Мать А. С. Хомякова.

[2]) Знаменитый московскій докторъ.

[3]) Хронически больная сестра Вѣры Сергѣевны.

[4]) Объ Оверѣ писала Вѣра Сергѣевна отцу въ Абрамцево: „Сегодня Оверъ удивилъ насъ своими разсужденіями о Гоголѣ. Какъ могъ онъ такъ истинно понять его и то, какъ должны были бы поступать съ нимъ друзья! Даже слишкомъ было больно слышать, что теперь... нельзя исправить. Но видно такъ Богу угодно, таковы судьбы Божіи и для Россіи. Но грустно, грустно... И никого близкихъ изъ нашихъ не было около него“. Русск. Арх. 1890, II (8), стр. 196.

— Ну,—сказала я,—вы погуляли, теперь вамъ надобно поработать.

Онъ такъ свѣтло улыбнулся на эти слова.

— „Да, надобно бы, но не знаю, какъ удастся, моя работа такого рода—продолжалъ онъ говорить, уходя и надѣвая шубу,—что не всегда дается, когда хочешь".

Мы проводили его до передней и простились дружески.

3 февраля 1852 года въ воскресенье утромъ я была дома, когда пришелъ Николай Васильевичъ.

— Я пришелъ къ вамъ пѣшкомъ прямо отъ обѣдни—сказалъ онъ—и усталъ.

Въ его лицѣ точно было видно утомленіе хотя и свѣтлое, почти веселое выраженіе. Онъ сѣлъ тутъ же въ первой комнатѣ на диванѣ. Опять хвалилъ очень священника приходскаго [1]) и всю службу. Я сказала, что въ этой церкви вѣнчались отесинька и маменька.

—Въ самомъ дѣлѣ? Ну такъ скажите вашей маменькѣ, ей будетъ пріятно знать, что тамъ совершается такъ хорошо служба.

Я сообщила ему извѣстіе изъ деревни, что на другой день долженъ былъ пріѣхать братъ.

— Ваши братья скачутъ, какъ англійскіе курьеры въ чужихъ краяхъ, только и знаютъ, что ѣздятъ взадъ и впередъ (сколько лишнихъ хлопотъ). Вчера—прибавилъ онъ—получилъ я записку отъ Ольги Федоровны [2]). Какая-то безтолковая, она звала меня обѣдать, у ней долженъ былъ быть М. М. Нарышкинъ [3]), только написала такъ, что я не вдругъ догадался, когда она меня звала, и уже было поздно, я обѣдать бы и безъ того не могъ идти, но послѣ пришелъ бы повидаться съ Нарышкинымъ.

— Что вы дѣлали эти дни?—спросила я его.

— Зачѣмъ вамъ?—сказалъ онъ.

— Были ли Вы у Хомякова?

— Нѣтъ еще не былъ.

Мнѣ кажется, ему слишкомъ было тяжело къ нему ходить; опять говорили мы о значеніи чтенія псалтыри. Я спросила его о корректурѣ; онъ сказалъ, что самъ былъ въ типографіи и все устроилъ; говорили о печатаніи „Охотничьихъ Записокъ" [4]). Я сказала, что очень тихо идетъ.

---

[1]) Это былъ от. Алексѣй Соколовъ, скончавшійся въ девяностыхъ годахъ въ санѣ протопресвитера храма Христа Спасителя.

[2]) Ольга Федоровна Кошелева.

[3]) Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ.—декабристъ, возвращенный въ то время изъ Сибири

[4]) Это—„Записки ружейнаго охотника" С. Т. Аксакова.

— Вы бы сами держали корректуру—сказалъ онъ.

— Не умѣю.

— Да это вовсе нетрудно, стоитъ только выучиться этимъ знакамъ, я Вамъ сейчасъ покажу, дайте мнѣ какую-нибудь книгу.

Я подала ему „Москвитянинъ"; онъ досталъ свою карманную книжку, вынулъ оттуда карандашъ, развернулъ журналъ и показалъ примѣрно нѣсколько знаковъ. Въ это время воротилась Наденька, я ей сообщила полученныя извѣстія и что ей предстоитъ скоро ѣхать въ деревню.

— Да,—прибавилъ Гоголь,—Вы и не знаете, а Вамъ уже назначенъ маршрутъ.

Я сказала, нельзя ли устроить какъ-нибудь намъ пѣсни, а Гоголь сказалъ:

— Когда же? уже лучше на масляницѣ.

— На масляницѣ Наденька [1]), можетъ быть, уѣдетъ.

—Да, въ самомъ дѣлѣ—прибавилъ Гоголь, но тѣмъ разговоръ объ этомъ и кончился. Я попросила перейти въ другую комнату, сообщила Наденькѣ корректурные знаки, которымъ училъ меня Николай Васильевичъ. Онъ же самъ прибавилъ, что совѣтовалъ бы намъ заняться этимъ, что за это можно даже деньги получать, что онъ нанимаетъ теперь корректора и платитъ ему за одинъ томъ 100 руб. (кажется, за вторую корректуру). Мы разспрашивали его о его печатаніи сочиненій, какъ оно идетъ; онъ говоритъ, что онъ роздалъ въ разныя типографіи, что идетъ довольно медленно, что ему мѣшаютъ. Мы звали его приходить къ намъ съ корректурой и у насъ ее поправлять, онъ обѣщалъ и такъ мы простились.

4 февраля (1852 года) я сидѣла въ нашей маленькой гостиной съ Митей Карташевскимъ [2]) (братъ Константинъ, Митя и Любенька только что пріѣхали изъ деревни, самоваръ былъ на столѣ). Мы говорили очень живо о Карташевскихъ. Передняя комната была темна, портьерка въ нее поднята, я услышала чьи-то шаги, но не обратила въ первую минуту на то вниманіе, думая, что это братъ. Шаги приблизились, я обернулась,—то былъ Гоголь; я ему обрадовалась чрезвычайно: вовсе его не ожидала. Онъ спросилъ, пріѣхалъ ли братъ, и, узнавъ, что онъ у Хомякова, сказалъ, что самъ туда зайдетъ; спросилъ меня о здоровьи, такъ какъ наканунѣ я была нездорова. Усѣлся въ углу дивана, разспрашивалъ о томъ, о другомъ, въ лицѣ его видно было какое-то утомленіе и сонливость. Кошелева прислала звать насъ съ Наденькой къ ней, я ему предложила ѣхать туда же.

---

[1]) Одна изъ сестеръ, которая имѣла голосъ и пѣла подъ руководствомъ Гоголя малороссійскія пѣсни, что онъ очень любилъ.

[2]) Двоюродный братъ В. С. Аксаковой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не могу, мнѣ надобно зайти еще къ Хомякову, а тамъ домой, я хочу пораньше лечь, сегодня ночью я чувствовалъознобъ, впрочемъ, онъ мнѣ особенно спать не мѣшалъ.

— Это, вѣрно, нервный,—сказала я.

— Да нервное—подтвердилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ.

— Что же вы не пришли къ намъ съ корректурой?—спросила я.

— Забылъ, а сейчасъ просидѣлъ надъ ней около часу.

— Ну въ другой разъ приносите.

Но этому другому разу не суждено было повториться! Гоголь просидѣлъ не долго, простился по обыкновенію, подавши намъ руку на прощанье, и ушелъ. Это было послѣднее свиданіе. Какъ нарочно, я не пошла его провожать далѣе, потому что собиралась ѣхать. Ничто не сказало мнѣ, что болѣе его не увижу.

Мы всѣ были поражены его ужасной худобой. „Ахъ какъ онъ худъ, какъ онъ худъ страшно“—говорили мы...

Къ исторіи второго съѣзда Р. С.-Д. Р. Партіи.

Въ февральской книжкѣ „Минувшихъ Годовъ" мною собранъ матеріалъ о первомъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. Въ настоящее время я хочу сообщить нѣкоторыя данныя о работахъ второго съѣзда. Опубликовать свѣдѣнія о томъ, какъ онъ былъ подготовленъ и организованъ — лежитъ па обязанности бывшихъ членовъ Организаціоннаго Комитета, я могу только отмѣтить нѣсколько важныхъ обстоятельствъ, которыя мни при этомъ, вѣроятно, будутъ упущены, ибо Организаціонный Комитетъ отнюдь не былъ внѣ борьбы фракцій стоявшимъ учрежденіемъ. Точно также мнѣ нѣтъ надобности описывать самый ходъ работъ второго съѣзда, ибо онѣ достаточно полно и точно отражены въ протоколахъ съѣзда, изданныхъ по его постановленію уполномоченною имъ комиссіею; но я долженъ опубликовать докладъ мой, представленный съѣзду отъ имени Союза Русскихъ Соціалдемократовъ за границей, и не нашедшій мѣста въ протоколахъ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе доклады. Такимъ образомъ, въ этой статьѣ я выступаю лишь какъ свидѣтель, дающій свои показанія для будущаго историка партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашаю другихъ свидѣтелей этого событія опубликовать гдѣ-либо имѣющіяся у нихъ данныя объ этомъ вопросѣ: въ эпоху политическаго затишья мы должны запечатлѣть для нашихъ продолжателей событія минувшаго.

Въ апрѣлѣ 1902 г., по инициативѣ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ за границей, была созвана конференція представителей главнѣйшихъ организацій партіи для выработки текста общероссійской майской прокламаціи и обсужденія вопроса о созывѣ второго съѣзда партіи. Конференція состоялась въ Бѣлостокѣ и была результатомъ многолѣтней подготовительной работы союза. Первою и неудачною попыткою такого рода было приглашеніе, переданное всѣмъ комитетамъ партіи, послать своихъ делегатовъ въ

Парижъ на международный соціалистическій конгрессъ 1900 года, съ цѣлью превратить русскую делегацію этого конгресса въ конференцію партійныхъ организацій, могущую принимать общепартійныя рѣшенія въ виду отсутствія Центральнаго Комитета.

Это приглашеніе было передано спеціальнымъ посланнымъ Союза, Гришинымъ, объѣхавшимъ нелегально главнѣйшіе центры движенія; но на него откликнулись только двѣ организаціи. Союзъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ лишь для того, чтобы съ помощью этихъ двухъ делегатовъ выработать планъ дальнѣйшей работы по созыву конференціи. Тогда же было написано круговое письмо Союза ко всѣмъ организаціямъ партіи, которое я здѣсь привожу. Оно было составлено Б. Н. Кричевскимъ, редактировано администраціей Союза и одобрено на собраніи членовъ союза и двухъ вышеупомянутыхъ лицъ. Вотъ это письмо:

Русское соціалдемократическое движеніе стоитъ въ настоящій моментъ передъ новыми задачами. Развившись за послѣдніе пять лѣтъ на почвѣ массоваго стачечнаго движенія, оно успѣло выработать цѣлесообразныя формы агитаціоннаго воздѣйствія на широкую массу въ области экономической борьбы. Старые споры начала и середины 90-хъ годовъ о пропагандѣ и агитаціи были разрѣшены практическимъ опытомъ и навсегда отошли въ прошлое.

Но то же массовое движеніе, неизбѣжно поставившее лицомъ къ лицу борющіеся слои рабочихъ съ самодержавнымъ строемъ, всюду выдвинуло передъ соціалдемократами задачу политической агитаціи Задача эта все болѣе и болѣе назрѣвала, по мѣрѣ того, какъ стачечное движеніе повлекло въ борьбу рабочую массу и приводило ее въ столкновеніе съ . . . . . режимомъ. Подъемъ политическаго уровня нашего движенія замѣчается повсюду, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ. Однако этотъ подъемъ въ общемъ совершается, можно сказать, ощупью. Русскія соціалдемократическія организаціи еще далеки отъ тѣхъ систематическихъ пріемовъ и формъ политической агитаціи, которые уже выработаны нашими польскими и еврейскими товарищами. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что онѣ переживаютъ теперь такой же переходный моментъ, какъ и въ серединѣ 90-хъ годовъ. Какъ тогда совершался переходъ отъ пропаганды къ агитаціи, такъ теперь совершается переходъ отъ преимущественно экономической агитаціи къ политической. Этимъ переходнымъ, а стало быть, неопредѣленнымъ состояніемъ нашего движенія объясняется та неудовлетворенность прежней дѣятельностью, которую можно прослѣдить на многихъ фактахъ послѣдняго времени.

Отдѣльныя уклоненія отъ общей соціалдемократической программы, въ родѣ credo, съ одной стороны, и замѣтно усиливающіяся террористическія тенденціи—съ другой, несомнѣнно отражаютъ чувство неудовлетворенности постановкой тактическихъ вопросовъ въ нашемъ движеніи. И, какъ это ни странно на первый взглядъ, и крайніе „экономисты“ и крайніе „политики“ въ сущности стоятъ на общей почвѣ, со-

знательно или безсознательно исходя изъ одного и того же взгляда на политическую самодѣятельность рабочаго класса. Если авторы credo отдѣляютъ политическую борьбу отъ экономической борьбы рабочихъ, предоставляя первую либеральной оппозиціи въ союзѣ съ соціалдемократами и иной интеллигенціей, то сторонники терроризма суживаютъ политическую борьбу до заговорщицкой дѣятельности, которая по необходимости должна оставаться чуждой рабочей массѣ. Такъ что въ концѣ концовъ рабочая масса въ обоихъ случаяхъ оставалась бы въ сторонѣ отъ активной политической борьбы.

Обѣ крайности стали возможными единственно потому, что русскіе соціалдемократы еще не выработали опредѣленныхъ средствъ массовой политической борьбы.

Между тѣмъ въ настоящее время эта задача не только назрѣла, но и выполнима для силъ нашихъ организацій. Затишье, наступившее въ стачечномъ движеніи вслѣдствіе застоя въ промышленности и отчасти уже проявляющагося промышленнаго кризиса, освобождаетъ много силъ для чисто политической агитаціи, т. е. для широкаго политическаго воздѣйствія на массу, подготовленную къ этому предшествовавшимъ періодомъ стачечной борьбы. Этимъ затишьемъ можно и должно воспользоваться для выработки общихъ средствъ политической борьбы рабочаго класса.

Мы далеки отъ желанія нивеллировать движеніе во всей Россіи отъ желанія связывать догматическими узами дѣятельность отдѣльныхъ организацій. Даже въ Западной Европѣ, даже въ такой сплоченной и единой партіи, какъ германская соціалдемократія, уживаются рядомъ разнообразные тактическіе пріемы въ соотвѣтствіи съ данными мѣстными условіями. Но единство партіи и ея успѣшное развитіе требуютъ, чтобы всѣ разнообразные пріемы служили не только одной и той же програмной, но и одной и той же тактической цѣли. Для русской соціалдемократіи въ данный моментъ такой общей тактической цѣлью является какъ можно болѣе быстрое вовлеченіе рабочей массы въ политическую борьбу. Къ этой общей цѣли и должны быть направлены всѣ разнообразные способы дѣятельности нашихъ организацій.

Главнымъ препятствіемъ на пути къ тактическому объединенію русскихъ соціалдемократовъ является ихъ организаціонная разрозненность, отсутствіе ценральной организаціи и даже центральнаго органа партіи. Организаціонное объединеніе является насущной задачей не только въ интересахъ чисто практическихъ или техническихъ, но и также—что еще важнѣе—въ интересахъ тактическаго объединенія нашей партіи, отъ котораго несомнѣнно зависитъ ея ближайшее будущее. Указанныя выше уклоненія въ противоположныя стороны отъ главнаго соціалдемократическаго русла—это симптомы, угрожающіе нашей партіи потерей силъ въ томъ случаѣ, если она въ ближайшемъ же будущемъ не суметъ справиться съ назрѣвшими политическими задачами.

Вотъ почему настоятельно необходимо устройство 2-го съѣзда партіи, единственной инстанціи, которая въ состояніи положить конецъ организаціонной разрозненности, такъ вредно отзывающейся на всей дѣятельности русскихъ соціалдемократовъ. Нельзя ждать со съѣздомъ

до тѣхъ поръ, пока дѣятельность отдѣльныхъ организацій, такъ сказать, сама собой разрѣшитъ тактическія и организаціонныя задачи въ духѣ единства.

Обязанность соціалдемократовъ ускорить этотъ подчасъ медленный процессъ, пользуясь уже выработанными элементами единства. Время не терпитъ. Намъ необходимо отрѣзать всѣмъ противникамъ соціалдемократіи всякую возможность сѣять тамъ, гдѣ они не пахали. Вспаханная соціалдемократами почва должна быть засѣяна соціалдемократическими же сѣменами политической агитаціи.

Первый съѣздъ партіи формулировалъ общіе програмные принципы. Задачей второго съѣзда должна быть формулировка той детальной программы, которая предвидѣлась въ „Манифестѣ" партіи, но до сихъ поръ не была выработана, и въ связи съ этимъ, въ особенности выработка общихъ средствъ политической борьбы рабочаго класса—средствъ, примѣненіе которыхъ будетъ, разумѣется, зависѣть отъ состоянія движенія и количества наличныхъ силъ въ отдѣльныхъ районахъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, являются общимъ руководящимъ правиломъ тактики, путеводной нитью для дѣятельности всѣхъ нашихъ организацій. Возьмемъ примѣръ. Съѣздъ, положимъ, высказывается за необходимость политическихъ демонстрацій. Отсюда вовсе не будетъ слѣдовать, что всѣ наши организаціи обязаны немедленно же и при всякихъ условіяхъ устраивать такія демонстраціи; но рѣшеніе съѣзда несомнѣнно обяжетъ всѣ организаціи приложить всѣ усилія къ тому, чтобы устройство политическихъ демонстрацій стало возможнымъ въ ближайшемъ времени.

Далѣе, 2-й съѣздъ долженъ будетъ положить прочное начало организаціоннаго объединенія партіи при помощи центральнаго комитета, главной функціей котораго будетъ являться, помимо изданія центральнаго органа, урегулированіе помощи отдѣльнымъ организаціямъ людьми, литературой и деньгами. О важности этой функціи распространяться незачѣмъ. Всѣмъ дѣйствующимъ соціалдемократамъ хорошо извѣстно, насколько наше движеніе страдаетъ въ практическомъ отношеніи отъ отсутствія или слабости связей между отдѣльными районами.

Наконецъ, созданіе центральнаго органа партіи обезпечило бы сохраненіе созданнаго съѣздомъ тактическаго единства, а также дальнѣйшее всестороннее выясненіе тактическихъ вопросовъ, которые могутъ рѣшаться только путемъ живого обмѣна мыслей между дѣятелями различныхъ районовъ, путемъ обмѣна результатами практическаго опыта всѣхъ мѣстныхъ организацій.

Уже первый съѣздъ, положившій основаніе партіи, сослужилъ нашему движенію большую службу. Что объединеніе, хотя бы только моральное, составляло жизненную задачу русской соціалдемократіи уже въ 98 г.,—доказываетъ тотъ фактъ, что всѣ соціалдемократическія организаціи приняли названіе „Комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.", даже и тѣ, которыя не участвовали въ съѣздѣ или возникли позже. Притомъ названіе „Комитетовъ Партіи" отнюдь не было однимъ ярлыкомъ, такъ какъ оно предполагало и предполагаетъ солидарность съ „Манифестомъ" и организаціонными рѣшеніями 1-го съѣзда. За послѣдніе два года это

названіе сдѣлалось популярнымъ среди интеллигенціи и рабочихъ и получило прямо агитаціонное значеніе. И никто, конечно, не думаетъ о томъ, чтобы отказаться отъ цѣнной моральной связи установленной 1-мъ съѣздомъ.

Теперь наступило время возобновить дѣло 1-го съѣзда и превратить моральную связь въ тѣсную организаціонную связь, которая усилила бы наше движеніе качественно и количественно.

Въ виду сказаннаго, нижеподписавшаяся организація обращается къ вамъ, товарищи, съ предложеніемъ взять на себя иниціативу созыва 2-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Вмѣстѣ съ тѣмъ нижеподписавшаяся организація предлагаетъ слѣдующій порядокъ дня 2-го съѣзда:

I. Регламентъ работъ съѣзда (повѣрка мандатовъ, установленіе порядка дня, способъ составленія протоколовъ и пр.).

II. Доклады делегатовъ о состояніи движенія въ данномъ районѣ.

III. Выработка детальной программы партіи.

IV. Тактика партіи: а) экономическая и политическая борьба, в) средства и формы экономической борьбы, с) средства и формы политической борьбы рабочаго класса.

V. Отношеніе къ другимъ партіямъ.

VI. Организація партіи: а) районныя организаціи и Центральный Комитетъ, в) центральный органъ, районные органы партіи и проч.

Союзъ Русскихъ Соц.-Дем. за границей.

Этотъ документъ свидѣтельствуетъ, насколько невѣрны были утвержденія будто бы „такъ называемые экономисты" отрицали необходимость политической борьбы или игнорировали ее. Это письмо было изготовлено во многихъ копіяхъ на ремингтонѣ и доставлено всѣмъ комитетамъ партіи. Оно было извѣстно группѣ „Искра", возникшей какъ разъ въ это время— осенью 1900 года. Но группа изъ фракціонныхъ цѣлей упорно замалчивала этотъ документъ и настойчиво увереждала, что она *вопреки* тенденціямъ „такъ называемыхъ экономистовъ" вноситъ политическія задачи въ дѣятельность партіи.

Результатомъ этой пропаганды идеи съѣзда явилась Бѣлостокская конференція. На ней были выработаны требованія майской прокламаціи, распредѣлены обязанности по ея изготовленію и доставкѣ и выбранъ Организаціонный Комитетъ для созыва второго съѣзда. Хотя члены конференціи почти всѣ были арестованы тотчасъ послѣ нея, но рѣшенія, которыя они приняли, все же были исполнены.

Майская прокламація и брошюра были распространены съ небывалымъ до того времени успѣхомъ. Организаціонный Комитетъ былъ возстановленъ, но только въ существенно измѣненномъ видѣ, благодаря тому, что къ этому времени въ партіи усилились иныя тенденціи, подъ вліяніемъ идей политическаго радикализма, охватившаго всю страну, и господствующее вліяніе пріобрѣла группа „Искры".

Новый Организаціонный Комитетъ конституировался на конференціи въ октябрѣ 1902 года. На основаніи постановленія Бѣлостокской конференціи Организаціонный Комитетъ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: русской и заграничной, въ которую входили, между прочимъ, делегатъ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ, т. е. организаціи, завѣдомо стоящей на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ группа „Искры“, а также делегатъ заграничнаго Комитета „Бунда“, также расходившагося съ „Искрою“. Но на октябрьскую конференцію, созванную „Искрою“, Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ не былъ приглашенъ и тѣмъ былъ произвольно отстраненъ отъ важнаго общепартійнаго дѣла.

Въ докладѣ Организаціоннаго Комитета съѣзду, напечатанномъ въ протоколахъ съѣзда, сказано, будто бы иниціаторы октябрьской конференціи „обратились съ приглашеніемъ съѣхаться къ тѣмъ организаціямъ, которыя были участниками первой конференціи“; но это невѣрно, такъ какъ Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ никакого приглашенія не получалъ.

Въ работахъ апрѣльской конференціи принималъ участіе также делегатъ Петербургскаго Комитета, который въ то время рѣзко расходился съ „Искрою“. Сторонники „Искры“ въ Петербургскомъ Комитетѣ, убѣдившись въ томъ, что они не могутъ обратить Комитетъ „на путь истины“, произвели въ немъ лѣтомъ 1902 года переворотъ, воспользовавшись отсутствіемъ на лѣто нѣсколькихъ членовъ Комитета; свои дѣйствія они сами признавали нарушеніемъ устава и постановленій Комитета, но оправдывались „интересами дѣла“ и называли свои поступки „истинно-революціонными“, не считающимися съ „формальностями“. Это создало расколъ въ Комитетѣ, и съ осени 1902 года въ Петербургѣ мы находимъ уже двѣ организаціи, изъ которыхъ каждая называла себя Комитетомъ Партіи.

Но на октябрьской конференціи присутствовалъ уже только представитель „Искровской“ Петербургской Организаціи. (См. протоколъ, стр. 20) Кто имѣлъ право и каковы были основанія устранить вторую организацію? Кто, по крайней мѣрѣ, разбиралъ споръ между двумя петербургскими организаціями о правѣ называться Комитетомъ Партіи? Октябрьская конференція была дѣломъ „Искры“, и потому тамъ эти вопросы не возникали. Между тѣмъ впослѣдствіи вторая петербургская организація, такъ называемый, „Рабочій Комитетъ“, доказала на третейскомъ судѣ свое право называться Комитетомъ Партіи, и потому его делегатъ присутствовалъ на второмъ съѣздѣ, но цѣль „Искры“ была уже достигнута: отъ дѣла *организаціи* съѣзда онъ былъ отстраненъ.

„Представитель Бунда не явился на октябрьскую конференцію“, какъ коротко сказано въ докладѣ Организаціоннаго Комитета съѣзду. На самомъ же дѣлѣ Бундъ тоже не былъ приглашенъ. Правда, это произошло

по винѣ одного лишь изъ будущихъ членовъ Организаціоннаго Комитета, Павловича, которому было поручено передать Бунду приглашеніе. Павловичъ былъ противъ этого приглашенія, желая, чтобы конференція была чисто „Искровская", и онъ совершенно логично разсуждалъ, что если инициаторы конференціи сознательно неправильно отстраняютъ отъ дѣла двѣ организаціи и лишь не берутъ на себя смѣлость отстранить такую вліятельную и сильную, какъ Бундъ, то онъ можетъ взять эту смѣлость на себя... Какъ бы то ни было, всѣ антиискровскіе элементы были отстранены отъ октябрьской конференціи и отъ дѣла подготовки съѣзда.

„Было рѣшено, читаемъ мы дальше въ докладѣ, образовать Организаціонный Комитетъ изъ представителей тѣхъ организацій, которые вошли въ составъ Организаціоннаго Комитета по постановленію апрѣльской конференціи". „Апрѣльскій Организаціонный Комитетъ былъ составленъ изъ представителей трехъ организацій: Искры, Бунда и Союза Южныхъ Комитетовъ". Это опять таки невѣрно, потому что при этомъ была произвольно уничтожена заграничная часть Комитета и, кромѣ того, не принято въ расчетъ, что Союзъ Южныхъ Комитетовъ уже не существовалъ въ это время, что стало извѣстно инициаторамъ новаго Организаціоннаго Комитета, по словамъ доклада, во время октябрьской конференціи.

Воронежскій Комитетъ тогда же протестовалъ противъ этихъ явныхъ нарушеній рѣшеній апрѣльской конференціи и требовалъ, чтобы Организаціонный Комитетъ былъ пополненъ представителями заграничнаго Союза и Петербургскаго Рабочаго Комитета. Онъ тяжело поплатился за эту дерзость: его не пустили на съѣздъ. На цѣлой страницѣ докладъ Организаціоннаго Комитета описываетъ, какъ долго онъ возился съ одесскою группою „Рабочая Воля", „возникшей, правда, еще до 1-го мая прошлаго года, но не проявлявшей почти никакой дѣятельности до осени прошлаго года". Этимъ составители доклада, очевидно, хотѣли показать свое безпристрастіе въ дѣлѣ приглашенія различныхъ организацій на съѣздъ. Но организація, носившая тогда имя Воронежскаго Комитета, возникла еще въ 94 году и все время непрерывно вела работу, пережила нѣсколько разгромовъ, выпустила за послѣдній годъ девять прокламацій; къ тому же это былъ единственный комитетъ, состоявшій изъ рабочихъ; но съ нимъ разговоръ былъ коротокъ!

Семнадцати организаціямъ Организаціонный Комитетъ сообщилъ, что они не могутъ послать делегатовъ на съѣздъ, въ томъ числѣ значится въ докладѣ и Воронежскій Комитетъ; но на самомъ дѣлѣ онъ этого извѣщенія не получилъ и потому не могъ прибѣгнуть къ третейскому суду, для защиты своихъ правъ, какъ это сдѣлали девять другихъ организацій. Предвидя опасность быть устраненнымъ отъ съѣзда, Воронежскій Комитетъ

задолго до съѣзда просилъ Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ потребовать для него третейскаго суда въ случаѣ, если его постигнетъ месть со стороны Организаціоннаго Комитета. Но Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ до послѣдняго момента самъ былъ оставленъ безъ увѣдомленія о томъ, какія организаціи были приглашены на съѣздъ, какія отстранены и когда состоится съѣздъ.

Такая же судьба постигла и заграничную группу „Борьба". Это была единственная группа, выпустившая до съѣзда нѣсколько брошюръ по вопросу о программѣ. Эта группа имѣла съ Воронежскимъ Комитетомъ только одну общую черту: она была антиискровской. И вотъ не осталось ни одной антиискровской группы, которая не была бы отстранена въ большей или меньшей степени отъ дѣла съѣзда или отъ дѣла его подготовки. Протесты противъ этого на самомъ съѣздѣ не могли ни къ чему привести: въ комиссію по повѣркѣ мандатовъ были избраны исключительно искровцы, кромѣ Юдина изъ Бунда. Но Бундъ и при этомъ держался своей тактики невмѣшательства по вопросамъ имѣющимъ „лишь" принципіальный интересъ. Юдинъ видѣлъ, что Воронежскій Комитетъ неправильно устраненъ, онъ задалъ въ комиссіи цѣлый рядъ вопросовъ и на всѣ нихъ получилъ благопріятный для устраненнаго Комитета отвѣтъ. Тогда онъ... воздержался отъ голосованія.

Но въ уставѣ съѣзда, выработанномъ Организаціоннымъ Комитетомъ, былъ „либеральный" пунктъ, оставлявшій возможность проникнуть на съѣздъ и несогласно мыслящимъ элементамъ. Каждый комитетъ имѣлъ два мандата, чтобы можно было—какъ разъяснялось въ уставѣ—представить на съѣздъ взгляды не только большинства членовъ комитета, но и меньшинства: представитель антиискровскихъ взглядовъ могъ попасть на съѣздъ, какъ делегатъ организаціи, которая въ своемъ большинствѣ стояла на искровской точкѣ зрѣнія.

Однако, если сторонники „Искры" въ Организаціонномъ Комитетѣ нашли нужнымъ и полезнымъ отстранить по мѣрѣ возможности отъ съѣзда представителей „смуты" въ нашей партіи, то тѣмъ болѣе должны были придерживаться этого правила ученики этой школы внутри комитетовъ. — Костичъ выразился объ этомъ на съѣздѣ такъ: „я спеціально интересовался этимъ вопросомъ и оказалось, что всѣ комитеты, въ которыхъ есть большинство и меньшинство, послали обоихъ делегатовъ отъ большинства". Въ протоколахъ съѣзда эти слова *Костича* переданы такъ: „... большинство выберетъ всегда двухъ своихъ делегатовъ" (стр. 259); но приведенныя мною выше слова Костича, взятыя мною изъ моихъ личныхъ записокъ на съѣздѣ, подтверждаются протоколами въ рѣчахъ тѣхъ, кто тогда же отмѣ-

тилъ эти слова Костича [1]). Слова Костича не вызвали опроверженія ни съ чьей стороны.

Наконецъ, оставался еще одинъ путь для того, чтобы дать возможность меньшинству партіи защищать свои взгляды на съѣздѣ. По уставу съѣзда Организаціонный Комитетъ могъ пригласить съ правомъ совѣщательнаго голоса товарищей, оказавшихъ соціалдемократическому движенію особыя услуги и являющихся выразителями различныхъ теченій внутри партіи. Но такими заслуженными товарищами оказались опять таки одни искровцы за исключеніемъ одного члена Бунда. Бунду такимъ образомъ былъ удѣленъ и почетъ въ той же пропорціи, какъ и вліяніе — 10 процентовъ.

Организаціонный Комитетъ не счелъ своею обязанностью пригласить на съѣздъ и выслушать хотя бы, напримѣръ, Б. Н. Кричевскаго. Кричевскій принималъ участіе въ соціалдемократической работѣ въ Россіи еще въ концѣ 80-хъ годовъ. Будучи вынужденъ бѣжать по выходѣ изъ тюрьмы, онъ сейчасъ же занялъ видное мѣсто въ международной соціалдемократической литературѣ. Уже въ 1890-мъ году онъ писалъ въ издававшемся Группою „Освобожденіе Труда" журналѣ „Соціалдемократъ" и помѣстилъ рядъ статей въ Die Neue Zeit. Позже, разойдясь съ Группою „Освобожденіе Труда", онъ принялъ руководство „Соціалдемократическою Библіотекою", издававшеюся въ Цюрихѣ Грозовскимъ, и въ 94—96 г.г. написалъ нѣсколько брошюръ, пользовавшихся большимъ успѣхомъ, а также перевелъ „Эрфуртскую программу" Каутскаго, „Трудъ и Капиталъ" и „18-ое брюмера" Маркса. Съ 98-го года онъ былъ членомъ редакціи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ, а затѣмъ и единственнымъ редакторомъ изданій Союза. Подъ его руководствомъ такимъ образомъ было издано 72 выпуска брошюръ, листковъ и книжекъ „Рабочаго Дѣла" — количество, по тѣмъ временамъ, громадное. Въ какой мѣрѣ онъ являлся выразителемъ тогдашнихъ взглядовъ русскихъ соціалдемократовъ, видно изъ того, что „Искра", начавшая борьбу съ этими взглядами, вела ее именно—главнымъ образомъ и прежде всего—противъ Кричевскаго. Въ то же время Кричевскій сотрудничалъ въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ. Семь лѣтъ состоялъ онъ постояннымъ сотрудникомъ центральнаго органа нѣмецкой соціалдемократіи, Vorwärts'а, и при томъ въ весьма отвѣтственномъ и сложномъ отдѣлѣ французскаго движенія, а также продолжалъ писать въ научномъ журналѣ этой партіи, Die Neue Zeit. Уже послѣ того какъ полемика „Искры" съ Кричевскимъ была перенесена въ западно-европейскую прессу, Каутскій

---

[1]) См. рѣчи Гольдблата, Либера и мою; стр. 260, 261. См. также въ „отчетѣ делегаціи Бунда"—Женева 1903, стр. 52.

просилъ его снова писать въ его органѣ. Кричевскій на это отвѣтилъ, что онъ могъ бы продолжать сотрудничать лишь въ томъ случаѣ, если бы ему было обѣщано, что его статьи будутъ печататься безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій. Каутскій и на это согласился.

Кромѣ всего этого, Кричевскій былъ ко времени съѣзда представителемъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро—выборъ его русскою делегаціей Парижскаго Международнаго Съѣзда былъ утвержденъ въ 1900 г. всѣми комитетами Партіи. Но, очевидно, все это уничтожалось тѣмъ фактомъ, что Кричевскій велъ борьбу съ искризмомъ и его присутствіе на съѣздѣ было признано лишнимъ.

Нѣсколькими членами съѣзда, и даже Организаціоннаго Комитета было предложено пригласить съ совѣщательнымъ голосомъ Н. Рязанова, какъ единственнаго изъ старыхъ соціалдемократовъ выступившаго въ литературѣ съ критикою проэкта партійной программы [1]). По этому поводу на съѣздѣ возгорѣлась борьба, показавшая, что лидеры съѣзда не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы „выбросить", по выраженію Ленина, неугодные имъ элементы. Многіе члены съѣзда позволили себѣ рядъ оскорбленій и насмѣшекъ по адресу Рязанова, какъ это видно изъ протоколовъ съѣзда; а Ленинъ даже назвалъ „ненадежными" тѣхъ членовъ Организаціоннаго Комитета, которые высказались за приглашеніе Рязанова. Это столкновеніе было первымъ инциндентомъ возгорѣвшейся впослѣдствіи фракціонной борьбы, приведшей къ расколу на „большинство" и „меньшинство".

То же самое произошло съ другимъ товарищемъ К.—Объ этомъ разсказалъ въ своей брошюркѣ по поводу съѣзда Павловичъ. „Одинъ изъ представителей Искры въ Организаціонномъ Комитетѣ З. внесла предложеніе пригласить нѣкоего К., извѣстнаго организаціи лишь своими „перебѣгами" рабочедѣльца. З. мотивировала необходимость приглашенія К. тѣмъ, что... „З. солидарна съ К. во всѣхъ тѣхъ взглядахъ, въ которыхъ К. расходится съ Искрой" (стр. 8). По словамъ Павловича, „эта декларація удивила и возмутила всѣхъ членовъ организаціи Искры". „Мартовъ энергично протестовалъ" (стр. 7). Между тѣмъ совершенно не вѣрно, будто бы К. былъ извѣстенъ „Искрѣ" лишь своими „перебѣгами"; онъ былъ хорошо извѣстенъ членамъ этой организаціи еще лѣтъ за 10 до съѣзда какъ способный и полезный работникъ. Изъ протоколовъ съѣзда заграничной Лиги Революціонной Соціалдемократіи, бывшаго вскорѣ послѣ второго

[1]) Н. Рязановъ былъ впервые арестованъ по соціалдемократическому дѣлу еще въ 1891 году и просидѣлъ въ общей сложности въ тюрьмѣ четыре года. Кромѣ толстой книжки съ критикой проэкта „Искры", онъ издалъ также критику „инструкціи редакціи Рабочаго Дѣла".

съѣзда партіи и ставшаго ареною борьбы, начавшейся на партійномъ съѣздѣ, мы узнаемъ (стр. 56), что З.—представительница „Искры“ въ Организаціонномъ Комитетѣ—потому настаивала на приглашеніи К., что считала его хорошо знакомымъ съ программными вопросами. Тогда Мартовъ объяснилъ, почему онъ „энергично протестовалъ“ противъ приглашенія К., и это его объясненіе въ высшей степени характерно: „Я не согласенъ въ оцѣнкѣ этого лица, имѣю основаніе думать, что онъ ближе къ рабочедѣльцамъ, чѣмъ къ Искрѣ“.

Мною и Мартыновымъ было передано предсѣдателю комиссіи по провѣркѣ мандатовъ, Кольцову, предложеніе пригласить на съѣздъ съ правомъ совѣщательнаго голоса Парвуса, но и это предложеніе не имѣло успѣха.

Очевидно, организаторы съѣзда такъ мало надѣялись на своихъ сторонниковъ, что боялись присутствія своихъ идейныхъ противниковъ хотя бы только съ совѣщательнымъ голосомъ. Такимъ образомъ и этотъ послѣдній способъ привлечь къ общему дѣлу всѣ силы партіи былъ отвергнутъ. Дѣло партійное было превращено въ дѣло групповое.

Съѣзду предстояло рѣшить два кардинальныхъ вопроса: выработать программу партіи и создать ея организацію. Съѣздъ безусловно не выполнилъ ни одной изъ этихъ задачъ.

Что касается партійной организаціи, то съѣзду неудалось ее создать даже формально: никогда раньше въ партіи не царила такая анархія, какъ послѣ второго съѣзда. Люди не остановившіеся передъ неправдою по отношенію къ своимъ идейнымъ противникамъ даже и внутри партіи, не могли не раздѣлиться, не могли удержаться отъ насилія надъ своимъ собственнымъ меньшинствомъ, какъ только они почувствовали себя господами положенія. Предложенный однимъ изъ вожаковъ съѣзда, Ленинымъ, списокъ кандидатовъ въ члены Центральнаго Комитета и въ редакцію Центральнаго Органа устранялъ отъ власти вліятельныхъ въ партіи лицъ и потому создавалъ оппозицію, которая, впрочемъ, тотчасъ же заняла принципіально отличную отъ большинства съѣзда позицію. Этимъ безусловно опровергается упрекъ, будто бы оппозиція возникла единственно на почвѣ борьбы личныхъ самолюбій—напротивъ, эта борьба могла возникнуть только потому, что уже чувствовалось или предчувствовалось глубокое принципіальное разногласіе въ рядахъ дотолѣ казавшагося однороднаго теченія. Но эти разногласія могли бы найти себѣ мирный исходъ, если бы большинство отнеслось лойяльно къ оппозиціи, при томъ - же весьма сильной, ибо большинство имѣло перевѣсъ лишь однимъ голосомъ. Но тѣ, кто только что

подавилъ силою своихъ идейныхъ противниковъ изъ числа своихъ товарищей по партіи, не могли быть лойяльными по отношенію другъ къ другу; большинство не умѣло отнестись съ уваженіямъ къ интересамъ меньшинства, а меньшинство не умѣло исполнить долга партійной дисциплины. Отселѣ расколъ партіи на большевиковъ и меньшевиковъ, имѣвшій для партіи самыя тягостныя послѣдствія, въ наступившіе послѣ второго съѣзда бурные годы и неоконченный до сихъ поръ.

Ленинъ предложилъ выбирать членовъ Центральнаго Комитета тайнымъ голосованіемъ, мотивируя это необходимостью конспираціи. Это была явная уловка, потому что въ то же время для этой „тайной" баллотировки уже раздавались всѣмъ „надежнымъ" членамъ съѣзда списки лицъ, долженствующихъ быть выбранными въ Центральный Комитетъ. И вотъ сторонники Ленина въ „тайномъ" голосованіи всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вотировали за однихъ и тѣхъ же лицъ, частью неизвѣстныхъ имъ даже по имени и не бывшихъ на съѣздѣ. Былъ очевиденъ уговоръ между сторонниками Ленина, и избранный съѣздомъ Центральный Комитетъ не имѣлъ ни авторитета, ни силы, необходимыхъ для этого важнаго партійнаго учрежденія. Это случилось потому, что школа „Искры", которая была представлена на съѣздѣ большинствомъ делегатовъ, не могла и не желала считаться съ историческимъ ходомъ развитія партіи: къ этому историческому, „стихійному" процессу школа „Искры" всегда относилась съ презрѣніемъ и хотѣла противопоставить ему свой планъ развитія. Даже Мартовъ лидеръ меньшинства, дошелъ до того, что назвалъ на съѣздѣ исторической аномаліей быстрый и мощный ростъ Бунда и тѣ формы, которыя приняла организація еврейскаго пролетаріата. Мартовъ былъ подобенъ тогда человѣку, который смотритъ на роскошное зарево зари и говоритъ: „Какія яркія краски! Это даже неестественно!"

Каковы были основныя черты развитія партіи? Какія задачи ставила она въ своемъ историческомъ развитіи передъ „сознательными выразителями этого безсознательнаго процесса"? Какой типъ организаціи исторически подготовлялся самимъ ходомъ этого развитія? Самая постановка этихъ вопросовъ невозможна была для представителей школы „Искры"; а то теченіе, которое только и могло ихъ поставить и сдѣлать, по крайней мѣрѣ, попытку къ ихъ разрѣшенію, какъ я уже сказалъ, было отстранено отъ дѣла строительства партіи.

Гораздо легче съѣздъ справился со второю своею задачею, съ выработкою партійной программы, сведя ее къ пустой формальности. Съѣздъ окончилъ эту свою „работу" напыщенной фразой своего предсѣдателя: „Партія сознательнаго пролетаріата отнынѣ имѣетъ свою программу!" Въ настоящее время, когда партія безпринципно мечется изъ стороны въ сторону,

лишенная какихъ бы то ни было програмныхъ устоевъ, эта фраза звучитъ насмѣшкою.

Въ іюнѣ 1902 г. группа „Искры“ опубликовала въ № 21 своей газеты проектъ програмы партіи. „Програма партіи должна выражать коллективную мысль партіи“ — писали совершенно справедливо авторы проэкта, публикуя его; „это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи“. На самомъ же дѣлѣ ни одна группа кромѣ „Искры“ не приняла—въ теченіе года—участія въ дѣлѣ выработки проекта, и работа, долженствовавшая быть коллективной, оставалась индивидуальной.

Приходилось ждать съѣзда. Можно было надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, тамъ коллективная мысль партіи, исходя изъ критики проекта, создастъ выраженіе своего міросозерцанія. Но и эти надежды потеряли основаніе, когда опредѣлился тенденціозный составъ съѣзда.

Не допустивъ на съѣздъ своихъ идейныхъ противниковъ, организаторы не дали возможности критиковать проектъ даже и делегатамъ союза. Мною были представлены 22 поправки къ одной только принципіальной части програмы. Но съѣздъ принялъ „исключительный законъ“ по отношенію къ обсужденію этихъ поправокъ, такъ что пришлось отказаться отъ самаго ихъ внесенія. Тогда все пошло гладко: больше никто ни слова не возражалъ, и съѣздъ въ теченіе какого-нибудь часа принялъ всю принципіальную часть програмы.

Формальность была исполнена, но за то можно не колеблясь сказать теперь, черезъ пять лѣтъ, что у партіи еще нѣтъ програмы.

Съѣздъ закончился удаленіемъ Бунда изъ партіи, уничтоженіемъ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ и, наконецъ, расколомъ искровцевъ на двѣ почти равныя части. Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ былъ закрытъ безъ разсужденій. Съѣзду не угодно было даже выслушать докладъ делегатовъ союза, и такъ какъ онъ не былъ напечатанъ и въ протоколахъ съѣзда, то я привожу его здѣсь. Онъ былъ составленъ мною при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя опредѣляли и содержаніе моихъ рѣчей: у меня не было никакой надежды убѣдить въ чемъ-нибудь съѣздъ! Не только у съѣзда было предвзятое мнѣніе о нашихъ—делегатовъ союза—взглядахъ, но не было даже охоты насъ выслушивать. Поэтому всякія сообщенія мои о той огромной работѣ, которую выполнилъ Союзъ за 4 года, были бы излишни. Въ глазахъ делегатовъ, чѣмъ больше сдѣлалъ союзъ, тѣмъ хуже, потому что то, что онъ дѣлалъ—есть зло. Въ виду этого я ставилъ себѣ цѣлью своимъ докладомъ вызвать принципіальное обсужденіе той позиціи, на которой стоялъ союзъ. Можетъ быть, это мнѣ и удалось бы, если бы не

„стойкая политика“ „ежовыхъ рукавицъ“—такъ называлъ ее Ленинъ,—не допустившая самаго чтенія докладовъ.

Заканчиваю поэтому мои сообщенія о съѣздѣ приведеніемъ полностью этого доклада. Онъ назывался „докладъ делегата Союза Русскихъ Соціалдемократовъ второму съѣзду Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи“ и гласилъ слѣдующее:

Докладъ делегаціи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ Второму Съѣзду Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Съ 1895 г. соціалдемократія въ Россіи начала переходить отъ кружковщины къ пріемамъ массовой агитаціи. Это создало, между прочимъ, потребность въ агитаціонныхъ брошюрахъ для распространенія въ рабочихъ массахъ. Между тѣмъ, въ ней ощущалась крайняя нужда: брошюръ было очень мало и тѣ, которыя были, имѣлись въ очень ограниченномъ количествѣ. Тогдашній Союзъ Р. С.-Д. издавалъ едва нѣсколько брошюръ въ годъ и не смогъ поставить сколько-нибудь удовлетворительно дѣло доставки своихъ изданій въ Россію.

Выходившіе за границей „Листки Работника“ (съ мая 96 по октябрь 98 года 8 выпусковъ) никого не удовлетворяли, при чемъ изданіе ихъ привело къ столкновенію Г. О. Т. съ большинствомъ „молодыхъ“ товарищей. Вслѣдствіе этихъ столкновеній „молодые“ съѣхались въ ноябрѣ 98 года и рѣшили потребовать отъ Г. О. Т., чтобы она уступила имъ самостоятельно издавать „Листки Работника“ и агитаціонныя брошюры. Въ противномъ случаѣ предполагалось приступить къ изданіямъ внѣ Союза. „Молодые“ хотѣли, чтобы Г. О. Т. продолжала редактировать сборникъ „Работникъ“ и тѣ брошюры, которыя она сама найдетъ нужнымъ издать. Однако Г. О. Т., согласившись на измѣненія въ томъ духѣ, какъ того желали „молодые“, сама отказалась принимать активное участіе въ дальнѣйшихъ изданіяхъ Союза.

„Молодые“ ставили себѣ очень скромныя задачи. Въ уставѣ ихъ говорилось: Задачи Союза: 1) издавать и доставлять въ Россію агитаціонную литературу; 2) исполнять порученія партійныхъ организацій въ Россіи по представительству за границей; 3) Союзъ не отказывается и отъ другихъ задачъ, имѣющихъ возникнуть и не противорѣчащихъ манифесту Партіи.

Большинство „молодыхъ“ только что пріѣхали тогда изъ Россіи, они принесли съ собою взгляды на задачи нелегальной литературы, которыя выработались у нихъ во время ихъ дѣятельности на мѣстахъ, и потому изданія Союза начали выражать тѣ тенденціи, которыя въ то время характеризовали наше движеніе.

Союзъ упрекали въ томъ, что онъ шелъ въ хвостѣ движенія, что онъ былъ „съ большинствомъ“, что онъ опустился до уровня массъ вмѣсто того, чтобы руководить ими. Это совершенно лишенныя основанія упреки. Союзъ въ той же мѣрѣ былъ отраженіемъ тогдашняго движенія, какъ нашъ настоящій съѣздъ является отраженіемъ современ-

наго движенія: онъ былъ частью однородной партіи и не могъ имѣть никакихъ иныхъ чертъ, кромѣ общихъ чертъ Партіи.

Позже, когда развитіе нашей Партіи дифференцировало ея части, меньшинство могло и должно было выдвинуть новыя, болѣе широкія задачи. Этими задачами были — выработать формы политической борьбы пролетаріата и создать единую партійную организацію. Общепринято думать, что Союзъ явился при этомъ консервативной стороной, „экономистомъ" и „кустарникомъ". Я покажу ниже насколько это ошибочно и объясню, почему создалась эта ошибка. — Теперь я возвращаюсь къ 93 году.

Я сказалъ, что задачи тогдашняго Союза были общими задачами Партіи. Каковы же были ея задачи?

Невѣроятно тяжелыя жизненныя условія русскихъ рабочихъ и наступившій послѣ промышленнаго застоя 80-хъ годовъ періодъ процвѣтанія вызвалъ среди рабочихъ цѣлый рядъ попытокъ добиться улучшенія своего положенія. „Соціалдемократія поставила себѣ задачей вмѣшаться въ эту борьбу пролетаріата, придать ей правильную организацію и пробудить въ рабочихъ вполнѣ сознательное отношеніе къ этой борьбѣ, къ ея цѣлямъ, средствамъ и результатамъ, которые могутъ быть достигнуты". (Предисл. къ 1-му изд. Эрф. прогр. 1893 г.). „Для этого соціалдемократія взялась непосредственно за возбужденіе въ массѣ движенія на экономической почвѣ". „Постоянно тереться въ массѣ, прислушиваться, схватить біеніе пульса толпы — къ этому сталъ стремиться агитаторъ". Но онъ хотѣлъ „идти шагомъ дальше, чѣмъ пойдетъ масса", онъ хотѣлъ „освѣтить въ ея глазахъ эту борьбу, объяснивъ ея значеніе съ болѣе общей точки зрѣнія", не теряя изъ виду той связи, которая существуетъ между даннымъ его шагомъ и конечной цѣлью". (См. брошюру „Объ агитаціи" 1895 г.).

Таковы были тогда задачи русской соціалдемократіи, которыя она себѣ сознательно поставила и формулировала; она ихъ выполнила съ полнымъ успѣхомъ. „Она подготовила, между прочимъ, почву для политической агитаціи". „Измѣненіе политическаго строя теперь только вопросъ времени. Одна искра и накопленный горючій матеріалъ дастъ взрывъ". (Предсказаніе брош. „Объ агитаціи"). Вотъ почему глубоко не правы тѣ, кто обвиняетъ сознательно накоплявшихъ этотъ матеріалъ въ забвеніи политическихъ задачъ нашей Партіи.

Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ желалъ присоединить свои силы къ тогдашней работѣ нашей Партіи и, въ свою очередь, какъ одинъ изъ отрядовъ ея, онъ сдѣлалъ то, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать въ той части работы, которую онъ взялъ на себя.

Въ теченіе 4-хъ лѣтъ онъ выпустилъ 72 выпуска агитаціонныхъ изданій въ количествѣ болѣе 200 тысячъ экземпляровъ или почти милліонъ листовъ. Онъ доставилъ въ Россію 215 пудовъ, т. е. по 55 пудовъ въ среднемъ ежегодно. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что работа Союза велась при несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ существующія теперь.

„Теперь не хочется умирать, не хочется старѣться, теперь весело жить", сказалъ нашъ предсѣдатель, открывая съѣздъ. Союзъ дѣйство-

валъ, когда жить было не весело, когда надо было еще прокладывать дорогу для нелегальной литературы въ широкіе слои пролетаріата.

Особенно важна была работа Союза въ дѣлѣ устройства первомайской демонстраціи.

Когда Союзъ приступалъ къ своимъ изданіямъ, манифестаціи еще считались невозможными большинствомъ товарищей. Въ первомайскомъ листкѣ 98 года Плехановъ писалъ, что „разумѣется" демонстраціи въ Россіи теперь не возможны, что вышедшихъ на манифестацію рабочихъ перестрѣляли бы или, въ лучшемъ случаѣ, всѣхъ отвели бы въ тюрьму. Точно также Аксельродъ, уже въ августѣ 1900 года все еще считалъ уличныя демонстраціи чѣмъ-то фантастическимъ и, отклоняя нѣкоторые упреки, онъ писалъ: „точно я въ самомъ дѣлѣ хоть намекомъ предлагалъ кому бы то ни было заняться организаціей террористическаго заговора или *уличныхъ демонстрацій*".

Союзъ высказался за устройство политическихъ манифестацій, и первомайскихъ въ особенности, уже на первомъ съѣздѣ своемъ въ ноябрѣ 98 года и далъ редакціи соотвѣтствующія инструкціи. Съ тѣхъ поръ ежегодно онъ выпускалъ къ первому мая особую брошюру или майскій листокъ, и всѣ эти изданія были полностью доставлены въ Россію. Особенно удачна была майская кампанія 1901 г. Союзъ послалъ своего делегата объѣхать главнѣйшіе комитеты и выработать общія требованія; онъ выпустилъ 10.000 брошюръ, 10.000 прокламацій, 4.000 6-го номера листка „Раб. Дѣла", посвященнаго цѣликомъ февральскимъ и мартовскимъ событіямъ 1901 г. 23 человѣка были отправлены въ Россію, чтобы развезти эти изданія своевременно во всѣ концы отъ Петербурга до Тифлиса и отъ района дѣятельности „Бунда" до „Урала". Это потребовало расхода въ 8.000 фр. Весь выработанный планъ былъ полностью выполненъ, и ни одинъ человѣкъ изъ этихъ 23-хъ не былъ арестованъ.

Кромѣ этой работы, Союзъ задался цѣлью возстановить центральную организацію Партіи, разгромленную тотчасъ послѣ перваго съѣзда. На вопросъ „съ чего начать" Союзъ отвѣчалъ — съ созыва съѣзда. Союзъ считалъ съѣздъ кратчайшимъ путемъ для того, чтобы положить конецъ организаціонной и идейной разрозненности нашей партіи; и это потому, что отклоненія различныхъ организацій нашей партіи отъ правильнаго пути Союзъ считалъ лишь ошибками, неизбѣжно связанными съ неразвитымъ состояніемъ движенія, а не проявленіемъ антиреволюціоннаго теченія въ соціалдемократіи. Правильность этихъ взглядовъ Союза, какъ мнѣ кажется, вполнѣ подтвердилась тѣмъ, что ни одна изъ организацій тогда называвшихъ себя соціалдемократическими не пошла ни за авторами credo, которое выставляется теперь совершенно ошибочно, какъ выраженіе тенденцій того періода, ни за какимъ бы то ни было другимъ антиреволюціоннымъ теченіемъ. Что касается Союза, то онъ первый опубликовалъ протестъ русскихъ соціалдемократовъ противъ credo и присоединилъ къ нему и свой энергичный протестъ.

Для организаціи съѣзда Союзъ нѣсколько разъ посылалъ въ

Россію своихъ делегатовъ. Они, однако, натолкнулись на инертность нашихъ мѣстныхъ организацій и даже на боязнь, что центральный комитетъ Партіи, если онъ будетъ возстановленъ, станетъ навязывать свой собственный планъ дѣятельности, не считаясь съ мѣстными условіями агитаціи—въ то время еще не однородными во всей Россіи. Но Союзъ продолжалъ пропагандировать идею съѣзда и, хотя непосредственныхъ результатовъ ему не удалось досигнуть, все же несомнѣнно, его работа и въ этомъ отношеніи не пропала даромъ и содѣйствовала, ускорила наступленіе времени, когда значеніе и необходимость съѣзда были сознаны нашими комитетами, и они живо откликнулись на новый призовъ О. К. Впрочемъ, и О. К. былъ созданъ по идеѣ апрѣльской конференціи, созванной при участіи и по инициативѣ Союза и получилъ формальную санкцію, ссылаясь на постановленія этой конференціи.

Одно изъ круговыхъ писемъ Союза, обращенное ко всѣмъ комитетамъ въ ноябрѣ 1900 года, свидѣтельствуетъ о взглядахъ Союза на организаціонныя програмныя и тактическія задачи нашей партіи. Этотъ документъ еще не былъ опубликованъ, и потому я привожу его здѣсь. Нѣсколько выраженій въ немъ мы бы теперь не употребили, нѣсколько тезисовъ мы бы теперь обосновали иначе и болѣе рѣзко, но надо помнить, что это письмо относится ко времени до весеннихъ событій 1901 г. Во всякомъ случаѣ изъ него ясно видно, какъ далекъ былъ Союзъ отъ приписанныхъ ему кустарничества антиполитическихъ тенденцій. Порядокъ дня 2-го съѣзда былъ намѣченъ Союзомъ тотъ самый, который фактически будетъ по всѣмъ видимостямъ проведенъ нашимъ съѣздомъ; такимъ образомъ и идейное объединеніе партіи, выработка программы, признавались Союзомъ дѣломъ первой важности.—

Совершенно неосновательно обвинять Союзъ въ томъ, что онъ не руководилъ движеніемъ. Союзъ не бралъ на себя этой задачи и всегда ясно сознавалъ отсутствіе руководящаго органа. Поэтому-то, въ самомъ началѣ онъ настаивалъ на изданіи подъ редакціей Г. О. Т. сборника „Работникъ", который служилъ бы научнымъ журналомъ, по образу „Die Neue Zeit", какъ тогда предполагалось; поэтому же позже, въ 99 г, Союзъ предлагалъ Г. О. Т. издавать брошюры отъ имени Союза, но подъ ея безапелляціонной редакціей. Вышло даже объявленіе объ этихъ изданіяхъ, въ которыхъ Гр. Осв. Тр. намѣчала основные вопросы, подлежащіе разработкѣ въ изданіяхъ Союза подъ ея редакціей, тѣ тенденціи, которыя Г. О. Т. желала защищать и тѣ, противъ которыхъ она находила нужнымъ бороться. Союзъ издалъ это объявленіе отъ своего имени и этимъ подписался подъ взглядомъ Гр. О. Т. или, по крайней мѣрѣ, призналъ ихъ, въ ихъ основѣ, правильными и полезными для дѣла и брался распространять ихъ.

Впрочемъ, Союзъ всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что у него нѣтъ съ Г. О. Т. принципіальныхъ разногласій и не разъ высказывалъ этотъ взглядъ печатно.

Въ настоящее время дѣло обстоитъ не такъ. Союзъ не только не

раздѣляетъ взгляда „Искры“ и „Зари“ на „третій періодъ“ въ прошломъ русской соціалдемократіи, но и остальные взгляды далеко не всѣ можетъ принять.

Задачи „четвертаго періода“ Союзъ понималъ иначе, чѣмъ „Искра“ и „Заря“, и этими разногласіями объясняется, что теченіе „Искры“ и „Зари“, господствующее въ настоящее время въ русской соціалдемократіи, сочли за борьбу противъ принциповъ революціонной соціалдемократіи то, что было борьбою противъ нѣкоторыхъ тенденцій „Искры“ и „Зари“, которыя Союзъ считалъ и считаетъ ошибочными и идущими въ разрѣзъ съ интересами революціонной соціалдемократіи. Тѣмъ не менѣе, онъ, посылая на 2-ой съѣздъ Партіи двухъ своихъ делегатовъ, выражающихъ два крайніе оттѣнка мнѣній Союза, для защиты своей принципіальной позиціи, принялъ рѣшеніе въ интересахъ дисциплины и партійнаго единства безусловно подчиниться рѣшеніямъ съѣзда.

Мнѣ представляется, что вышеприведенныя факты имѣютъ не только интересъ для исторіи партіи, изъ жизни которой они взяты, но также и принципіальное значеніе. О немъ было бы не умѣстно здѣсь распространяться, такъ какъ статья носитъ характеръ чисто фактическаго сообщенія.

В. Махновецъ—Акимовъ.

Неизданные стихи и письма А. Н. Плещеева.

Извѣстный поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ въ 1849 году былъ судимъ по дѣлу Петрашевскаго и записанъ въ рядовые. Въ Оренбургѣ онъ тянулъ лямку въ качествѣ рядового 3-го линейнаго батальона. Въ ноябрѣ или декабрѣ 1852 года онъ познакомился, а затѣмъ и подружился съ семьей подполковника генеральнаго штаба Виктора Дезидерьевича Дандевиль [1]), занимавшаго въ то время должность штабъ-офицера по особымъ порученіямъ при штабѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса. Онъ былъ женатъ на Любовь Захаровнѣ Балкъ; женился онъ въ бытность свою въ академіи еще въ Петербургѣ въ 1846—47 г. и здѣсь, въ высшемъ столичномъ кругу Любовь Захаровна славилась своей выдающейся красотой.

Въ незначительномъ захолустномъ провинціальномъ городкѣ, какимъ былъ въ то время Оренбургъ, Любовь Захаровна Дандевиль считалась „царицей общества". Самъ тогдашній оренбургскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ,—впослѣдствіи графъ,—В. А. Перовскій, человѣкъ хотя и суровый, но все же рыцарь по отношенію къ дамамъ, былъ далеко не равнодушенъ къ молоденькой женѣ подполковника. Многочисленныя его записочки къ Любовь Захаровнѣ и къ ея мужу, сохранившіяся до сихъ поръ, полны выраженій самой изысканной „рыцарской" преданности и поклоненія. На одной изъ нихъ вмѣсто подписи находимъ оригинальный рисунокъ, сдѣланный рукой Перовскаго:—перомъ изображена сидящая въ креслѣ дама, а передъ ней рыцарь, преклоняющій колѣно.

И молодой ссыльный рядовой,—Плещееву тогда было 27 лѣтъ,—не остался равнодушенъ къ Любовь Захаровнѣ и сталъ въ ряды ея поклонниковъ. Но чувство, которое влекло Алексѣя Николаевича къ ней, далеко не носило характера мимолетнаго, пылкаго увлеченія. Это была горячая дружеская любовь, которая согрѣвала душу поэта, скрашивала тяжелую жизнь ссыльнаго вдали отъ родины, родныхъ, закинутаго въ непревычную, суровую обстановку.

---

[1]) Дандевиль скончался 80 слишкомъ лѣтъ въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи 8 сентября 1907 года.

В. Д. Дандевиль, существовавшій съ семьей,—у него тогда уже было двое дѣтей,—на одно офицерское жалованье, велъ жизнь скромную, замкнутую. Въ его домѣ собирался весьма небольшой кружекъ нѣсколькихъ избранныхъ друзей,—людей выдававшихся надъ общемъ уровнемъ тогдашняго оренбургскаго общества. Между нимъ былъ Алек. Мих. Жемчужниковъ,—братъ скончавшагося въ нынѣшнемъ году поэта. Самъ хозяинъ съ академическимъ образованіемъ, съ широкими интересами тоже выдавался среди военныхъ Оренбурга.

Привлекаемый красотой и душевной лаской, свѣтлымъ умомъ Любови Захаровны, находя отдыхъ и успокоеніе въ небольшомъ кружкѣ людей, Алексѣй Николаевичъ мало-по-малу сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ, а затѣмъ и другомъ семьи подполковника Дандевиль. По крайней мѣрѣ, такой характеръ носятъ всѣ письма Плещеева изъ форта Перовскаго къ Виктору Дезидерьевичу, писанныя въ 1854—56 годахъ. Въ этой перепискѣ нѣтъ ни одного письма, въ которомъ бы Алексѣй Николаевичъ не посылалъ искреннѣйшихъ привѣтовъ Любови Захаровнѣ. Чувства поэта къ ней лучше всего характеризуются по двумъ сохранившимся письмамъ къ Л. З. Дандевиль. Въ нихъ же мы находимъ и два стихотворенія, до сихъ поръ не появившіяся въ печати; оба онѣ посвящены Любови Захаровнѣ, къ которой,—какъ можно предполагать,—относятся еще два стихотворенія изъ числа, изданныхъ въ 1858 году.

Первое письмо помѣчено датой „1853 г. 17 февраля". Въ маѣ 1853 года Плещеевъ въ рядахъ 4-го линейнаго батальона отправился въ походъ на Акъ-Мечеть. Войска вернулись въ сентябрѣ и почти тотчасъ же Викторъ Дезидерьевичъ со своей семьей поѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая генералъ-губернатора. Вернулся въ Оренбургъ въ началѣ 1854 г., а весной Плещеевъ былъ переведенъ въ фортъ Перовскій. Когда же въ 1856 г. онъ уже въ чинѣ прапорщика обратно былъ переведенъ въ Оренбургъ, то Любовь Захаровну не засталъ въ живыхъ,—она скончалась въ 1855 году.

Свѣтлыя воспоминанія о знакомствѣ съ Люб. Зах. тогда еще горѣли въ немъ и нашли откликъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Листокъ изъ дневника", помѣченномъ „1856" годомъ, которое начинается такъ:

„Средь жизни будничной, ея тревогъ докучныхъ,
„Незримыхъ, тайныхъ битвъ, съ той жизнью неразлучныхъ
„Воспоминаніе лелѣю я одно,
„И сладко такъ душѣ и горестно оно"...

Правда, въ этомъ произведеніи не названа по имени Люб. Зах., но подробности стихотворенія, исторія жизни поэта въ это время и сопоставленіе съ тѣми неизвѣстными до сихъ поръ письмами и стихами Плещеева, которые мы сейчасъ приведемъ,—все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что стихотвореніе написано надъ впечатлѣніемъ Люб. Зах. Между прочимъ, въ этомъ стихотвореніи встрѣчаются строки, совершенно соотвѣтствующія его письмамъ 1853 года.

„Но дѣтской рѣзвостью, но ясностью чела
„Она влекла къ себѣ съ неодолимой силой“;

. . . .

„Хотѣлъ ей высказать, что тамъ, въ глуши степей,
„Съ любовью буду вспоминать о ней;
„Что днями свѣтлыми я ей одной обязанъ“...

. . . .

„Но не нашелъ я той, къ кому въ былые дни
„Я смѣло несъ и грусть, и радости свои.

. . . .

„И вѣсть услышалъ я:—ея ужъ больше нѣтъ!
„Суровымъ косаремъ сраженъ прекрасный цвѣтъ...

. . . .

„Вотъ уголокъ уютный, гдѣ она бывало
„Вокругъ себя друзей немногихъ собирала.
„Отрадныхъ много я припомнилъ вечеровъ“.

. . . .

Весьма вѣроятно, что и другое стихотвореніе, относящееся къ этому же періоду жизни поэта, также имѣетъ въ виду Любовь Захаровну.

„Когда твой кроткій ясный взоръ
„Ты остановишь вдругъ на мнѣ,
„Иль задушевный разговоръ
„Съ тобой веду я въ тишинѣ“.

А вотъ и неизвѣстныя до сихъ поръ письма и стихи поэта:

I.

„Милостивая Государыня,

Любовь Захаровна!“

„Вы позволили мнѣ прислать вамъ Рафаэлеву Мадонну и я спѣшу воспользоваться вашимъ позволеніемъ. Примите ее отъ меня на память. Судьба, которой я обязанъ многими печальными фарсами въ жизни, устраивала, между прочимъ, всегда дѣла мои такъ что, если я съ кѣмъ-нибудь сближался, если находилъ въ чьемъ-нибудь обществѣ особенную отраду и утѣшеніе, то обстоятельства немедленно разлучали меня съ этими людьми. Оттого я сталъ въ послѣднее время нѣсколько тугъ на сближеніе и избѣгаю привязанностей слишкомъ сильныхъ, чтобы не было слишкомъ больно разставаться. Случай свелъ меня съ вами и съ вашимъ мужемъ. И онъ, и вы были такъ добры ко мнѣ, приняли во мнѣ,—сколько мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ,—такое искреннее и теплое участіе, что,—не знаю ужъ,—какъ это случилось,—но я снова поддался прежней привычкѣ и привязался къ

обоимъ вамъ всѣмъ сердцемъ и всей душой. Общество ваше сдѣлалось для меня такой же почти необходимой потребностью, какъ воздухъ или пища. Безъ васъ—чувствую, что существованіе мое было бы не полно; мало того—нестерпимо. Можетъ быть иногда я поступаю слишкомъ эгоистически, то-есть докучаю вамъ своимъ присутствіемъ, но вы по добротѣ своей не сердитесь на меня и не лишаете меня позволенія бывать у васъ. И вотъ я боюсь, чтобы опять судьба не вмѣшалась,—какъ прежде,—въ мои обстоятельства и чтобы не дала мнѣ снова толчка, который бы вывелъ меня изъ этой отрадной забывчивости своего тяжкаго, грустнаго положенія. Теперь я, какъ во снѣ; какъ бы не пришлось проснуться опять, Богъ знаетъ гдѣ, одному, посреди, совершенно чуждыхъ душѣ моей, людей. Дорога моя очень скользкая и я не за одинъ день свой не могу поручиться:—сегодня — здѣсь, завтра—тамъ. Какъ бы то ни было,—эти два или три мѣсяца, въ которые я сошелся съ вами, никогда не выйдутъ у меня ни изъ памяти, ни изъ сердца. Одно дружеское слово, одно искреннее пожатіе руки, одинъ добрый привѣтъ заставляли меня часто забывать цѣлые годы неудачъ, скуки, горя. Не смѣю надѣяться, чтобы вы вынесли изъ знакомства со мной хоть четвертую часть того свѣтлаго воспоминанія, которое я вынесу объ обоихъ васъ; но желалъ бы все-таки, чтобы хоть изрѣдка, когда вы отсюда уѣдете, или когда меня больше не будетъ здѣсь,—вы произнесли съ участіемъ имя человѣка, глубоко преданнаго вамъ и который былъ бы вполнѣ счастливъ, если-бъ могъ когда-нибудь въ жизни какой-нибудь услугой доказать вамъ эту преданность.

Пускай эта гравюра Рафаэля напомнитъ вамъ иногда обо мнѣ посреди блестящей, шумной, веселой жизни, которая, вѣроятно, ожидаетъ васъ впереди. Но и въ самой веселой жизни бываютъ иногда грустныя минуты, въ которыя намъ бѣлый свѣтъ кажется немножко сѣрымъ. Въ эти-то минуты изображеніе Мадонны, страдавшей много въ жизни и не утратившей ни вѣры, ни твердости, можетъ, я думаю, быть полезно и навести на разныя утѣшительныя мысли. Я даже по этому поводу написалъ стихи (хоть давно отвыкъ писать ихъ), которые тоже позвольте приложить здѣсь. Стихи плохи, но чувство искренно.

При посылкѣ Рафаэлевой Мадонны.

Окружи счастьемъ счастья достойную,
Дай ей спутниковъ полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость спокойную,
Сердцу незлобному міръ упованій.

(1853 г. Февр. 17)

Лермонтовъ.

Въ часы тяжелыхъ думъ, въ часы разувѣренья,
Когда находимъ жизнь мы скучной и пустой
И духъ слабѣетъ нашъ подъ бременемъ сомнѣнія,
Намъ нуженъ образецъ терпѣнія святой.

***

А если тѣ часы печали неизбѣжны
И суждено вамъ ихъ въ грядущемъ испытать,
Быть можетъ этотъ ликъ спокойный, безмятежный
Вамъ возвратитъ тогда и миръ, и благодать.

***

Вы обретете вновь всю силу упованья.
И теплую мольбу произнесутъ уста,
Когда предстанетъ вамъ Рафаэля созданье,
Мадонна чистая, обнявшая Христа.

***

Не гасла вѣра въ Ней и сердце не роптало,
Но къ небу мысль всегда была устремлена.
О, будьте же и вы,—чтобъ васъ не ожидало,
Исполнены любви и вѣры, какъ Она!

***

Да не смущаетъ васъ душевная тревога,
Да не утратите средь жизненнаго зла,
Какъ не утратила Святая Матерь Бога
Вы сердца чистоты и ясности чела!

А. Плещеевъ.

Чистое сердце и ясный взоръ—признаки существа, любимаго Богомъ... Храните же ихъ до конца. Вотъ мое желаніе. Простите мнѣ это длинное письмо, эти плохіе стихи. Мнѣ хотѣлось высказать вамъ все, что у меня на сердцѣ. Еще одно слово:—мнѣ бы хотѣлось, чтобы кромѣ вашего мужа никто не видалъ этого письма. Особливо же *друзья* ваши (les amies dans le genre de celle qui nous a dit, que je suis amoureux). Я былъ бы радъ, если бы вы не показывали его и даже не говорили имъ о немъ".

II.

„Пользуюсь позволеніемъ вашимъ и посылаю вамъ стихи свои. Прошу васъ сохранить ихъ отъ меня на память и не

забыть своего обѣщанія—не показывать никому. На другой страницѣ этого письма вы найдете небольшое посвященіе вамъ. Стихи можетъ быть плохи, но чувства искренни. Надѣюсь, что вы простите первое и не усумнитесь во-второмъ.

Преданный вамъ душой **А. Плещеевъ.**

На другой страницѣ помѣщено слѣдующее стихотвореніе.

Передъ отъѣздомъ.

(Л. З. Д.—При посылкѣ моихъ стиховъ).
Опять весна! Опять далекій путь!
Въ душѣ моей тревожное сомнѣніе,—
Невольный страхъ мою сжимаетъ грудь—
Засвѣтится-ль заря освобожденья!
Велитъ ли Богъ отъ горя отдохнуть
Иль роковой, губительный свинецъ
Положитъ всѣмъ стремленіямъ конецъ.
Грядущее отвѣта не даетъ...
И я иду покорный волѣ рока,
Куда меня звѣзда моя ведетъ...
Въ пустынный край,—подъ небеса Востока!
И лишь молю, чтобъ памятенъ я былъ
Не многимъ тѣмъ, кого я здѣсь любилъ...
О вѣрьте мнѣ,—вы первая изъ нихъ!
Я забывалъ при васъ тоску изгнанья.
Вамъ и теперь мой безыскусный стихъ,
Какъ сердце дань, я шлю на разставанье,
Пусть иногда въ раздумья тихій часъ,
Онъ обо мнѣ заставитъ вспомнить васъ.
И можетъ быть вы дружескій привѣтъ
Пошлете мнѣ, исполнены участія,
Чтобъ лаской той утѣшенъ и согрѣтъ
Мой духъ не могъ утратить вѣры въ счастье...
Такъ на чужбинѣ плѣннику порой
Отрадна пѣснь страны его родной!

А. Плещеевъ".

Литературный домъ-музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

(Докладъ первому всероссійскому съѣзду печати 22 іюня 1908 г.)[1].

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ"...

Такъ писалъ высокоодаренный и глубокопроникновенный художникъ И. С. Тургеневъ, писалъ въ то время, когда смерть уже простирала надъ его одромъ свое черное крыло, писалъ тому, кого въ этомъ же письмѣ онъ назвалъ первый „великимъ писателемъ русской земли", писалъ Льву Николаевичу Толстому.

Съ того времени, какъ были написаны эти строки, прошло двадцать пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ славное чело Льва Николаевича покрылось новыми неувядаемыми лаврами, когда данное ему Тургеневымъ названіе „великаго писателя русской земли" признано, какъ въ высокой степени соотвѣтствующее дѣйствительности, всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, когда имя Толстого стало поистинѣ безсмертнымъ и слава его нетлѣнной.

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ"...

Эта радость, господа, выпала и на долю всѣхъ насъ. И даже болѣе того: Тургеневъ давно уже покоится сномъ вѣчности; мы же, живущіе, находимся наканунѣ величественнаго въ исторіи нашей родины событія, наканунѣ момента достиженія восьмидесятилѣтія со дня рожденія одного изъ ея величайшихъ сыновъ.

Ничего не могло быть болѣе естественнымъ, чѣмъ проявившійся среди русскаго общества горячій порывъ чествовать этотъ высокознаменательный моментъ. Быстро организовался для этой

---

[1]) Помѣщаемъ этотъ докладъ и принятую съѣздомъ по этому поводу резолюцію въ виду ихъ практическаго значенія, связаннаго съ предстоящимъ юбилеемъ Л. Н Толстого. *Ред.*

цѣли и спеціальный Комитетъ. Но тотъ, кому въ день его юбилея желало не одно только общество русское, но желалъ и весь культурный міръ, принести радостныя чувства отъ сознанія счастья быть его современниками, не пожелалъ никакого чествованія. Отнесясь, какъ и слѣдовало ожидать, съ величайшимъ уваженіемъ къ такому волеизъявленію Толстого, понимая и цѣня тѣ высокіе мотивы, изъ которыхъ вытекло желаніе маститаго затворника уклониться отъ чествованія его юбилея, Комитетъ прекратилъ всякія къ нему приготовленія. Разъ Толстой этого не желаетъ, то никакого чествованія и не можетъ и не должно быть. Его и не будетъ.

Но значитъ ли, чтобы рѣшеніе воздержаться, согласно волѣ Толстого, отъ всякаго чествованія его юбилея, было равносильно рѣшенію просто таки обойти славную годовщину жизни великаго старца полнымъ молчаніемъ, какъ бы забвеніемъ?

Мнѣ кажется, нѣтъ. Мнѣ кажется даже, что чѣмъ рѣшительнѣе останавливается русское общество на желаніи воздержаться отъ какихъ бы то ни было формъ *чествованія* юбилея Толстого, тѣмъ настоятельнѣе возникаетъ предъ нимъ необходимость *ознаменованія* этого событія какимъ-либо *крупнымъ дѣломъ*.

Разъ же это такъ, то на какомъ бы *дѣлѣ* въ цѣляхъ *ознаменованія* юбилея Толстого не остановиться, для его осуществленія прежде всего необходимы матеріальныя средства. Эти средства должны быть, конечно, доставлены не отдѣльными почитателями генія Толстого, а всѣмъ обществомъ. *Оно* должно создать для этой цѣли *спеціальный фондъ*. Сдѣлать же это возможно главнымъ образомъ при посредствѣ печати. Отсюда и первая задача съѣзда взять на себя иниціативу сбора средствъ для образованія, такъ сказать, толстовскаго фонда. Каждое повременное изданіе можетъ начать такой сборъ въ своей мѣстности отдѣльно, принимая подписку въ своей редакціи, а затѣмъ собранныя суммы могутъ быть централизованы въ рукахъ организующагося въ Петербургѣ особаго Общества имени Л. Н. Толстого.

Но тутъ, конечно, является вопросъ,—для какой же именно цѣли долженъ быть предпринятъ печатью такой сборъ или, другими словами, какимъ же именно *дѣломъ* надлежало бы ознаменовать юбилей Толстого?

Мнѣ кажется, что такимъ дѣломъ должно быть учрежденіе въ Петербургѣ особаго литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого. Развитіе этой мысли и предложеніе ея на ваше обсужденіе и составляетъ предметъ моего доклада.

Недавно въ газетѣ „Рѣчь“ извѣстный другъ Толстого и последователь его ученія В. Г. Чертковъ внесъ на обсужденіе общества двѣ формы ознаменованія юбилея Толстого: 1) изданіе за границею (въ виду очевидной невозможности при современныхъ политическихъ условіяхъ сдѣлать это въ Россіи) всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Всѣ необходимыя поясненія для полноты подобнаго изданія могъ бы дать, по мысли Черткова, самъ Толстой, и такимъ образомъ это изданіе явилось бы капитальнымъ памятникомъ литературной дѣятельности Толстого и превосходнымъ первоисточникомъ для изученія его идей; 2) выкупъ принадлежащей семьѣ Толстого земли и надѣленіе ею крайне страдающихъ отъ малоземелья, живущихъ около Ясной Поляны, крестьянъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оба предложенія В. Г. Черткова чрезвычайно симпатичны, но, предпринимая то или другое крупное дѣло, мы должны взглянуть на него прежде всего, такъ сказать, съ дѣловой же точки зрѣнія. А тутъ-то мнѣ и представляются чрезвычайныя трудности въ осуществленіи высказанныхъ г. Чертковымъ мыслей.

Возьмемъ первую изъ нихъ,—изданіе заграницей всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни. Не имѣя въ рукахъ точныхъ данныхъ и потому не утверждая этого категорически, я, однако, едва ли ошибусь, если скажу, что изданіе, заключающее въ себѣ все написанное Толстымъ, начиная отъ его „Исповѣди“ (1882 г.) и до произведеній самого послѣдняго времени, будетъ содержать въ себѣ никакъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ. Это изданіе будетъ, какъ уже сказано, по необходимости, такъ называемымъ, „нелегальнымъ“, и потому открытый сборъ на него денежныхъ средствъ черезъ газеты и журналы даже въ столицахъ, не говоря уже о провинціи, встрѣтитъ, при современныхъ политическихъ условіяхъ, прямо таки неодолимыя препятствія. Съ столь же, если еще не болѣе, неодолимыми препятствіями встрѣтятся организаторы подобнаго предпріятія и при обращеніяхъ за матеріальною ему поддержкою къ органамъ земскаго и городского самоуправленія. Если бы и нашлись среди земствъ и городовъ такіе, которые, не останавливаясь передъ „нелегальностью“ предпріятія, ассигновали, тѣмъ не менѣе, для поддержки его ту или иную сумму, то и эти постановленія были бы неизбѣжно опротестованы администраціей, т. е. для дѣла явились бы совершенно безрезультатными. Между тѣмъ, изданіе потребуетъ

весьма значительныхъ средствъ. Спрашивается: откуда же возьмутся онѣ при невозможности придти на помощь этому дѣлу даже сочувствующихъ ему земствъ и городовъ, при враждебности къ нему администраціи, при вынужденной бездѣятельности въ этомъ предпріятіи печати? Средствъ на такое дѣло, иначе какъ со стороны отдѣльныхъ крупныхъ жертвователей, поступить въ условіяхъ переживаемаго нами момента ниоткуда не можетъ. Значитъ, все дѣло зависитъ отъ того, будутъ ли такіе жертвователи или ихъ не будетъ? Въ первомъ случаѣ высокополезная мысль В. Г. Черткова получаетъ осуществленіе, во второмъ,—какъ ни грустно это признать,—получить осуществленія она не можетъ. Печать же въ этомъ дѣлѣ никакой особо существенной роли сыграть, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Что касается второго предложенія г. Черткова—ознаменовать юбилей Толстого путемъ выкупа принадлежащей семьѣ Льва Николаевича земли и передачи ея живущимъ около Ясной Поляны малоземельнымъ крестьянамъ, то при всей симпатичности подобной мысли, мнѣ представляется и она, по тѣмъ же соображеніямъ, практически неосуществимою. Конечно, открыть сборъ на такое дѣло для печати несравненно легче, чѣмъ на изданіе за границей запрещенныхъ въ Россіи произведеній Толстого, но во 1) позволительно сильно сомнѣваться въ особой продуктивности стараній объ этомъ предметѣ печати и въ 2) не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что органы мѣстнаго самоуправленія будутъ лишены всякой возможности принять въ подобномъ дѣлѣ матеріальное участіе. Причина понятна: земства и города могутъ расходовать свои средства на нужды или чисто мѣстныя или такія, въ удовлетвореніи которыхъ такъ или иначе, прямо или косвенно, но заинтересовано и мѣстное населеніе. Органы мѣстнаго самоуправленія могутъ, конечно, поддерживать столичныя культурныя и просвѣтительныя учрежденія (учебныя заведенія, музеи и проч.) по той причинѣ, что изъ учрежденій этихъ могутъ извлекать себѣ пользу и находящіеся въ столицѣ жители той или иной губерніи или области, преимущественно учащаяся молодежь, но какимъ образомъ и на какомъ формально-законномъ основаніи земство, положимъ, Воронежское или городъ, положимъ, Вятка могли бы ассигновать какую-либо сумму для улучшенія экономическаго положенія крестьянъ Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, деревни такой-то, расположенной около имѣнія, принадлежащаго семьѣ графа Льва Николаевича Толстого?

Такое постановленіе было бы несомнѣнно опротестовано администраціей. Вотъ почему и эта мысль В. Г. Черткова мнѣ представляется неосуществимою.

Но, кромѣ предложеній В. Г. Черткова, существуютъ и еще идеи ознаменованія юбилея Толстого конкретными актами. Одни думаютъ о созданіи въ возможно большемъ количествѣ школъ имени Толстого, другіе о дешевомъ изданіи его сочиненій, третьи—объ учрежденіи литературнаго дома-музея его имени.

Говорить о томъ, что чѣмъ больше школъ въ странѣ, тѣмъ лучше для нея, — значитъ, разумѣется, говорить вещи, противъ которыхъ возраженій по существу нѣтъ и быть не можетъ. Говорить, что въ дѣлѣ народнаго образованія наряду съ государственными, земскими и городскими учебными заведеніями должны существовать и просвѣтительныя учрежденія, организуемыя и содержимыя самимъ обществомъ,—значитъ опять таки высказывать мысли, противъ которыхъ возражать нельзя. Но и на этотъ вопросъ надо взглянуть съ его практической стороны,—а эта сторона такова: въ этомъ случаѣ каждый отдѣльный органъ печати занялся бы собираніемъ средствъ для устройства школы или другого имени Толстого просвѣтительнаго учрежденія *въ своей мѣстности*. Положимъ даже, что сборы пошли бы удачно и, слѣдовательно, были бы собраны необходимыя для *созданія* такихъ учрежденій денежныя средства. Но во 1) собрать средства для *созданія* просвѣтительнаго учрежденія, еще не значитъ имѣть ихъ для постояннаго *функціонированія* такого учрежденія, 2) о какомъ сколько-нибудь правильномъ функціонированіи подобныхъ учрежденій можетъ быть даже и рѣчь во множествѣ мѣстностей нашей провинціи при безграничномъ тамъ самовластіи господъ Пѣшковыхъ, Толмачевыхъ, Думбадзе и другихъ нашихъ препрославленныхъ воеводъ? 3) при осуществленіи этой мысли въ Россіи не будетъ ничего единаго, ничего центральнаго, что было бы связано съ юбилеемъ Толстого. По всѣмъ этимъ причинамъ, мнѣ представляется гораздо болѣе продуктивнымъ централизовать имѣющія быть собранными суммы въ Петербургѣ для организаціи тамъ единаго для всей Россіи культурно-просвѣтительнаго учрежденія.

Дешевое изданіе „Войны и Мира“, „Анны Карениной“ и другихъ вышедшихъ изъ подъ геніальнаго пера Толстого художественныхъ произведеній—дѣло также въ высшей степени необходимое, но осуществленіе его было бы цѣлесообразнѣе предоставить Обществу имени Л. Н. Толстого въ качествѣ одной изъ его

самыхъ прямыхъ задачъ. Опираясь на такое культурно-просвѣтительное учрежденіе, какъ толстовскій литературный домъ-музей, центральный пунктъ, куда, при развитіи его, будутъ обращены взоры всѣхъ интересующихся жизнью, дѣятельностью и идеями великаго писателя, Обществу имени Л. Н. Толстого будетъ гораздо легче изыскать возможности осуществленія и такого безъ сомнѣнія высокополезнаго дѣла, какъ разные способы популяризаціи произведеній Толстого въ народныхъ массахъ.

Остается, слѣдовательно, идея учрежденія въ Петербургѣ литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого. Едва ли представляется необходимость защищать эту идею по самому ея существу. Въ Англіи есть свой Шекспиръ, въ Германіи—Гёте, у насъ—Левъ Толстой. Англія и Германія создаютъ во имя своихъ духовныхъ,—какъ когда-то говорилось и въ нашей литературѣ,— „славъ“ самыя разнообразныя учрежденія,—мы должны идти по этому же пути. Въ „увѣковѣченіи“ Левъ Толстой, конечно, не нуждается,—онъ вѣковѣченъ и безъ чьихъ бы то ни было усилій съ нашей стороны,—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на нашемъ обществѣ не лежало обязанности увѣковѣчить за поколѣніями настоящимъ и грядущими тѣ духовныя богатства, которыя далъ міру геній Толстого. Увѣковѣчить же ихъ — означаетъ прежде всего необходимость ихъ централизовать и систематизировать, создать учрежденіе, въ которомъ было бы собрано не только все написанное Толстымъ, но также и о немъ. А, вѣдь, это, господа, цѣлая библіотека! Само собою разумѣется, что въ этомъ домѣ-музеѣ должны быть сосредоточены также портреты и бюсты Толстого, рукописи его произведеній, письма, словомъ, все служащее къ познанію жизни и дѣятельности великаго человѣка. Пройдутъ года и этотъ музей можетъ развиться въ „музей Толстого и его эпохи“ т. е. сдѣлаться однимъ изъ центральнѣйшихъ учрежденій для познанія идейной исторіи Россіи за много десятковъ лѣтъ.

Со стороны матеріальной именно такой домъ-музей имени Толстого мнѣ также представляется имѣющимъ наибольшіе шансы на успѣхъ. Собирать средства на него органы печати будутъ имѣть, конечно, несравненно большую возможность со стороны „независящихъ обстоятельствъ“, чѣмъ на созданіе иныхъ, въ ознаменованіе юбилея Толстого, учрежденій. И изъ *малыхъ* лептъ *большого* количества жертвователей можетъ составиться крупная сумма. За матеріальной помощью для созданія подобнаго необходимаго всей Россіи культурно-просвѣтительнаго центра во имя

Толстого, въ честь Толстого и во славу Толстого можно обратиться во всѣ земскія, городскія и иныя учрежденія съ увѣренностью въ сочувственномъ откликѣ на такое обращеніе со стороны многихъ изъ этихъ учрежденій. Петербургская городская дума, вѣроятно, отвела бы безплатно подъ литературный домъ-музей мѣсто и быть можетъ приняла бы на себя расходы по содержанію этого учрежденія въ будущемъ. Не невозможно, что этому дѣлу пришла бы на помощь даже и Дума Государственная. Ничего нельзя имѣть и противъ участія въ этомъ дѣлѣ почитателей Толстого и среди славянъ, и среди другихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ и съ этой стороны неодолимыя затрудненія такое дѣло едва ли бы встрѣтило. Недавно еще Петербургъ обогатился музеемъ Суворовскимъ. Но чѣмъ же фельдмаршалъ русской литературы ниже фельдмаршала поля ратнаго?

Существуетъ, наконецъ, и еще одно обстоятельство, громко говорящее о необходимости созданія такого учрежденія имени Толстого и созданія его именно въ Петербургѣ. При анализѣ этого обстоятельства станетъ яснымъ и то, почему говорю я не просто о музеѣ Толстого, а именно о литературномъ домѣ-музеѣ имени Льва Толстого. Всѣмъ намъ, господа, приходится много слышать о необходимости объединенія дѣятелей литературы. И это безспорно одна изъ задачъ, настоятельно требующихъ своего разрѣшенія. Существуютъ у насъ, въ Петербургѣ, и нѣсколько литературныхъ организацій—Литературный Фондъ, Касса взаимопомощи литераторамъ и ученымъ,—обѣ эти организаціи преслѣдуютъ спеціальныя задачи — и Петербургское Литературное Общество, имѣющее задачи обще-литературнаго и обще-культурнаго характера. Но какъ эти организаціи, такъ и многія другія имъ подобныя (организаціи драматическихъ писателей, кружокъ имени Герцена, кружокъ имени Полонскаго и т. д.), весьма страдаютъ отъ неимѣнія ни у одной изъ нихъ собственнаго помѣщенія, этой необходимѣйшей базы для развитія и процвѣтанія всякой, преслѣдующей культурно-общественныя цѣли, организаціи. И я спрашиваю васъ: можно ли придумать что-нибудь лучше для объединенія дѣятелей литературы, чѣмъ созданіе, такъ сказать, матеріальнаго центра для такого объединенія въ формѣ литературнаго дома-музея имени колосса-русской литературы, дома, въ которомъ были бы и спеціальныя помѣщенія для собраній литераторовъ? Вѣдь, этотъ домъ находился бы въ непосредственномъ завѣдываніи Общества имени Л. Н. Толстого, организаціи, во-первыхъ, также со-

стоящей по преимуществу изъ литераторовъ и ученыхъ, и во-вторыхъ, такой, вступленіе въ которую не будетъ представлять никакихъ затрудненій для всѣхъ желающихъ быть ея членами. Само собою разумѣется, что помѣщеніе музея сдѣлалось бы центромъ для собраній не только членовъ Общества имени Л. Н. Толстого, но и другихъ литературныхъ организацій. Получилась бы такимъ образомъ для объединенія дѣятелей литературы необходимая матеріальная основа. Это обстоятельство, имѣя само по себѣ огромное значеніе, увеличивается, конечно, во сто кратъ громадною *моральною* цѣнностью того факта, что процессъ объединенія писателей происходилъ бы вокругъ учрежденія, созданнаго во имя юбилея Льва Толстого и по иниціативѣ съѣзда дѣятелей литературы. Среди русскихъ писателей находятся, разумѣется, люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ, соціальныхъ, философскихъ и иныхъ воззрѣній, многіе изъ писателей принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, но все это нисколько не исключаетъ возможности и необходимости ихъ объединенія. И пусть же это объединеніе совершается вокругъ имени писателя не только внѣпартійнаго, но и по всему складу своей личности, — да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, — *надъ*-партійнаго и *сверхъ*-партійнаго!

Господа! Принявши рѣшеніе начать черезъ органы печати повсемѣстный сборъ на учрежденіе въ Петербургѣ литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого, вы сдѣлаете огромное дѣло! Вы положите первый камень въ дѣлѣ сооруженія такого учрежденія, которое, являясь однимъ изъ лучшихъ живыхъ памятниковъ геніальному русскому писателю и удовлетворяя настоятельную потребность дѣятелей нашей литературы имѣть то, что англичане называютъ свой home, т. е. свой уютъ, свой очагъ и безъ чего всѣ разговоры объ объединеніи писателей останутся въ значительной степени праздными, вы въ то же время проявите свою заботу и о поколѣніяхъ грядущихъ, ибо Толстой принадлежитъ столько же настоящему, сколько и будущему!

Можно, конечно, мечтать объ ознаменованіи юбилея Толстого и дѣлами болѣе грандіозными, но зачѣмъ оставаться намъ въ области мечты и только мечты, когда мы можемъ положить фундаментъ дѣлу важности также огромной, но находящемуся въ то же время въ области не мечты, а самой доподлинной реальности.

Можно находить также, что создать толстовскій домъ-музей слѣдовало бы не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, какъ городѣ, Толстому болѣе близкомъ. Я буду возражать и противъ этого. Хо-

рошо это или худо, но наша исторія сдѣлала центромъ не только государственной, но и духовной жизни Россіи не Москву, а Петербургъ. Здѣсь, а не въ Москвѣ, наибольшее количество высшихъ учебныхъ заведеній, органовъ печати, разнаго рода общественныхъ и литературныхъ организацій. Здѣсь, а не въ Москвѣ, должно находиться, поэтому, и учрежденіе, назначеніе котораго, сверхъ другихъ его огромныхъ задачъ, служить дѣлу объединенія дѣятелей нашей литературы. Самъ же по себѣ Толстой, если не сталъ еще теперь, то безъ сомнѣнія станетъ въ будущемъ *равно близкимъ* и Петербургу и самой глухой деревушкѣ въ Россіи.

Скажутъ, можетъ быть, что начало толстовскому музею уже положено именно въ Москвѣ фактомъ передачи графиней С. А. Толстой Историческому Музею многихъ рукописей Льва Николаевича, и такимъ образомъ остается лишь развивать начатое уже дѣло. Съ этимъ согласиться также невозможно. Для реализаціи предлагаемой на ваше разсмотрѣніе идеи нужна не отдѣльная „комнатка", въ томъ или иномъ, имѣющемъ другія задачи, помѣщеніи, а спеціально оборудованное и приспособленное для данной цѣли особое зданіе. Къ тому же мнѣ говорили свѣдущіе люди, что графиня Толстая передала Историческому Музею въ Москвѣ рукописи ея мужа не въ собственность, а лишь на храненіе, и онѣ безъ сомнѣнія могутъ быть, съ разрѣшенія графини Толстой, взяты оттуда, если возникнетъ особое для помѣщенія такихъ вещей учрежденіе.

Я кончаю, господа, свой докладъ повтореніемъ его центральной мысли: литературный домъ-музей имени Толстого въ Петербургѣ нуженъ и для цѣлей настоящаго, и въ интересахъ будущаго. Поспѣшимъ же придти на помощь этому настоятельному дѣлу. Соединимъ наши усилія и направимъ ихъ къ одной цѣли. Пусть только органы печати, въ особенности газеты, начнутъ призывы къ пожертвованіямъ на учрежденіе литературнаго дома-музея имени Толстого и повторяютъ эти призывы изо дня въ день! Тогда домъ-музей,— можно вѣрить въ это, не увлекаясь, — выростетъ весьма быстро, и честь почина въ этомъ нужномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ будетъ принадлежать вамъ, господа, членамъ перваго всероссійскаго съѣзда печати!

В. Богучарскій.

Въ засѣданіи 23 іюня съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Съѣздъ выражаетъ пожеланіе соорудить въ Петербургѣ Литературный Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого. Въ Домѣ этомъ, кромѣ музея, желательно имѣть и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ для изученія произведеній великаго писателя, такъ и для ознакомленія съ ними широкихъ слоевъ населенія.

Наряду съ тѣмъ, съѣздъ выражаетъ пожеланіе, чтобы были приняты мѣры для изданія, по мысли В. Г. Черткова, всего того, что вышло изъ-подъ пера Л. Н. Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни, а также для удешевленія сочиненій Л. Н. Толстого.

Для осуществленія всѣхъ этихъ предположеній съѣздъ выражаетъ пожеланіе открыть повсемѣстный сборъ съ тѣмъ, чтобы собранныя суммы были централизованы въ рукахъ Общества имени Л. Н. Толстого, а до его утвержденія въ рукахъ имѣющаго быть избраннымъ на съѣздѣ взамѣнъ временнаго бюро постояннаго Комитета“ *).

Прибавимъ отъ себя пожеланіе, чтобы при пожертвованіяхъ *(принимаются и въ редакціи журнала „Минувшіе Годы“, Петербургъ, Лиговка, 44)* жертвователи обозначали, на какую именно цѣль они предназначаютъ свои пожертвованія,—на Литературный Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого или изданіе произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Л. Н. Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни.

* * *

На сооруженіе въ Петербургѣ Литературнаго Дома-Музея имени Л. Н. Толстого поступило: собранные между собою участниками съѣзда—92 р. 11 к. Отъ Г. К. Г.—1 р. Итого 93 р. 11 к. Деньги переданы по назначенію.

---

*) Въ Комитетъ этотъ избраны: Н. Ф. Анненскій, В. Я. Богучарскій, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, П. Н. Милюковъ, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ. Кромѣ того, Комитетъ долженъ быть пополненъ еще тремя лицами, избранными Литературнымъ Фондомъ, Кассою взаимопомощи литераторамъ и ученымъ и Петербургскимъ Литературнымъ Обществомъ—по одному отъ каждаго изъ этихъ учрежденій. Кандидатами въ Комитетъ избраны: К. В. Аркадакскій, Ф. Д. Батюшковъ, І. В. Гессенъ, С. Н. Прокоповичъ, А. В. Пѣшехоновъ, А. А. Столыпинъ и В. Г. Танъ.

ПОПРАВКИ.

Въ № 4 „Минувшихъ Годовъ", въ статьѣ П. Д. Боборыкина „За полвѣка", вкрались слѣдующія ошибки и опечатки.

Страница 159, строка 17, сверху напечатано: „*дядя*", читай: „*дѣдъ*".

Страница 161, строка 13, снизу: нап. „*пріятелемъ*", читай: „*учителемъ*".

Страница 162, строка 8, сверху, нап. „*Платкина*", читай: „*Печаткина*" (та же ошибка повторена ниже, еще два раза).

Страница 166, строка 14, сверху, нап. „Поднятія *мыслей*", читай: „поднятія *мечей*".